Р. Белоусов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: XX ВЕК

Книга IV

Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн

МОСКВА
ИздАТ
2004

ББК 63.3(2)
Б 43
ISBN 5-86656-153-0

Б 43 **Белоусов Р.А.**
Экономическая история России: XX век. – М.:
ИздАТ, 2003. – с. 412

Эта книга о самом трудном и трагичном периоде в экономической истории России XX века. Сначала четыре крайне напряженных года отражения агрессии фашистской Германии. Отступив до Волги и потеряв почти половину потенциала тяжелой и оборонной промышленности, россияне нашли в себе достаточно сил и воли, чтобы остановить и разгромить оккупантов, очистить от них свою территорию и заставить подписать безоговорочную капитуляцию в Берлине. Второй этап связан с быстрым восстановлением разрушенного хозяйства в условиях холодной войны и новой гонки в области вооружений. В начале 1960-х годов даже противники стали называть СССР великой державой, признав, что его военный потенциал примерно равен потенциалу лидера капиталистического мира.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-86656-153-0

© Белоусов Р.А., 2004
© Оформление ИздАТ, 2004

Содержание

Введение 5

Глава 1. Формирование военного хозяйства 9
1.1. «Нам не хватило для подготовки к войне одного-полутора лет». 9
1.2. Опять потребовалась коренная перестройка управления 38
1.3. Массовая эвакуация заводов как признак подготовки к долгому сопротивлению 51

Глава 2. Тяжелая промышленность – несущая конструкция военной экономики 70
2.1. Добыча топлива стала «узким» звеном промышленности 73
2.2. Металлургия выдерживает перегрузки 82

Глава 3. Оборонные предприятия материально обеспечивают перелом в войне 100
3.1. Авиационная промышленность – объект особого внимания и заботы 103
3.2. Рывок в танкостроении 128
3.3. Совершенствование артиллерийских систем, минометов и стрелкового оружия 147
3.4. Трудности с выпуском боеприпасов удается преодолеть ..167

Глава 4. «Да, были люди в наше время... Богатыри!...» 179
4.1. Мучительные испытания для крестьянства продолжаются 181
4.2. Пищевая промышленность осталась без сырья 195
4.3. Легкая промышленность работает для фронта 211
4.4. Народ, совершивший очередное «русское чудо». 218

Глава 5. Бюджет, торговля и цены в годы войны 238
5.1. Государственный бюджет с трудом выполнил свою роль 238
5.2. Торговля, нормированное снабжение, и цены 252
5.3. Ленд-лиз как новая форма экономической помощи 269

Глава 6. Восстановление хозяйства в начальный период холодной войны 291
6.1. Советский Союз втягивают в новую войну – «холодную» 293
6.2. Создание оборонительного щита из новейших видов вооружения..... 305
6.3. Подъем тяжелой промышленности остается ключевой задачей 328
6.4. Сельскому хозяйству помогли, но не очень 349
6.5. Денежная реформа, финансы, цены и благосостояние населения 365

Вместо заключения 383
Примечания 397

Народу, советскому, перешагнувшему для Победы через невозможное, посвящаю эту книгу.

Введение

Любая война – это самая острая форма конфликта между национальными интересами участвующих в ней государств. При этом речь идет о политических, экономических и социальных интересах стратегического характера. Вторая мировая война не была в этом отношении исключением. В ходе ее решались глобальные вопросы в борьбе за мировое лидерство при распределении и присвоении мировых ресурсов энергии, сырья и продовольствия, а также соответствующего дележа рынков сбыта.

Главным, коренным, как и в период первой мировой войны, было столкновение стратегических интересов Германии и Великобритании, за которой стояли США. Вновь окрепшая Германия стремилась силовыми методами взять реванш за прошлое поражение и вернуть потерянные колонии, а если удастся, поставить под свой контроль и новые районы, богатые природными запасами. Наша страна относилась к числу таких районов.

Умело используя недоверие и даже страх Франции и Англии перед радикальными социально-экономическими экспериментами в СССР, Германия, заверяя западных политиков, что она готовит плацдарм для «броска на Восток», легко присоединила к себе Австрию, захватила Чехословакию, нейтрализовала СССР и вторглась в Польшу. При этом фюрер и его окружение рассчитывали, что Англия и Франция вновь останутся в стороне. «За что должна воевать Англия?» – спрашивал себя перед прыжком в бездну начальник генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдер. И сам же отвечал в своем дневнике: «За союзников не умирают! Англия знает, что такое война, и понимает, что в войне она может многое потерять, но никогда не добьется полного возмещения потерь. Такова судьба богатых держав... Финансовых средств для ведения войны у Англии сейчас нет. Кредита ей также не предоставят». И еще раз, не соглашаясь с внутренними сомнениями, Гальдер повторяет: «Все говорит за то, что *Англия и Франция не вступят в войну*».[1]

Однако и Гитлер и его начальник штаба просчитались. Коренные, стратегические противоречия между интересами Германии и Великобритании скрывать стало уже невозможно, и осенью 1939 года в Европе началась вторая мировая война. Ее первой крупной жертвой стала Франция. Вскоре весь запад и центр континентальной Европы оказался под властью Германии. Однако расчеты специалистов и их трезвый анализ показывали, что для вторжения на Британские острова ресурсов не хватает. Не без колебаний руководство Германии решает пополнить свои запасы за счет России, подчинить себе ее военный потенциал, а для этого быстрыми, мощными ударными группировками уже до конца 1941 года выйти к берегам Волги.

Началась Великая Отечественная война. Ценой огромного напряжения сил, лишений и жертв (в тылу от голода, болезней, других причин погибло людей больше, чем на фронте) наш народ победил жестокого и сильного врага. Серьезно пострадала и экономика. Но экономика – это тоже люди. И здесь они выстояли, с большим трудом обеспечив Победу. При этом руководство военным хозяйством в первые годы войны оказалось более умелым и эффективным, чем управление войсками. Сказалось то, что перед войной командирами производства стали специалисты с высшим образованием, накопившие опыт системных инноваций и расчетливого хозяйствования в масштабах не только отдельных предприятий, но и целых отраслей, всего сложного комплекса народного хозяйства.

В верхнем эшелоне управления армией поначалу оставалось немало преданных Сталину героев гражданской войны. Но не все из них понимали, что во второй мировой войне, ее стратегия, тактика, организация и управление войсками качественно и количественно отличаются от содержания, форм и методов первой мировой войны.

Финская кампания наглядно показала, кто есть «что». «Головку» в армии сменили, но ее структура, а значит, и качество, и организация, и вооружение остались прежними. Не случайно ее командование в первые дни Отечественной войны потеряло нити управления войсками. В какой-то период даже растерялось... Огромные территории, где размещалось около половины промышленного потенциала страны, оказались оккупированными немецкими войсками.

Закономерно, что в СССР буквально на ходу пришлось радикально перестраивать и менять очень многое, прежде всего, системы управления. При этом гражданские (партийные) органы власти на главных участках обороны получили статус органов ГКО, то есть

имели полномочия более широкие, чем военное командование. Это в ряде случаев сыграло решающую роль в исходе военных операций. Так, командующий фронтом в связи с угрозой полного окружения Тулы отдал приказ войскам оставить город. Уполномоченный ГКО, председатель городского комитета обороны Василий Жаворонков не стал выполнять этот приказ, энергично занялся созданием круговой обороны, и рабочее ополчение вместе с оставшимися воинскими частями отстояли Тулу. «29 октября, – вспоминает Гудериан, – наши головные танковые подразделения достигли пункта, отстоявшего в 4 км от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом. Причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».[2] Таким образом был отбит опасный для обороны Москвы танковый удар с юга, который при других обстоятельствах мог бы стать смертельным...

Для того чтобы проиграть войну, большого ума и напряжения сил не требуется. Но чтобы победить, когда, как кажется многим стратегам и политикам, шансов для этого практически нет, требуется очень многое. Прежде всего, стойкость, умение и воля к победе. Эти качества, несмотря на сверхчеловеческие перегрузки, в ходе войны у советского народа сохранились, что, в свою очередь, позволило создать могучую армию и экономику, способную оснастить войска всем необходимым для Победы.

Военное командование России быстро училось на своих ошибках. Коренным образом была перестроена структура Красной армии и система ее управления. Появились не только авиационные и танковые армии, но и крупные стратегические соединения войск, что давало возможность в сжатые сроки осуществлять уникальные перегруппировки фронтов и армий. В распоряжении Ставки почти всегда имелся резерв: шесть – восемь армий, двенадцать – четырнадцать корпусов.[3]

Положительные результаты были получены уже в трудном экзамене под Сталинградом. В это же время оборонная промышленность по выпуску самолетов, танков и артиллерийских орудий превысила показатели германской промышленности.

Битва на Курской дуге в 1943 году показала, что качество стратегии, организации и управления советскими войсками стало превышать немецкий уровень, и это предопределило исход не только Отечественной, но и второй мировой войны в целом. В 1944 году практически вся территория страны была очищена от непрошеных «гостей». Затем последовало сравнительно быстрое освобождение

стран Восточной Европы, население которых искренне и горячо приветствовало Красную армию. Авторитет и влияние СССР росли.

Однако такая тенденция устраивала далеко не всех наших союзников. Сильный Советский Союз не вписывался в контуры того нового мирового порядка, над проектом которого давно уже работали стратеги в Вашингтоне и Лондоне. У них рождаются варианты осадить Россию силой, прежде всего путем угрозы атомного удара, поставить ее на заранее заготовленное весьма скромное место. Практическому осуществлению этих планов мешало мировое общественное мнение, которое не без оснований считало, что Россия сыграла главную роль в освобождении Европы от фашизма. Чтобы изменить такие взгляды, потребовалось широкое идеологическое наступление против Советского Союза и его сторонников, известное в литературе как холодная война.

Одновременно началась дорогостоящая гонка переоснащения армий оружием нового поколения: атомными бомбами, межконтинентальными ракетами, атомными подводными лодками, реактивными самолетами и артиллерией. Экономика была материальной основой этого своеобразного военного состязания без открытых военных действий. И еще раз СССР не уступил в напряженной гонке, участвовать в которой Европа не имела ресурсов. Но и нашей стране пришлось заплатить за успех очень высокую цену – деревня на обе ноги встать так и не смогла...

Глава 1. Формирование военного хозяйства

Как уже говорилось, советские люди вынесли на своих плечах непомерную нагрузку, связанную с борьбой против оккупантов. Условия работы слишком часто были невыносимыми. Не все их выдерживали. При этом в начальный период Советский Союз потерял ряд жизненно важных, густонаселенных регионов с мощной индустрией и развитым сельским хозяйством. Достаточно сказать, что в первый год войны прекратили работу 61 доменная печь, 255 мартенов, 174 прокатных стана, 131 коксовая батарея. Оккупированный Донецкий бассейн в 1940 году выдал на-гора 60 % добытого в стране угля. Его использовали в технологических целях 60 % металлургических предприятий, 70 % заводов основной химии, почти половина электростанций, две трети железных дорог. Как и кто мог возместить только эти потери?

И все-таки выход был найден...

1.1. «Нам не хватило для подготовки к войне одного-полутора лет»

Приближающуюся войну с Германией напряженно, с нарастающей тревогой ждали все: от первых лиц в государстве до дворовых мальчишек, которые перестали играть в войну, – никто не хотел быть «противником» «красных».

Открывая в конце мая 1941 года расширенное заседание Политбюро, в котором участвовал высший командный состав Красной армии, И. Сталин начал свое выступление со слов: «Обстановка обостряется с каждым днем, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии» [1.1].

Примерно в эти же дни в кремлевском кабинете Сталина состоялось совершенно секретное совещание узкого круга военного командования: среди 19 приглашенных были нарком обороны, начальник Генштаба и его первый заместитель, командующие западных военных округов и военно-воздушных сил. Обсуждались «Соображения по

плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией». Документ, подписанный Тимошенко и Жуковым, отмечал опасный для СССР характер сложившейся обстановки: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность **предупредить** нас в развертывании и нанести внезапный удар».

Чтобы не допустить такого развития событий и не отдавать инициативу германскому командованию, авторы «соображений» предлагали упредить противника «и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск» [1.2].

Судя по молчанию Ю. Горькова, это предложение не было поддержано Главным руководителем. Но оно не осталось бесследным...

12 июня 1941 года, то есть за десять дней до начала трагических событий, **А. Лавров** – один из помощников Сталина, ведавший разведкой, докладывал: «Начиная с конца июля 1940 года, к настоящему времени германскому Генеральному штабу удалось сосредоточить на наших западных границах огромную армию вторжения – 190 дивизий (в том числе 45 танковых и моторизованных). Из них 152 дивизии немецкие (из 224 дивизий, имеющихся у Германии к лету 1941 года), 18 финские, 18 румынские и 2 венгерские. Общая численность около 5,5 миллиона человек...

В правящих кругах Японии сегодня борются между собой две группировки. Основной спор идет по вопросу – на кого следует в первую очередь напасть. Напасть ли на Советский Союз или на США, чтобы прибрать к рукам колонии в районе теплых морей.

Квантунская армия в Манчжурии насчитывает в своих рядах около миллиона ста тысяч человек, что составляет 35 % всей японской армии, около половины ее военно-воздушных сил, две трети танков». «Помимо этого, – добавляет Лавров, – в Китае в японских войсках состоит миллион пятнадцать тысяч человек. В их распоряжении находятся свыше 3 тысяч артиллерийских орудий, около тысячи танков и более тысячи самолетов... В случае нападения на нас Японии эти части легко можно перебросить на помощь Квантунской армии».

Однако, – полагал Лавров, – скорее всего экспансия Японии будет направлена в район южных морей, под которыми подразумеваются все территории к востоку от Бирмы». Большинство членов Тайного совета Японии, по данным разведки, не доверяют Гитлеру. Один из них на заседании совета поделился результатами

своих исследований: «Еще ни одно государство не извлекло пользы из союза с Германией и ее предшественницей Пруссией». Начальник морского штаба принц Фусима аргументировал свою позицию также со ссылкой на историю: «Мы получили начальное образование на Хасане, среднее – на Халхин-Голе. Как люди азиатские, с получением высшего мы можем подождать. Пусть его получает Гитлер».

(13 апреля 1941 года с Японией был подписан договор о нейтралитете. Каждая из сторон реализовала в нем свои интересы. – Р.Б.)

Из информации Лаврова **Сталин** делает следующий вывод: «Судя по всему, в случае нападения на нас Германии на востоке, даже если не будет открытого нападения Японии на нас, будем иметь второй фронт. Из наших 40 дивизий, воспитанных в суровых природных условиях и имеющих хороший боевой опыт в борьбе против японцев, мы не сможем взять для защиты наших западных рубежей ни одной... Что с Турцией?».

Лавров. Не исключено, что Турция готовится к нападению на нас вместе с Германией. Турецкие журналы и газеты открыто и настойчиво призывают к войне с Советским Союзом. Заявляют, что граница Турции должна проходить далеко за горами Кавказа, за Каспийским морем... Премьер-министр турецкого правительства Сарджоглу в беседах с немецкими дипломатами откровенно заявляет: «Как турок я страстно желаю уничтожения России. Российская проблема может быть решена Германией, только если будет убита, по меньшей мере, половина всех живущих в России.

Турецкое наступление на Советский Союз предполагается начать через Иранское плоскогорье по направлению к Баку.

Сталин. Значит нам нужно еще сорок дивизий, теперь уже на Юге. Получается уже три фронта. Прямо скажем – многовато... Что в Румынии и Финляндии?

Лавров. Гитлеровцы надеются использовать Финляндию и Румынию для прикрытия флангов своих войск на случай войны против СССР. Гитлер уже договорился с Антонеску о совместном нападении. Румынский премьер обещал выступить на стороне Германии, как только ее войска вторгнутся в пределы Советского Союза...

Что касается правящих кругов Финляндии, то их поражение в советско-финской войне не пошло им впрок. Мирный договор, заключенный с нами 12 марта 1940 года, они рассматривают как временное перемирие и ждут лишь удобного случая, чтобы свести счеты с Советским Союзом...

В апреле этого года специальный уполномоченный Гитлера, некто Шнурре, побывал в Финляндии, советуя финнам не выполнять взятые на себя обязательства в связи с заключенным мирным договором с нами...Гитлеровцы поставляют в Финляндию вооружение для ее будущей войны против нас посредством датской фирмы «Мадсен»... На сегодня в Финляндии находится 40 600 немецких солдат. Гитлер обещает удовлетворить в случае своей победы все территориальные претензии Финляндии к нам.

Сталин. Итак, четвертый фронт. У тебя все?

Лавров (передавая Сталину тексты донесений). Вчера получил сообщения, еще раз подтверждающие, что *этим летом Гитлер обязательно нападет на нас.* (Выделено мною – Р.Б.) Положение действительно очень тревожное. К июню 1941 года в 208 дивизиях и частях Германии насчитывается более 8 миллионов 500 тысяч солдат и офицеров. У нас же всего 5 миллионов. Кто мешает нам в профилактических целях провести всеобщую мобилизацию и довести количество войск хотя бы до уровня, равного германскому?

Сталин. Объявить мобилизацию, говоришь? Но ведь это равносильно объявлению войны Германии с нашей стороны. Именно об этом мечтают англо-американские империалисты, делающие все, чтобы столкнуть Советский Союз с Германией...

В связи с концентрацией немецких войск в Польше я послал личное письмо Гитлеру, в котором прямо указал, что создается впечатление о его намерениях воевать против СССР. В полученном ответе, написанном в высокопарном стиле, Гитлер заверяет меня, что он, ручаясь честью главы государства, намерен строго соблюдать заключенный с нами пакт о ненападении. Что же касается передислокации немецких войск в Польшу, на восток, то это, мол, вызвано тем, что территория западной и центральной Германии, хорошо просматриваемая с воздуха, подвергается ожесточенным английским бомбардировкам. Каков хитрец? А знаешь, Александр, в чем-то Гитлер удивительно наивен.... Однако эта наивность гитлеровцев очень опасна. Люди с таким образом мышления, недооценивая своих противников, видят то, что хотят видеть, и способны на любые авантюристические действия.

Что нового об американцах?

Лавров. По-прежнему спят и видят – втянуть нас в войну с Японией, самим же остаться в стороне... Отсюда известная беспечность в отношении возможного внезапного нападения Японии на США. Более чем удивительно, получив сообщение о готовящемся японцами нападения на Пирл-Харбор, лица, от которых зависит

оборона США, относятся к этому сообщению более чем равнодушно, считая его очередной дезинформацией...

Сталин. А знаешь, в случае нападения на нас Германии и Японии американцы и англичане против своей воли окажутся нашими союзниками. К такому повороту событий нам следует быть готовыми. У них просто нет другого выхода. Поэтому будут наверняка стараться разделаться с Германией и Японией нашими руками. Иначе им не выстоять.

Лавров. А надо ли нам таскать для них каштаны из огня, спасать США и Англию? Не лучше ли дать Германии и Японии разделаться с ними: двумя злейшими врагами для нас на Земле будет меньше?

Сталин. Дать разделаться, говоришь? К сожалению, этого допустить нельзя, хотя это и было бы хорошим возмездием за все их козни против нас. Если Гитлер и японцы захватят ресурсы таких мощных в экономическом отношении стран, как США и Британская империя, нам придется несладко. Фашистская Германия и империалистическая Япония обязательно нападут на нас. Поэтому лучше, если это произойдет в момент, когда объективные межимпериалистические противоречия не позволят мировому империализму объединиться против нас единым фронтом, как это было в годы интервенции в двадцатые годы. А то, что английское и американское правительства ненавидят Россию, – это давно известно. Их интересуют только они сами, их собственные судьбы, их собственное благосостояние.

Ну, а сделать из нас пушечное мясо в своих интересах этим мастерам интриг не удастся. В том же, что Англия и США для нас союзник ненадежный, ты, конечно, прав. Да ведь и мы не лыком шиты» [1.3].

Таковы общие контуры позиций отдельных стран, противоречий и взаимодействия их интересов на мировой арене накануне Отечественной войны, как они виделись советской разведке и руководству страны. Из этого доклада-беседы видно, что И. Сталин своевременно получал достаточно полную информацию о реальной, весьма изменчивой и двойственной международной обстановке, в том числе на границах СССР. Он не мог не доверять этой информации и понимал, что страна находится в крайне опасном положении – высока вероятность войны на четыре фронта. Такой вариант был не по силам России.

Сталин понимал это в отличие от Ворошилова. Весной 1939 года нарком обороны с трибуны съезда без достаточных оснований

заявил: «Наша армия всегда, в любой момент готова ринуться в бой против всякого врага, который посмеет коснуться священной земли советского государства. Порукой тому, что враг будет накоротке смят и уничтожен, служит то, что наша рабоче-крестьянская Красная Армия является первоклассной, лучше, чем какая-либо другая армия, технически вооруженной и прекрасно обученной армией» [1.4].

Зимняя война с Финляндией (1939–1940 гг.) наглядно показала, что оценки Ворошилова не соответствовали действительности – советские войска были недостаточно вооружены современной боевой техникой. Подготовка командиров и бойцов не отвечала всем требованиям войны моторов, брони, автоматов и крупных калибров артиллерийских орудий. Высшее командование допустило немало ошибок, не владея достоверной информацией о противнике и устойчивой связи с частями, действовавшими в боевой обстановке [1.5].

Противостоять быстро растущей угрозе войны на четырех фронтах для СССР в то время не представлялось возможным, в том числе в сфере экономики.

Официальная советская статистика при сопоставлении объемов валовой продукции довоенной промышленности СССР и Германии отдала первое место России. Возможно, так это и было применительно к 1937 году. Однако в 1940 году по объему накопленного национального богатства в расчете на душу населения, а также по ключевым натуральным показателям развития промышленности Германия имела заметное преимущество. Дело в том, что во время кризиса 1929–1932 гг. большинство немецких предприятий не получали крупных заказов. Поэтому значительная часть мощностей оставалась незагруженной. 7 миллионов, чаще всего квалифицированных рабочих и дипломированных специалистов, в течение многих лет были на положении безработных. Более 20 миллионов человек оказались за чертой бедности. Профсоюзные организации возмущались, иногда организовывали забастовки и демонстрации протеста, но практически ничего изменить не могли.

После прихода Гитлера к власти положение начало улучшаться. В сентябре 1936 года на съезде нацистской партии фюрер объявил о принятии четырехлетнего плана крупномасштабного расширения и милитаризации народного хозяйства страны: «В течение четырех лет Германия должна стать полностью независимой от поставок сырья и оборудования из зарубежных стран, которые могут быть произведены благодаря германским возможностям с помощью нашей химической, машиностроительной и горнорудной

промышленности. Великая перестройка немецкой сырьевой индустрии обеспечит занятость населения... При этом следует добавить, что Германия не может отказаться от выполнения своих колониальных требований... Осуществление этого плана целиком зависит от соединения нашей энергии и решительности». Ответственным уполномоченным за выполнение четырехлетнего плана был назначен Геринг [1.6].

Одним из основных источников финансирования перевооружения Германии стала крупномасштабная эмиссия денег. Германия одной из первых стран отказалась от золотого стандарта марки и от свободного ее обмена на твердую валюту. Чтобы сдержать неизбежную при этом инфляцию, уровень цен на основные товары устанавливали и контролировали государственные органы. Президент рейхсбанка Шахт считал такую политику опасной для экономики и попытался противостоять чрезмерной эмиссии марок. В результате в начале 1939 года его вместе со всем руководством банка отправили в отставку. Нацистское правительство получило возможность беспрепятственно увеличить выпуск денежных знаков, не очень считаясь с тем, как на это реагирует рынок [1.7].

Еще до принятия четырехлетнего плана, нарушая условия Версальского договора 1919 года, Германия начала развивать свою гражданскую и, скрыто, военную авиацию. В двадцатых годах в стране начали работать модернизированные авиационные заводы «Фокке-Вульф», «Хейнкель», «Юнкерс», «Мессершмитт» и др. Немецкие фирмы построили также несколько заводов по производству моторов и самолетов в СССР. Их конструкторы знакомили русских коллег со своими разработками и использовали их новинки. Поэтому примерно одновременно и в России, и в Германии появились цельнометаллические монопланы со свободнонесущим крылом, убирающиеся шасси, винты с меняющимся в полете шагом. Не случайно немецкая гражданская авиакомпания в тридцатые годы в техническом отношении стала одной из ведущих в мире.

Германский промышленный и банковский капитал, рассматривая нацистскую партию и ее фюрера как фактор, способный придать немецкой экономике устойчивость, а затем и рост, конструктивно поддержал четырехлетний план и широко финансировал программы создания и массового производства современных для того времени видов военной техники. У. Черчилль напишет позже в своих воспоминаниях о середине тридцатых годов: «Важнейший факт заключался в том, что немцы опередили нас как в авиации, так и в военном производстве, если даже учесть наши военные

потребности, а также то, что мы были в праве рассчитывать на Францию, на французскую армию и французскую авиацию. *Уже не в наших силах было опередить Гитлера или восстановить равенство в воздухе. Уже ничто не могло помешать немецкой армии и немецкой авиации стать сильнейшими в Европе»* [1.8]. (Выделено мною – Р.Б.)

Парадокс заключался в том, что противоречия и в то же время тесное переплетение взаимных интересов американского, английского, французского и немецкого капиталов привели к тому, что они активно способствовали возрождению не только экономики, но и милитаризма в Германии. К середине тридцатых годов Германия получила в свое распоряжение в форме зарубежных кредитов и прямых вложений примерно 20 млрд. марок. Например, «Дженерал моторс» владел в то время 80 % акций «Опеля». Хариман купил акции концерна Гиша, установив таким образом связи с Конти-газ. Спичечный концерн Крейгера контролировал от 65 до 70 % производства спичек в Германии. Фиат купил в 1929 году один из заводов НСУ. Сименс обменялся акциями со своим дочерним предприятием в Англии. В то же время германские фирмы свободно реализовали свои ценные бумаги на зарубежных рынках [1.9].

«Отныне, – отмечал Черчилль, – Гитлеру оставалось только пустить на полный ход свои заводы и летные школы, чтобы не только сохранять превосходство в воздухе, но и неуклонно увеличивать его. Все те неизвестные и неизмеримые опасности, которыми грозило Лондону нападение с воздуха, становились отныне определенным, неотвратимым фактором, подлежавшим учету во всех наших решениях. К тому же мы не в состоянии были догнать Германию, или, по крайней мере, правительство не сумело этого сделать. В течение последующих четырех лет английское правительство приложило весьма серьезные усилия, и мы, бесспорно, добились превосходства в качестве авиации. Однако в отношении количества мы уже ничего не могли поделать. Когда началась война, численность нашей авиации едва достигала половины германской» [1.10].

Интенсивно готовясь к войне, нацисты активно занимались не только авиацией и другой военной техникой, но социально-организационными вопросами. Профсоюзы и левые партии были разогнаны. Многие из их активистов оказались в тюрьмах, а некоторые – в концентрационных лагерях. Вместо них был создан германский трудовой фронт во главе с рейхсляйтером Робертом Лейем. Одновременно была сформирована полувоенная правительственная структура, которая под руководством Фрица Тодта занималась строительством автострад, железных дорог, военных объектов,

в том числе так называемого Западного вала. Еще через два года на предприятиях появились своеобразные комитеты партнерства. Обычно они состояли из десяти человек: пять представляли рабочих, пять – администрацию. Такие комитеты разбирали возникающие споры и конфликты, идя часто на компромиссы. За короткий срок безработица резко сократилась, жизненный уровень населения повысился, что, в свою очередь, заметно смягчило социальное напряжение в стране.

Ф. Тодт погиб в феврале 1942 года в загадочной катастрофе. Он был противником нападения на Россию и призывал Гитлера заключить с Англией почетный мир пока не поздно. Министром по производству вооружений и боеприпасов был назначен близкий к Гитлеру Альберт Шпеер. Он был неплохим архитектором и хорошим организатором. Фюрер поручил ему реконструировать Берлин таким образом, чтобы он мог стать к 1950 году новой столицей мира. Поскольку милитаризация Германии имела всеобщий характер, Шпеер руководил также строительством военных заводов, аэродромов, командных пунктов и других объектов. После назначения министром он почти целиком сосредоточился на развитии военной промышленности.

В наследство от прежнего министра Шпеер получил новую, частично скопированную у русских, но не завершенную систему управления военным производством. В ее основу были положены два принципа. Первый: объединение в главном комитете по вертикали всех предприятий, участвующих в выпуске отдельных видов военной продукции – танков, самолетов, артиллерийских орудий, подводных лодок и т.д. В 1941 году таких главков насчитывалось 31. Им подчинялись еще около 300 специализированных групп и подгрупп. Второй принцип: объединение предприятий по регионам в ринги (кольца). Они снабжали предприятия первой группы сырьем, материалами и полуфабрикатами. Всего в этой системе управления было занято примерно 4 тысячи руководящих работников и 10 тысяч специалистов и обслуживавшего персонала [1.11].

Среди руководящих работников комитетов и рингов было много предпринимателей. Им предоставили широкие полномочия и самостоятельность при высокой ответственности за конечные результаты. Были созданы также комиссии по разработке новых образцов боевой техники с привлечением к их работе офицеров. В обязанность военных специалистов входил контроль качества конкретных видов оружия, начиная со стадии опытно-конструкторских разработок [1.12].

Шпеер не вмешивался в вопросы, в которых лучше его разбирались конструкторы и технологи. Его интересовали прежде всего конечные результаты – военная техника с высокими боевыми параметрами. Отбирались лучшие образцы. Основными инструментами и объектами регулирующего воздействия на производство были четкая организация, целенаправленное распределение дефицитных видов сырья, энергоресурсов и рабочей силы. Завышение заявок на дефицитные ресурсы рассматривалось как уголовное преступление. При этом проводилась действенная политика унификация и стандартизация инструмента, крепежа, отдельных деталей и целых узлов, что, в свою очередь, позволяло наладить их массовое производство.

За короткий срок имеющийся промышленный потенциал Германии был реконструирован и расширен – построено более 300 крупных военных заводов. Выпуск военной продукции в Германии по сравнению с 1932 годом увеличился в 22 раза. Только в 1941 году немецкая промышленность произвела 11 тысяч самолетов, 5 200 танков и бронемашин, свыше 7 тысяч орудий калибра более 75 мм.

Всего, по данным министерства финансов рейха, за время после прихода Гитлера к власти и до начала войны (01.09.39 г.) на перевооружение армии было израсходовано около 62 млрд марок. Во время войны эти расходы превысили 614 млрд марок, не считая 40 миллиардов, которые германское руководство оплатило за счет оккупированных стран и своих союзников. Таким образом, суммарные затраты Германии на реализацию гитлеровских военных планов составили по меньшей мере 714 млрд марок [1.13].

Это не означает, что в германской военной промышленности не было крупных сбоев, ошибок и провалов. Мешали делу частные интересы отдельных компаний, а также интриги на всех этажах власти. Например, Геринг, ведавший выполнением четырехлетнего плана и развитием люфтваффе, завидовал и, где это было возможным, мешал Шпееру. Борман на высокие должности в министерстве вооружений в первую очередь «проталкивал» своих людей...

Но все же германская военная промышленность быстро развивалась как в количественном, так и в качественном отношении. При этом расширение военного производства сопровождалось быстрым подъемом смежных отраслей. Выпуск энергии, сырьевых материалов, продукции машиностроения, в том числе, транспортных средств начал динамично расти, обгоняя перед самой войной соответствующие показатели СССР.

Производство отдельных видов продукции тяжелой промышленности в Советском Союзе и Германии накануне войны [1.14]

СССР – 1940 г., Германия – 1938 или 1939 г. (вместе с Австрией)

Вид продукции		СССР	Германия
Уголь,	млн. т	166	385*
Кокс,	млн. т	21	45
Нефть,	млн. т	31,0	0,6
Бензин,	млн. т	4,4	1,5
Электроэнергия,	млрд. кВт·ч	48,3	58,3
Чугун,	млн. т	14,9	18,6
Сталь,	млн. т	18,3	22,4
Прокат черных металлов,	млн. т	13,1	16,2
Медь рафинированная,	тыс. т	115	311
Алюминий,	тыс. т	50	195
Цинк,	тыс. т	70	193
Кадмий,	тыс. кг	113	224
Серная кислота,	тыс. т	1,6	20,0
Азотная кислота,	тыс. т	232	800
Металлорежущие станки,	тыс. шт.	58,4	124,6
Автомобили грузовые,	тыс. шт.	136	65
Тракторы,	тыс. шт.	31,6	27,9
Цемент,	млн. т	5,7	15,9
Занятые в промышленности,	млн. чел.	11,0	7,4**

* Включая бурый.
** Только рабочие.

Цифры говорят о многом. Прежде всего о том, что СССР перед войной не удалось достигнуть уровня Германии по выпуску важнейших сырьевых продуктов (кроме нефти), если даже считать их производство в границах 1938 года. Но для перевооружения немецкой армии использовался также огромный производственный потенциал союзников Германии и оккупированных ею европейских стран. В общей сложности в 1940 году эти страны произвели 24 млн. т стали, 163 млн. т угля, 2 млн. т бокситов. Румыния добыла более 6 млн. т нефти, из которой было получено 1,5 млн. т бензина, то есть столько же, сколько произвела его Германия. Кроме того, было освоено производство синтетического бензина на базе переработки бурого угля. Значительное количество железной руды, черных металлов, шарикоподшипников и военной техники немцы ввозили из нейтральной Швеции.

Большое значение имело и то обстоятельство, что народное хозяйство Германии было лучше вооружено энергетически. Производство электроэнергии в ней превышало уровень производства в СССР более чем на 20 %. Это в свою очередь было одним из факторов преимущества немецкой промышленности в производительности труда.

Объемы производства стали и проката в двух сравниваемых странах, казалось бы, отличались друг от друга не столь существенно. Но разрыв увеличивался, если учитывать качество. Значительная часть стали, выплавляемой в России, была не пригодна для производства брони и легированного проката. На долю электростали приходилось лишь 5,5 % всей продукции сталеплавильного производства. В общем выпуске проката высококачественные сорта составляли только 22 %.

Напомню, что свой старт трудного марафона тяжелая промышленность Советского Союза начала в первой пятилетке по существу с уровня России 1916 года. Тогда по выпуску основных видов продукции она отставала от Германии в 1,5–2 раза. За двенадцать лет напряженного труда разрыв удалось резко сократить. Но отставание еще все же оставалось. Оно сужало сырьевую базу оборонной промышленности, особенно по цветным металлам. Так, разрыв по выплавке меди был в 2,7 раза, а по алюминию – почти в 4 раза в пользу Германии. Это, в свою очередь, обусловило качественное отставание СССР в электротехнике, в развитии телефонной и радиосвязи, создавало дополнительные трудности для приборостроения и авиационной промышленности.

Машиностроение в годы предвоенных пятилеток развивалось в России опережающими темпами. Были созданы его новые подотрасли. Освоены современные для того времени технологии, в частности пущена первая автоматическая линия. В 1940 году выпуск токарных автоматов и полуавтоматов увеличился по сравнению с 1937 годом в 2,5 раза, специальных и агрегатных станков – в 7 раз.

И все же отставание от Германии было весьма существенным, особенно по техническому уровню и качеству выпускаемых машин. Дефицитными были мощные молоты и прессы, крупные обрабатывающие станки. Не хватало электромоторов, насосов, гидравлики. Оборонные предприятия, как правило, сами разрабатывали и производили для своих нужд специальное оборудование, станки, инструмент и оснастку.

Таким образом, к лету 1941 года Германия реально располагала более широкой сырьевой, энергетической и машиностроительной

базой для развития военного производства и оснащения армии современными видами вооружений.

Советский Союз в течение трех довоенных пятилеток поддерживал объем капитальных вложений на запредельном уровне в условиях существенного отставания в развитии производства товаров для населения, в том числе продовольствия. Практически он не имел экономических возможностей перейти на массовый выпуск новейших видов боевой техники и приступить к широкому вооружению такой техникой всех войсковых частей. В 1941 году этот процесс находился на этапе, когда конструкторы создали новые образцы самолетов, танков и других видов вооружений, начали запускать их в серийное производство, но в армии многие летчики еще не видели новых истребителей, танкисты – танков Т-34, артиллеристы – «Катюш». Нехватка новой боевой техники – одна из причин сдерживания формирования новых армейских подразделений. Об этом довольно подробно доложил начальник Генерального штаба Г. Жуков на расширенном заседании Политбюро в конце мая 1941 года (отдельные части этого доклада он включил в свои «Воспоминания и размышления»):

Стрелковые войска. В конце марта сего года из запаса, чтобы пополнить состав стрелковых дивизий и другие рода войск, призвано 800 тысяч красноармейцев и сержантов. В апреле 1941 года для стрелковых войск введен штат военного времени. По этим штатам дивизии надлежало иметь 14 с половиной тысяч человек, 78 полевых орудий, 66 минометов крупного калибра, 16 легких танков, 13 бронемашин, более трех тысяч лошадей. Это идеал. На сегодня же в приграничных округах из ста семидесяти дивизий и двух бригад – 19 дивизий укомплектованы до 5-6 тысяч человек, 7 кавалерийских дивизий в среднем по 5-6 тысяч человек, 144 дивизии имеют численность по 8-9 тысяч. Во внутренних же округах большинство дивизий содержится по сокращенным штатам, многие же стрелковые дивизии только начали формироваться». Таким образом, весной 1941 года даже в приграничных округах ни одна стрелковая дивизия не была укомплектована до полного, а многие – до половины штатного состава.

Бронетанковые войска. Работу танковой промышленности отличают высокие темпы развития и совершенство конструкций отечественных машин. Создаются танки с более мощной броневой защитой и вооружением при высокой подвижности и надежности в эксплуатации (средние танки Т-34 и тяжелые КВ). В то же время нельзя не отметить, что некоторые танковые заводы план не

выполняют, вооружение войск танками КВ и Т-34 идет крайне медленными темпами. Практически новые танки только со второй половины 1940 года начали поступать в бронетанковые училища и в войска приграничных округов... Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности. Для полного укомплектования новых мехкорпусов требуется 16,6 тысяч танков только новых типов, а всего около 32 тысяч. Такого количества машин в течение одного года практически взять неоткуда. Недостает для этого и технических, и командных кадров.

Артиллерия. Войсковая артиллерия приграничных округов в основном укомплектована орудиями до штатных норм. Начали формироваться 27 артиллерийских полков и 10 артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного командования.

В настоящее время мы располагаем шестьюдесятью гаубичными и четырнадцатью пушечными артиллерийскими полками Главного командования. Они безусловно сыграют решающую роль в отражении танковых атак фашистской Германии, если она все же решится напасть на Советский Союз. В то же время нельзя не признать, что артиллерии резерва Главного командования у нас недостаточно. К тому же артиллерийская тяга плохой проходимости не позволяет осуществлять маневрирование вне дорог.

Хочу также отметить, что Главное артиллерийское управление недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («Катюши»). Необходимо, товарищ Сталин, немедленно принять решение об их срочном серийном производстве. Нужно сделать все возможное, чтобы войска как можно скорее получили это грозное оружие.

В существенном ускорении нуждается производство 82-мм и 120-мм минометов. Пока что они поступают в части явно в недостаточном количестве. Вопрос об обеспечении воинских частей артиллерийскими снарядами и минами также стоит очень остро. Не хватает гаубичных, зенитных и противотанковых снарядов. Особенно плохо с боеприпасами для новейших артиллерийских систем.

Войска связи, инженерные войска. Железные и шоссейные дороги. Количество инженерных войск мирного времени не может обеспечить их нормальное развертывание на случай войны... *Крайне слабым нашим местом являются войска связи, в которых не хватает современных средств связи. Фактически отсутствуют мобилизационные и неприкосновенные запасы имущества связи.*

Радиосеть Генштаба обеспечена современными радиостанциями на 39 процентов, радиостанциями других типов – на 60 %, зарядными агрегатами – на 45 процентов. Приграничный Западный военный

округ располагает радиостанциями только на 27 процентов, Киевский военный округ – на 30 процентов, Прибалтийский военный округ – на 52 процента. Подземной кабельной связи, необходимой для обслуживания оперативных и стратегических инстанций, нет вообще». (Выделено мною – Р.Б.).

В своих воспоминаниях Жуков добавил: «*И.В. Сталин недостаточно оценивал роль радиосредств в современной маневренной войне, а руководящие военные работники не сумели своевременно доказать ему необходимость организации массового производства армейской радиотехники. Конечно, это дело не одного года. Каждому ясно, что этим надо было заниматься за много лет до войны, но этого сделано не было*» [1.15].

История повторилась второй раз и тоже трагично. В 1914 году успешно начатое наступление русских войск в Восточной Пруссии провалилось с тяжелыми потерями. Наступающие части были предоставлены самим себе – связь с ними была нарушена. В результате – окружение, потери, поражение.

В первые месяцы после нападения Германии на СССР в Западных военных округах проводная связь была разрушена, а радиостанций было крайне мало. Управление войсками было потеряно. В высших инстанциях не знали, что делается на фронтах, а советские дивизии, охваченные с флангов немецкими танковыми клиньями, гадали – куда податься в такой ситуации. Пробовали сами пробиться из окружения. Несли большие потери. Нередко сдавались в плен...

Вернемся к докладу **Жукова** на заседании Политбюро: «Важной проблемой является строительство укрепленных рубежей вдоль государственной границы. К строительству новых укрепленных районов на западной границе приступили в начале 1940 года. На сегодняшний день удалось построить 2500 железобетонных сооружений. Из коих 1000 вооружены Уровской артиллерией, а остальные 1500 – только пулеметами. Строительство укрепленных районов не завершено, и с этой стороны новая граница крайне уязвима. В связи с этим считаю своим долгом заявить, что предпринятое по предложению товарищей Кулика, Шапошникова и Жданова разоружение укрепленных районов на старой нашей границе явно ошибочно. Они еще могут пригодиться.

Сталин. Вы что же считаете, что мы будем отступать до старой границы?

Ворошилов. Товарищ Жуков здесь явно переоценивает будущего противника и недооценивает наши силы.

Жуков. На войне все бывает, товарищ Сталин. Я же привык всегда готовиться к худшему. Тогда не бывает неожиданностей. Что же касается замечания товарища Ворошилова, то его недооценка противника уже однажды дорого обошлась нашим вооруженным силам во время финской компании.

Сталин. Так вы считаете, товарищ Жуков, что разоружать старые укрепленные районы, чтобы снятым с них вооружением оснастить укрепленные районы на новой границе, не следует? Я вас верно понял?

Жуков. Совершенно верно, товарищ Сталин.

Сталин. Хорошо, мы подумаем, продолжайте, товарищ Жуков.

Жуков. Сеть шоссейных дорог в западных областях Белоруссии и Украины в очень плохом состоянии. Многие мосты не выдержат веса средних танков и артиллерии, проселочные же дороги требуют капитального ремонта.

Приграничные железнодорожные районы мало приспособлены для массовой выгрузки войск. Об этом свидетельствуют следующие цифры. Железнодорожные пути немцев, идущие к границе Литвы, имеют пропускную способность 220 поездов в сутки, а наша Литовская дорога, подходящая к границам Восточной Пруссии, – только 84. Не лучше обстоит дело на территории западных областей Белоруссии и Украины: здесь у нас почти вдвое меньше железнодорожных линий, чем у противника. Железнодорожные войска и строительные организации в течение 1941 года явно не смогут выполнить те работы, которые нужно провести.

Военно-воздушные силы. С 1 января 1939 года по настоящее время (конец мая 1941 года) Красная Армия получила от промышленности 17 745 боевых самолетов, из них 3 719 новых типов. В количественном отношении в ВВС преобладают машины старых конструкций. По данным специалистов, примерно 75–80 процентов общего числа машин по своим летно-техническим данным уступают однотипным самолетам фашистской Германии. Материальная часть новых самолетов только осваивается, современной авиационной техникой мы успели перевооружить не более 21 процента авиационных частей.

В целом наши военно-воздушные силы находятся в стадии реорганизации, перехода на новую материальную часть и переучивания летно-технического состава. Через год-полтора наша авиация может предстать в совершенно обновленном, мощном, боевом виде.

Войска противовоздушной обороны. В настоящее время силы ПВО орудиями среднего калибра обеспечены примерно на 85 процентов,

малого калибра – на 70 процентов. Некомплект по истребителям составляет 40 процентов, укомплектованность зенитными пулеметами – 70 процентов, по аэростатам заграждения и прожекторам – до половины. Насущной задачей в деле усиления противовоздушной обороны является формирование истребительных корпусов для защиты Москвы и Ленинграда.

Военно-Морской флот. На сегодня в составе нашего флота более 600 боевых кораблей. Среди них 3 линкора, 7 крейсеров, 49 эсминцев, 218 подводных лодок и более 300 различных малых кораблей и катеров. Военно-морская авиация насчитывает 2 529 самолетов.

Мне известно, что личный состав ВМФ подготовлен хорошо, командование флотами, флотилиями и их штабы готовы к боевым операциям. Среди недостатков главным является отсутствие должного внимания к береговой и противотанковой обороне, минно-торпедному вооружению» [1.16].

Таковы были анализ и оценка количественного и качественного состояния Вооруженных сил Советского Союза в мае 1941 года, сделанные, пожалуй, наиболее информированным и профессионально разбирающимся в таких делах специалистом – Георгием Жуковым. Общий вывод из его доклада – Красная Армия и имеющаяся военная инфраструктура пока не подготовлены к войне с Германией в ее новых масштабах и качестве 1941 года. Вывод был крайне неприятным, и в какой-то степени неожиданным для руководства страны. (В своих воспоминаниях он вновь повторяет: «Разбираясь в оперативно-стратегических вопросах, я пришел к выводу, что оборона такой гигантской страны, как наша, *находится (в 1941 году) явно в неудовлетворительном* состоянии [1.17].

На заседании Политбюро **Молотов** сразу же стал искать виновных: «Непонятно, почему Генеральный штаб долго мирился с такими большими недостатками в подготовке к обороне страны, о которых нам сегодня доложил Жуков?».

Ответил ему **Сталин:** «Подожди, Жуков – начальник Генерального штаба всего несколько месяцев. Он не может отвечать за оставленное наследство. Этот вопрос, пожалуй, следует прежде всего задать нам с тобой» [1.18]. (Вероятно, в этой связи в мае 1941 года Сталин стал председателем Совнаркома, а Молотов – только его заместителем и наркомом иностранных дел.)

Известно, что «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», особенно, когда расстояние от момента событий измеряется десятками лет. В последнее время можно услышать разные рассуждения таких «стратегов» о грубых ошибках советского руководства,

допущенных накануне вероломного нападения Германии на Советский Союз. Сталин, мол, когда вопрос о войне с немцами стал ясен всем (?), не осмелился объявить всеобщую мобилизацию, как это предлагали военные.

Но главный вопрос заключался вовсе не в мобилизации. Чтобы разобраться в нем, напомним логику развития международных событий последних предвоенных лет. В 1938 году СССР, как и Франция, имел договор о взаимопомощи с Чехословакией. Вооруженные силы этих трех стран превосходили потенциал гитлеровской армии. Одна Чехословакия имела 45 дивизий. Общая численность всех ее вооруженных сил достигала 2 млн. человек. Армия располагала 5 700 артиллерийскими орудиями, 470 танками, 1 582 самолетами. Если бы эти страны заняли единую позицию, то Германия вряд ли рискнула вторгнуться на территорию Чехословакии. Но только Советский Союз твердо заявил, что он готов оказать военную помощь Чехословакии. Более того, в конце сентября 1938 года в Мюнхене главы правительств Германии, Великобритании, Италии и Франции (Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладье) договорились о разделе Чехословакии, предписав ей немедленно передать Германии Судетскую область и приграничные с ней районы, а также удовлетворить территориальные претензии Польши и Венгрии. Пострадавшая сторона лишилась пятой части своей территории, на которой проживала примерно четверть населения и находилась половина предприятий тяжелой промышленности. Вскоре вся территория Чехословакии была оккупирована фашистскими войсками. Причем все это было проделано за спиной Советского Союза [1.19].

Вот как оценивает эту сделку У. Черчилль в своих воспоминаниях. Сначала он цитирует выступление советского представителя М. Литвинова на заседании ассамблеи Лиги Наций 21 сентября 1938 года: «Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего (советского – Б.Р.) правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательств по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное руководство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом...»

Далее Черчилль отмечает: «Поистине поразительно, что это публичное и недвусмысленное заявление одной из величайших заинтересованных держав не оказало влияния на переговоры Чемберлена или на поведение Франции в данном кризисе. Мне приходилось слышать утверждения, что в силу географических условий Россия не имела возможности послать войска в Чехословакию и что помощь России в случае войны была бы ограничена скромной поддержкой с воздуха. Согласие Румынии, а также в меньшей степени Венгрии на пропуск русских войск через их территорию было, конечно, необходимо. Такого согласия вполне можно было бы добиться, по крайней мере, от Румынии... В качестве фактора сохранения мира эти возможности оказали бы серьезное сдерживающее влияние на Гитлера и почти наверняка привели бы к гораздо более серьезным событиям в случае войны. Вместо этого все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство. Советские предложения фактически игнорировали. К ним относились с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это» [1.20].

Хотя события и шли своим чередом, но не по сценарию, написанному Чемберленом и Гитлером. В мае 1939 года между Германией и Италией был заключен пакт о политическом и военном сотрудничестве, что в определенной степени затрагивало интересы Великобритании и, особенно, Франции. В этой связи следует напомнить, что еще летом 1936 года на заседании английского правительства У. Черчилль закончил свою более чем часовую речь словами: «Во-первых, мы стоим перед лицом величайшей опасности и самых критических обстоятельств за всю нашу историю. Во-вторых, мы можем надеяться разрешить нашу проблему, лишь действуя совместно с Французской республикой. Союз британского флота и французской армии, с их объединенными воздушными силами... служит таким сдерживающим средством, от которого может зависеть спасение...

Говоря более конкретно, мы должны ускорить развитие нашей авиации, оказывая ей предпочтение по сравнению со всем остальным. Любой ценой мы должны привлечь цвет нашей молодежи в авиацию, какие бы стимулы для этого не потребовались. Мы должны ускорить и упростить наше производство самолетов, расширить его...

Одна мысль угнетает меня: месяцы быстро текут. Если мы слишком долго будем откладывать мероприятия по укреплению

нашей обороны, большая сила может помешать нам завершить этот процесс» [1.21].

К концу тридцатых годов опасность, о которой говорил Черчилль, существенно возросла. Непредсказуемость внешней политики Гитлера все в большей степени тревожило ту часть правящей элиты Великобритании и Франции, для которой национальные интересы стояли на первом плане. Они серьезно опасались, что Германия, присоединив к себе восточные земли, усилит свою мощь до такой степени, что будет угрожать их собственной безопасности. Линия их политики сделала неожиданный зигзаг: английское и французское правительства объявили о своих гарантиях независимости Польши, Румынии, Греции и Турции и передали по дипломатическим каналам о своем желании начать переговоры с Советским Союзом. Эти гарантии не помешали Румынии переметнуться на сторону Германии, а последней – потребовать создания особого коридора для немцев, ездивших в Восточную Пруссию через Польшу.

Советское правительство высказало свое принципиальное согласие заключить с Англией и Францией договор о взаимопомощи и соответствующую военную конвенцию. В августе 1939 года в Москве по этому вопросу начались переговоры между представителями трех стран. Но вскоре выяснилось, что представитель Великобритании прибыл в Москву только для того, чтобы ознакомиться с позицией сторон, и он не имеет полномочий подписывать договор и военную конвенцию. Переговоры повисли в воздухе...

Между тем германское правительство, не без оснований опасавшееся создания мощной преграды своим агрессивным замыслам одновременно как на Западе, так и на Востоке, решило перехватить инициативу. Сначала германский посол в Стамбуле во время очередной встречи с своим советским коллегой «прощупал почву» о самой возможности начать переговоры о торговом соглашении. Затем этот вопрос обсуждался в Москве с Молотовым. Встречая взаимную готовность закрепить юридически добрососедские отношения, в том числе экономические, германское правительство 20 августа направило Москве предложение подписать договор о ненападении. Оно якобы хотело избежать конфликтов, которые могут возникнуть в процессе разрешения «польско-германского кризиса». Советская сторона дала свое согласие на начало переговоров.

23 августа в Москву прилетел министр иностранных дел Германии Риббентроп. После его коротких переговоров с И. Сталиным и В. Молотовым советско-германский договор о ненападении был подписан. Обе стороны взяли на себя обязательства «воздерживаться

от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельного, так и совместно с другими державами». Вторая статья предусматривала, что «в случае, если одна из договаривающих сторон окажется объектом военных действий третьей державы, другая договаривающая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу». Стороны обязались не участвовать в группировках держав, направленных против одной из сторон. «Стороны останутся в будущем в контакте друг с другом для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы». В случае возникновения между ними споров или конфликтов обе стороны «будут разрешать эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта». Договор был заключен на десять лет с возможностью его автоматического продления.

Если учитывать неустойчивость и непредсказуемость международной обстановки тех лет, подписание такого договора в августе 1939 года было успехом советской дипломатии [1.22].

Через месяц был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Западные рубежи России переместились к так называемой линии Керзона, определенной Антантой в 1919 году как восточная граница Польши с учетом того обстоятельства, что территория восточнее этой «линии» была населена преимущественно украинцами и белорусами.

Получив сообщение из Москвы о том, что договор о ненападении подписан, Гитлер обрадовался и крайне возбудился. «Его голова стала багровой. Такой головы я у него никогда не видел», — отметил присутствовавший при этом А. Шпеер.

Однако нельзя не отметить, что всего за две недели до подписания договора в Москве Гитлер при встрече с представителем Лиги Наций в Данциге, шведом К. Бёкхардтом, заявил (видимо, для передачи в Лондон и Париж): «Все, что я делаю, направлено против России. Если Запад окажется слишком глупым и слепым, чтобы не понять этого, я буду вынужден договариваться с русскими, чтобы разбить Запад. А затем, после их поражения, собраться всеми силами и пойти против Советского Союза. Мне нужна Украина, чтобы никто и никогда больше не смог заставить нас умирать от голода, как это было в последнюю войну» [1.23].

Можно спорить до бесконечности, какая из сторон выиграла больше в результате заключенных соглашений. Для Советской России

особое значение имели те два неполных, относительно мирных года, которые она получила, благодаря гибким маневрам своей дипломатии (поначалу можно было рассчитывать на более длительную передышку). Выигрыш времени она использовала для укрепления экономики и обороноспособности. Достаточно отметить, что за этот короткий срок численность ее вооруженных сил возросла в 2,8 раза, было сформировано 125 новых дивизий, западная граница отодвинулась навстречу вероятному противнику на сотни километров, начался выпуск новых моделей самолетов, танков, орудий.

Лето 1940 года – важная веха в развитии труднопредсказуемых событий второй мировой войны. Никто не ожидал такого масштабного разгрома французских и английских войск на северо-восточном побережье Франции. Лишь немногим удалось добраться до берегов Англии. Париж капитулировал без боя. Многим казалось, что и Великобритания продержится недолго. В такой обстановке премьер-министром этой страны стал У. Черчилль. Он был одним из тех, кто считал, что сопротивление, то есть войну, надо продолжать: «Теперь уже можно с полной определенностью сказать, что решение Британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну находит всеобщую поддержку населения, в особенности, широких рабочих масс. Растерянность и смущение первых дней прошли. Паники нет. Наоборот, растет волна упрямого, холодного британского бешенства и решимости сопротивляться до конца» [1.24].

Оставшись в смертельной схватке один на один с Гитлером, Черчилль искал союзников, прежде всего, в США. У него оставалась надежда и на Россию. 24 июня 1940 года, то есть за год до начала Отечественной войны, он обратился с личным посланием к Сталину, в котором писал: « В прошлом – самом недалеком прошлом – наши отношения, надо признать были омрачены взаимными подозрениями. В августе прошлого года Советское правительство решило, что интересы Советского Союза требуют, чтобы оно прервало переговоры с нами и вступило в тесные отношения с Германией. Таким образом, Германия стала вашим другом почти в тот же момент, когда она стала нашим врагом.

С тех пор, однако, возник новый фактор, который, как я позволю себе думать, делает желательным восстановление обеими нашими странами их прежних связей с тем, чтобы мы могли, в случае необходимости, консультироваться друг с другом в отношении тех дел в Европе, которые неизбежно должны интересовать нас обоих. В настоящее время перед всей Европой, включая обе наши

страны, встает проблема того, как государства Европы будут реагировать на перспективу установления Германией гегемонии над континентом...» [1.25].

Черчилль никогда не был другом России. Скорее наоборот, – он всегда рассматривал Советский Союз как серьезную потенциальную угрозу британской империи. Но конкретная военно-политическая расстановка сил в Европе 1940 года заставила его искать в лице СССР вероятного союзника в борьбе против нацистского нашествия.

Сталин, со своей стороны, никогда полностью не доверял Черчиллю, но тоже остро нуждался в союзниках. Поэтому ответил ему осторожно, но не гася его надежды. Из ответа Сталина, переданного им через посла Великобритании в Москве, приведу только два ключевых положения. Первое: «если господин Премьер хочет знать о наших отношениях с Германией, то мы можем сообщить, что *у нас нет блока с Германией на предмет войны против Англии. У нас есть только пакт о ненападении*». (Выделено мною – Р.Б.) Иными словами – мы не союзники Германии.

Второе (о ее положении в Европе): Сталин считал, что «разбить Францию – это еще не значит господствовать в Европе. Для того чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на море, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет. Европа без водных путей сообщения, без колоний, без руд и сырья. Это объективные данные, свидетельствующие, что об опасности ее господства в Европе еще рано говорить» [1.26].

В Советском Союзе не обманывались относительно того, что войны с Германией избежать не удастся. Вряд ли кто-нибудь думал, что передышка продлится все десять лет, как это было записано в договоре о ненападении. Но неполных двух лет оказалось мало. Что Россия все еще не готова к войне, наверное, лучше других понимал сам Сталин. Поэтому он очень хотел и надеялся оттянуть ее начало любыми способами. В этой связи стоит напомнить важную запись авиаконструктора А. Яковлева: «Нам не хватило для подготовки к войне, – неоднократно говорил Сталин в узком кругу, – одного-полутора лет» [1.27]. Эту же мысль высказывает Г. Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях»: «Сопоставляя и анализируя все разговоры, которые велись И.В. Сталиным в моем присутствии в кругу близких ему людей, я пришел к твердому убеждению: *над ним тяготела опасность войны с фашистской Германией* и все его помыслы и действия были пронизаны одним желанием – избежать войны или оттянуть сроки ее начала и уверенностью в том, что это ему удастся.

И.В. Сталин не был трусливым человеком, но он хорошо понимал, что возглавляемое им руководство страной явно опоздало с основными мероприятиями по подготовке страны к большой войне с таким сильным и опытным врагом, как Германия.

Он понимал, что мы опоздали не только с перевооружением войск новейшей боевой техникой и с реорганизацией вооруженных сил, но и с мероприятиями по обороне страны, в частности, с созданием резервов и мобилизационных запасов».

Вместе с тем, чтобы быть объективным, Г. Жуков добавляет: «Думается мне, что дело обороны страны в своих основных, главных чертах и направлениях велось правильно. На протяжении многих лет в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно...

Требования наркомата обороны о массовом производстве новейших образцов самолетов, танков, артиллерийских тягачей, грузовых автомобилей, средств связи и прочей боевой техники лимитировались, прежде всего, ограниченными экономическими возможностями» [1.28].

Подводя итоги предвоенного периода, Жуков не мог не упрекнуть руководство страны за жестокую расправу с командным составом Красной армии в период 1937–1938 гг: «И.В. Сталин прекрасно знал и то, что после 1939 года во главе частей, соединений и войсковых объединений были поставлены кадры, далеко не освоившие оперативно-тактическое и стратегическое искусство» [1.29].

В 1940 году Сталин публично покаялся по этому вопросу, переложив главную вину за необоснованные репрессии на Ежова и Ворошилова. «В армию и флот возвращено 11 тысяч ранее уволенных опытных в военном деле командиров». (Из 48,8 тысяч репрессированных –Р.Б.). Нарком Ежов и его заместитель Фриновский были расстреляны [1.30].

Стоит подчеркнуть также, что сроки начала войны с Германией практически очень мало зависели от политики советского правительства и желаний Сталина. После того, как в Компьене, в июне 1940 года были оформлены документы о капитуляции Франции, Гитлер задумывается о возможном изменении направления своей агрессивной политики. Видимо, до него все же дошли сведения об обмене посланиями между Черчиллем и Сталиным.

30 июня 1940 года статс-секретарь германского МИДа Эрнст фон Вейцзекер передал начальнику Генштаба Гальдеру «уточненную» позицию фюрера:

«а. Успехи этого похода (в Западную Европу – Р.Б.) мы можем закрепить только теми средствами, которыми мы их добились, то есть военной силой.

б. Для образования мирной системы нет еще достаточных оснований.

в. Основное внимание – на Восток.

г. Англии мы должны будем, вероятно, еще раз продемонстрировать нашу силу, прежде чем она прекратит борьбу и развяжет нам руки на Востоке» [1.31].

16 июля 1940 г. Гитлер подписал директиву о подготовке операции «Зеелёве» против Англии.

Однако ее осуществление откладывалась – риск был слишком велик. Массированные воздушные налеты немецкой авиации не дали ожидаемого результата. Провалились также планы захватить Гибралтар и Суэц, чтобы перекрыть связи Великобритании со своими колониями через Средиземное море. Война на Западе затягивалась, а ее масштабы увеличивались. Между тем запасы дефицитных материалов, необходимых для военной промышленности, таяли. В это время (28.07.40) ответственный за подготовку вторжения на Британские острова командующий флотом гросс– адмирал Э. Редер представил Гитлеру записку о России, в которой утверждал: «Военные силы русской армии необходимо считать неизмеримо более слабыми, чем наши, имеющие опыт войны. Захват районов по линии Ладожское озеро – Смоленск – Крым в военном отношении возможен, и из этого района будут продиктованы условия мира... С занятием побережья и Ленинграда сила сопротивления русского флота рухнет сама собой. Если еще потребуется занять Москву, то это будет решено с учетом обстановки и времени года». Отсюда Редер делает вывод, что проведение операции против России возможно до начала высадки в Англии [1.32].

Вскоре главнокомандующий сухопутными войсками В. Браухич получил указание начать разработку детального плана войны на Востоке. В декабре 1940 года фюрер подписал директиву по развертыванию военных действий против СССР, которая получила порядковый номер 21 и условное название «Барбаросса». Нападение на СССР намечалось на 15 мая [1.33].

«Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии...

Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях

посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных сил противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено...

Конечной целью операции является создание заградительного барьера против Азиатской России по общей линии Волга – Архангельск. Таким образом, в случае необходимости последний индустриальный район, остающийся у русских на Урале, можно будет парализовать с помощью авиации...

Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения не были распознаны...» [1.34].

Конкретное содержание плана «Барбаросса» советскому Генеральному штабу известно не было. Но о многом можно было догадываться на основе другой информации. Надо отметить, что немецкое военное командование считало: главное направление вторжения должно проходить через Украину, чтобы в первую очередь захватить ее хлеб и уголь, а затем и кавказскую нефть. Однако Гитлер настаивал на том, чтобы прежде всего захватить Москву, а также Ленинград, где сосредоточена треть военных заводов и исследовательских институтов, а также Балтийский флот, который можно будет использовать против Англии.

В Москве же военные считали, что основные силы противника ринутся на Москву через Белоруссию и Смоленск. Сталин же ожидал их главный удар на Юге. И в Берлине, и в Москве авторитет первого лица наложил свой отпечаток на расстановку сил. Поэтому уже после начала военных действий пришлось некоторые крупные соединения советских войск срочно перебрасывать с Украины на центральное направление. Но все же основным для советского командования был вопрос не *где*, а *когда* может начаться вторжение германских войск.

По указанию Гитлера в феврале 1941 года была подготовлена специальная директива по дезинформации противника. Чтобы прикрыть подготовку и осуществление переброски войск, проводимых в соответствии с планом «Барбаросса», немецкий генеральный штаб проводил специальные акции по распространению ложных слухов. Так, перемещение войск на восток подавалось как операция по дезинформации английского командования с целью прикрыть последние приготовления к вторжению в Великобританию. К воинским частям прикомандировывались переводчики английского языка. Были отпечатаны в массовом количестве топографические карты прибрежных районов, где якобы будут высаживаться немецкие отряды вторжения. Среди личного состава частей, отправляемых на

восток, распространялись сведения в одном варианте о том, что они будут отдыхать перед вторжением на британские острова, в другом, – что немецкие войска будут пропущены через советскую территорию для наступления на Индию. Немецкая пропаганда с особой злостью обрушилась на Англию, прекратив свои обычные выпады против Советского Союза[1.35].

Надо отметить, что некоторые даже ответственные лица в СССР попадали под воздействие такой дезинформации. Так, 20 марта 1941 года, как пишет Г. Жуков, «начальник разведывательного управления генерал Ф. Голиков представил руководству доклад, содержавший сведения исключительной важности.

В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана «Барбаросса», а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана... Наконец, в этом документе со ссылкой на сообщение военного атташе в Берлине указывается, что «начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года».

Однако выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали все их значение и вводили И.В. Сталина в заблуждение. В конце своего доклада генерал Ф. И. Голиков писал:

«1. На основе всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет являться момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

1. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо рассматривать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки» [1.36].

Аналогичный доклад в начале мая 1941 года направил Сталину и нарком ВМФ адмирал Н. Кузнецов: «Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит: со слов одного офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву, Ленинград и высадка парашютных десантов в приграничных центрах...». И здесь же Кузнецов добавляет: *«Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР* (выделено мною – Г. Жуков) [1.37]».

В еще более категоричной форме в докладной записке на имя И. Сталина за день до нападения Германии высказался Л. Берия: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезами» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщает, что нападение начнется завтра...

То же радировал и генерал-майор В. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией» [1.38].

Разобраться в такой информации было совсем не просто: два наркома и начальник разведывательного управления Красной армии сообщают Сталину, со ссылкой на разные источники, о готовящемся нападении Германии на Советский Союз, и сами же называют эти сведения дезинформацией. Аналогичные сообщения в конфиденциальном порядке поступали от официальных лиц из Великобритании, США и других стран. Получая массу противоречивых данных, Сталину было совсем не легко занять одну определенную позицию. Он понимал, что война с фашистской Германией неизбежна, но Россия к ней пока не готова. Поэтому он надеялся продлить мирную передышку хотя бы до осени. А там – дожди, раскисшие дороги, за ними – русская зима с жесткими морозами. Вряд ли Гитлер начнет войну в этот период. Отсюда задача – сохранить мир на границах хотя бы еще два-три месяца. Это позволит выиграть месяцев девять, а то и больше мирного времени... Отсюда повышенная осторожность в словах и действиях Сталина, его страх перед возможными провокациями, которые могут послужить поводом для начала большой войны. Однако эти опасения не только не парализовали, но, напротив, активизировали его деятельность по подготовке к войне. Напомню лишь несколько фактов из летописи первой половины 1941 года.

В феврале ЦК и Совнарком утвердили план строительства в западных районах 190 новых аэродромов.

Весной Наркомат обороны значительно увеличил неприкосновенные запасы горючего, продовольствия и обмундирования. Окружные артиллерийские склады получили дополнительное количество боеприпасов.

В конце марта, чтобы пополнить стрелковые дивизии и другие рода войск, из запаса было призвано в армию 800 тысяч красноармейцев и сержантов.

В апреле для стрелковых войск введен штат военного времени. Под видом подвижных лагерных сборов на Украину и в Белоруссию

были переброшены по две общевойсковые армии. В мае генеральный штаб дал директиву округам выдвинуть на запад еще 28 стрелковых дивизий и четыре армейские управления из внутренних округов. Одновременно началось оборудование окружных командных пунктов. «Всего в западных приграничных округах насчитывалось 2,9 млн. человек, более полутора тысяч самолетов новых типов и довольно много машин устаревших конструкций, около 38 тысяч орудий и минометов, 1475 новых танков КВ и Т-34 и значительное число легких танков устаревших конструкций с крайне ограниченными моторесурсами, часть которых требовала ремонта» [1.39].

Выступая в конце мая на расширенном заседании Политбюро, И. Сталин поставил жесткие задания по ускорению перевооружения армии за счет новой боевой техники:

«Товарищам, отвечающим за выпуск танков, даю неделю, чтобы разобраться, почему отдельные танковые заводы не выполняют план. Через неделю доложите мне лично...

Товарищам, отвечающим за артиллерию, сделать все, чтобы реактивные минометы были немедленно запущены в серийное производство...

Отвечающим за авиацию всемерно ускорить поступление в авиационные части новой техники. Докладывать мне об этом еженедельно. Я понимаю трудности в этом деле. Но положение, когда мы успели перевооружить новыми самолетами не более 21 процента авиационных частей, далее терпимо быть не может...

Товарищ Малышев, следует обратить особое внимание на создание условий для более быстрого развития промышленности на Урале и на Востоке. Надо скорее завершить там строительство машиностроительных, нефтеперерабатывающих и химических заводов-дублеров и наладить бесперебойную работу металлургических заводов в Забайкалье и на Амуре. Не забывайте, что здесь сооружаются три четверти всех новых доменных печей, а между Волгой и Уралом — наша вторая нефтяная база...

Надо продумать и подработать первоочередные, конкретные предложения по устранению недостатков в подготовке страны к обороне и внести их в правительство для решения. Письменные предложения по этим вопросам представить мне через три дня» [1.40].

Война застала страну в стадии реорганизации, перевооружения и переподготовки вооруженных сил, создания необходимых мобилизационных запасов и государственных резервов.

В течение нескольких лет Советскому Союзу удавалось с помощью дипломатии и армии умело маневрировать в сложной

и напряженной международной обстановке, которая сложилась в мире в конце тридцатых годов. В 1940–1941 году политическая инициатива в Европе оказалась в руках Гитлера. Расправившись с Францией, рядом других западноевропейских стран, фашистская Германия изменила свои оперативные планы. Не сумев сходу перепрыгнуть на Британские острова, фюрер и его команда стали готовиться к блицкригу с Россией.

15 июня, за неделю до вторжения маршалы С. Тимошенко и Г. Жуков были у И. Сталина. Доложили ему о растущей угрозе войны и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

«С Германией у нас договор о ненападении, – сказал И.В. Сталин, – Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать второй фронт, напав на Советский Союз. Гитлер не такой дурак..» [1.41]. Здесь Сталин ошибся – он переоценил умственные способности своего главного противника. У Гитлера не хватило ума, чтобы усвоить два важных урока истории: «В Россию легко войти, но очень трудно выбраться обратно» и «война на два фронта – это капкан для Германии».

22 июня 1941 года германские войска, грубо нарушив свои обязательства, вторглись в Россию, уверенные в том, что быстро дойдут до берегов Волги и до зимы вернутся победителями. Однако встретили там такое упорное сопротивление и контрудары, что не только переломали себе ноги, но и потеряли много голов.

1.2. Опять потребовалась коренная перестройка управления

Как уже отмечалось, промышленный потенциал Советского Союза в начале Великой Отечественной войны существенно уступал потенциалу Германии, установившей контроль над материальными ресурсами почти всей Европы. Поэтому, чтобы противостоять мощному натиску вторгнувшихся в страну немецких войск и создать предпосылки для победы над ними, нужно было найти или создать дополнительные преимущества, опираясь на которые можно было бы добиться решающего перелома в ходе военных действий.

К таким преимуществам Советской России, бесспорно, относились огромная территория страны, большая численность трудолюбивого, мужественного, терпеливого народа; богатые природные ресурсы и многовековая, своеобразная русская культура. Таковы объективные факторы, которые вносили существенные коррективы в соотношение не только промышленного потенциала, но и всего комплекса национального богатства двух воюющих стран.

Чтобы задействовать все эти факторы, то есть практически реализовать объективные преимущества Советской России, потребовалась более рациональная организация военного и гражданского хозяйства, а также более эффективное по сравнению с Германией управление комплексом всех ресурсов, в том числе социально-экономического и организационного характера. Речь в первую очередь шла о том, чтобы получить более высокую отдачу от патриотического подъема людей, а также сильных сторон планового хозяйства и господствующего положения государственной собственности. Именно на эти два ключевых преимущества опирался государственный бюджет, через который в финансовой форме осуществлялось распределение более двух третей национального дохода страны.

Таким образом, система управления военной экономикой России имела в своем распоряжении весьма действенные факторы, с помощью которых происходила мобилизация и оптимальное (эффективное) использование основной массы материальных и людских ресурсов страны. В Германии такого инструментария управления экономикой полностью создать не удалось, хотя централизованное управление военной промышленностью с помощью министерства вооружений, а также свой четырехлетний план и там были введены в действие.

Опираясь на объективные основы более эффективной организации и управления военной экономикой, формирующейся в чрезвычайно трудных условиях, советское руководство имело основание заявить: «Победа будет за нами!». Однако для практического решения этой задачи, которая для многих казалась неразрешимой, потребовались четыре крайне тяжелых, напряженных и долгих года...

Исходным шагом к победе послужила *качественная перестройка всей системы управления страной, начиная с верхних этажей власти.*

Напомню, что в течение только апреля-июня 1941 года Сталин получил из самых разных источников десятки предупреждений о том, что в ближайшее время германская армия начнет войну против Советского Союза. Но, как говорится, только последняя капля переполняет море. Такой каплей для Сталина послужило сообщение немецкого фельдфебеля, который вечером 21 июня перебежал к пограничникам и рассказал, что завтра утром германские войска начнут вторжение на территорию СССР. Эта тревожная новость быстро долетела до Генерального штаба в Москве. Жуков немедленно сообщил об этом «на верх». Короткий ответ: «Приезжайте с наркомом в Кремль!». К их приезду там уже собрались члены Политбюро. «Что будем делать?». Молчание. С. Тимошенко предлагает

немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность. Ее проект имеется. Вносится несколько поправок. Тимошенко и Жуков подписывают ее. Главное – войска Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов получили прямое указание: «в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников... В течение ночи на 22.06.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе».

21 июня в 22 часа 20 минут нарком обороны и начальник Генерального штаба вышли из кабинета Сталина, а в 0 часов 30 минут 22 июня передача директивы в военные округа была закончена. До роковой черты, отделявшей тревожный мир от жестокой войны, оставалось 3-4 часа.

Члены Политбюро в вязкой атмосфере неопределенности, не очень понимая, что им нужно делать, задержались в Кремле почти до трех часов утра. Затем начали разъезжаться по домам. Сталин поехал на ближнюю дачу в Кунцево. Тимошенко и Жуков находились в наркомате обороны. Его сотрудники всю ночь на 22 июня оставались на своих местах.

В 3 часа 07 минут Жукову позвонил из Севастополя командующий флотом адмирал Ф. Октябрьский и сообщил, что со стороны моря подходит большое количество неизвестных самолетов. Просил указаний. Жуков спросил:

– Ваше решение?

– Решение одно: встретить самолеты огнем противовоздушной обороны флота.

– Действуйте и доложите своему наркому.

Налет на Черноморский флот был отбит. Затем стали поступать сообщения о бомбежках немецкой авиации городов Белоруссии, Украины, Прибалтики. В 4 часа 10 минут пришло сообщение о начале боевых действий немецких войск на сухопутных участках нашей границы. Нарком приказал Жукову доложить о начале войны Сталину.

«Звоню. К телефону никто не подходит. Звоню непрерывно. Наконец слышу сонный голос генерала Власика (начальника охраны):

– Кто говорит?

– Начальник Генштаба Жуков. Прошу срочно соединить меня с товарищем Сталиным.

– Что? Сейчас?! – изумился начальник охраны. – Товарищ Сталин спит.

– Будите немедленно: немцы бомбят наши города, *началась война.*

Несколько мгновений длится молчание. Наконец в трубке глухо ответили:

– Подождите.

Минуты через три к аппарату подошел И.В. Сталин. Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия.

– Приезжайте с Тимошенко в Кремль. Скажите Поскребышеву, чтобы он вызвал всех членов Политбюро.

В 4 часа 30 минут утра мы с С.К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И.В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках не набитую табаком трубку. Мы доложили обстановку. И.В. Сталин недоумевающе сказал:

– Не провокация ли это немецких генералов?

– Надо срочно позвонить в германское посольство, – обратился он к Молотову.

В посольстве ответили, что посол граф фон Шуленбург просит принять его для срочного сообщения. Принять посла было поручено В.М. Молотову. Мы тут же просим И.В. Сталина дать приказ немедля организовать ответные действия и нанести контрудары по противнику.

– Подождем возвращения Молотова, – ответил он.

Через некоторое время в кабинет быстро вошел В.М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

И.В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная, тягостная пауза.

– Давайте директиву, – сказал он»[1.42].

Микоян, дополняя воспоминания Жукова, пишет, что на этой встрече члены Политбюро решили: «надо сделать выступление по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался – пусть Молотов выступит. Мы все возражали: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышит обращение не Сталина, а его заместителя. Так как Сталин упорно отказывался, то решили, пусть Молотов выступит. И он выступил в 12 часов дня» [1.43].

Текст его выступления готовили сообща, тут же в кабинете. При этом Сталин сделал несколько поправок и дополнений. В частности, ему приписывают авторство надолго запомнившейся фразы: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

В первые дни войны внимание руководства пришлось сосредоточить прежде всего на проблемах восстановления управления войсками, которое, к сожалению, на многих важных участках было потеряно. Как уже отмечалось, ахиллесовой пятой всей системы управления войсками в то время была весьма ненадежная организация связи. Уроков прошлого не знали или забыли. Перед войной Западный военный округ располагал радиостанциями только на 27 процентов, Киевский – на 30, Прибалтийский – на 52 процента. Надеялись на проводную связь – телеграф и телефон. Зная об этом, германское командование буквально накануне вторжения заслало в приграничные районы специальные диверсионные группы, которые валили телеграфные столбы, рвали провода. Танковые клинья, которые уже в первые дни войны глубоко врезались в советскую территорию, завершили разрушение системы наземной связи. Сражающиеся советские части не знали, что делается у них в тылу и у соседей, куда двигаться им. Это порождало растерянность, а нередко и панику. В глупом и беспомощном положении без связи оказались командные пункты армий и других крупных соединений, военных округов, да и сам Генеральный штаб. Такая ситуация тревожила и пугала Сталина.

На второй день войны для руководства армией и всеми военными действиями в целом была создана Ставка Главного командования. Председателем назначили С. Тимошенко. В ее состав вошли: Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный, Жуков и адмирал Кузнецов. В этот наполненный рисками период Сталин все еще искал опору среди своих проверенных соратников времен гражданской войны. Логично, что уже 10 июля ее переименовали в Ставку Верховного командования. Председателем назначили И. Сталина, который стал тем самым Верховным главнокомандующим, его заместителем – В. Молотова. Вместо Кузнецова в состав Ставки ввели Шапошникова. С. Тимошенко остался в качестве ее рядового члена.

При Сталине создали также институт постоянных советников по общим и хозяйственным вопросам. В него вошли: Вознесенский, Жданов, Микоян, Мехлис, Ватутин, Воронов, Жигарев, Шапошников.

В тот же день была образована комиссия Совнаркома по текущим делам снабжения и финансов – Вознесенский, Булганин, Микоян. Ее прообразом в годы гражданской войны был Малый Совнарком.

Неожиданно и слишком скоро остро стал вопрос об эвакуации из прифронтовой полосы не только созданных там запасов продовольствия и вооружений, но и технологического оборудования,

подвижного состава, сырья и топлива, а также рабочих кадров. Поэтому уже 24 июня был образован Совет по эвакуации промышленности, сельскохозяйственных объектов и населения.

В то время почти на всех участках фронта, протянувшегося от Балтийского до Черного моря, части Красной Армии отступали. Отдельные дивизии и корпуса упорно сопротивлялись, пока это представлялось возможным. Но почти повсеместно чувствовалось, что перевес был на стороне противника. Чтобы избежать полного уничтожения, не имея связи с вышестоящим штабом, небольшие группы и крупные подразделения с тяжелыми боями выходили из окружения. «Чрезвычайно упорное сопротивление русских войск, – отмечает известный историк второй мировой войны Б. Лиддел Гарт, – тормозило продвижение наступавших. Обычно немцы достигали успеха за счет маневра, но не могли победить противника в самой схватке. Окруженные войска, если иногда и вынуждены были сдаться в плен, то это, как правило, происходило лишь после длительного сопротивления. Оборонявшиеся проявляли редкое упорство и пренебрежение к своему безнадежному в стратегическом отношении положению, и это серьезно тормозило выполнение планов наступающих» [1.44].

«На седьмой день войны, 28 июня, фашистские войска заняли Минск. Связь с Белорусским военным округом прервалась. 29 июня вечером у Сталина в Кремле собралось несколько членов Политбюро. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко. Но тот ничего путного о положении на Западном направлении сказать не смог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться с обстановкой.

В Наркомате были Тимошенко, Жуков, Ватутин. Около получаса поговорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: что за Генеральный штаб, что за начальник штаба, который так растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует. Полная беспомощность в штабе. Раз нет связи – штаб бессилен руководить.

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. Этот мужественный человек разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через пять-десять Молотов привел внешне спокойного Жукова,

но глаза у него еще были мокрыми. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик (это Сталин предложил), потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову...»[1.45].

Вряд ли можно определенно утверждать, что конфликт в Наркомате обороны 29 июня послужил непосредственной причиной создания нового чрезвычайного органа управления – Государственного комитета обороны (ГКО). Но факт остается фактом, что именно на другой день – 30 июня было принято постановление об образовании такого органа «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу»... Некоторые историки сравнивают ГКО с Советом Рабоче-Крестьянской обороны, созданным во главе с Лениным в напряженные дни ноября 1918 года. Однако с таким сравнением нельзя целиком согласиться. Первоначально ГКО больше напоминал известную «семерку» членов Политбюро, объединившихся в двадцатые годы против Троцкого.

Сначала в состав ГКО вошла пять членов Политбюро, лично преданных Сталину: Молотов (заместитель председателя), Ворошилов, Маленков и Берия. Показательно, что среди них не было ни одного хозяйственника. Активную роль в формировании состава нового органа (очевидно, по поручению Сталина) сыграл Л. Берия. Однако, когда дело дошло до «главного», Сталин предложил ввести в комитет еще Н. Вознесенского и А. Микояна. Берия возразил: «Товарищ Сталин, если все мы будем заниматься в ГКО, то кто же будет работать в Совнаркоме, Госплане? Пусть Микоян и Вознесенский занимаются всей работой в правительстве и Госплане». Вознесенский с таким аргументом не согласился – почувствовал, что Берия интригует против него. Однако другие промолчали. Тем самым они согласились с предложением Берия, оставив возможность для Сталина внести свою поправку при подписании документа. Но он не воспользовался этой возможностью. Только в феврале следующего года в состав ГКО включили Вознесенского как главного экономиста, Микояна – как руководителя сферы снабжения и торговли и Кагановича – как главного «железнодорожника», а еще через два года добавили Булганина – бывшего «банкира» и вывели Ворошилова, убедившись на практике, что пользы от него мало.

«В руках Государственного Комитета Обороны сосредотачивается вся полнота власти в государстве. Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно

выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны» [1.46]. Таким образом, в условиях чрезвычайно сложной и опасной обстановке был создан качественно новый высшей орган власти и управления жизнедеятельностью всей страны. Причем главную нагрузку, ответственность и полномочия по принятию решений Сталин возложил на себя. Это имело свои плюсы и минусы, фактический вес которых нужно и можно измерять только конечными результатами.

Невольно возникает вопрос: зачем ему это было нужно? Ведь и без ГКО он был Генеральным секретарем ЦК, Председателем Совнаркома, Наркомом обороны. И вдруг потребовалась еще «вся полнота власти в государстве». Ответить на такой вопрос не просто, но нужно.

Прежде всего следует напомнить, что в первые дни войны огромный государственный аппарат потерял целостность, частично оказался парализованным и не мог удовлетворительно выполнять свои функции, особенно в области связи и управления войсками, материальными ресурсами, а также местными органами власти в западных регионах страны, ставших объектом агрессии. Восстанавливать деформированную систему управления приходилось в срочном порядке и притом сверху, создавая, по существу, дублирующий механизм власти и управления.

Во-вторых, действовавшая ранее система управления хозяйством приучила наркоматы в условиях хронического дефицита сырья и топлива создавать свои органы снабжения, что чрезмерно усилило ведомственные интересы, прежде всего в сфере распределения материальных ресурсов. В таких условиях создание ГКО послужило первым шагом к формированию фактически новой системы обеспечения военного хозяйства всем необходимым.

Более конкретно обязанности по формированию и развитию такой системы во вновь созданном органе власти распределили следующим образом: Вознесенский отвечал за выпуск вооружений и боеприпасов в целом. Руководство по производству танков было возложено на Молотова. Авиационную промышленность и связанные с ней предприятия курировал Маленков, транспорт – Каганович. Берия был в ответе за соблюдение порядка внутри страны и борьбу с дезертирством.

Как осуществлялось выполнение таких обязанностей, можно проиллюстрировать на следующем примере. Вернувшись к себе, «Вознесенский вызвал к себе работавшего в аппарате Совнаркома СССР комбрига Александрова.

— Вот что, Анатолий Сергеевич, — сказал он. — Вы знаете, что мне поручено заниматься производством вооружения и боеприпасов. На организационные вопросы времени нет. Прошу вас сделать следующее: из состава работников Совнаркома, а может быть и наркоматов, подберите группу военных специалистов, хорошо знающих теоретически и практически производство и применение в боевой обстановке таких видов вооружения, как винтовки, пистолеты, пулеметы, пушки всех систем и калибров, а также боеприпасов — снаряды, патроны, авиабомбы, мины. Распределите между специалистами все виды вооружения и боеприпасов и дайте мне список на утверждение. Надо найти хорошего знатока современной взрывчатки — это важно.

Через несколько дней такая группа военных специалистов была создана. На первом, инструктивном совещании Вознесенский определил задачи группы. Он подчеркнул, что проверкой выполнения плана по выпуску вооружения и боеприпасов необходимо заниматься каждый день. Меры при возможных неувязках принимать оперативно, немедленно. Всячески поддерживать инициативу рабочих и инженеров, способствующую повышению производительности труда, улучшению качества оружия и боеприпасов.

— Отныне вы подчиняетесь только мне, — сказал Вознесенский. — Предупреждаю, взыскивать буду строго, по законам военного времени. Поэтому еще раз повторяю: каждый завод должен иметь календарный график выпуска военной продукции. Каждый из вас обязан наладить ежедневную систему контроля выполнения этого графика. Для этого есть, конечно, телефон. Однако советую почаще бывать на заводах лично, чтобы знать конкретные особенности производства. Только тогда можно будет не администрировать, используя свой пост, а оказывать реальную помощь в выполнении плана» [1.47].

Формально вся система высших органов власти и управления в годы войны продолжала функционировать, хотя и с резко сокращенными штатами. Так, только органы ЦК (Политбюро, секретариат и оргбюро) провели в этот период 200 заседаний. Активно действовали также Верховный Совет и Совнарком. Однако основная ось оперативного руководства военной экономикой проходила по линии: ГКО — наркоматы — предприятия. Всего за четырехлетний период войны Государственный Комитет Обороны принял около 10 тысяч постановлений, решений и директив. Из них примерно две трети относились к вопросам укрепления военной экономики и расширения производства вооружений и боеприпасов[1.48].

«Заседаний ГКО, – вспоминает генерал А. Хрулев, – в обычном понимании, т. е. с определенной повесткой дня, секретарями и протоколами, не было. Процедура согласования с Госпланом, наркоматами и ведомствами вопросов снабжения армии, в том числе организация новых производств, была упрощена до предела. Этому способствовало постоянное стремление руководителей каждой отрасли народного хозяйства ценой любых усилий быстрее сделать все необходимое для фронта, для разгрома врага» [1.49].

Так, 15 июля 1941 г. в ГКО обсуждались и по-деловому решались сложные вопросы организации массового производства танков при участии руководителя танковой промышленности В. А. Малышева, наркома вооружения Д. Ф. Устинова, наркома черной металлургии И. Ф. Тевосяна и председателя Госплана Н. А. Вознесенского.

28 июля 1941 г. ГКО рассмотрел вопросы увеличения производства и обеспечения фронта боеприпасами, а также некоторыми видами вооружения с участием Н. А. Вознесенского, наркома боеприпасов П. Н. Горемыкина, Д. Ф. Устинова, а также начальника Главного артиллерийского управления Красной Армии Н. Д. Яковлева. К такому обсуждению заранее тщательно готовились проекты постановлений. К каждому документу, в частности к планам производства танков, самолетов, боеприпасов, различных видов вооружений, которые утверждались ГКО ежемесячно, прилагались, как правило, справки о выполнении плана выпуска продукции за предыдущий месяц, о наличии мощностей, сырья, рабочей силы. Предварительное согласование с Госпланом производилось еще в процессе подготовки того или иного постановления. Если возникали дополнительные вопросы, они разрешались оперативно, поскольку Н. А. Вознесенский – председатель Госплана СССР – был членом ГКО и обычно присутствовал на тех заседаниях, где решались вопросы экономического характера.

ГКО не имел своего особого аппарата и обычно не занимался организацией непосредственного выполнения того или иного вопроса. Главная его функция состояла в том, чтобы направлять и контролировать работу наркоматов. Действовал он через соответствующие партийные и государственные органы. В случае необходимости при ГКО создавались специальные комитеты и комиссии. В ряде областных центров и городов (в Севастополе, Ярославле, Сталинграде, Туле и др., всего более чем в 60 городах), когда там возникала угрожающая обстановка, создавались местные комитеты обороны. В их состав входили: первый секретарь обкома или горкома партии в качестве председателя, глава областного или городского

Совета, представитель военного командования и др. Аппарат партийного комитета обычно одновременно выполнял функции аппарата местного комитета обороны.

Государственный Комитет Обороны имел также своих уполномоченных в союзных и автономных республиках и по мере необходимости посылал их на фронты, в отдельные районы страны и на важные предприятия. Госплан СССР превратился в один из опорных пунктов ГКО, что способствовало повышению его роли как своеобразного генерального штаба в сфере экономики.

Для повышения устойчивости снабжения экономики топливом и сырьем в самый острый период войны (в 1942 году) при Совнаркоме СССР были созданы Главснабуголь, а затем Главснабнефть и Главснаблес. Для преодоления трудностей с обеспечением военного хозяйства рабочей силой был образован Комитет по учету и распределению рабочей силы, а в республиках и областях – соответствующие бюро. После освобождения оккупированных районов от вражеских войск сразу же были приняты меры к восстановлению разрушенного хозяйства городов и сел. Для руководства этой работой в 1943 г. был создан Комитет по восстановлению при СНК СССР.

Таким образом, и в годы войны не прекращалась работа по совершенствованию организационной структуры управления экономикой. Несмотря на то, что было создано несколько новых наркоматов и ведомств, общая численность управленческого аппарата не только не возрастала, но, напротив, сокращалась. Большинство наркоматов имело половину довоенной численности сотрудников. Другая половина ушла на фронт или на работу непосредственно на предприятия. Это, естественно, возлагало дополнительную нагрузку на оставшихся специалистов. Действовавшие в военный период наркоматы и ведомства не только сократили свои штаты, но и качественно перестроили свою работу, сделали ее более простой и четкой, а вместе с тем более ответственной и действенной.

Компетенция наркоматов была расширена. Им предоставлялось право самостоятельно распределять и перераспределять материальные ресурсы, излишки материалов и оборудования, допускать частичные отступления от проектов и смет строительства, списывать убытки предприятий и учреждений, производить капитальные вложения на восстановление предприятий за счет текущих расходов, принимать объекты в эксплуатацию и др.[1.50]

В тот период отношения между наркоматом и предприятиями во многом строились на взаимном доверии. Обязательство, данное

по телефону, выполнялось так же, как если бы оно было заверено письменно. Это было тем более важно, что приходилось быстро налаживать новые межхозяйственные связи по кооперации. Если до войны такие связи, как правило, оформлялись в соответствующих договорах, то в военные годы шире стали применяться административные акты. Например, поставки таких видов продукции, как металл, уголь, нефть, осуществлялись без договоров адресными плановыми заданиями или административными директивами. Если же возникала необходимость уточнить ассортимент или сроки поставки, достаточно было прямого разговора между руководителями предприятий: потребителя и поставщика (конечно, если представлялось возможным осуществить такие корректировки).

Руководителям предприятий также были предоставлены широкие права, позволявшие смело маневрировать трудовыми, материальными и финансовыми ресурсами, самим принимать решения по изменению технологии и организации производства. Иногда приходилось идти на риск, ибо проторенными путями невозможно было преодолеть возникающие трудности и противоречия.

Опираясь на доверие со стороны наркомата и чувствуя поддержку со стороны коллектива, хозяйственные руководители принимали такие решения, на которые они вряд ли рискнули бы в другой обстановке. Но именно такие решения позволили впервые в мире выплавлять ферросплавы в доменных печах, что, в свою очередь, обеспечило скачок в выплавке высококачественных сталей. Броневой лист научились катать на блюмингах. В производстве боевой техники стали широко применяться автоматическая сварка и штамповка. Выпуск самолетов был переведен на поток. Все это и позволило сделать то, что многим казалось просто невозможным: превзойти фашистскую Германию по выпуску самолетов уже в 1942 г., а по другим видам техники — в 1943 г., что коренным образом изменило соотношение сил на фронте в пользу Советской Армии.

* * *

Основные структуры, методы и инструментарий механизма управления военной экономикой формировались и шлифовались на всем протяжении 1941–1945 гг. Кратко их можно характеризовать следующим образом:

– этот механизм действовал как составная и неотъемлемая часть системы единого руководства обществом в тесном взаимодействии с управлением действующей армией. При этом государственный аппарат количественно резко сократился. Одновременно повысилось его качество: произошло самоочищение от бюрократизма. Возросла самостоятельность руководителей в решении широкого круга вопросов и вместе с тем ответственность за конечные результаты. Это рождало инициативу, гибкость, готовность пойти на определенный риск – на войне, как на войне. В разы увеличилась нагрузка на сотрудников наркомата, но каждый понимал и чувствовал, что так нужно для фронта и что он активно участвует в боевых действиях;

– система централизованного управления экономикой состояла из трех основных звеньев: высшее звено – Государственный комитет обороны, где главную роль играл Сталин. Здесь формировались общая для всех стратегия и ключевые задания для конкретных участков народного хозяйства. Средняя ступень – Совмин и Госплан. Их основная функция состояла в том, чтобы координировать работу наркоматов для выполнения полученных заданий и штопать то и дело возникающие «дыры» в запутанной сети межхозяйственных связей. Третье звено, которое служило основой всей конструкции механизма управления, – наркоматы и главки. На их долю приходилась вся тяжесть практического решения производственных задач в условиях хронического дефицита металла, топлива, электроэнергии, технологического оборудования, транспорта, квалифицированных кадров и продовольствия. Они заботились и о том, чтобы накормить тех, кто без выходных работал по 10-11 часов в день;

– предприятия были непосредственным объектом воздействия центральной системы на производство. Ближе всего к ним стояли главки, которые хорошо знали конкретную обстановку и возможности отдельных заводов. Они пытались смягчить нереальность многих заданий, поступавших «сверху». Вместе с директорами предприятий искали хоть какой-нибудь выход из безвыходного положения. И как ни странно, довольно часто находили его в лабиринте военной экономики;

– важнейшим фактором успеха ее управления служила устойчивая и действенная поддержка выполнения крайне напряженных

заданий со стороны всей массы инженерно-технических специалистов и «простых» рабочих. Они не пытались доказывать конкретными фактами, что те или иные задания невыполнимы, а думали, что же можно все-таки сделать для практического решения проблемы, которое поможет в тяжелой борьбе с врагом. При этом за перегрузки и напряжения приходилось расплачиваться здоровьем.

В конечном счете советская система организации и управления военной экономикой показала себя в условиях войны более эффективной по сравнению с немецкой. Административный и социальный ресурсы послужили одним из основных факторов, обеспечивших материальные предпосылки для нашей Победы.

1.3. Массовая эвакуация заводов как признак подготовки к долгому сопротивлению

Для россиян неожиданным и ошеломляющим было не нападение Германии на СССР, а стремительное продвижение немецких войск в глубь советской территории. Никто в России не готовился к такому варианту развития событий. Удар по сложившимся годами взглядам и ожиданиям был очень сильным, и чувство тревоги возникло у всех. Но общего испуга и паники не было. Руководство страны тоже было оглушено этим ударом, но почти сразу же начало принимать меры противодействия. Главная проблема заключалась в том, как задержать, а затем и выпроводить непрошенных гостей из страны. Для этого сначала нужно было восстановить равновесие сил и на следующем этапе – добиться материального и военного перевеса над агрессором.

Прежде всего потребовалось мобилизовать все силы, чтобы сорвать блицкриг: гитлеровское командование рассчитывало за одну кампанию, то есть до зимы, захватить Ленинград, Москву и Киев. Ценой неимоверных усилий и жертв Ленинград устоял. На Московском, главном направлении германские войска не только встретили непреодолимое сопротивление советских войск, но и были отброшены на многие километры назад, потеряв сотни тысяч солдат только убитыми. Советский народ заплатил за такой поворот в ходе войны тоже немало, но план «Барбаросса» все же сумел опрокинуть.

«Признаюсь откровенно, – пишет Д. Устинов, – мне и самому порой не верится, что вообще оказалось возможным вынести все то, что выпало на долю советского народа в минувшей войне, длившейся бесконечные четыре года. Однако советские люди выстояли,

выдержали, не согнулись под безмерно тяжелой ношей неотложных забот и проблем, безвозвратных потерь и всепоглощающего труда»[1.51].

Война приобрела новый характер – стала затяжной. Ее исход зависел теперь от того, кто будет выносливее, расчетливее и, тем самым, сильнее. Для россиян решение этой задачи потребовало увеличения потенциала военной промышленности примерно в 2,5 раза как за счет нового строительства, так и крутого повышения эффективности действовавших заводов, шахт, электростанций и железных дорог. В Поволжье, на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию было перебазировано более 2,5 тысяч предприятий, в том числе крупных, а также 10 миллионов рабочих, специалистов и ученых из западных и центральных областей.

Уже 24 июня был создан Совет по эвакуации людей, оборудования, других материальных ценностей из западной части страны. В его первый состав вошли: Л. Каганович (председатель), А. Косыгин, Н. Шверник (заместители председателя), Б. Шапошников (Генштаб), С. Круглов (НКВД), П. Попков (Ленгорисполком), Н. Дубровина (НКПС), П. Кирпичникова (Госплан). Создание такого комитета на второй день после начала войны свидетельствует о том, что Сталин сразу же понял: отступать придется долго и надо готовиться к длительной обороне на новых рубежах. Весьма показательно, что в тот же день Политбюро ЦК рассмотрело и одобрило постановление Совнаркома о перемещении в тыл предприятий авиационной промышленности и об ускорении строительства авиазаводов-дублеров в восточных районах страны. На следующий день, 25 июня, Политбюро приняло решение организовать на Урале и в Сибири новую базу танкостроения.

26 июня Президиум Верховного Совета принял Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Предусматривалось увеличение рабочего дня до 10-12 часов, отмена очередных отпусков, взамен которых выплачивалась денежная компенсация. Это позволяло частично возместить сокращение производственного персонала предприятий, вызванное всеобщей мобилизацией военнообязанных из запаса.

27 июня ЦК партии и Совнарком приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Оно определило порядок при размещении на новых местах тех предприятий, которые выпускали военную продукцию, а также заводов химической промышленности, цветной и черной металлургии.

В конце июня ГКО провел в Кремле совещание наркомов и других хозяйственных руководителей. Оно продолжалось недолго, выступления были немногословными. Показательно, что все присутствующие стояли. Оценка обстановки была реальной, указания – четкими. «Я оказался в зале рядом с наркомом черной металлургии И. Тевосяном, – вспоминает С. Гинзбург, ведавший в то время строительством. К нам подошел И. Сталин и обратился ко мне:

– Товарищ Гинзбург, я прошу вас проследить за демонтажем броневых станов в Ленинграде и Мариуполе. Они должны быть направлены в Нижний Тагил как можно быстрее.

Сталин немного помолчал и продолжал:

– А пока эти станы будут доставляться на Урал, дайте все необходимые указания, чтобы были построены соответствующие цеха и сооружения, где в самые короткие сроки можно было бы смонтировать и пустить эти станы. Кроме того, примите все необходимые меры, чтобы в установленные сроки были построены цеха и все, что понадобиться для увеличения выпуска танков в Челябинске, Нижнем Тагиле и Сталинграде...

Для того чтобы оценить сложность этого задания, надо иметь в виду следующее. Ленинградский броневой прокатный стан работал на Кировском заводе и не был демонтирован, а на месте его предстоящей установки – на Нижнетагильском заводе – работало сложное оборудование по прокатке бандажей для железнодорожных вагонов. За два месяца, согласно решению ГКО о переброске стана с Кировского завода, необходимо было разработать и выдать строителям рабочие чертежи, демонтировать оборудование действующего бандажного стана в Нижнем Тагиле и отгрузить его для использования на другом предприятии. Одновременно демонтировать прокатный стан Кировского завода, доставить его в Нижний Тагил, смонтировать с частичной модернизацией на вновь возводимых фундаментах и ввести в действие. В то же время нужно было построить вспомогательные сооружения, необходимые для нормальной работы стана: нагревательные печи и печи для обжига металла, усилить конструкции зданий, установить краны, проложить многие километры внутрицеховых и межцеховых коммуникаций...

И все же строители справились с этой задачей. Прокатные станы были введены в эксплуатацию в установленные сроки»[1.52].

2 июля было принято решение вывести броневой стан Мариупольского завода на Магнитогорский комбинат. На следующий день ГКО, рассматривая план расширения выпуска артиллерийского и стрелкового оружия, принял решение переместить 26 заводов

Наркомата вооружения из Москвы, Тулы и Ленинграда в города Поволжья и Сибири.

4 июля ГКО поручил комиссии Вознесенского с привлечением ряда наркомов «выработать военно-хозяйственный план обеспечения обороны страны, имея в виду использование ресурсов и предприятий, существующих на Волге, в Западной Сибири и на Урале, а также ресурсов и предприятий, вывозимых в указанные районы в порядке эвакуации. При выработке плана учесть как основные предприятия, так и смежные с тем, чтобы можно было производить вполне комплектную продукцию» [1.53].

5 июля Совнарком постановил вывезти из центральных областей в Западную Сибирь часть кадров и оборудования для производства авиаприборов. Наркомату среднего машиностроения было предписано создать на Урале и Поволжье заводы-дублеры по производству танковых дизелей и моторов. С этой целью в Челябинск полностью перебазировали Харьковский дизелестроительный завод и несколько цехов тракторного, а также дизельные цехи Кировского завода в Ленинграде. Одновременно на производство танковых моторов перевели Горьковский завод.

8 июля ГКО принял постановление об организации Особых мобильных строительно-монтажных частей для быстрого перебазирования эвакуируемых предприятий, нового строительства и восстановления разрушенных заводов и других объектов. Всего было создано 100 таких организаций, в которых насчитывалось 400 тысяч строителей и монтажников.

7 августа ГКО постановил эвакуировать из Москвы на Урал отдельные цеха заводов «Серп и молот» и «Электросталь», выпускавших качественные сорта стали. Оборудование фасонно-литейного цеха завода «Серп и молот» направлялось в Магнитогорск, а цеха холодного проката – на Нижне-тагильский комбинат. Оборудование термического, калибровочного, кузнечного и другого назначения направлялось для установки на Златоустовском заводе.

По указанию ГКО одним из первых среди крупнейших промышленных центров на Украине массовую эвакуацию заводов, научных учреждений и институтов начал Киев. В течение двух месяцев отсюда в различные районы на Востоке страны отправили 197 предприятий[1.54].

Об обстановке, в которой проходила эвакуация, в какой-то степени можно судить на примере обмена посланиями между Киевом и Москвой. 9 июля 1941 года Н.Хрущев направил на имя Маленкова телеграмму, в которой предложил:

«В зоне 100–150 км от противника немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов и других сельскохозяйственных машин...Трактора своим ходом перегонять в глубь страны. Остальные машины, которые не могут быть использованы частями Красной Армии.., подлежат немедленному уничтожению...

Немедленно раздавать колхозникам страховые, все остальные зерновые и прочие колхозные фонды... Приступить к угону всего скота.., свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО...

В зоне 100–150 км от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезены при вынужденном отступлении частей Красной Армии».

Ответил ему Сталин, на другой день: «Ваши предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 км от противника, *независимо от состояния фронта* (выделено мною – Р.Б.).

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать как в армии, так и среди населения настроение обязательного отхода вместо решимости дать отпор врагу.

ГКО обязывает вас в виду отхода войск, *и только в случае отвода войск, в районе 70-верстной полосы от фронта* (выделено мною –Р.Б.) увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а что невозможно вывести, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для оставшегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

Электростанции и заводы не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых они надолго не смогут действовать.

Водопроводов не взрывать.

Склады, особенно артиллерийские, вывести обязательно, а что нельзя вывести, взорвать.

После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взрывать основательно.

Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование»[1.55].

Практика быстро показала, что рост масштабов и трудностей переброски производительных сил страны в Поволжье, на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию обгоняет время, и созданный недавно Совет по эвакуации не справляется со своими обязанностями. После его реорганизации по решению ГКО от 16 июля Председателем Совета был утвержден Н. Шверник, а его заместителями – А. Косыгин и М. Первухин, которые в то же время были заместителями председателя Совнаркома, то есть И. Сталина. Этот орган вместе с Госпланом Союза разрабатывал порядок и очередность перемещения людей и материальных ценностей, планировал сроки формирования и отправки эшелонов, а также места их нового размещения. Его постановления, утвержденные ГКО или правительством, были обязательны для местных партийных, советских, хозяйственных и военных органов.

«Совет по эвакуации, – пишет М. Первухин, – являлся штабом по эвакуации населения, перебазированию промышленности, сельскохозяйственной техники, скота, хлеба, культурных ценностей. Вся его работа протекала оперативно, как этого требовала военная обстановка. Ежедневно с утра мы собирались у председателя Совета Н. Шверника, знакомились с поступившими за ночь сведениями на фронтах, с сообщениями наших уполномоченных о ходе эвакуации в отдельных районах, а также рассматривали новые предложения наркоматов о перебазировании предприятий. После ознакомления с поступившими материалами вызывались наркомы или их заместители для рассмотрения их инициатив.

Совет по эвакуации с участием представителей наркоматов, в том числе НКПС, уточнял представленные проекты решений, определял конкретные сроки эвакуации, пункты размещения и количество требуемых для этого вагонов.

Проекты соответствующих постановлений вместе с короткой запиской посылались на рассмотрение ЦК ВКП (б) и ГКО. Рассматривая как-то предложения Совета по эвакуации, И. Сталин в шутку заметил: «Шверник скоро нас всех эвакуирует». На что Николай Михайлович ответил: «Всему свое время».

В течение дня и до поздней ночи председатель Совета и мы, его заместители, связывались по телефону с уполномоченными на местах, проверяли положение дела и в случае необходимости принимали оперативные меры по выполнению заданий правительства, связанных с эвакуацией тех или иных предприятий и населения» [1.56].

По оценке Н. Симонова, в октябре 1941 года началась массовая эвакуация примерно 65 % предприятий военно-промышленных наркоматов.

Эвакуация предприятий оборонной промышленности [1.57]

Единиц

Наркоматы	Общее число предприятий	Из них подлежали эвакуации	Их доля в выпуске продукции 1942 г
Авиапром	139	118	63,9
Танкопром	27	16	20,7
Вооружения	58	32	33,9
Боеприпасов	65	49	-
Минометов	147	72	-
Судостроения	69	41	21,8
Всего	501	328	-

По существу масштабная переброска в глубокий тыл значительной части людского и производственного потенциала сразу же стала одной из форм упрямого сопротивления врагу, хотя ее решающее значение для победы стало понятным только через пару лет. При этом сложностей и опасностей было более чем достаточно. Прежде всего, хронически не хватало подвижного состава, особенно вагонов. Тем не менее на местах не торопились их разгружать – ни складских помещений, ни других укрытий просто не было. Отсутствовали краны для снятия с железнодорожных платформ станков и тяжелых машин. Нередко место разгрузки представляло собой чистое поле или большую поляну в лесу. А небо уж осенью дышало... Поэтому последовала команда: когда место для принятия крупногабаритных грузов заранее не подготовлено, разгружать часть эшелонов с оборудованием эвакуированных заводов на относительно свободных станциях, не доезжая до пункта, указанного в документах, – а там уж как получится. А случалось по-разному...Некоторые грузы наркоматам не удалось найти до самого конца войны.

В докладной записке Госплана СССР от 10 декабря 1941 года сообщалось: «При эвакуации предприятий отбор оборудования для демонтажа проводится во многом случайно, без учета комплектности отдельных видов оборудования и особенно оборудования производственного и энергетического.

Демонтировав оборудование, наркоматы не организовали учета и контроля за его продвижением в пути. В результате эшелоны с эвакуированным оборудованием прибывают к месту назначения, как правило, с большим опозданием, частями и некомплектно.

Большинство наркоматов всю работу по продвижению оборудования переложили на НКПС. Скорость продвижения поездов с

оборудованием установлена 400 км в сутки. Фактически же такие поезда продвигаются со скоростью 200 км в сутки, а в отдельных случаях – менее 100 км. Большинство поездов не имеют номеров маршрута, что затрудняет наблюдение за их продвижением. Значительная часть оборудования следует отдельными вагонами, которые после переформирования составов в пути теряются...»[1.58].

Вместе с оборудованием иногда в пассажирских вагонах, иногда в теплушках ехали часть работников, которые раньше обслуживали его, а также их семьи. На каждой крупной станции можно было набрать кипятку. Но так как поезда отправлялись не по расписанию, а состав останавливался не на первом пути, некоторые «любители» попить чайку отставали от своего состава. Догнать своих можно было только на поезде, который вез раненых. Но на такие поезда далеко не всегда можно было подсесть, даже в тамбур. Нельзя не отметить, что на всем долгом железнодорожном пути, по которому следовали своеобразные караваны переселенцев, были организованы пункты питания. Если повезет, здесь можно было получить горячую пищу, а при необходимости и медицинскую помощь.

Вот как вспоминает те дни рабочий витебской текстильной фабрики М. Фридмен: «Фронт проходил в 80 км от Витебска. С большими трудностями мы добрались до поезда, в котором должны были ехать в Саратов. На товарных путях стояло много грузовых вагонов. С трудом втиснулись в один из них и расположились в углу, у двери. Вагон был переполнен женщинами, детьми и стариками. Жуткая теснота. День был очень жаркий... Поезд стоял целый день. Часов в 10 вечера он пришел в движение и направился в сторону Смоленска. Расстояние между Витебском и Смоленском 120 км. Чтобы их преодолеть, нам потребовалось два дня. Фашистские самолеты летали все время. Каждые 5 км мы останавливались, особенно днем. Ехали ночью, как только приводился в порядок разрушенный железнодорожный путь. 6 июля около 6 часов вечера мы приехали в Смоленск. Дома, железнодорожные будки и шпалы горели. Такая картина запоминается на всю жизнь... Поезд не остановился в Смоленске, так как над городом шли воздушные бои... Проехав еще 60 км состав встал. Люди вышли подышать свежим воздухом. Вдруг появился самолет и сбросил бомбу. Она упала сбоку от линии... Наш дальнейший путь был менее беспокойным, но трудностей хватало. Поезд останавливался на товарных станциях, но нас не забывали. В Курске мы пообедали. Во время продолжительных остановок бегали на базар...»[1.59].

Основной причиной задержки ввода в действие эвакуированного оборудования на новых местах стал острый недостаток квалифицированных кадров. Как правило, наркоматы при вывозе оборудования не могли обеспечить эвакуацию необходимого количества рабочих. А для того, чтобы организовать подготовку промышленных рабочих из местного населения, требовалось время. Сейчас организаторов эвакуации легко критиковать. Но осенью сорок первого было не до критики. Несколько иллюстраций того времени:

Массовая эвакуация промышленных предприятий и других объектов левобережной Украины, в том числе Донбасса, началась в первых числах августа, когда обозначилась реальная угроза выхода вражеских войск к Днепру. Так, 7 августа приказ эвакуироваться получили предприятия Днепропетровска. В их числе был крупнейший трубопрокатный завод, продукция которого была крайне необходима для производства многих видов военной техники, боеприпасов и вооружения.

«В течение полутора месяцев шли демонтаж и отправка на восток оборудования заводов Запорожья. Днем и ночью, часто под артиллерийским и минометным огнем противника велись работы по подготовке машин и специальных установок для погрузки в вагоны. Рабочие не уходили с заводов, ночевали в цехах. Было полностью демонтировано и вывезено оборудование Днепровского алюминиевого завода, имеющего важное значение для производства военных самолетов. Оборудование этого завода в течение нескольких недель было доставлено на уральский алюминиевый завод и быстро установлено с участием рабочих и инженеров, прибывших с Днепра.

На Запорожском металлургическом заводе были демонтированы прокатные станы для горячей и холодной обработки листа, который был нужен для производства боеприпасов, минометов и другой военной техники. Потребовалось 8 тыс. вагонов для погрузки этого оборудования, которое в короткое время было доставлено в Новосибирск на металлургический завод и введено в эксплуатацию. Загруженные составы формировались ночью и в темноте вывозились с завода. Вместе с оборудованием уезжали рабочие, инженеры и их семьи».

Сложнее обстояло дело с эвакуацией электростанций. Их нельзя было остановить, пока не закончится демонтаж соседних заводов, для которого требовалась электроэнергия. Но и тянуть время опасно: противник не будет ждать.

В начале августа встал вопрос о судьбе Днепровской электростанции. «Надо было устроить такой взрыв, чтобы он помешал

немецким войскам использовать плотину для переброски своих войск и техники, а с другой стороны, хотелось оставить возможность быстрого восстановления гидростанции после окончания войны. Было решено заложить взрывчатку в верхний тоннель плотины, соединяющий правый и левый берег. Место закладки взрывчатки отделить с обеих сторон мешками с песком, чтобы взрывная волна пошла в нужном направлении и разрушила только несколько пролетов сливной части плотины, а вместе с ней и мостовой переход...

Смеркалось, через тоннель на левый берег перешли бойцы, охранявшие ГЭС, так как сверху по плотине проходить было уже нельзя, ибо она была под обстрелом артиллерии противника. Вдруг обстрел прекратился. Наступила гнетущая тишина, которая при неизвестности действует на нервы хуже, чем обстрел.

Пришел момент замкнуть контакты... Глухой взрыв потряс плотину. В первый момент в хаосе взрыва и массе хлынувшей воды невозможно было определить характер разрушения. Потом было установлено, что взрывом, как и намечалось, было разрушено несколько пролетов сливной части плотины. При взрыве погибли не только гитлеровцы, находящиеся на плотине, но и при быстром подъеме воды ниже электростанции, в Днепровских плавнях правого берега, было затоплено немало войск и вооружения противника, готовившегося к переправе на левый берег»[1.60].

Летом 1941 года в связи с наступлением немецких войск были эвакуированы на восток машиностроительные, химические и другие заводы из Донбасса, Харькова и других промышленных центров Украины. Краматорский машиностроительный завод был вывезен на Урал, а затем реэвакуирован под Москву, в Электросталь, где был создан новый завод тяжелого машиностроения... В первую очередь перебазировались заводы, занятые изготовлением военной техники. Так, из Харькова был целиком эвакуирован на Урал завод, производящий танки Т-34. При этом вывезли не только оборудование, но и весь основной состав квалифицированных рабочих, инженеров, техников, мастеров и служащих во главе с директором Ю. Максаревым.

С Харьковского турбинного завода все основное оборудование и кадры были перебазированы в Свердловск на Уралтурбозавод, где быстро достроили производственный корпус и организовали выпуск паровых турбин для электростанций. На этот же завод были переведены из Ленинграда основные инженерно-технические специалисты в области турбостроения.

Оборудование и работники Харьковского электромеханического завода были вывезены в ряд городов: в Чебоксары – электроаппаратное производство, в Уфу – производство низковольтной аппаратуры, в Кемерово – взрывобезопасных электродвигателей, в Свердловск – изготовление электромашин постоянного тока на завод Уралэлектротяжмаш» [1.61].

Навстречу нескончаемому потоку эшелонов с эвакуированными людьми и самым различным имуществом двигались поезда с воинскими частями, военной техникой и боеприпасами. В начальный период войны первый поток – на Восток был более мощным. Он потребовал в июле-декабре 1941 года 1,5 млн. вагонов, в то время как второй – только 1,3 млн.

На следующих этапах войны положение изменилось. Масштабы эвакуация предприятий уменьшились, но резко возрос поток, питавший военные действия. Генерал И. Ковалев, возглавлявший в то трудное время Центральное управление военных сообщений (ЦУП ВОСО), подсчитал, что в важнейших стратегических операциях Отечественной войны непосредственно участвовало от 1 до 2 млн. человек. Но в тылу на них работало – изготовляло оружие, снаряжение и готовило продовольствие, участвовало в их транспортировке – 10–12 миллионов. Если смотреть на стратегическую операцию с точки зрения транспортников, то увидим, что в ее обслуживании занято несколько сот тысяч только вагонов. Обеспечение всем необходимым победы в Курской битве, например, потребовало около 600 тысяч вагонов, то есть свыше половины всего имевшегося в то время подвижного состава [1.62].

Все это говорит о том, что транспорт, прежде всего железнодорожный, сыграл самостоятельную, очень важную и ответственную роль в Великой Отечественной войне. Он был одним из китов, на который опиралась Победа. От железнодорожников требовались не только четкость и дисциплина в работе, но и немалое мужество при доставке грузов в прифронтовую полосу. Немецкая авиация совершала систематические налеты на важнейшие железнодорожные узлы и другие объекты. В октябре-декабре 1941 года люфтваффе целенаправленно производила бомбардировки 25 железных дорог, в том числе таких сравнительно отдаленных от линии фронта, как Горьковская, Казанская, Пензенская, Северо-Кавказская, не говоря уже об Октябрьской, Московско-Киевской, Московско-Курской и др. Всего с начала войны по декабрь 1941 года противник совершил на прифронтовые дороги около 6 000 налетов (в среднем 33 налета в сутки),

во время которых было сброшено 46 тысяч авиабомб различного калибра. Из них примерно половина пришлась на долю узловых станций.

Воздушные налеты, конечно, серьезно затрудняли оперативную работу железнодорожников, действовали на психику, но движение поездов в обоих направлениях продолжалось. Обычно на восстановительные работы после очередного налета затрачивалось в среднем менее 6 часов.

Часто движение грузов лимитировала низкая пропускная способность некоторых железнодорожных направлений. В большинстве случаев в начальный период войны перегруженной была колея с Запада на Восток. Выход виделся в том, чтобы быстро пропустить на Запад эшелоны с войсками и военной техникой, а затем сразу по двум колеям пустить составы на Восток, загруженные оборудованием, дефицитным сырьем и людьми. Днем опытные машинисты двигались с интервалом безопасности, не превышавшим нескольких сот метров, то есть в пределах видимости. Их страховали живые блокпосты – железнодорожники с желтыми и красными флажками, расставленные с правой стороны по ходу поезда на расстоянии одного километра друг от друга.

Чтобы увеличить пропускную способность дорог, железнодорожники широко применяли также ускоренное техническое обслуживание состава на остановках. На дорогах были организованы передвижные кузнечные и другие ремонтные мастерские. Созданы базы, выпускавшие запасные части из стального и чугунного литья. Достаточно широко применялось скоростное вождение поездов, в том числе тяжеловесных. На некоторых участках составы сдваивались. При благоприятных условиях такие сверхтяжелые составы составляли до 40–50 процентов всех проследовавших поездов.

Все это позволило поднять интенсивность движения поездов практически до предела возможного. Однако все потребности в перевозках удовлетворить все же не удалось. На некоторых станциях образовались угрожающе большие пробки. Резко упал оборот вагонов. Снизилась маневренность отдельных дорог. Пришлось принимать чрезвычайные меры: временно задерживались поезда с просроченными грузами. Практиковалась принудительная выгрузка оборудования и материалов, на которые не было сопроводительных документов. Например, на Юго-Восточной дороге временно задержали продвижение 375 составов с невоенными грузами (примерно 20 тыс. вагонов) [1.63].

В декабре 1941 года, когда количество предприятий, перебазируемых на восток, резко сократилось, комитет по эвакуации упразднили. Но почти одновременно был образован комитет по разгрузке железных дорог во главе с А. Микояном.

Фактически железнодорожным транспортом в годы войны управляли три организации: *Транспортный комитет*, созданный при ГКО в феврале 1942 года (председатель И. Сталин). Он осуществлял общее руководство и контроль за работой железных дорог, а главное – распределял подвижной состав, прежде всего вагоны, между фронтами, наркоматами и регионами; *Центральное управление военных сообщений* при Наркомате обороны, которое оперативно направляло и регулировало движение поездов в интересах, прежде всего, фронта; *Наркомат путей сообщения,* основная функция которого состояла в том, чтобы организационно, технически и финансово обеспечить бесперебойную работу всей железнодорожной системы.

Первая скрипка в этом оркестре принадлежала Центральному управлению военных сообщений. Оно конкретно и целенаправленно руководило движением поездов по всей территории страны. На протяжении всей войны на учете этого управления ежедневно находились примерно 2 тысячи эшелонов с войсками и 11–13 тысяч транспортов с оружием, боеприпасами и другими видами продукции, насчитывавших сотни наименований. За каждым эшелоном и воинским транспортом было установлено наблюдение.

В целях сохранения тайны передвижения войск ни одна дорога, ни один комендант и даже наркомат путей сообщения никогда не знали, куда идет груз или эшелон. Они знали только его номер и ближайшую узловую станцию назначения.

Сводки о погрузке, продвижении и выгрузке конкретного состава поступали в Центральное управление 4 раза в сутки, через каждые 6 часов. Полученные данные наносились на схемы-карты и ежедневно докладывались И. Сталину, начальнику Генерального штаба и начальнику тыла. На схемах-картах было наглядно показано, где конкретно находится данный эшелон или транспорт, с какой скоростью он двигается и когда прибудет в пункт назначения. По команде Главного командования и Генштаба управление имело возможность повернуть в пути любой эшелон в сторону пункта разгрузки того или иного фронта.

После ликвидации Совета по эвакуации к ЦУП ВОСО перешла функция контроля за движением эшелонов с эвакуированными людьми и грузами, а также санитарных поездов и перевозками

топлива и сырья для военных отраслей промышленности. Конечно, не все зависело от ВОСО, и оно допускало ошибки и просчеты, но в целом транспортная система России, несмотря на крайне тяжелые и опасные условия, всю войну работала без крупных сбоев. Она обеспечила быстрое *создание новой базы* оборонной промышленности в Поволжье, на Урале, в Сибири и Средней Азии, что в свою очередь послужило материальной основой для силового вытеснения захватчиков с нашей территории на следующих этапах войны.

Октябрь–декабрь 1941 года – самый напряженный и опасный этап Отечественной войны. 5 октября летчик-истребитель, которого направили на разведку военной обстановки на западе от столицы, обнаружил на шоссе Орел – Мценск – Москва крупную колонну немецких танков и мотопехоты, которая быстро двигалась по шоссе к столице. Причем наших войск на этом направлении не было. Московское командование сначала даже не поверило этому сообщению, и органы НКВД арестовали летчика как провокатора. К сожалению, это было правдой... «*К исходу 7 октября,* – вспоминает Г. Жуков, – *все пути на Москву, по существу, были открыты*» [1.64].

Спустя примерно месяц, Сталин позвонил Жукову и спросил:

«– Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас об этом с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

– Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

– Это неплохо, что у вас такая уверенность. Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября. Танков пока *у нас нет*» [1.65].

Именно на это время приходится пиковый, самый рискованный период как в военном, так и экономическом положении нашей страны за все годы войны. 10 октября ГКО принял решение перебазировать из столицы в глубокий тыл металлургические заводы и все основные предприятия, производившие боевую технику, вооружение и боеприпасы. Опасная военная обстановка, сложившаяся на подступах к Москве и на других участках фронта, потребовала чрезвычайных мер по ускорению их перебазирования подальше от прямых военных действий. В это время был создан специальный комитет по эвакуации из прифронтовой полосы запасов продовольствия и промышленных товаров, а также оборудования текстильных, обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов. Особое внимание уделялось вывозу продовольственного зерна.

В эти же решающие дни не без оснований ожидали, что столица может оказаться в окружении гитлеровских войск: танки Гудериана дошли до Каширы, охватывая Москву с юга, непосредственно угрожая Коломне. Одновременно с другой стороны противник форсировал канал Москва-Волга, создав прямую угрозу Рыбинску и Ярославлю, где в массовом порядке выпускали моторы для боевых самолетов и другой военной техники. В Ярославле, что было не менее важным, давно уже было освоено многотоннажное производство синтетического каучука – исходного сырья для изготовления колес для пушек, автомобилей, самолетов и многих других так называемых резинотехнических изделий.

Логично, что в такой обстановке последовали правительственные решения о срочном перебазировании в тыл новой серии заводов, расположенных в непосредственной близости к востоку от Москвы.

Хорошо известный паровозостроительный завод в Коломне к тому времени освоил выпуск танковых корпусов и башен, и вдруг новый приказ: срочно эвакуировать завод в город Киров... Ушли на восток первые составы с людьми. Многие из них жили в соседних деревнях и селах. «Почти каждый имел небольшой домик, огород или сад. У каждого был сложившийся годами привычный уклад жизни. Люди покидали родные места со слезами на глазах, с болью в сердце...Около 15 тысяч рабочих, инженеров, служащих и членов их семей уехали на новое место. В Кирове к этому времени выпал снег, ударили морозы. В трудных условиях в невиданно сжатые сроки коломенцы на новом месте начали производить танки.

Коломенский завод продолжал жить и на старом месте. Остались котельная, электростанция, небольшая кислородная станция, сварочное оборудование, некоторое количество металлорежущих станков, молот свободной ковки и др. Сохранилась одна из четырех мартеновских печей, формовочный пролет с краном. Нашлось кое-что из материалов, оснастки, оборудования. Около 3 тысяч человек трудились в меру своих сил и возможностей. Они организовали производство ружейных гранат, сваривали противотанковые «ежи». Широко развернули производство стальных литых башен (в форме колпаков) для долговременных огневых точек с амбразурами. Эти башни пригодились при обороне Москвы. Военные их брали по принципу: «только давай».

На станции оказались бесхозными восемь пушек калибром 152 мм. Все они стояли в тупике на платформах. Пушки прибыли без документов, стояли уже более двух недель. Ими никто, к удивлению,

не интересовался. Решили на их основе построить бронепоезд. Задумка была реализована довольно быстро. Из Москвы на завод прибыли военные, среди них были и артиллеристы. Специалисты не скрывали своего восхищения: они не ожидали, что столь мощные пушки можно так удачно расположить на обычных железнодорожных платформах. Понравилось им и оригинальное устройство башен и захватов. Была отмечена добротность сварочных и монтажных работ. Бронепоезд доукомплектовали зенитными крупнокалиберными пулеметами, танковыми пулеметами с шаровыми опорами, новой телефонной связью и средствами наблюдения. Прибыла военная команда, и сверхплановая боевая единица своим ходом ушла на фронт. Там бронепоезд отличался своей огневой мощью и хорошо подобранной командой, которой вскоре присвоили звание гвардейской...» [1.66].

Аналогично сложилась судьба многих заводов, в том числе и Ярославского завода синтетического каучука. Для того чтобы последующие события были более понятными, стоит привести небольшую выдержку из воспоминаний Н. Патоличева. В ночь на 15 октября он вместе с первыми секретарями Горьковского и Ивановского обкомов партии был вызван в Кремль на беседу со Сталиным. Речь шла о начале строительства оборонительных рубежей в этих, ставших прифронтовыми областях. В конце встречи Патоличев обратился к нему с вопросом:

«— Не следует ли нам эвакуировать некоторые заводы Ярославской области?

— Какие заводы вы имеете в виду? — спросил меня Сталин. Я назвал Рыбинский завод моторостроения, шинный и «Красный Перекоп». Подумав, Сталин сказал:

— В Ярославль мы противника не пустим.

Сказано это было с такой твердостью и убежденностью, что мы все в это поверили.

— Но, — продолжал Сталин, — противник может эти важные для страны заводы разбомбить. Поэтому их надо эвакуировать» [1.67].

Завод синтетического каучука не был включен в названную тройку. Но обстановка вокруг него осложнялась тем обстоятельством, что осенью 1941 года все другие мощности в стране по каучуку практически перестали давать продукцию. На ярославцев возложили всю тяжесть снабжения этим сырьем шинной, резиновой и асбестовой промышленности. Поэтому после того, как 15 октября Совет по эвакуации принял решение об эвакуации СК-1 в Чкалов (Оренбург) и Орск, на заводе начали подготовку к демонтажу оборудования.

Но секретарь обкома партии Н. Патоличев обратился в ЦК с предложением эвакуировать только 50 % мощностей, с тем чтобы оставшаяся половина продолжала выдавать остродефицитную продукцию. Это предложение было принято.

Однако на заводе в Ярославле значительная часть технологического оборудования к этому времени была уже демонтирована, в том числе основные аппараты и все скруббера в газовом цехе. Один эшелон с оборудованием уже успели отправить на восток.

6 декабря был издан приказ по заводу: ускорить отправку людей и аппаратуры, которые были включены в ту счастливую или, наоборот, невезучую (кто знал?) половину, предназначенную к перебазированию в тыл. Между тем в заснеженных полях под Москвой только что прибывшие из Сибири свежие, полностью укомплектованные дивизии перешли в контрнаступление и погнали немецкие войска на запад. Работники завода сразу же поняли, что их поездка на восток будет отменена. Вот как об этом вспоминает очевидец тех дней: «Это было в декабре 41 года. Как технолог цеха полимеризации я в последний раз в два часа ночи обошла цех, поговорила с аппаратчиками и собиралась немного отдохнуть в нашем, небольшом кабинетике. Вдруг позвонил секретарь партбюро Соколов. «Слыхала новость?» – спрашивает. «Какую?». – «Наши начали наступление и погнали немцев от Москвы». У меня слезы выступили от радости. Я, заплаканная, побежала в цех. И что тут было! Одни плакали навзрыд от счастья, другие кричали «ура», обнимали друг друга, третьи ударились в пляс...Мы никуда не будем эвакуироваться из Ярославля» [1.68]. Вскоре завод стали восстанавливать на старом месте ударными темпами. Но так повезло не всем.

К началу декабря только из Москвы и Московской области было эвакуировано 498 предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, не считая предприятий республиканских и промкооперации. Кроме того, были эвакуированы многие высшие учебные заведения, научно-исследовательские и проектные институты, библиотеки, музеи, театры. С ними из столицы выехали 210 тысяч работников разных специальностей [1.69].

Угрожающая военная обстановка все настойчивее требовала увеличения производства вооружений и боеприпасов, а промышленность сокращала их выпуск. Причин было несколько: в течение первых двух-трех месяцев после начала войны кончились запасы сырья, топлива, комплектующих деталей, которые перестали поступать через органы государственного снабжения в связи потерей

южной металлургии, Донбасса и других источников. Стоит напомнить, что на территории Союза, оккупированной немцами к ноябрю 1941 года, до войны проживало около 40 % населения страны. Здесь добывали 63 % угля, выплавляли 58 % чугуна и 58 % стали, производили 60 % алюминия [1.70].

К концу первого полугодия 1942 года благодаря величайшему напряжению сил на востоке страны вступили в строй 1200, то есть меньше половины, эвакуированных предприятий. Кроме того, было создано и принято в эксплуатацию 850 новых заводов, шахт, электростанций, доменных и мартеновских печей, прокатных станов [1.71].

Несмотря на огромные масштабы эвакуации, из оккупированных районов удалось вывезти в тыл не более 50 % находившегося там технологического оборудования и 20–30 % работавшего на нем производственного персонала. Но и то, что вступило в строй, не сразу достигло проектных мощностей. На местах возникала масса своих трудностей и неувязок с сырьем, топливом, электроэнергией, рабочей силой. Так, к середине декабря из 26 предприятий и цехов химической промышленности, эвакуированных в восточные районы (всего эвакуации подлежало 36 заводов), на место прибыло лишь 8. Из них было пущено в эксплуатацию меньше половины [1.72].

В ноябре и декабре 1941 года народное хозяйство не получило из Донецкого и Подмосковного бассейнов ни одной тонны угля. В это время стояли все металлургические комбинаты юга. Выпуск стального проката – хлеба военной промышленности в декабре 1941 года по сравнению с июнем уменьшился в 3,1 раза. Производство цветных металлов остановилось почти полностью – за тот же период оно сократилось в 430 раз. Изготовление подшипников, без которых нельзя сделать ни один мотор или станок, снизилось в 21 раз. Объем валовой продукции всей промышленности с июня по ноябрь уменьшился в 2,1 раза [1.73].

Ноябрь – самая низкая точка на этой опасной кривой. Именно в этот момент благодаря невиданному напряжению всех сил и воли российский народ сотворил «чудо» – перешагнул через невозможное, и военное производство стало расти: второй экономический фронт, получив подкрепление за счет эвакуированных предприятий, перешел в наступление. Под Москвой в критический момент военная помощь пришла из Сибири, и в это же время Сибирь, Урал, Поволжье принимали эшелоны с оборудованием, сырьем и умелыми работниками из Центра, Украины и Северо-Запада. И в том, и в другом случае помощь пришла вовремя.

В результате не только войска под Москвой перешли в наступление, но и в экономике вскоре начался подъем. Удалось небывало быстро ввести в строй значительную часть прибывших издалека заводов и фабрик. Люди, которые никогда не имели дела со строительством, брались за любую работу: рыли котлованы, укладывали фундаменты, монтировали станки и другое оборудование, налаживали весь производственный процесс. Именно они разрешили неразрешимую задачу – с декабря 1941 года падение промышленного производства прекратилось, а с марта ближайшей весны его объем начал нарастать. К середине года перестройка советской экономики на военный лад была в основном завершена, и к началу 1943 года страна имела довольно слаженное военное хозяйство. Так камень за камнем закладывался экономический фундамент Победы.

Глава 2. Тяжелая промышленность — несущая конструкция военной экономики

На промышленность легла главная ответственность за материально-техническое обеспечение решения ключевой задачи войны — достижения перевеса над вооружением противника в условиях боя, то есть в условиях беспощадной борьбы интеллекта, физических сил, огня и маневра. За этими четырьмя факторами стояли мощность и выносливость моторов, скорострельность, дальнобойность и точность оружия, достаточное количество и качество боеприпасов, наличие многих миллионов тонн топлива, а также люди, способные все это эффективно производить и использовать. При этом речь шла не только о количественной стороне вооружений, но и об их качественных характеристиках. Они должны были превосходить показатели, достигнутые противником. Только при таких условиях можно было выиграть противоборство в напряженной кровавой схватке, в которой участвовали многие миллионы людей как на фронте, так и в тылу.

Летом 1941 года наша промышленность не отвечала всем жестким требованиям современной войны. Оккупация германскими войсками значительной части территории страны значительно ослабила и сузила производственный потенциал России. С формальной точки зрения критическое состояние ее военной экономики в конце 1941 года исключало благополучный для нее исход войны. Многие политики и военные стратеги, обобщив итоги первых месяцев боевых действий, поторопились поставить пессимистический диагноз. Но они ошиблись. Как уже говорилось, произошло внеочередное «русское чудо»: потеряв часть своих физических сил и мощностей, промышленность России сохранила и *умножила* свои творческие способности, организованность, целеустремленность (все — для фронта!), духовную стойкость. Человеческий фактор не только возместил материальные потери, но и заметно увеличил реальную мощь ключевой отрасли страны.

Такой вывод подтверждают многие факты. Например. «Приверженность к некоторым техническим традициям, – отмечает Н. Смеляков, – мешала Сормовскому судостроительному заводу осваивать массовое производство танков. Нельзя сбрасывать со счетов, что прежнее производство на заводе базировалось на универсалах-умельцах, на принципах индивидуального и мелкосерийного производства, на привычных канонах судостроения. Сложнее было перестроить психологию людей, чем реконструировать сам завод. Но победила сила патриотизма, исключительное трудолюбие, понимание своей роли в происходящих событиях.

Узким местом оставалось производство литых башен. Для их машинной формовки не было специального оборудования. Если бы оно появилось, ставить его все равно было негде. Решили отливать башни в стальную форму – кокиль. До самого конца войны, в отличие от других заводов, здесь башни отливались именно таким способом.

Сложнее оказалось освоить изготовление нужного количества траков (отдельных звеньев гусениц). Отливка траков явилась как бы супермассовым производством. На каждый танк шло полторы сотни звеньев, не считая поставляемых в запас. Фронтовой опыт давал импульсы к изменению конструкции и технологии их производства. Нужно было осваивать новый стержень для трака. Литейные стержни делались вручную, и требовались они в больших количествах. Каждый рабочий должен дать за смену, по крайней мере, 200 штук, но более 100 никто не изготовлял.

Пришлось обратиться за помощью к моему старому знакомому, стерженщику высокой квалификации Юрию Петровичу Рожкову. Попросил его показать в нашем цехе свои приемы работы. Объяснил, зачем это нужно: доказать, что можно сделать за смену 300 стержней. Юрий Петрович задумался.

– Дайте время. Дело нужно обмозговать. Тут ведь сплоховать негоже.

Готовился он целую неделю, прежде чем дать согласие...

Юрий Петрович, высокий, худощавый, чисто выбритый, встал за обычный стержневой верстак. Снял пиджак, аккуратно залатанный. Надел фартук, в котором всегда работал. Достал дополнительный немудреный инструмент. Взял стержневой ящик, проверил его исправность, разложил инструмент в привычном для себя порядке. Делал все это, не торопясь и не волнуясь. Когда было все готово, спросил разрешения начинать.

Работал он как бы не спеша. Его длинные, ловкие пальцы, однако, быстро завершали одну операцию за другой, заполняя сушильные плиты готовыми стержнями. Казалось, инструмент, стержневой ящик, наконец, сам готовый стержень в руках рабочего невесомы. Никакого видимого напряжения. Четкий ритм.

– Спорно работает, – бросил кто-то из присутствовавших.

– Мужику-то можно так работать, – добавила женщина, стоявшая рядом со мной.

Незаметно прошел час. Сделано 40 стержней. Цифру вслух никто не произносил. Считают молча. Дело простое, на каждой плите 10 готовых стержней. А изумительные руки этого человека продолжают вынимать из ящика все новые и новые стержни. Кто он, этот рабочий, – фокусник, маг? Нет, конечно. Это большой мастер, влюбленный в свое дело.

Незаметно прошел и второй час. Сделано еще 50 стержней, качеству которых позавидует любой стерженщик. Неторопливый, четкий, все нарастающий ритм труда и красота движений, отсутствие суетливости. Это уже настоящее искусство, которое буквально завораживает присутствующих. Никаких реплик или разговоров. Все любуются рабочим. А его руки продолжают делать свое дело...

Прошло пять часов. Счет точный: 300 стержней.

Юрий Петрович сделал короткую передышку, впервые посмотрел на обступивших его рабочих и спросил меня:

– Продолжать?

Я поблагодарил его и ответил, что не нужно...

На другой день мы послали ему премию – рабочие ботинки.

Мы понимали, что такое количество стержней может делать далеко не каждый рабочий-мужчина, даже высокой квалификации. А в стержневом отделении работали почти одни женщины. Но проблема была решена. Вскоре был изготовлен несложный инструмент конструкции Рожкова. Его вручили каждому рабочему. Норма 250 стержней за смену стала обычной. Лучшие стерженщицы делали по 300 штук, а иногда и более»[2.01]. По существу это был результат внедрения научной организации труда, наглядный урок которой для всех дал опытный рабочий-практик.

Массовый характер нововведений и рационализации стал важным фактором преодоления постоянного напряжения и диспропорций военной экономики. Нужда заставляла искать и находить нестандартные решения как на уровне всего народного хозяйства, так и в рамках отдельных предприятий и рабочих мест:

Не хватало качественной стали – научились варить ферросплавы в доменных печах.

Потребовалось много броневого листа – начали катать его на блюмингах.

Нужно было круто увеличить поставки фронту самолетов и танков – наладили их массовый выпуск: танки собирали на конвейере, самолеты – поточным методом.

Острый дефицит алюминия заставил создать и использовать для обшивки самолетов специальную клееную фанеру.

Список таких новаторских решений можно значительно расширить. Все они были направлены на достижение главных стратегических целей: резкого увеличения выпуска всех видов вооружений и боеприпасов, улучшения их качества, сокращения сроков освоения производства новейших образцов военной техники. Для этого требовалось повысить эффективность всех отраслей военной экономики и, прежде всего, промышленности за счет более тесного сотрудничества конструкторов, технологов и организаторов производства в деле повышения основных характеристик конечной продукции, с одной стороны, и экономии времени, труда, дефицитного сырья и топлива, с другой. Самыми узкими местами в этом комплексе на протяжении почти всего военного периода были металл и топливо.

2.1. Добыча топлива стала «узким» звеном промышленности

Хронические болезни угольной промышленности в годы довоенных пятилеток удалось как-то залечить. Однако высокие перегрузки военных лет вновь вызвали их вспышку с острыми осложнениями для всей военной экономики.

Добыча отдельных видов топлива [2.02]

млн. т, в пересчете на условное топливо – 7000 калорий

Топливо	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Всего	237,7	222,0	119,2	136,0	158,5	185,0
В том числе:						
уголь	140,5	128,3	56,5	69,7	90,9	115,0
нефть	44,5	47,2	31,4	25,7	26,1	27,8
газ	4,4	4,6	2,7	2,4	3,1	4,2
торф	13,6	11,2	6,0	8,7	9,4	9,2
сланцы	0,6	0,7	0,14	0,15	0,17	0,4
дрова	34,1	30,0	22,5	29,3	28,8	28,4

Как видно из этих цифр, уже в 1941 году добыча всех видов топлива (кроме нефти и газа) значительно сократилась по сравнению с довоенным уровнем. В 1942 году положение в этой области еще более ухудшилось. Так, добыча угля, на долю которого в сороковом году приходилось 59 % всех ресурсов топливного баланса, упала более чем вдвое. Нефти и газа стали добывать на треть меньше. Сократились заготовки торфа и дров. Это была катастрофа, которая потрясла всю военную экономику, а значит, и армию. Напомню, что основными потребителями угля были металлургия, электростанции и транспорт. На фронте не хватало танков и снарядов, а из-за дефицита топлива останавливались мартены, а затем и конвейеры танковых производств.

С мест поступали тревожные телеграммы. «Положение сейчас остается таким тяжелым, если не хуже. Запасы топлива мы исчисляем минутами...», – сообщал в январе 1943 года директор Нижнетагильского металлургического завода. На Магнитогорском металлургическом комбинате из 19 мартеновских печей в связи с дефицитом топлива выплавляли сталь только 11. Из 10 прокатных станов работали только 4. На Челябинском ферросплавном заводе из 17 печей действовало только пять. Был полностью остановлен электроплавильный цех Златоустовского завода, насчитывавший 10 печей. Доменные печи уральских металлургических заводов – Новотагильского, Ашинского, Саткинского были переведены на тихий ход.

Нехватка металла, электроэнергии, в свою очередь, сдерживали выпуск танков, самолетов, орудий, боеприпасов. В марте 1943 года Наркомат танковой промышленности сообщал в Государственный Комитет Обороны: «В январе и феврале имели место срывы в работе важнейших танковых заводов из-за необеспеченности электроэнергией, топливом и металлом. Минимальные заделы по литью и поковкам, имевшиеся на заводах, полностью израсходованы. В результате слабой отгрузки металла имеющийся на заводах металл некомплектный, а некоторых особо дефицитных профилей совершенно нет»[2.03].

К сожалению, это было неизбежно, поскольку были нарушены ключевые пропорции в народном хозяйстве.

Динамика промышленности и ее отдельных отраслей [2.04]

1941 год = 100

	1941	1942	1943	1944	1945
Вся промышленность	98	77	90	104	92
Оборонные отрасли	140	186	224	251	215
Электроэнергетика	96,7	60,2	66,9	81,2	89,6
Топливные отрасли	93,4	50,1	57,2	66,7	77,8
Добыча угля	41,3	40,2	49,6	64,7	81,9

Из таблицы хорошо видно существенное отставание топливных отраслей и, особенно, добычи угля от потребностей промышленности и ее оборонных отраслей на протяжении всего военного периода. Причины понятны. Труднее объяснить, как выходили из такого положения крупные потребители топлива – производители тяжелого вооружения. Зафиксировано немало фактов, когда из-за отсутствия топлива приходилось снижать производство электроэнергии, металла, другой продукции и изделий.

Среди причин разбалансирования топливного баланса можно назвать две основные: первая – потеря ряда угольных бассейнов в связи с их оккупацией германскими войсками. В 1940 году на их долю приходилось 63 процента добычи угля и 74 процента производства кокса. Если металлурги и машиностроители с немалыми трудностями, но все же смогли эвакуировать на восток значительную часть своего технологического оборудования, то шахтеры при всем желании не могли погрузить шахты ни на какие составы. При приближении противника их взрывали или затапливали. С собой удалось взять лишь отбойные молотки и некоторые специальные машины, которые можно было поднять на-гора и погрузить на платформы. На новом месте их нельзя было ввести в эксплуатацию, пока не были готовы новые шахты и подготовлены забои. А для этого требовалось время. Вторая причина – недостаточная организованность и ослабление внимания со стороны партийного и хозяйственного руководства к проблемам развития шахтного строительства и расширения мощностей действующих шахт и разрезов в Кузбассе и Караганде. Проявилась старая тенденция органов управления – в первую очередь заботиться о предприятиях, выпускающих конечную продукцию: самолеты и танки, орудия и снаряды... На втором месте – их непосредственные поставщики: металлургия и электростанции. Угольная промышленность оказалась в третьем круге внимания и заботы. Но работа здесь, особенно

под землей, намного опаснее и тяжелее, чем «наверху». Чтобы компенсировать дополнительные нагрузки и риск, нужна повышенная реальная оплата труда и лучшие условия быта и отдыха шахтеров. Но этого как раз и не хватало.

В результате на шахтах Кузбасса, которые стали основным центром по добыче угля, в 1942 году при увеличении общего количества занятых на комбинате удельный вес забойщиков, навалоотбойщиков и крепежников снизился. При этом из-за нехватки подсобных рабочих они вынуждены были сами выполнять многие вспомогательные операции. Закономерно, что в таких условиях производительность труда в забоях и на других работах падала. Так, в августе 1941 года добыча угля на одного забойщика составила 107 тонн, а через год она снизилась до 81 тонны. В то же время выросло число аварий и простоев. Упала трудовая дисциплина. Одновременно в несколько раз возросло число прогулов.

Как отмечалось в Постановлении ЦК партии от 24 сентября 1942 год, «Новосибирский обком, горкомы партии и хозяйственные руководители Кузбасса проявили недопустимую беззаботность к вопросам бытового устройства рабочих и особенно устройства вновь пришедших кадров (жилища, столовые, бани, организация питания и торговля). Это нашло свое отражение и на большой текучести рабочих на шахтах. Вместо того чтобы проявить особую заботу в отношении подземных рабочих, их обслуживание поставлено плохо»[2.05].

Одновременно с падением добычи угля ухудшалась его структура, то есть качество.

Добыча угля по видам [2.06]

млн. тонн

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Всего	165,9	151,4	75,5	93,1	121,5	149,3
Каменный уголь	140,0	124,4	49,0	54,7	76,3	99,4
Из него: антрацит	36,4	25,1	0,3	3,4	10,1	17,6
Бурый уголь	25,9	27,0	26,5	38,4	45,2	49,9
В процентах к итогу						
Каменный уголь	84,4	82,2	64,8	58,8	62,8	66,6
Бурый уголь	15,6	17,8	35,2	41,2	37,2	33,4

Увеличение добычи бурого угля, имевшего меньшую калорийность, лишь частично компенсировало падение добычи каменного угля. И практически нечем было восполнить сокращение добычи коксующихся углей. Теперь все зависело от шахтеров Кузбасса, ставших основными поставщиками таких углей. На их долю приходилось три четверти всей добычи коксующихся углей в стране. Это означало, что от них в наибольшей степени зависели объемы производства металла. Все это понимали, но реально помочь горнякам не могли. За первые пять месяцев 1943 года план по коксующимся углям был выполнен всего на 79 процентов. Стало ясно, что указаниями и наказаниями дело не изменишь. В июне ГКО принял специальное решение о неотложной помощи Кузбассу в увеличении добычи и улучшении качества коксующихся углей. К решению этой задачи вели три пути: увеличение численности производственного персонала, повышение производительности его труда и строительство новых шахт. Чтобы выиграть время, решили использовать все три возможности. Уже через три-четыре месяца количество шахтеров и инженерно-технических работников увеличилось в два раза. Конечно, среди них преобладали женщины и молодежь. Их надо было обучить тяжелым и опасным горняцким профессиям, как говорится, без отрыва от производства. Местом учебы стал забой, а учителями – кадровые шахтеры. Использовались и материальные стимулы – горнякам повысили сдельную заработную плату.

Для повышения производительности труда потребовалось механизировать наиболее трудоемкие процессы. Несмотря на ограниченность ресурсов для Кузбасса дополнительно выделили врубовые машины, насосы, конвейеры, другое шахтное оборудование. Но всего понемногу. Резервных запасов не было, так как машиностроители были заняты тем, чтобы максимально расширить выпуск боевой техники.

Производство оборудования для угольной промышленности [2.07]

штук

Оборудование	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Угольные комбайны	22	3	-	-	-	5
Врубовые машины	1256	927	121	366	935	1833
Отбойные молотки*	18,7	12,7	6,2	23,2	27,6	40,0
Погрузочные машины	194	-	-	30	41	11
Электровозы рудничные	511	423	39	300	400	651

* Тысяч штук.

Круг замкнулся: машиностроители резко снизили производство оборудования для шахтеров из-за ограниченных ресурсов металла. У металлургов простаивало оборудования из-за дефицита кокса. Угольщики снизили производительность, так как не хватало машин. В 1943 году довоенный уровень производства был превышен только в производстве отбойных молотков. Но их использование – тяжелый ручной труд. Погрузочные машины тоже не выпускались. Приходилось уголь грузить лопатами.

В конце войны по сравнению с 1940 годом на шахтах было меньше тяжелых врубовых машин (на 606 штук), бурильных молотков (на 468), шахтных вагонеток (на 42 тысячи штук) [2.08].

В 1942 году после постановления ГКО «О неотложных мерах по увеличению добычи угля» в Кузбасс прибыли новые рабочие (31 тысяча) и электровозы (лишь 19). Еще сложнее обстояло дело с механизацией труда горняков в других бассейнах. Поэтому не приходится удивляться, что даже в 1945 году производительность труда одного рабочего в угольной промышленности все еще была ниже довоенного уровня, в том числе в Кузбассе – на 21 %, в Донбассе – на 44 %, в Подмосковном бассейне – на 28 %, в Караганде – на 32 %, на шахтах и разрезах Урала – на 8 %.

Третий путь увеличения добычи угля – строительство новых шахт и разрезов, требовавший много времени и оборудования, стал давать заметные результаты после 1942 года. Так, горняки Караганды в 1943 году практически удвоили мощность своей отрасли, введя в строй 28 новых горизонтов (в 4 раза больше, чем в предыдущем году), 6 шахт и один, но мощный угольный разрез. В Кузбассе в это же время ввели в эксплуатацию восемь крупных шахт. На Урале новое строительство сконцентрировалось в границах Гремяченского месторождения, где пласты угля располагались сравнительно неглубоко и достигали 8 метров толщины. В 1943 году здесь были введены в эксплуатацию четыре шахты и подготовлены к пуску в следующем году еще три [2.09].

1943 год был переломным во многих отношениях, в том числе в динамике угледобычи. Общий прирост ресурсов угля по сравнению с предыдущим годом составил 17,6 млн. тонн или 23 %. Из них на долю Кузбасса приходилось около 4 млн. тонн, причем почти весь прирост был получен за счет увеличения добычи коксующихся углей. Прибавку в 5,8 млн. обеспечил Подмосковный бассейн. Урал добавил 4,7 млн., Караганда – 2,6 млн. тонн. Полное освобождение Донбасса завершилось в 1943 году. К концу

этого года шахтеры бассейна сумели поднять на-гора 4,1 млн. тонн угля [2.10].

В следующем году восстановленные шахты Донбасса стали играть уже одну из ведущих ролей в наполнении топливного баланса страны. Они добыли 20,3 млн. тонн угля, что составило около 17 % общей добычи. Но первое место все еще принадлежало Кузбассу – 22 %. И опять вся прибавка – 2,2 млн. тонн состояла из коксующихся углей. Подмосковный бассейн добавил 3,2 млн., Урал – 2,4 млн., Караганда – 1,2 млн. тонн[2.11].

Положение в **нефтяной промышленности** мало чем отличалось от провалов и успехов угольщиков. Добыча нефти после начала войны какое-то время продолжала расти, затем круто, почти в два раза, сократилась и даже в 1945 году на треть была ниже довоенного уровня. Но расширение авиации, танковых войск, автомобильного транспорта, да и многих других потребителей, использовавших различного рода двигатели, требовало увеличения ресурсов бензина, дизельного топлива, мазута, а также минеральных масел. В военном хозяйстве возникла еще одна, притом растущая диспропорция, которая грозила самыми неприятными последствиями. Но и здесь ее решение зависело не только от усилий людей, но и от многих внешних обстоятельств. Люди делали больше, чем это возможно в нормальных условиях.

Добыча нефти (включая газовый концентрат) [2.12]

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Млн. тонн	31,1	33,0	22,0	18,0	18,3	19,4
В %% к 1940 г.	100	106	71	58	59	62
В том числе:						
В Азербайджане	22,2	23,5	15,7	12,7	11,9	11,5
В РСФСР	7,0	7,5	4,5	3,4	4,4	5,7

Как видно из приведенных в таблице цифр, наиболее крутое падение добычи нефти (на одну треть) отмечено в 1942 году, когда немцы захватили Майкоп и Грозный и, выйдя к Волге у Сталинграда, перекрыли основной транспортный путь для бакинской нефти в центральные районы России. Остался окружной путь через Каспий, далее по Казахстану в Россию. Случалось, что буксир тащил за собой целый караван железнодорожных цистерн через море до Красноводска или Гурьева. Там их ставили на колеса, и они

продолжали свое путешествие до места назначения – на Урал и Волгу по железной дороге. Для оперативной перевозки горючего в прифронтовых районах были построены новые железнодорожные ветки: Астрахань – Кизляр, левый берег Волги – Баскунчак, Сталинград – Камышин – Саратов и др.

Конечно, везти сырую нефть окружным путем с двумя– тремя «пересадками» –дорогое удовольствие. И от него часто отказывались. Из Баку стали транспортировать только автомобильный и авиационный бензин. По тем временам это был наиболее экономичный вариант. Поэтому в Азербайджане образовались излишки «обезжиренной» (отбензиненной) нефти. Ею заполнили практически все свободные емкости. Свыше 5 млн. тонн такой нефти после первичной перегонки перекачали в лощины рек и сохраняли как резерв для использования в качестве котельного топлива в будущем. Часть промыслов законсервировали и резко сократили бурение новых эксплуатационных и разведочных скважин. Это, естественно, сказалось на общей динамике и масштабах развития нефтяной отрасли [2.13].

Бурение нефтяных скважин [2.14]

тыс. метров

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Эксплуатационное	1 416	1 380	334	353	416	532
Разведочное	531	723	236	222	305	395

Бурение новых скважин после 1941 года производили только в восточных районах. Всего на расширение добычи нефти в военные годы было направлено в 1,7 раза больше капитальных вложений, чем за три года третьей пятилетки. Затраты на бурение скважин оставались на прежнем уровне и составляли в военное время 31 % общих затрат на бурение и добычу нефти. Нефть искали на больших глубинах, что потребовало разработки и освоения принципиально новых технологий бурения. Именно в это время и в восточных регионах в промышленных масштабах было внедрено и освоено турбинное бурение. Причем разведочное бурение развивалось опережающими темпами, особенно в освобожденных районах. Преимущественно в 1944–1945 годах геологи открыли 29 новых нефтяных и газовых месторождений, в том числе крупные запасы девонской нефти между Уралом и Волгой, что коренным образом повлияло на промышленную оценку и перспективы развития многих регионов [2.15].

Однако добыча нефти и в 1943 году продолжала снижаться, хотя и медленнее, чем в предыдущем периоде. Характер общей ситуации в это время определялся Баку как главного центра добычи нефти. А там дело не ладилось. Длительная консервация скважин привела их к обводнению, образованию пробок. Кроме того, из-за резкого ухудшения материально-технического снабжения нефтепромыслы почти полностью прекратили подготовительные работы по вводу в строй новых скважин. Участились простои действующих технологических систем. Не хватало, прежде всего, труб и оборудования, выпуск которого сократился, поскольку многие машиностроительные предприятия, выпускавшие раньше специальные установки для нефтяной промышленности, переключились на изготовление военной продукции. Например, московский завод «Борец», выпускавший раньше компрессоры и насосы для перекачки нефти, в годы войны перешел на выпуск реактивных снарядов для «Катюши» и казенной части полковых минометов [2.16].

Выпуск оборудования для нефтяной промышленности [2.17]

Оборудование	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Нефтеаппаратура, тыс. тонн	15,5	5,8	1,5	1,5	2,6	1,4
Насосы глубинные, тыс. шт.	31,9	28,7	16,8	26,3	31,2	39,8
Турбобуры, штук	90	-	57	171	195	244

Из данных таблицы видно, что в достатке выпускались только глубинные насосы, а производство нефтеаппаратуры и в 1945 году не достигло и десятой части довоенного уровня.

Увеличить добычу нефти в Поволжье и других регионах удалось, но ее доля в сумме конечных результатов оставалась все же относительно небольшой. В 1940 году она составляла 12,5 %, в 1942 – 19 %, в 1945 году – 29,5 % от общесоюзного объема добычи.

В сфере *нефтепереработки* положение было значительно лучше, поскольку многие нефтеперерабатывающие заводы были эвакуированы вместе с оборудованием и квалифицированными кадрами.

2.2. Металлургия выдерживает нагрузки

Вторую мировую войну можно с полным основанием назвать войной металлов. Производство танков и самолетов, пушек и минометов, стрелкового оружия и боеприпасов требовало много, очень много стали, причем качественной, в том числе броневой, а также самых разных цветных и редких металлов. Начиная с первой пятилетки, эта тяжелая, болезненная проблема была предметом постоянной заботы Госплана и руководящих органов страны. Однако развязать тугой узел хронического дефицита металла до конца так и не удалось. В начальный период войны резко возросла нехватка практически всех видов металлопроката, поскольку потребности оборонной промышленности многократно увеличились, в то время как более половина мощностей черной металлургии оказались в регионах, оккупированных противником.

В таких условиях неизбежно на протяжении нескольких лет промышленность, транспорт и строительство испытывали хронический голод металла, проигрывая Германии на этом весьма важном участке хозяйственного фронта.

Соотношение выплавки чугуна и стали в СССР и Германии [2.18]
объем производства в Германии = 100 %

	1940	1941	1942	1943	1944
Чугун	107	89	31	35	55
Сталь	96	86	39	41	59

Как видно из приведенных данных, если накануне войны объемы выплавки черных металлов в СССР и Германии были примерно на одном уровне, то в 1942-1943 годах это соотношение стало 1:3 в пользу Германии. При этом выплавка стали в Германии практически не увеличивалась, колеблясь в пределах 20,5–20,8 млн. тонн, в то время как в СССР она сократилась больше, чем в два раза.

Производство стали в СССР и Германии [2.19]
млн. тонн, Германия в границах 1937 года

	1940	1941	1942	1943	1944
СССР	18,3	17,9	8,1	8,5	10,9
Германия	19,1	20,8	20,5	20,7	18,3

Поэтому для российских металлургов начальный период войны, полный крутыми срывами и героическими свершениями, остался в памяти как кошмарный сон. Забегая вперед, стоит сказать, что, хотя до конца войны преодолеть отставание отечественной черной металлургии удалось лишь частично, оборонка все же сумела обогнать Германию по выпуску военной техники.

По оценке немецких специалистов, общий объем военного производства в Германии в 1940 году превышал уровень СССР на 20 %. В 1941 году СССР сумел изменить это соотношение в свою пользу: «счет» стал 100:142. В последующие два года Германия, лишив Советский Союз топливной и металлургической базы на юге страны, сумела догнать его по валовому выпуску военной продукции[2.20].

При этом относительно устойчивое снабжение советских оборонных отраслей металлом стало возможным лишь благодаря определенной степени оптимизации распределения и перераспределения его основных видов через центральные органы управления и снабжения.

Поставки проката черных металлов в годы войны [2.21]

млн. тонн

	1940	**1941**	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Народному хозяйству, всего	12,4	10,9	5,6	6,0	7,8	8,6
В том числе: оборонной промышленности	1,6	2,4	2,7	2,8	3,6	1,7
ее удельный вес, %	12,8	22,2	49,2	46,4	46,2	20,2
Поставки *качественного* проката	3,2	3,5	3,4	3,7	4,7	4,2
В том числе: оборонной промышленности	1,1	1,8	2,3	2,4	3,1	1,5
ее удельный вес, %	34,6	51,1	67,7	64,2	65,3	35,7

Приведенные в таблице данные отражают напряженное состояние баланса черных металлов на всем протяжении Отечественной войны. Уже в 1941 году было отмечено сокращение поставок проката черных металлов народному хозяйству на 1,5 млн. тонн. На следующий год – провал более чем на половину объема предыдущего года. Затем следуют стагнация и довольно медленный подъем. Однако, довоенного уровня производства и поставок металла не удалось достигнуть и в 1945 году. Недаром металлургию относят к одной из самых тяжелых отраслей.

В это же время поставки качественного проката продолжали устойчиво расти, особенно быстро в отрасли, выпускавшие военную технику и заготовки для снарядов. В 1944 году они превысили довоенный уровень почти в три раза. Удельный вес оборонных предприятий в потреблении качественного проката поднялся до 65,3 %, то есть практически удвоился. При этом половина такого проката использовалась для изготовления снарядной заготовки, пятая часть – для производства листовой брони [2..22].

Более конкретно распределение проката черных металлов между отдельными наркоматами оборонной промышленности отражает следующая таблица:

Поставки проката черных металлов [2..23]

тыс. тонн

Наркоматы	Прокат	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Авиапромышленности	Рядовой	488	668	414	396	497	256
	Качественный	1102	1767	2317	2396	3094	1481
Боеприпасов	Рядовой	108	120	52	40	56	50
	Качественный	569	810	711	873	1233	787
Вооружения	Рядовой	78	97	55	59	61	59
	Качественный	420	492	518	516	556	461
Танковой промышленности	Рядовой	-	39	183	191	253	-
	Качественный	-	302	878	772	985	-
Минометного вооружения	Рядовой	120	104	67	82	92	105
	Качественный	29	49	68	83	83	59

Из данных таблицы следует, что основным потребителем проката из качественной стали выступала авиационная промышленность, на втором месте было производство боеприпасов, на третьем – танковая промышленность.

Дефицит металла сдерживал рост военного производства на протяжении всей войны. Этот очень трудный период для черной металлургии можно разбить на три этапа:

Первый, критический, – вторая половина 1941 – начало 1942 года, когда выплавка чугуна и стали упала до самого низкого уровня. В это время на нужды фронта работали только металлурги Урала и Сибири. Южные районы, где до войны добывали более 70 процентов железной руды, выплавляли около двух третей чугуна и свыше половины стали, оказались под властью оккупантов. Комплексно

эвакуировать из этих районов успели только несколько прокатных станов. Домны и мартены с собой не повезешь. Из такого оборудования демонтировали и взяли с собой лишь отдельные, наиболее важные механизмы и агрегаты.

Резкое падение выпуска металла продолжалось до февраля 1942 года. Весной произошел перелом: выплавка чугуна и, особенно, стали, начала расти. К этому времени на востоке срочно закончили капитальный ремонт и незавершенное строительство новых производственных мощностей. Действующие заводы расширялись за счет прибытия квалифицированных кадров металлургов и демонтированного оборудования с Украины и центральных областей. Так, оборудование цехов завода «Запорожсталь» было вывезено на Магнитогорский металлургический комбинат, в короткие сроки смонтировано и начало давать нужную продукцию. Среднелистовой стан этого же завода в течение нескольких десятилетий успешно работал на ММК. Оборудование тонколистового стана законсервировали, укрыли от непогоды и хранили до лучших времен. После освобождения Запорожья этот стан возвратили «по месту прежней прописки», в короткие сроки восстановили и ввели в эксплуатацию.

Период ноября–декабря 1941 года был самым напряженным в процессе эвакуации предприятий. К новому году по пяти главкам наркомата из 50 заводов, подлежавших эвакуации, только 26 прибыло на место назначения. Пока оборудование находилось в пути, большинство директоров заводов, в распоряжение которых оно поступало, получили из наркомата указания, где его установить, как использовать, в какие сроки произвести монтаж, наладку и начать выпуск продукции. Сроки устанавливались предельно сжатые. Особенно торопили монтаж и ввод в эксплуатацию объектов трубных и метизных предприятий. Например, оборудование волочильного цеха Никопольского южно-трубного завода поступило на Урал в сентябре 1941 года, и в том же месяце оно начало давать продукцию. Через месяц было введено в строй оборудование по производству метизов на Ревдинском заводе. В такой же срок на ММК было смонтировано оборудование, поступившее с московского завода «Серп и молот».

Установка оборудования по производству снарядной заготовки осуществлялась в сроки, исчисляемые днями. Меньше месяца понадобилось для того, чтобы такую продукцию на новом месте – на Кузнецком металлургическом комбинате и на Синарском

трубном – начали выдавать люди и механизмы, прибывшие с завода имени К. Либкнехта. Через двадцать дней выпустили первую военную продукцию эвакуированные вместе с оборудованием работники Новомосковского жестекатального завода. Этот список боевых подвигов, совершаемых рабочими и специалистами в тылу, можно было бы продолжить...

В начале 1942 года на восточных заводах начала эффективно работать основная часть эвакуированных на Урал и в Сибирь производственных мощностей по выпуску снарядной стали, 24 трубоволочильных цеха, семь станов холодной прокатки труб, цех по производству колючей проволоки, два цеха калиброванного проката [2.24].

В первые месяцы войны остро встал вопрос об увеличении выпуска качественных поковок, используемых в производстве авиационных моторов. Эти изделия изготовлялись в специальных кузнечно-штамповочных цехах на заводе «Электросталь». Когда немцы подошли к Москве, ГКО принял решение в течение трех месяцев построить в Челябинской области специальный завод-дублер по производству таких поковок. Руководство стройкой поручили наркому строительства С. Гинсбургу и заместителю наркома черной металлургии А. Шереметьеву. Их обязали безвыездно находиться на стройке и лично докладывать ГКО о ходе работ по выполнению очень жесткого задания. Весной 1942 года завод начал выдавать крайне нужную продукцию.

В 1941–1942 годах наибольшие трудности в развитии восточной металлургической базы возникали из-за нехватки кокса, железной и марганцевой руды, а также чугуна. Чтобы преодолеть диспропорции, шахтеры Кузбасса резко увеличили добычу и обогащение коксующихся углей, а металлурги – выжиг кокса.

В связи с оккупацией района Никопольского месторождения и трудностями доставки марганцевой руды из Грузии на Урале возникли серьезные затруднения с расширением выплавки стали. Дело в том, что ферромарганец является основным раскислителем в мартеновском производстве металла. Чтобы разрешить эту проблему, уже осенью 1941 года на руднике «Полуночном» была налажена добыча марганцевой руды. В следующем году это относительно редкое сырье начали добывать на Джездинском руднике, что, в свою очередь, создало возможность наладить многотоннажную выплавку ферромарганца сначала на Кувшинском заводе (сентябрь 1941 года), а затем в доменных печах на Магнитогорском и Кузнецком

металлургических комбинатах. Это была крупная стратегическая победа исследователей, металлургов и организаторов производства.

Сложнее оказалось преодолеть дефицит железной руды. Нехватка исходного сырья сдерживала развитие доменного производства, которое, в свою очередь, существенно отставало от увеличения выплавки стали. Поэтому пришлось специально организовывать сбор металлолома, в том числе за пределами восточного региона. Все это помогло успешно решить конечную задачу – динамично развивать прокатное производство.

Второй этап в развитии металлургии военного времени (конец 1942 – весь 1943 год). Он характеризуется, прежде всего, тем, что резко возросло новое строительство по наращиванию производственных мощностей. Таким путем предстояло ликвидировать диспропорции, то есть расширить «узкие места» в единой, взаимосвязанной цепочке: кокс, железная и марганцевая руда, чугун, сталь и прокат, возникшие в связи с неравномерным развитием на Востоке специализированных подотраслей черной металлургии.

Событием государственного масштаба стал пуск на Магнитогорском металлургическом комбинате доменной печи № 5 в начале декабря 1942 года. Ее строительство было завершено в невиданно короткий срок – 7 месяцев. Всего за годы войны на востоке страны было введено в действие 10 доменных печей, 32 мартеновские печи, 16 электросталеплавильных печей, 2 конвертера, 15 прокатных станов, 13 коксовых батарей. Без преувеличения можно сказать: строители и металлурги Урала и Сибири находились среди тех, кто в 1942–1943 гг. спасли Россию [2.25].

Производство основных видов продукции на востоке страны в 1941–1945 гг. [2.26]

млн. тонн

Продукция	1940	1943	1944	1945	1945:1940 (%)
Кокс	5,2	8,2	9,9	10,5	204
Железная руда	8,6	9,1	10,1	11,1	130
Чугун	4,2	5,3	6,3	6,7	158
Сталь	6,8	7,8	9,1	9,8	145
Прокат	4,8	5,4	6,4	6,9	145

Заметный рост производства черных металлов в восточных районах начался в 1943 году и продолжался до конца Отечественной войны уже в новых условиях.

Третий этап (1944-1945 гг.). Освобождение от оккупантов всей территории страны позволило начать восстановление южной металлургической базы. В этой связи стоит напомнить, как менялась карта оккупированных регионов, под воздействием разных лет войны:

Территория и население временно оккупированных районов СССР [2.27]

	Территория		Население	
	тыс. км^2	% всей территории	млн. чел.	% всего населения
За все время войны	1926	8,7	84,9	44,5
на 7 декабря 1941	1543	7,0	74,5	39,1
на 19 ноября 1942	1795	8,1	80,0	41,9
на 1 октября 1943	1017	4,6	45,7	24,0
на 2 августа 1944	227	1,0	5,1	2,7

Гром артиллерийского наступления под Сталинградом 19 ноября 1942 года знаменовал переломный момент в ходе всей Отечественной войны – непрошенных оккупантов силой погнали с советской земли с небольшими перерывами до самого Берлина. Удельный вес освобожденных районов в общих показателях по стране в 1940 году составил: по численности рабочих и служащих – 38 %, по валовой продукции промышленности – 33 %, по выплавки чугуна – 71 % и стали – 58 %. На долю этих районов приходилось также 74 % производства кокса, 71 % добычи железной и 35 % марганцевой руды. Иными словами, здесь находилась главная производственная база черной металлургии страны.

Поставить ее на службу реализации планов завоевания мирового господства – одна из стратегических целей нападения Германии на Россию. Рассчитывая на богатую добычу, Гитлер и его уполномоченные совместно с могучими стальными королями создали разветвленную сеть специальных экономических управлений, рейхскомиссариатов, инспекций, комендатур и хозяйственных команд, а также управляющих промышленными предприятиями и другими государственными организациями, которые были призваны находить и производить дополнительные материальные ресурсы для военной машины и населения Германии. Основное назначение всех этих

военно-хозяйственных органов Геринг, выступая 6 августа на совещании рейхскомиссаров оккупированных областей, характеризовал следующим образом: «Вы посланы туда не для того, чтобы работать на благосостояние вверенных вам народов, а для того, чтобы выкачивать все возможное с тем, чтобы мог жить немецкий народ. Этого я ожидаю от вас... Я заставлю выполнить поставки, которые на вас возлагаю. Если вы этого не сможете сделать, тогда я поставлю на ноги органы, которые при всех обстоятельствах вытрясут это у вас, независимо от того, нравится вам это или нет... Вы должны быть, как легавые собаки! Там, где имеется кое-что, в чем может нуждаться немецкий народ, все должно быть извлечено из складов и доставлено сюда» [2.28].

Особые надежды руководители немецкого хозяйства возлагали на организацию на территории Украины в крупных масштабах добычи и производства угля, железной руды, марганца, чугуна и стали. Однако эти расчеты оправдались лишь в малой степени. Шахты, домны и мартены к приходу оккупантов в большей или меньшей степени были разрушены. На их восстановление требовалось время и большие капитальные вложения, срок окупаемости которых (с учетом дальности перевозок конечного продукта) превышал соответствующие показатели на действующих предприятиях в Германии и оккупированных ею странах Западной и Центральной Европы. Министр вооружений Шпеер в январе 1943 года с горечью вынужден был признать: «Так и не удалось извлечь экономической пользы из Донбасса, так как разрушения были серьезны и восстановление шло необычайно трудно. Только в области добычи каменного угля обозначились некоторые успехи. Но поскольку получение руды и выплавка металла никак не налаживалась, создалась странная ситуация, когда паровозы потребляли на громадных расстояниях больше угля, чем доставляли его в пункт назначения» [2.29]. По сообщению хозяйственного штаба «Восток» от 30 сентября 1944 года в Донбассе за все время оккупации было добыто около 4,1 млн. тонн угля. Довоенная его добыча (1940 г.) составляла 94,3 млн. тонн [2.29].

Значительно большую нужду, чем в угле, Германия испытывала в железной руде и марганце. Чтобы понять это, достаточно сравнить следующие данные: в 1938 году добыча железной руды на территории Германии, Австрии, Чехословакии и Польши составила 28 млн. тонн. А в Криворожском бассейне в 1940 году добыча этого сырья достигла 20,2 млн. тонн [2.30]. При этом содержание

железа в криворожской руде составляло 70 %, что намного превышало соответствующие показатели названных выше стран. Поэтому в пересчете на железо довоенный объем добычи этого сырья в Кривом Роге превышал уровень добычи Германии, Австрии, Чехословакии и Польши, вместе взятых. И неслучайно к проблемам восстановления сильно разрушенных рудников в этом районе постоянно возвращались не только германские хозяйственники, но и военное командование, а также лично Гитлер. Однако за весь достаточно долгий период оккупации здесь удалось добыть всего 0,2 млн. тонн руды. Правда, за этот период в Германию было отправлено 1,4 млн. тонн криворожской руды, в основном за счет больших ее запасов на заводских складах, накопленных еще до оккупации.

Аналогично развивались события и на юге Украины, где добывали марганцевую руду. До войны здесь действовало 19 шахт, которые в 1940 году добыли около 900 тысяч тонн руды, содержащей 32–35 % марганца. При обогащении его содержание повышалось до 48 %. Уже в августе 1941 года здесь начали хозяйничать оккупанты. Для восстановления шахт из Германии завезли новое оборудование, прибыли специалисты. Всего им удалось восстановить 16 шахт. Еще три начали строить заново. Построили обогатительную фабрику. Однако увеличить производство до уровня 1940 года им так и не удалось. Но им достались крупные запасы марганца, накопленные здесь еще до войны. Всего гитлеровцы вывезли из Никополя такое количество марганцевой руды, которого хватило для того, чтобы удовлетворить примерно 2/3 потребностей немецкого военного хозяйства[2.31]. Отступая под натиском Красной Армии, захватчики выводили из строя наиболее сложные механизмы и вывозили не оборудование, а руду.

Таким образом, после освобождения районов, где была расположена основная (Южная) металлургическая база народного хозяйства страны, пришлось восстанавливать два слоя разрушений. Первый, достаточно хаотичный, связанный с поспешным отступлением советских войск в конце 1941 года, и второй, более систематичный и масштабный, оставшийся после силового вытеснения немецких оккупантов с советской земли в 1943–1944 годах. Всего за этот период на Украине было разрушено 314 основных шахт, затоплено и завалено 2100 км горных выработок, взорвано 280 копров и 515 подъемных машин. За то же время подверглись полному или частичному разрушению 28 металлургических,

9 трубных, 28 коксохимических заводов, 27 предприятий огнеупорной промышленности, 28 горнорудных предприятий. Жилой фонд Донбасса был уничтожен на 2/3. Остались более или менее целыми только 12 процентов школ, больниц, клубов.

Восстановительные работы начались сразу же после освобождения Донбасса в сентябре 1943 года. В них участвовала вся страна. Так, шахтеры Кемеровской области направили украинским горнякам 200 вагонов с оборудованием и инструментами. Тридцать семь предприятий Москвы послали на восстановление южной металлургической базы станки и другое оборудование, а также инструменты. 70 ленинградских заводов, только что переживших тяжелую блокаду, также нашли возможность конкретно помочь восстановлению предприятий Донбасса. Пожалуй, решающее значение для успеха дела имело прибытие в Донбасс в 1943–1945 годах примерно 500 тысяч рабочих и служащих, в основном молодежи.

Все это дало осязаемые результаты. Уже в декабре 1943 года на юге страны было восстановлены 4 доменные и 27 мартеновских печей, 9 прокатных станов, 12 коксовых батарей. Одновременно совершенствовались технологические процессы, в том числе за счет их ускорения, например применение скоростных плавок в мартеновском производстве.

Спустя два года после освобождения было восстановлено и введено в действие 129 основных и около 1000 средних и мелких шахт. Среднесуточная добыча угля достигла здесь 38,5 % довоенного уровня. В Криворожском бассейне полным ходом шло восстановление железорудных шахт. В 1945 году здесь добыли 3,8 млн. тонн высококачественной руды.

За первые два года после освобождения мощность шахт Никопольского марганцевого бассейна была доведена до 56 % довоенного уровня[2.31]. Конечно, это было только начало восстановительного периода. Для того, чтобы только в основном ликвидировать все последствия разрушительной войны, потребовалось больше, чем одна пятилетка.

В сводном виде напряженное развитие черной металлургии в годы войны отражено в следующей таблице:

Производство продукции черной металлургии в 1940–1945 гг. в СССР [2.32]

млн. тонн

Продукция	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Кокс, 6 % влажности	21,1	18,5	6,9	8,2	11,5	13,6
Марганцевая руда	2,6	2,3	0,8	0,9	1,0	1,5
Железная руда	29,9	24,7	9,8	9,3	11,7	15,9
Чугун	14,9	13,8	4,8	5,6	7,3	8,8
Сталь	18,3	17,9	8,1	8,5	10,9	12,3
В том числе электросталь	1,1	1,1	0,5	0,7	0,9	0,9
Прокат	13,1	12,6	5,4	5,7	7,3	8,5
В том числе качественный	2,8	3,5	3,1	3,2	4,1	3,6
Трубы стальные	1,0	0,8	0,3	0,4	0,5	0,6

Данные таблицы четко отражают, во-первых, тесную взаимосвязь динамики всех производств, образующих сложный комплекс черной металлургии, и, во-вторых, ключевое место в этом комплексе южного топливно-металлургического центра, потеря которого вызвала масштабный обвал в производстве металла. Потребовались сверхчеловеческие усилия, чтобы двух – трехкратное сокращение его выпуска в 1942 году не вызвало паралич всей оборонной промышленности. В 1943 году в траектории движения этой отрасли наступает перелом, который объединил в себе стратегические победы тружеников тыла и воинов на фронте. Именно в это время стал формироваться стальной каркас будущей Победы.

Цветная металлургия в первый период войны пострадала не меньше, чем черная. К сожалению, до сих пор ощущается недостаток статистических данных, характеризующих состояние и динамику производства цветных металлов в военный и послевоенный периоды истории России – вероятно, соответствующие органы до сих пор стыдятся показывать свои слабости. В этой связи приходится пользоваться зарубежными источниками, в том числе немецкими. Так, в секретном статистическом ежегоднике Германской империи за 1941/42 год приводятся многочисленные сопоставления в области экономики разных стран, в том числе Советского Союза:

Производство важнейших видов цветных металлов в 1938 году [2.33]

тыс. тонн

Металл	СССР	Германия
Алюминий	50	195
Медь рафинированная	116	311
Окислы хрома*	120	-
Никель*	2,8	0,6
Цинк	70	194
Свинец	69	177
Кадмий, т	113	221

* Содержание в добытой руде, 1938 г.

Производство цветных металлов измеряется не миллионами, а тысячами тонн, а иногда – килограммами. Но их добавки в размере всего 0,1–0,01 % от веса, например, стали существенно (в «разы») увеличивают ее полезные качества. Без них невозможно выпускать современную военную технику и боеприпасы.

Так, высокопрочные сплавы алюминия с медью, магнием и добавками марганца использовались как основной материал для обшивки самолетов. Из них и авиаля – малолегированного сплава алюминия с магнием, кремнием, медью, железом и добавками марганца или хрома – получали детали сложной формы для авиадвигателей, винтов, шасси, несущего каркаса фюзеляжа самолета. Силумины – литейные сплавы алюминия, содержащие до 14 % кремния с добавками меди, магния и марганца – использовались в производстве танков и самоходных орудий. Кристаллический глинозем в виде электрокорунда применялся в машиностроении при обработке высокопрочных сплавов. Прокат из меди и ее сплавов использовался в производстве патронов и снарядов, свинец – для пуль и аккумуляторов, сплавы вольфрама – для изготовления бронебойных сердечников и оболочек снарядов, стволов пушек и т.д. Не случайно перед войной на всей территории страны шло интенсивное строительство новых и реконструировались действующие заводы с тем, чтобы в короткие сроки резко увеличить выпуск цветных металлов, создать запасы и сократить, а в некоторых случаях полностью отказаться от их импорта. По существу заново были созданы крупные производства алюминия, никеля, кобальта, вольфрама, молибдена, магния, других металлов и редких элементов.

Логично, что особое внимание уделялось проблемам, связанным с выпуском алюминия. Быстро растущий спрос на его сплавы обгонял ввод новых мощностей для их производства. Всего перед войной было построено три алюминиевых завода. Два из них – Днепровский и Волховский – были «посажены» рядом с производством дешевой электроэнергии на гидростанциях. Днепровский алюминиевый завод к началу войны был самым крупным в Европе. Ранней осенью 1941 года над ним нависла реальная угроза оказаться в руках захватчиков. Такая же судьба ожидала его соседей – магниевый и электродный заводы. В августе под огнем немецкой артиллерии началась трудная и опасная эвакуация. Немецкий педантизм помог избежать больших жертв. Люди скоро заметили, что враг ведет обстрел методично «по квадратам», строго соблюдая временной график. Рабочих стали заблаговременно переводить на уже «обработанные» снарядами участки. На территорию алюминиевого завода, имевшего прочное каменное ограждение, пригнали небольшое стадо коров, свиней и птицы, завезли овощи и картофель. Это дало возможность обеспечить двухразовым горячим питанием всех работников, находившихся на казарменном положении. В таких «комфортных» условиях в течение почти полутора месяцев продолжались демонтажные и погрузочные работы. Всего с оборудованием Днепровского алюминиевого завода было отправлено более двух тысяч вагонов. Последний состав ушел 16 сентября. Практически удалось отправить на Восток все основные технологические установки и машины, а также материалы, вплоть до «козлов», извлеченных из ванн.

26 августа 1941 года немецкие войска захватили станцию Мга, блокировав тем самым Волхов от Ленинграда. Пока еще была открытой дорога на Москву. Пришел приказ эвакуировать Волховский алюминиевый и Тихвинский глиноземный заводы. Началась нерадостная работа по демонтажу оборудования. Каждые двое суток на Урал и в Сибирь уходили эшелоны, груженные генераторами, трансформаторами, ртутными выпрямителями, печами и котлами, мостовыми кранами и фильтрами, станками и другими механизмами. Рабочие Тихвинского завода в первый эшелон погрузили самое дорогое – электродвигатели и электроаппаратуру. За ними последовали печи спекания, автоклавы, шаровые мельницы. Практически удалось вывести все самое нужное. Здание ГЭС, железнодорожный мост, некоторые объекты в городе были заминированы и подготовлены к взрыву. Осуществить его должна была

специальная группа при подходе противника к городу [2.34]... В начале декабря 41 года Красная Армия перешла в наступление и освободила Тихвин. Почти сразу же началось восстановление бокситового рудника и гидроэлектростанции, а Волховский алюминиевой возродился на Урале под именем Богословского и в Сибири как Новокузнецкий алюминиевый завод. Но это произошло не сразу...

Короткое время Уральский алюминиевый завод (Свердловская область) оставался единственным предприятием, выпускавшим крылатый металл для оборонных предприятий. Его ввели в эксплуатацию за два года перед войной. Коллектив практически еще только формировался и набирался опыта. И вдруг – он стал единственной опорой всей авиационной промышленности. Ответственность была явно не по силам молодого завода... Помощь пришла вовремя. Сюда прибыли квалифицированные рабочие и специалисты, а вместе с ними и оборудование, эвакуированное с берегов Днепра. Уже в октябре 1941 года многие тысячи людей развернули работы по созданию второй очереди завода. Заводская многотиражка писала: «Территория завода выглядит, словно огромное поле боя. Окончив смену в действующих цехах, сотни рабочих, инженеров и техников выходят на строительные площадки новых цехов. Вручную копают мерзлую землю, отогревая ее кострами. Не хватает механизмов – на руках подносят тяжелые детали» [2.35].

В последние месяцы 1941 года был сооружен и введен в действие первый промышленный цех кристаллического кремния, необходимого для получения силумина. Работа по монтажу, пуску нового цеха и освоению выпуска продукции вели главным образом электротермисты Днепровского алюминиевого завода.

Первую очередь Уральского алюминиевого завода до войны строили более пяти лет. Вторая, равная по мощности первой, была готова к пуску к июлю 1942 года. «Условия, конечно, были тяжелыми, – вспоминал Г. Виноградов, ветеран завода, строивший его, а затем работавший в электролизном цехе. – Если стоишь на одном углу электролизера, у штурвальной части, не видишь, кто стоит рядом. Только силуэт видно – столько дыму и чаду....Нахватался я газу и вредностей всяких досыта и уже в сорок втором, когда на пуске седьмого корпуса поробил, так совсем занемог... Однако покуда живой, стало быть, могу что-нибудь делать. Назначили меня инструктором стахановских методов труда... Ведь у всех такое настроение было, прямо как на передовой. Только там говорили: «Стоять насмерть», а здесь: «Работать, пока живой».

Уже в четвертом квартале сорок первого завод дал стране столько дефицитного металла, сколько в мирное время производили все три алюминиевые заводы страны вместе взятые. В следующем году выпуск его увеличился здесь еще в 1,6 раза [2.36].

Вскоре здесь же, в Свердловской области, в трехмесячный срок был построен еще один алюминиевый завод – Богословский, работавший на базе эвакуированного из Волхова оборудования и северо-уральских бокситовых месторождений. За ним, уже в Сибири, в январе сорок третьего был сдан в эксплуатацию алюминиевый завод в Кемеровской области. Прибывшее с Днепра оборудование грузилось под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, поэтому многие механизмы приходилось ремонтировать капитально. Механической базы для этого не было. Работать приходилось в сараях, землянках, под наскоро сколоченными навесами. Отсутствовало и благоустроенное жилье. А основная масса рабочих – узбеки, таджики, туркмены привыкли к теплу и трудно переносили морозы. Они умели выращивать хлопок, но никогда не видели крупного машинного производства. Некоторые не знали русского языка. На помощь приехали 40 специалистов с Уральского алюминиевого завода. Вскоре был получен первый белый металл...

Вот в таких условиях фактически заново создавалась та производственная база, которая позволила превзойти Германию по выпуску боевых самолетов. Подвиг строителей и работников алюминиевых заводов заметили фронтовики – в небе над ними стали господствовать краснозвездные самолеты.

Расширение ресурсов **меди** складывалось из трех составляющих: а) разведки месторождений и добыча медной руды, б) выплавки черновой меди и ее рафинирование, в) производства проката разного профиля и видов.

Основные разведанные месторождения медной руды были расположены на Урале и в Казахстане. Здесь же была давно налажена ее добыча. Поэтому, когда началась война, потребовалось существенно увеличить добычу первичного сырья, прежде всего, открытым способом. Решать эту задачу пришлось как на Урале, так и в Казахстане. К началу войны Балхашский горно-металлургический комбинат только еще осваивал проектные мощности. Война подстегнула его развитие – он стал одним из главных производителей медной руды и черновой меди. Другим таким центром был Джезказганский медеплавильный комбинат, где в середине 1941 года эксплуатировались пять шахт и один карьер. Резко возросший спрос

на медную руду заставил сосредоточить здесь все имевшиеся ресурсы на решении этой задачи. В трудных условиях военного времени было построено и введено в действие 12 шахт и несколько карьеров, что позволило многократно увеличить добычу исходного сырья. При этом 45 % балхашской меди выплавлялось из джезказганской руды. Часть ее отправлялась на уральские медеплавильные заводы. В годы войны основное производство рафинированной меди было сосредоточено в Пышме. Около 80 % снарядных гильз и патронов делали из меди этого завода. Здесь же было налажено производство медного порошка, необходимого для изготовления медно-графитовых щеток электродвигателей и металлокерамических деталей, используемых в авиационной и автомобильной промышленности [2.37].

Из медных руд попутно получали также ряд других цветных и редких металлов, в том числе кобальт и молибден. Осенью 1941 года в районе Коунрадского медного карьера было открыто новое месторождение молибдена, освоенное в невиданно короткие сроки. За 18 месяцев здесь были пройдены 3 шахты, проложены железная дорога и линия электропередачи, достроена обогатительная фабрика. В 1942-1943 гг. Балхашский комбинат стал самым крупным поставщиком **молибдена** в стране – на его долю приходилось 60 % всей добычи этого металла.

Особое место среди цветных металлов занимает **никель**. В военном хозяйстве он требуется всем и в большом количестве. Его нехватка особенно остро ощущалась в начальный период войны. До 1941 года частично потребности в никеле покрывались за счет импорта из Канады. После нападения Германии на Советский Союз такие поставки сократились. В это же время комбинат «Североникель» (г. Мончегорск) производил демонтаж оборудования и отправлял его на Восток. Норильский комбинат только вставал на ноги, производственные мощности Уфалейского и Режского заводов были недостаточны для того, чтобы поправить положение.

Основная тяжесть по обеспечению военной экономики никелем легла на плечи коллектива «Южуралникель» (г. Орск). Ему срочно выделили дополнительное оборудование, кокс, транспорт. Сюда прибыла большая группа квалифицированных работников из Мончегорска. Здесь постоянно «дежурил» кто-нибудь из высокого начальства (не ниже замнаркома). Практическую помощь в перестройке и совершенствовании производства оказывали работники филиала института «Гипроникель», который специально разместили в Орске. Все организационные, технологические и даже вопросы снаб-

жения решались быстро и конструктивно, конечно, с учетом трудностей военного времени. И дело пошло. Прежде всего значительно расширили местную сырьевую базу, построили железнодорожную ветку Кандагач – Орск, ряд других объектов производственной и социальной инфраструктуры, проложили новый водовод. Все это позволило комбинату устойчиво и быстро наращивать выпуск никеля. Одновременно освоили извлечение из той же руды кобальта.

Вскоре «узким местом» на комбинате стал плавильный цех. В ответ на новые требования группа инженеров, конструкторов и рабочих предложила новую, форсированную технологию плавки окисленных никелевых руд в шахтных печах. Пришлось также расширить производство агломерата. В результате выход конечной продукции увеличился в 1,6 раза. Казалось, все идет как надо, и вдруг весной 1942 года горячие солнечные дни, не отставая от темпов работы людей, в сжатые сроки растопили зимние запасы снега. Потоки талых вод заполнили пойму реки Урал, сорвали с опор железнодорожный мост, затопили большую часть города. Вышли из строя водозаборные сооружения. Нависла угроза полной остановки комбината. От катастрофы спасли напряженная работа всего трудоспособного населения и прибывших на помощь военно-инженерных частей...

В 1943 году никеля было получено в полтора раза больше, чем в предыдущем 1942 г., и на 30 % выше довоенного уровня. В то время комбинат «Южуралникель» производил большую часть никеля в стране. В последующие годы производство никеля освоили коллективы Режского и Уфалейского заводов. Снова начал давать продукцию частично восстановленный комбинат «Североникель». Стабильно наращивал выпуск продукции Норильский комбинат[2.38]. Быстро и с не меньшими трудностями в восточных районах увеличивалось производство магния, вольфрама и других металлов, необходимых для выпуска специальных сталей, изготовления вооружения и боеприпасов. Например, производство магния возросло только в 1943 году почти на 60 процентов[2.39].

Значительно более напряженное положение сложилось на стадии обработки цветных металлов. Дело в том, что перед войной эти производства размещались поближе к потребителям – в крупных центрах машиностроения: в Ленинграде, Москве и дальнем Подмосковье. В связи с приближением фронта уже в июле сорок первого началась эвакуация ленинградских заводов, которую

не успели завершить из-за блокады. Московские заводы, наоборот, поторопились. В октябре начал демонтаж и вывоз оборудования на Восток Кольчугинский завод. В производстве труб, проката и других заготовок из цветных металлов образовался провал, который в течение нескольких месяцев не чем было заполнить. Оборудование из Кольчугина прибыло на Урал только в середине ноября. Его тут же, с колес, стали монтировать на Ревдинском заводе. В начале декабря пошел первый прокат – дефицитные тонкостенные радиаторные трубки для самолетов. Вскоре заработали еще несколько заводов по обработке цветных металлов. Пропорциональность взаимосвязанных производств была восстановлена.

Думается, что на долю цветной металлургии в расчете на одного занятого здесь выпало всякого рода невзгод и трудностей больше, чем в любой другой отрасли промышленности. Это был великий подвиг людей, работавших в тяжелейших условиях производства и быта. Причем примерно половину из них составляли женщины.

Глава 3. Оборонные предприятия материально обеспечивают перелом в войне

Как уже отмечалось, в первой половине 40-х годов между СССР и Германией происходила напряженная гонка в области производства военной продукции. В результате на короткое время обе страны далеко ушли вперед в сравнении с США, Англией и Францией. Причем в 1940 году Германия в некоторых отраслях обошла и СССР. Однако сравнительно легкие победы над Францией и другими западноевропейскими странами вскружили голову немецким руководителям, которые явно завысили оценку своей военной мощи и недооценили возможности России. Рост германской военной промышленности затормозился. Так, производство вооружения и военных материалов в 1941 году по сравнению с предыдущим годом увеличилось всего на 1–2 %, а выпуск боеприпасов даже уменьшился. Конечно, сказывались нехватка топлива и некоторых видов сырья, а также трудности с квалифицированной рабочей силой. Но главным был субъективный фактор – для руководителей Германии «конец войны казался ощутимо близким»[3.01]. В это же время экономика СССР напряглась до предела, чтобы резко ускорить выпуск, прежде всего, новой военной техники и выравнить свой военный потенциал по сравнению с вероятным противником. В целом эту задачу удалось решить. По оценкам немецких специалистов объем военного производства СССР в 1941 году существенно превысил уровень Германии.

Объем военного производства отдельных стран в 1940 – 1943 гг. [3.02]
млрд. долл., в ценах 1944 г.

Страна	1940	1941	1943
США	1,5	4,5	37,5
Англия	3,5	6,5	11,1
СССР	5,0	8,5	13,9
Германия	6,0	6,0	13,8

Эти данные были рассчитаны для служебного пользования немецким институтом экономических исследований в конце войны под руководством известного экономиста-статистика Р. Вагенфюрера. В силу сложности самих расчетов они не могут претендовать на высокую степень точности, но позволяют видеть контуры, характер и общие результаты гонки вооружений в ходе второй мировой войны.

Высокие темпы роста своего военного производства СССР мог обеспечить только путем обширных структурных сдвигов в народном хозяйстве и соответствующего маневра в распределении материальных ресурсов. Произошедшие изменения были осуществлены весьма решительно и быстро, а потому болезненно для экономики и населения. Другой возможности обеспечить превосходство Красной Армии в вооружении практически не было.

Динамика выпуска промышленной продукции в СССР [3.03]

1940 год = 100

	1941	1942	1943	1944	1945
Вся промышленность	98	77	90	104	92
Группа «А»	111	100	119	136	112
Группа «Б»	77	41	45	54	59

Из данных таблицы хорошо видно, что в 1941 году в промышленной группе «А», куда входило и военное производство, произошел скачок в наращивании выпуска продукции. В 1942 году в условиях падения производства с немалым трудом удалось удержать выпуск на уровне довоенного 1940 года. Затем наблюдается динамичный рост, который завершается спадом, вызванным начавшейся перестройкой промышленного производства в связи с Победой и его переориентацией на удовлетворение мирных потребностей.

Производство товаров для населения (группа «Б») в 1942 году снизилось до уровня, который не составлял и половины довоенных показателей. Затем начался медленный рост, который сдерживался накопленными за войну разрушениями и потерями. Соответственно изменилась и структура промышленности.

Удельный вес промышленных групп в валовой продукции [3.04]

Всего = 100

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Группа «А»	61,2	69,5	79,5	80,5	79,8	74,9
Группа «Б»	38,8	30,5	20,5	19,5	20,2	25,1

И до войны долю группы «Б» в общем объеме промышленной продукции нельзя было назвать высокой. В 1942–1944 годах она сократилась еще вдвое – до одной пятой, что могли выдержать только народы России. Причем и в группе «А» изделия гражданского назначения выпускали либо в ограниченном количестве, либо вообще снимали с производства. Так, изготовление металлорежущих станков и кузнечно-прессовых машин снизилось за эти годы вдвое, а угольные комбайны вообще сняли с производства. Почти полностью свернули выпуск турбин и генераторов для электростанций. Выпуск магистральных паровозов сократился в 100 раз. Грузовых вагонов за первые два года войны выпустили всего 200 штук. В 10 раз сузилось производство тракторов и прицепных орудий к ним. На нулевой отметке застрял выпуск зерновых комбайнов. В 3–7 раз снизилось производство стройматериалов. Таким образом, жесткая установка: «все для фронта» серьезно деформировала структуру и межхозяйственные связи, но военные производства относительно устойчиво расширялись. Быстро наращивался выпуск качественных металлов. Производство электроэнергии в 1942 году упало по сравнению с предыдущим годом почти в два раза и в 1945 так и не дотянуло до довоенного уровня. На протяжении всех военных лет сохранялся острый дефицит практически всех видов сырья и энергоносителей.

Как уже отмечалось, особенно трудным, в том числе для предприятий оборонной промышленности, был период с конца 1941 до начала 1942 года.

Валовая продукция наркоматов оборонной промышленности [3.05]
млн. рублей, в ценах 1926/27 г.

Наркомат	Июнь 1941	Январь 1942	Июнь 1942
Авиапром	516,0	370,5	800,0
Танкопром	102,4	65,7	161,9
Вооружений	460,8	178,2	364,3
Судостроения	45,8	17,6	31,5
Всего	1125,0	632,0	1357,7

Крутое падение военного производства в первые месяцы войны было вызвано отступлением наших войск и необходимостью срочно эвакуировать основную массу предприятий оборонных отраслей. Только к лету 1942 года авиационная промышленность и танковая сумели выбраться из провала, превзойдя уровень производства июня 1941 года

больше чем в 1,5 раза. Наркомат вооружений все еще приходил в себя, а программа военного судостроения была свернута до предела.

Не следует забывать, что все это происходило в крайне острой и сложной обстановке. Каждый процент прироста выпуска продукции оплачивался очень высокой ценой...

3.1. Авиационная промышленность – объект особого внимания и заботы

Если в первой мировой войне активно участвовали два главных рода войск: пехота и артиллерия, то во второй к ним присоединились авиация и танки. Причем в авиации главная роль отводилась не количеству самолетов, а их качественным характеристикам, прежде всего скорости, маневренности, вооружению, высоте и дальности полета. Поэтому авиационная промышленность, чтобы не отстать от противника, должна была постоянно и крепко держаться за инновации. Объективно она становится самой наукоемкой среди всех отраслей военной экономики. Качество современного самолета (планера) и мотора находится в прямой зависимости от творческого потенциала коллективной конструкторской мысли и степени использования достижений фундаментальной и прикладной теории как в аэродинамике, так и в металлургии, химии, оптике, в технологии и организации производства, а также в применении новейших разработок в других областях знаний. Не малое значение имели общая культура и квалификация кадров, в том числе работников массовых профессий.

Стоит подчеркнуть многогранность и сложность структуры этой отрасли – она включала в себя самолето-, моторо– и приборостроение, а также производство специального оборудования и вооружения, собственное станкостроение, малую металлургию и инструментальные цехи. В ведении наркомата находилось несколько исследовательских институтов, десятки конструкторских бюро, многочисленные учебные заведения, а также комплексная социальная инфраструктура: поликлиники, санатории, дома отдыха, школы, детские учреждения. Все это способствовало поддержанию относительно высокого уровня качества жизни и квалификации производственного персонала отрасли.

Нельзя не отметить, что авиационная промышленность была крупным потребителем качественных сталей, цветных металлов, резинотехнических изделий, бензина, специального самолетного леса

и других материалов. Количество поставщиков заводов авиационной промышленности измерялось сотнями. Поэтому поддержание устойчивых межхозяйственных связей по кооперации в процессе производства самолетов и моторов всегда было сложной задачей с несколькими неизвестными. В условиях первых лет войны, когда что-то осталось на оккупированной территории, что-то застряло на железнодорожных путях в процессе поспешной эвакуации, что-то еще только-только пытались пустить на новом месте, наладить бесперебойное материально-техническое снабжение такой отрасли казалось задачей вообще неразрешимой.

Авиационной промышленности еще повезло – под эвакуацию попало лишь немногим более ста заводов. Из них крупных – единицы, в том числе Запорожский и Рыбинский моторные, Воронежский самолетостроительный, который одним из первых начал выпускать Ил-2. Особенно болезненной была эвакуация Московской группы авиазаводов. Ведь эвакуировать только один самолетный или моторный завод – значит демонтировать и погрузить 3–5 тысяч единиц оборудования, в том числе гидравлические прессы, котлы, прецизионные станки, и 10–15 тысяч, а то и более работающих, а с семьями – до 50 тысяч человек. По сути, только с одним заводом перебрасывали в далекие дали население небольшого города.

«При этом люди работали до изнеможения, иногда буквально засыпали на ходу. Если бы до войны спросили о сроках переброски завода на новое место, ответ был бы один – не менее года. Практически за десять дней октября мы отправили из Москвы не менее восьмидесяти процентов оборудования. Трудовое мужество опрокинуло все»[3.06]. Но на новом месте ждали еще более суровые испытания. Достаточно назвать только одно – мороз ниже сорока градусов, а у большинства не было ни теплой одежды, ни благоустроенного жилья, а о питании и говорить нечего. «Работали от темна до темна там, где не было освещения. И посменно круглые сутки, если электросеть уже проведена. Страшно неловко себя чувствуешь, – вспоминал нарком А. Шахурин, – зная, что при такой напряженной работе не можешь дать людям не только нормального отдыха в тепле, но даже не имеешь возможности накормить их горячей едой. Начал говорить об этом с женщинами-работницами, эвакуированными из Воронежа, стал объяснять, когда будет столовая, нормальное жилье, хотя бы по комнате на семью. А они: «Потерпим. На фронте еще труднее. Скорее начать выпускать самолеты» [3.06].

Помогало сознание, что участие в строительстве завода, который будет выпускать Илы, – это настоящий, не на жизнь, а на смерть бой с врагом...

Как уже отмечалось в книге 3, в России еще в начале двадцатого века сформировалась мощная научная школа аэродинамики и воздухоплавания. В тридцатых годах был накоплен солидный практический опыт строительства самолетов всех типов, подготовлены квалифицированные кадры летчиков и инженерно-технического персонала для обслуживания авиации. Создана достаточно мощная производственная база. Тем не менее в 1939 году были приняты программы о реконструкции всех девяти действующих самолетостроительных заводов и строительстве еще 9 новых. В области моторостроения начали строительство шести новых крупных заводов и реконструкцию действующих. Однако ни одна страна никогда не бывает полностью готова к войне. Россия не была исключением в этом отношении. В конце тридцатых годов в мировой авиации начался интенсивный переход к самолетам нового поколения. Советские конструкторы в то время разработали целый ряд новых моделей истребителей и бомбардировщиков. Однако далеко не все из них были приняты в производство и еще меньше освоены как новая боевая техника летчиками в строевых частях. Это позволило немецкой авиации в начале войны господствовать в небе над Россией.

Как и почему это произошло?

Прежде всего, как отмечает нарком авиационной промышленности, подвела излишняя самоуверенность в своих силах. «К концу второй пятилетки советские самолетостроители смогли решить чрезвычайно сложную задачу – создали самолеты, которые считались лучшими в тот период. На этих самолетах было установлено множество рекордов – рекордов действительно значимых, принесших славу нашей стране и авиации... Однако эти рекорды, достижения, создавая атмосферу уверенности в том, что наша страна идет впереди других стран в области авиации, порождали не только вполне обоснованное чувство гордости, но и действовали в какой-то степени успокаивающе.

Не сразу было оценено и появление за рубежом новых боевых самолетов. Их наши летчики впервые увидели в небе Испании... Смелость и мастерство советских ассов позволили добиться значительных побед не только над самолетами устаревших конструкций, но и над еще не доведенными до конца, в какой-то степени еще «сырыми» новыми немецкими истребителями конструкции

Мессершмитта. Когда же к концу войны в Испании гитлеровцы усовершенствовали свои самолеты, которые стали превосходить по летным, тактическим и боевым качествам советские самолеты, на это сразу не обратили серьезного внимания.

Позже во всем разобрались и поняли: нужны особые, исключительные меры, которые в самые короткие сроки вывели бы нашу авиацию на уровень современных требований» [3.07].

Как отмечает Г. Жуков, с 1 января 1939 года по 22 июня 1941 года советские ВВС получили от промышленности 17 745 боевых самолетов. Из них только 3 743 или одна пятая часть – самолеты нового типа. Поэтому закономерно, что в первые дни и месяцы начавшейся войны советская авиация по численности многократно превосходила германскую, но значительно уступала ей по качеству, прежде всего в скорости и вооружении, а это были решающие факторы успеха в воздушных боях.

Сказался также не столько фактор внезапности, сколько тягучей неопределенности. В первой половине 1941 года «сверху» неоднократно поступали указания: ни в коим случае не поддаваться на провокации. Лишь за несколько часов до нападения гитлеровцев в войска пришел приказ «привести все части в боевую готовность», «перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе войсковую, тщательно ее замаскировать». И здесь же, в пункте 2, указывалось: «Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения» [3.08]. Во-первых, этот приказ опоздал по крайней мере на несколько дней, во-вторых, кто мог объяснить бойцам и командирам, как отличить провокационные действия от начала военных действий? В результате времени для выполнения приказа не осталось. Большинство советских самолетов было уничтожено на земле. Причем потери были огромными: 1200 машин, из них на земле – 800.

В первые месяцы войны одним из преимуществ летчиков люфтваффе был боевой опыт, накопленный ими за время воздушной войны на западе. Характерно, что когда они встречались с советскими ассами, «обстрелянными» в боях в небе Китая и Испании, результаты, как правило, были в пользу истребителей с красными звездами на крыльях. Так, 401 авиационный полк – полк С. Супруна и К. Коккинаки, сформированный из летчиков-испытателей, за три месяца воздушных боев в конце 1941 года сбил 54 самолета противника, что в 4–5 раз превышало его собственные потери.

402 истребительный полк за годы войны уничтожил 810 самолетов противника, потеряв со своей стороны 101 самолет [3.09].

Как известно, «большое видится на расстоянии» или со стороны. Р. Толивер и Т. Констебль пишут: «Немцы, американцы и англичане, все вместе, долго разделяли роковое заблуждение относительно достижений Советов. Серия катастроф, обрушившаяся на немецкий народ, начиная с 1941 года, была прямым следствием недооценки германским руководством советского колосса... Советский Союз представляет странное сочетание низкого уровня жизни с блестящими техническими достижениями, что противоречит западным понятиям и приводит к огромному количеству ошибок при оценках... Советский Союз во многих отношениях был лучше подготовлен к войне, чем Британия в 1939 или Соединенные Штаты в 1941. В России велась специальная подготовка резерва обученных пилотов. Аналогичные меры по развертыванию массового производства самолетов в 1941 продвинулась настолько далеко, что русские смогли быстро оправиться от сокрушительных потерь июня – июля 1941.

В ходе войны русские несли тяжелые потери, но мастерство их летчиков-истребителей постоянно росло, в то время как качество подготовки пилотов люфтваффе постоянно падало. То, что Германия не располагала четырехмоторными стратегическими бомбардировщиками, позволило русским развернуть множество заводов и летных школ за пределами досягаемости тактических бомбардировщиков люфтваффе. В результате немцам пришлось иметь дело с их продукцией, когда она поступала на фронт.

С конца 1942 года русская воздушная мощь превратилась в неодолимый поток, который набирал силу с каждым месяцем» [3.10].

Немецкий генерал В. Швабедиссен, анализируя действия советской авиации в период войны, пишет: «Советские истребители понесли чрезвычайно высокие потери в начале боевых действий и до наступления зимы не могли помешать немецкой авиации господствовать в воздухе. Тем не менее советское командование успешно сохранило свои производственные мощности, систему подготовки пилотов, службы снабжения и ремонта. Это создало необходимые условия для восстановления истребительной авиации. В то же время советские пилоты приобрели необходимый боевой опыт и своими усилиями способствовали достижению этой цели. Таким образом, в отношении советской истребительной авиации можно сказать, что она относительно успешно перенесла самые трудные времена» [3.11].

Благополучный выход из «трудных времен» был во многом предопределен напряженным трудом работников авиационной промышленности. Около восьми утра 22 июня сорок первого года в кабинете наркома собрались его заместители и начальники главков. «Подумайте, – поставил задачу Шахурин, – что нужно немедленно сделать по каждому главку, по каждому заводу, чтобы увеличить выпуск боевой техники. Сейчас меня вызывают к Председателю Госплана. После возвращения соберемся снова и заслушаем предложения. А сейчас вызывайте своих сотрудников и действуйте».

Ровно в девять в Госплане у Вознесенского собрались наркомы оборонной промышленности и другие руководящие работники связанных с ней организаций. Внешне он говорил спокойно: война предстоит тяжелая. Необходимо срочно, в течение суток разработать планы максимального увеличения производства вооружения, учитывая, что мобилизационные планы подготовлены заранее. Нужна быстрая и всеобщая мобилизация ресурсов. Особая задача – изыскать заменители дефицитных материалов, а также материалов и изделий, которые до последнего времени получали из-за границы. Совещание было коротким. Прежде всего, нужно было беречь время...

Таким же непродолжительным было совещание и в наркомате. Главное внимание – на устойчивый, ритмичный рост производства самолетов и моторов, без скачков и сбоев. Для решения этой задачи нужно было прежде всего обеспечить надежность поставок по кооперации, устойчивость межхозяйственных связей в рамках наркомата между взаимосвязанными предприятиями и организациями. В этой связи было решено немедленно сдублировать все уникальные предприятия, в частности заводы по производству приборов, винтов, карбюраторов, авиационного вооружения и т.п., имевшиеся в единственном числе.

«Непрерывно раздавались звонки с заводов. Предлагали перейти на более высокий темп выпуска самолетов, моторов и другой авиационной техники. Большинство предложений поддерживалось. Вместе с тем мы предупреждали директоров и главных инженеров, чтобы они ко всему подходили разумно, брали реальные обязательства. Нельзя начать изготовлять, допустим, семь-восемь самолетов в день, а потом снизить темп. Выпуск должен непременно нарастать. А для этого нужны, прежде всего, заделы в заготовительных цехах...

В первый день войны вопросов возникало так много, что в обычных условиях их не решить бы даже за несколько дней. Но теперь многое удалось сделать.

Заводы переходили на круглосуточную работу. Смена продолжалась 11-12 часов. Работали без выходных. Весь руководящий и инженерный состав перевели на казарменное положение» [3.12].

В июле начались налеты вражеской авиации на Москву. Сначала по тревоге весь производственный персонал перебирался в укрытия. Только специальные дежурные оставались на крышах, чтобы, если потребуется, тушить зажигалки. Производство останавливалось, суточный выпуск продукции снижался. Вскоре, однако, убедились, что далеко не всякая воздушная тревога сопровождается бомбежкой. Коллективы сами решили не прекращать работу, если нет прямой опасности нападения воздушных пиратов на завод.

Гораздо большую тревогу вызывали начавшиеся перебои в системе материально-технического снабжения. Первое время выручали запасы специальных сталей, труб, шарикоподшипников, других дефицитных материалов. Но они быстро таяли. Пришлось срочно создавать дополнительные базы снабжения. Эти заботы стали едва ли не главными для самого наркома. В тот период распределением топлива и электроэнергии занимались лично Н. Вознесенский и А. Микоян. Обосновывать заявки должен был сам нарком авиапромышленности. Если приезжал его зам, – значит у них еще «не горит». Заместителя выслушивали, но заявку «отоваривали» лишь частично. Вот и приходилось Шахурину ездить на такие «посиделки» почти ежедневно, как и на доклады к Сталину.

«Сообщают: на такой-то ТЭЦ угля осталось на один день, от силы – на двое суток. Запланированные эшелоны вовремя не пришли. Звоню Н. Вознесенскому или А. Микояну. Договариваемся о встрече. Одновременно вызывают наркомов путей сообщения и угольной промышленности. Все вместе выясняем, какие эшелоны с углем на подходе, кому они предназначены, какие из них можно повернуть к нам. Конечно, приходится выслушивать категорические возражения тех, кому они предназначались.

В таком страшном напряжении, с каким работали железные дороги, когда терялись вагоны с моторами или другими агрегатами, когда почти на каждый эшелон приходилось выделять сопровождающих, обычным делом стали и ежедневные поездки в Наркомат путей сообщения... Нужно отдать должное железнодорожникам. Несмотря на всю сложность обстановки, они всегда помогали нам. Находили вагоны и направляли их на заводы, иногда даже со специальным паровозом. Бывало, нашим эшелонам присваивали военные номера, и они шли по «зеленой улице». Эта помощь была в то время бесценной.

...Выручал и наш летный отряд, который был создан еще перед войной для срочной доставки материалов и изделий заводам. Он состоял из самолетов Ли-2 в грузовом варианте. По одному или несколько самолетов имели и все крупные заводы. С началом войны, когда возникали значительные трудности со снабжением, летный отряд усилили до 60 самолетов. По воздуху перебрасывали радиаторы, винты, приборы, вооружение, иногда даже авиационные моторы. Все это позволило не выбиваться из графика, увеличивать выпуск самолетов» [3.12].

Август дал больше продукции, чем июль. Сентябрь – больше, чем август. В последней декаде сентября кривая на графике поднялась до отметки: сто боевых машин в сутки. Однако как раз в это время гитлеровские войска появились на дальних подступах Москвы. Возникла необходимость эвакуировать крупнейший авиационный комплекс страны за Волгу. Это нарушило целостность всей системы, и выпуск продукции стал круто падать. В декабре 41-го было изготовлено всего 600 самолетов.

Перелом произошел уже в начале нового года – в январе в воинские части направили 900 новых машин. На новых местах входили в строй заводы-переселенцы. Поскольку враг был отброшен достаточно далеко от Москвы, в столице быстро возрождалась производственная жизнь на моторных и самолетных предприятиях, откуда в октябре вывезли почти все оборудование. В феврале вернулся ЦАГИ со всем своим уникальным «имуществом». На удивление за время вынужденного «путешествия» на Восток и обратно ничего не потеряли. Вернулись в Москву и некоторые конструкторские бюро.

Все это позволило динамично наращивать выпуск самолетов и моторов.

Выпуск боевых самолетов в СССР и Германии во время войны [3.14]

тыс. штук

	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	8,2*	21,7	29,9	33,2	19,1**
Германия	9,5	12,9	22,1	34,4	2,5***

* Второе полугодие.
** Январь–август 1945 г.
***Январь 1945 г.

Стоит отметить, что в 1940 году немецкая промышленность выпустила 8,1 тыс. боевых самолетов, так что по новым самолетам в момент нападения на СССР немецкая армия имела определенные преимущества. Поскольку гитлеровское командование рассчитывало в течение двух-трех месяцев захватить весь потенциал русской авиационной промышленности нашей страны (поэтому поначалу некоторые самолетостроительные заводы России не включались в число целей воздушных налетов люфтваффе), производство боевых самолетов в Германии в 1941–1942 гг. расширялось относительно медленно. В 1943 году обстановка на фронтах круто изменилась. Германская авиационная промышленность, несмотря на начавшиеся разрушительные налеты английских и американских бомбардировщиков на военные объекты, делает отчаянный рывок вперед. Но уже поздно. Преимущество в производстве военной техники и господство в воздухе как на Западе, так и на Востоке переходит к союзникам.

Известно, что боевая авиация делится на три основные группы: истребители, штурмовики и бомбардировщики.

Истребители на войне выполняют ряд ответственных функций: 1) поддержки и защиты с воздуха своих наземных частей в прифронтовой полосе, в том числе путем внезапных ударов по наземным целям, как своего рода «крылатая артиллерия», 2) охраны городов, промышленных центров, транспортных узлов и других важных объектов от налетов бомбардировщиков противника, 3) сопровождения своих бомбардировщиков при выполнении ими боевых заданий за линией фронта, что чаще всего выливается в воздушные бои с вражескими истребителями.

Доля истребителей в общем выпуске самолетов характеризует направленность стратегии ожидаемых военных операций. Так, военное руководство Германии, ориентировавшееся на проведение «блицкрига», рассматривало авиацию, прежде всего, как ударную силу для разрушения военной и производственной инфраструктуры противоборствующей стороны. Поэтому особый упор делался на опережающее развитие бомбардировочной авиации. Советский Союз готовился к обороне.

Доля истребителей в производстве самолетов [3.15]

в %

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	51,9	45,0	39,0	41,9	44,7	42,1
Германия	26,8	30,2	35,8	43,9	62,3	65,5

В продукции советской авиационной промышленности на протяжении всей войны доля истребителей колебалась между 40 и 50 %. В первые два года войны произошло некоторое снижение этого показателя в связи с тем, что ряд заводов, выпускавших истребители, перешли на производство Илов, крайне необходимых в то время для борьбы с немецкими танками. Германия, напротив, потеряв господство в воздухе как на восточном, так и на западном фронте вынуждена была в целях самозащиты срочно расширить производство истребителей, в том числе новых конструкций. Но это уже не могло сколько-нибудь существенно повлиять на исход войны...

В Советском Союзе накануне войны число конструкторских бюро, специализировавшихся на разработке новых самолетов и моторов, было расширено до 25. Из них целая дюжина занималась истребителями: КБ Н. Поликарпова, А. Яковлева, П. Сухого, М. Пашинина, А. Микояна, С. Лавочкина и др. Очень важно, что почти все они работали на базе крупных или опытных авиационных заводов, т. е. имели постоянные связи с производственниками, которые помогали реализовать их задумки в летающих самолетах. Идея заключалась в том, чтобы вызвать соревнование между молодыми и опытными коллективами конструкторов, отобрать на конкурсной основе лучшие образцы и запустить их в производство. В результате из 12 новых моделей истребителей только три получили путевки для серийного производства. Это были МиГи, Яки и ЛаГГи.

За весь период войны советская авиационная промышленность выпустила истребителей [3.16]:

типа Як	36 000,
типа Ла	22 000,
типа МиГ	3 500.

Кто отобрал эти три модели для массового производства из большого числа возможных вариантов? Какие критерии использовались для оценки их качества? Почему среди них нет истребителя Н. Поликарпова?

На первый вопрос ответить не трудно. В марте 1941 года, то есть за три месяца до начала войны, в беседе со Сталиным заместитель министра авиационной промышленности А. Яковлев авторитетно заявил, что противостоять лучшим немецким истребителям «могут лишь наши новые истребители «МиГ», «Як» и «ЛаГГ» [3.17]. Иными словами, выбор был сделан Яковлевым, и Сталин молча-

ливо с ним согласился, доверяя заместителю наркома по опытному самолетостроению.

В этой связи стоит послушать мнение об этих трех машинах другого конструктора – В. Шаврова: «После завершения государственных испытаний в 1941 году начался массовый выпуск многочисленных модификаций Яков, которые стали основным истребителем наших ВВС в период Отечественной войны. Постоянно мучаясь из-за недоработки моторов, талантливый коллектив конструкторов во главе с Александром Яковлевым целенаправленно добивался увеличения скорости, дальности и маневренности своих истребителей. Одними из первых они использовали крупнокалиберные пушки, что позволило быстро догнать, а затем и превзойти боевые качества немецких «Мессершмиттов». Так, их скорость возросла от 590 (1940) до 720–740 (1944) км/ч; время набора высоты (5 тысяч метров) сократилось соответственно с 6 до 3,5–4 минут; время виража – с 24 до 18 секунд. Закономерно, что лучшим из «тройки» новых советских истребителей оказался самолет Яковлева. В отличие от создателей МиГ и ЛаГГ он имел богатый опыт проектирования спортивных монопланов. Благодаря этому Яковлеву удалось добиться удачного сочетания у нового истребителя легкости, высокой скорости, маневренности и быстрого набора высоты.

ОКБ Лавочкина было создано в мае 1939 года из сотрудников наркомата авиационной промышленности. Начальником технического отдела был Владимир Горбунов. С. Лавочкин и М. Гудков находились в его подчинении. Никто из них не был профессиональным авиаконструктором. По существу, вначале их объединила дельта-древесина, технологию производства которой разработали на одном из заводов наркомата. Новый пластифицированный материал можно было использовать при строительстве самолетов вместо крайне дефицитного дюралюминия. Они предложили тогдашнему наркому М. Кагановичу создать такой «деревянный» истребитель. Нарком дал согласие, и новый коллектив начал работать.

Истребитель даже после доработки получился тяжелый, не очень маневренный (время виража – 20 секунд), с относительно невысокой скоростью (560 км/час). Довольно часто отмечались отказы вооружения. Неудовлетворительно работал механизм уборки и выпуска шасси. Летчики все чаще стали расшифровывать его марку как «летающие гробы». Выпуск истребителя пришлось остановить. Покровители ОКБ Лавочкина вовремя пришли ему на помощь:

«летом 1941 года по указанию НКАП (читай: А. Яковлева – Р.Б.) чертежи винтомоторной группы и синхронных пушек ШВАК самолета И-185 с мотором М-82 были переданы Н. Н. Поликарповым в ОКБ Микояна, Лавочкина и Яковлева для ознакомления в порядке обычного обмена опытом»[3.18].

Лавочкин оперативно использовал подарок: он взял у Поликарпова «нос» нового И-185 и присоединил к нему фюзеляж и хвост своего ЛаГГ-3. Поскольку диаметр моторной части был шире, чем присоединенного к ней фюзеляжа, пришлось сделать ему вторую обшивку. Получился весьма удачный гибрид – Ла-5, который с некоторыми усовершенствованиями воевал до конца войны.

Судьба МиГа сложилась печальнее. Его настоящий конструктор, Н. Поликарпов, предназначал машину для воздушных боев на больших высотах, где скорость истребителя превышала 700 км/час (1940 г.) Однако как показала практика войны, в условиях боя бомбардировщики и истребители не часто поднимались выше 5 км. На таких высотах преимущества МиГа превращались в недостатки: специальный нагнетатель, который повышал мощность мотора в разреженной атмосфере, на небольших высотах был не нужен – он только снижал маневренность и скорость истребителя. Плюс ко всему его мотор потребовался для Илов. В конце 1941 года серийное производство МиГов прекратилось.

Таким образом, отобранные Яковлевым в качестве «лучших» ОКБ Лавочкина и Микояна не были для него конкурентами. Наоборот, на их фоне боевые характеристики Яков выглядели еще значимей и ярче. Реальным конкурентом выступал конструкторский коллектив Н. Поликарпова. С ним обошлись жестко и, можно сказать, беспощадно.

Как уже говорилось, в декабре 1939 года (в то время наркомом авиационной промышленности оставался еще М. Каганович) была осуществлена дерзкая попытка ликвидировать ОКБ Поликарпова. Во время заграничной командировки руководителя на базе его коллектива и накопленных конструкторских разработок было создано ОКБ Микояна и Гуревича. Первый короткое время до этого работал заместителем Поликарпова, второй был там же ведущим специалистом. «Этой группе был передан завершенный под руководством Н. Поликарпова проект скоростного высотного истребителя «К» с двигателем АМ-35А... Этот самолет совершил свой первый полет 5 апреля 1940 года. На высоте 7 тысяч метров он достиг скорости 628 км/час, а 5 мая – 651 км/час.

Стало ясно, что появился самолет, который на высотах более 5 тысяч метров превосходит по скорости все истребители мира»[3.19]. Тем не менее его конструктора оттеснили куда-то в сторону. Слава Богу, оставили в живых и с остатками прежнего ОКБ разрешили заниматься своими делами.

Не всякий мог бы выдержать такой удар. Николай Николаевич выдержал. «Я любил общаться с ним, – пишет А. Шахурин. – Исключительная эрудиция, знание летного дела, теории авиации, богатейший опыт в создании самолетов – все это отличало Поликарпова и способствовало его авторитету в отечественном и мировом самолетостроении. Вместе с тем поражали его исключительная работоспособность, четкость и дисциплина...

Несмотря на свою всемирную известность, он был чрезвычайно скромен. Другого такого человека я в жизни не встречал...Всегда говорил негромко и как-то по-особенному складывал руки вниз. Если мне приходилось давать ему отрицательный ответ, он тихо соглашался:

– Хорошо, хорошо.

Однако, не уходил, а так же тактично, но настойчиво вновь начинал мотивировать ту или иную просьбу»[3.20].

И на этот раз, несмотря на всю абсурдность обстановки, Н. Поликарпов садится за расчеты и чертежи. Он начинает проектирование принципиально нового истребителя с двигателем в форме двухрядной звезды большой мощности и пушечным вооружением. За короткий срок было сделано несколько вариантов такого самолета. Уже в марте был готов рабочий вариант. «Конструкция была новой, хорошо отработанной и очень технологичной, приспособленной для массового производства... Однако мотор М-90 запоздал и не был доведен. Пришлось ставить другие двигатели, что потребовало соответствующих изменений в конструкции самолета...»[3.21].

Довольно часто Генеральный конструктор не только не получал поддержки от наркомата, но и не редко наталкивался на противодействие... Вот как описывает эту историю А. Яковлев, естественно не называя фамилии конструктора.

«Летом 1940 года нас с наркомом вызвали в Кремль. Когда мы вошли в кабинет Сталина, там шло совещание. За длинным столом сидели почти все члены Политбюро. Сталин вышел навстречу. Поздоровался, потом взял со стола какой-то документ и стоя, не приглашая, как обычно, сесть, начал читать его вслух.

По мере того, как он читал, мое самочувствие ухудшалось. Это было письмо одного из конструкторов, в котором он просил

разрешить ему осуществить разработанный им проект самолета с очень высокими боевыми качествами. Конструктор писал, что не может рассчитывать на поддержку наркомата, где делом опытного самолетостроения руководит Яковлев, который, будучи конструктором и боясь конкуренции, не пропустит его проекта. Поэтому он и обращается непосредственно в ЦК...

Стояла полная тишина. Все присутствовавшие внимательно слушали. Мне уже стало казаться, что не случайно собрались здесь руководители партии.

Сталин кончил читать, не спеша, аккуратно сложил листки.

– Ну, что скажете?

Я был крайне расстроен, но сказал:

– Конструктор ко мне не обращался.

– Ну, а если бы обратился?

– В таком случае мы рассмотрели бы проект и, если бы он оказался хорошим, внесли бы предложение в правительство о постройке самолета.

– А как проект хороший?

– Затрудняюсь что-либо сказать, потому что проекта не видел. Непонятно, почему автор обратился непосредственно в ЦК: я, как обещал, стараюсь быть объективным.

Нарком также в первый раз слышал о проекте и ничего сказать не мог. Тогда Сталин заявил:

– Конечно, он должен был прежде всего поговорить с вами. Не поговорив с вами, сразу писать на вас жалобу – не дело. Я не знаю, что это за проект. Может быть, хороший будет самолет, а может, и плохой, но цифры заманчивые. Рискнем, пусть построит. Кстати, во что обойдется такой самолет?

– Думаю, что миллионов девять-десять.

– Придется рискнуть, уж очень заманчивы обещания. Возьму грех на себя. А вас прошу: не преследуйте его за это письмо, помогите построить самолет.

Я дал слово, что приму все меры, чтобы обеспечить постройку самолета. Такое же обещание дал и нарком» [3.22].

Яковлев, конечно, лукавил, когда говорил: «непонятно, почему автор обратился непосредственно в ЦК» (не с жалобой, а с письмом о поддержке !). Ведь всего полгода назад ОКБ Поликарпова не только разгромили, но и ограбили. Верно, это произошло при прежнем наркоме – М. Кагановиче. Но и новый наркомат в 1941 году повторил ограбление, обязав Поликарпова передать ряд его разработок в ОКБ

Яковлева, Лавочкина и Микояна. Напрасно Яковлев и Шахурин делали вид, что они ничего не знают и не ведают о деятельности Поликарпова, – по долгу службы они должны были руководить и контролировать его работу.

Пережив неприятную встряску у Сталина, они пообещали помочь «построить самолет». Формально это обещание было выполнено. Первый вылет нового истребителя Поликарпова состоялся 11 января 1941 года. Но мотор, под который его проектировали, не был готов. Время ушло на поиск другого подходящего двигателя (М-71). Заводские, фронтовые и государственные испытания затянулись до января 1943 года. Для сравнения следует заметить, что все испытания первых истребителей Яковлева, Лавочкина и Микояна заканчивались в течение трех-пяти месяцев.

Чтобы оправдать позицию руководства НКАПа относительно дальнейшей судьбы машины «неизвестного» конструктора, Яковлев пишет: «К сожалению, несмотря на большие затраты, самолет у него не получился и при первом же полете разбился. При этом, пытаясь спасти машину, погиб один из лучших военных летчиков-испытателей» [3.23].

Однако совершено другого мнения придерживалось НИИ ВВС: «Самолет Поликарпова превосходил все отечественные и немецкие серийные истребители, имелась возможность ряда модификаций. Скорость при испытаниях опытного экземпляра достигла 680 км/час на высоте 6100 м». Следующий эталонный вариант истребителя И-186 с мотором М-71 и тремя пушками ШВАК калибра 20 мм прошел госиспытания в январе 1943 года. Его скорость на высоте достигла 680 км/час. При этом самолет отличался легкостью управления и маневренностью. Он был единственным истребителем, поднимавшим 500 кг бомб. К сожалению, при очередном полете на дальность произошла авария: засорился жиклер бензопитания. Мотор заглох. Самолет не удалось посадить на землю. Летчик погиб. Был построен еще один эталонный И-186, но в серийное производство его так и не удалось «протолкнуть» [3.24]. При испытании Як-1 также погиб летчик, но это не задержало начало его серийного производства. К самолетам Поликарпова применялись другие мерки. В 1944 году талантливого конструктора не стало. Это одна из причин нашего отставания по качеству боевых истребителей противника.

Приходилось нажимать на количество.

В среднем за год в СССР в период войны производили примерно 15 тыс. истребителей. Вначале Германия отставала по этому

показателю, поскольку в действующих частях общая численность современных боевых самолетов была больше, а потери меньше, чем в СССР. Во второй половине 1942 и начале 1943 годов ситуация стала меняться: потери люфтваффе резко возросли, и производство, подвергавшееся к тому же все более ожесточенным бомбардировкам англо-американской авиации, не успевало уже возмещать выбывшие из строя боевые самолеты. В 1943 году в Германии было изготовлено примерно 12 и в 1944 году – 16 тысяч истребителей. При этом количество истребителей в действующей армии сократилось в первом полугодии 1944 года до 5,9 тысяч против 8,3 тысяч во втором полугодии 1943 года[3.25].

Основными истребителями в воздушной войне люфтваффе против России были «Мессершмитт» серии 109 E и G. Купленный в Германии и испытанный под Москвой в 1940 году «Мессершмитт-109E» с двигателем мощностью 1100 л. с. развивал скорость до 570 км/час на высоте около 4 тыс. метров. Потолок достигал 11 тыс. метров. Вооружение – две пушки и два пулемета. «К лету 1940 года среди истребителей, стоявших на вооружении советских ВВС, не было ни одной машины, которая могла бы, при равной подготовке летчиков, противостоять этому немецкому истребителю в воздушном бою» [3.26].

Всего за 1937–1945 гг в Германии было выпущено 35 тыс. самолетов этого типа разных модификаций, том числе 23,5 тысяч «Мессершмиттов-109G», максимальная скорость которых составляла 621 км/час, время набора высоты 5700 м – 6 минут. Другим массовым истребителем Германии был «Фокке-Вульф-190». Его серийное производство началось в 1941 году с мотором 1700 л. с. Это позволило новой машине иметь максимальную скорость более 600 км/час. Последующие модификации повысили ее до 635 км/час. «Фокке-Вульф-190» отличался также мощным вооружением и солидной бронезащитой. Его вооружение состояло из 4 пушек и 2 пулеметов. Суммарный вес секундного залпа этого истребителя равнялся 4,36 кг (у Ме-109E – 1,67 кг, Ла-5 – 1,76 кг, Як-9 – 2кг). Закономерно, что «Фокке-Вульф» использовался в первую очередь против бомбардировщиков [3.27].

Сконцентрировав в первые годы войны основное внимание на резком увеличении производства истребителей, авиационная промышленность СССР заметно отстала в области массового выпуска современных *бомбардировщиков*. Сказалась также непонятная для здравого смысла политика, когда ведущие конструкторы встретили войну за тюремными воротами.

Доля бомбардировщиков в общем выпуске самолетов [3.28]
в %

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	35,2	23,9	13,9	11,6	10,4	11,8
Германия	27,8	27,2	28,4	18,7	5,6	-

К началу 1940-х годов по количеству бомбардировщиков СССР занимал первое место в мире, что соответствовало принятой стратегической установке: уничтожить агрессора на его собственной территории. Однако реальности войны быстро заставили руководство сместить центр тяжести в производстве продукции авиационной промышленности от бомбардировщиков в сторону истребителей. Германия, напротив, делала ставку на массовые воздушные атаки объектов, находящиеся в глубине на территории Великобритании. Гитлер даже угрожал в 1941–1942 году начать бомбежки городов США. К 1943 году ситуация изменилась коренным образом: авиация союзников стала быстро наращивать мощь своих ударов по объектам, расположенным на территории Германии. И Герингу пришлось принимать экстренные меры, чтобы резко увеличить выпуск истребителей, в том числе новых – реактивных.

Развитие производства бомбардировщиков в Советском Союзе имело свои особенности. Серийное производство самолета СБ, спроектированного и разработанного бригадой А. Архангельского под руководством Туполева, началось в 1936 году и продолжалось до 1941 года на двух заводах. Всего было выпущено 6 831 машина. Естественно, что в течение пяти лет его конструкцию постоянно совершенствовали, тем не менее к началу войны она морально устарела. В середине 30-х годов эта машина была лучшим скоростным бомбардировщиком в мире. В первое время боев в Испании СБ использовался без истребительного сопровождения. Однако в начале войны с Германией он уже по многим параметрам уступал новым бомбардировщикам противника.

Судьба дальнего бомбардировщика другого талантливого конструктора – Сергея Владимировича Ильюшина сложилась иначе. В 1936–1938 гг. на его машинах было установлено несколько мировых рекордов. Летом 1938 года во время перелета по замкнутой кривой протяженностью 7580 км средняя скорость составила 307 км/час. Позже поставили более мощные моторы. Сменили винты. Внесли ряд усовершенствований в другие детали. В результате получился ДБ-3ф. В период 1939–1945 гг. было выпущено 6119 таких машин.

Под именем Ил-4 они были основной ударной силой авиации дальнего действия (командующий маршал авиации А. Голованов) в течение всей войны.

Их максимальная скорость на высотах порядка 4 500 м (первая граница высотности) колебалась в пределах 350–370 км/час. На высоте 6 000–6 500 м (вторая граница высотности) она составляла более 400 км/час. Нормальная бомбовая нагрузка (на внутренней подвеске) 1000 кг. К концу войны Ил-4 тоже устарел: во-первых, мощность его моторов (М-88 и М-82) значительно уступала мощности немецких, английских и американских моторов, во-вторых, ресурс работы двигателей был очень небольшим. Лететь с полной бомбовой нагрузкой перед тем, как двигатели отправят в очередной капитальный ремонт, приходилось на высоте порядка 3,5 тысяч метров. А автоматические зенитные пушки немцев стреляли до высоты 4 тысяч. Можно представить себе, какое мужество и выдержку нужно было иметь экипажу, попавшему в огненный ад рвущихся зенитных снарядов, чтобы не сбросить бомбы «куда-нибудь» в бездонную темень и в тот же момент подскочить выше той границы, которую достают «Эрликоны»...

Самое обидное заключается в том, что в это время уже были созданы и испытаны новые бомбардировщики, которые имели гораздо лучшие характеристики, чем ДБ-3ф.

Речь идет, прежде всего, о бомбардировщиках Туполева и Мясищева. Оба конструкторских коллектива перед войной находились на положении заключенных, отбывающих наказание за якобы совершенное уголовное преступление. В таких условиях Туполев спроектировал и построил опытный образец фронтового бомбардировщика к январю 1941 года. До июля 1941 года самолет проходил испытания, и его стали готовить к серийному производству. Но вынужденная эвакуация ОКБ в Сибирь задержала этот процесс почти на год. На новом месте основные силы были брошены на то, чтобы достроить завод (сначала были только стены), подготовить кадры производственников и наладить практически с нуля весь технологический процесс. Преодолев все препятствия, коллектив конструкторов и работников нового завода в конце февраля поднял в воздух первый серийный Ту-2. Но радоваться долго не пришлось. По указанию «сверху» вместо первоклассного бомбардировщика на заводе развернули выпуск Як-7...

Только в конце 1943 года производство Ту-2 возобновили на заводе в Сибири и еще на двух предприятиях в других местах.

С большим запозданием, но здравый смысл все же победил. Летные качества бомбардировщика были исключительными. Скорость на высоте 8 тыс. метров достигала 635–640 км/час. Потолок 10 600 м, дальность 2 500 км. Вооружение: две пушки ШВАК, четыре-шесть пулеметов. «Это был лучший в мире фронтовой бомбардировщик» [3.29].

Вот что писал о судьбе Ту-2 нарком А. Шахурин: «Испытания показали, что Ту-2 превосходил все существовавшие в то время фронтовые бомбардировщики. Его скорость почти на 100 км превышала скорость основного серийного немецкого бомбардировщика Юнкерс-88. Самолет имел большой потолок и мог нести значительную бомбовую нагрузку. Однако массовый выпуск Ту-2 начался только в 1944 году.

Почему так получилось?

Ту-2 запустили в серию на одном из сибирских заводов. Но дело не ладилось. Завод не был до конца построен, шло формирование коллектива, который состоял из рабочих и инженеров местного и эвакуированного заводов. А машина сложная. Наконец полк Ту-2 направили на Калининский фронт для войсковых испытаний...

Почти каждый день я звонил по телефону командиру дивизии, в которой испытывали Ту-2, узнавал об их участии в боях. Мне отвечали, что летчики отзываются высоко, боевые и летные качества бомбардировщика хорошие, он не только метко поражает наземные цели, но и успешно сражается с истребителями противника.

А Сталину никаких сообщений не поступало. То, что говорил я, его почему-то не убеждало... Он стал настаивать на снятии Ту-2 с производства. Как мог, я доказывал, что этого делать не следует, надо, мол, дождаться официального отчета о фронтовых испытаниях самолета. А отчета, как на грех, нет и нет. Это раздражало Сталина. Однажды он мне сердито сказал:

– Почему не делаете предложений о снятии самолета с производства? Нам очень нужны сейчас истребители.

Пришлось повторить, что машина хорошая, очень нужная фронту. Мы затратили большие усилия, чтобы оснастить ее и наладить производство. Сталин разговор продолжать не стал. А через два дня, вызвав меня к себе, сказал:

– Пишите: снять с производства самолет Ту-2. Обязать НКАП Шахурина и директора завода Соколова организовать на этом заводе производство истребителей...

Производство Ту-2 прекратили и начали готовиться к выпуску истребителей, как всегда, в очень высоком темпе, когда есть решение (высокого лица – Р.Б.).

Дней через двадцать приходит акт о фронтовых испытаниях туполевского бомбардировщика – объемистая прошнурованная книга с грифом «Совершенно секретно». Много подписей – летчиков, инженеров, командиров полка и дивизии. А сверху: «Утверждаю. Генерал-майор авиации М. Громов». Оценка самолета очень высокая.

Примерно часов в пять-шесть меня вызвали к Сталину. Вхожу в кабинет. Сталин один. На длинном столе, покрытом синим сукном, лежит экземпляр акта испытаний Ту-2.

– Оказывается, хвалят машину. Вы читали?

– Да, читал. Зря сняли самолет с производства. И сколько я упреков от вас получил.

– И все все-таки вы неправильно поступили, – вдруг сказал Сталин.

– В чем?

– Вы должны были жаловаться на меня в ЦК.

Сказал и пошел дальше по кабинету, попыхивая трубкой» [3.30].

Туполевский бомбардировщик вновь начали выпускать. До конца войны изготовили всего около 800 машин. Этого, конечно, было мало, и потребность в нем в то время объективно была намного выше, чем в Яках.

Владимиру Михайловичу Петлякову «повезло» больше. Он попал в «шарашку» (специальную тюрьму) примерно на год раньше, чем Туполев и Мясищев. Там он возглавил «особое техническое бюро», которое начало работать над высотным, скоростным истребителем-перехватчиком с герметичной кабиной для экипажа. Причем не исключалось, что новую машину можно будет использовать и как пикирующий бомбардировщик. Первый испытательный полет состоялся в декабре 1939 года. Через полгода пришло указание переделать самолет в пикирующий бомбардировщик с мощным вооружением. В помощь Петлякову направили около 300 специалистов из других КБ. Срочно готовили рабочие чертежи, которые тут же отправлялись на заводы, намеченные для освоения выпуска новой машины. Первые полеты серийных Пе-2 начались уже осенью 1940 года. В начале 1941 года В.М. Петлякову была присуждена Сталинская премия, хотя он все еще находился на положении заключенного. (Чего не случалось в нашем государстве !?)

Полностью летные испытания новой машины завершены не были, поскольку в мае того же года было принято решение о переделке ее в пикирующий бомбардировщик без гермокабины. Сначала установили двигатели Микулина – М-105Р (1100 л.с.), позже – более мощные двигатели Климова. В 1941 году самолеты Пе-2 стали поступать в части, и их начали применять в боях с первых же дней войны, «на лету» устраняя недоделки и слабые места. Его скорость достигла 534 км/час, дальность – 1200 км, бомбовая нагрузка – до 1000 кг, вооружение: две пушки ШВАК, крупнокалиберные и обычные скорострельные пулеметы.

В самом начале нового 1942 года В. Петлякова и его заместителя А. Изаксона срочно вызвали в Москву. Решили лететь на двух серийных самолетах Пе-2, перегоняемых через Москву на фронт. В воздухе самолет с Пятляковым загорелся, и конструктор погиб. В июне 1943 года его должность Главного конструктора занял В. Мясищев. За два года под его руководством был выпущен ряд модификаций Пе-2, в том числе скоростной бомбардировщик, двухместный истребитель, высотный разведчик. Всего до конца войны было выпущено 11 тысяч самолетов с такой маркой.

Параллельно Мясищев продолжал работать и над своим детищем – дальним высотным бомбардировщиком. Его опытный экземпляр поднялся в воздух в феврале 1942 года. Долго не везло с моторами. Наконец с двигателями АШ-71 самолет на высоте 8450 метров достиг скорости 529 км/час. Потолок – 10 500 м. Дальность – 3 600 км. Нормальная бомбовая нагрузка – 2 тонны, с перегрузом – 4 тонны. Вооружение – пушка ШВАК, тяжелый и обычный пулеметы. Конструкция самолета имела ряд новшеств: две герметические кабины – носовая для летчика и штурмана и задняя – для двух стрелков (раньше, чем в американском В-29). Шасси – с носовым колесом на вилке (схема – одна из первых в СССР). Однако до конца войны серийное производство такого бомбардировщика так и не начали [3.31].

В период войны, кроме этих трех основных двухмоторных бомбардировщиков, которые производились крупными сериями (Ил-4 – более 6 тыс., Пе-2 – свыше 11 тыс., Ту-2 – около 800 машин), в Советском Союзе были и другие типы бомбардировщиков, в том числе одно- и четырехмоторные. Среди них в первую очередь следует назвать Пе-8, Ер-2, а также Су-2.

Четырехмоторный ТБ-7 в 1942 году получил новое название Пе-8 в память о трагически погибшем Владимире Михайловиче

Петлякове, судьба которого была явно несправедлива к талантливому конструктору. В большом конструкторском бюро он с конца 1935 года руководил группой специалистов, работавших над проектом будущего дальнего бомбардировщика. Через год его опытный образец поднялся в небо. Больше всего хлопот и неприятностей доставляла силовая установка. 17 октября 1937 года первый этап государственных испытаний новой машины и ее создателей завершился. По всем летным характеристикам (кроме максимальной скорости – по вине двигателей) были получены показатели, отвечающие требованиям заказчика. Однако это не спасло конструкторов: через неделю были арестованы сначала Туполев, затем – Петляков, на столе которого лежало несколько перспективных проектов дальнейшего развития бомбардировщика. Еще через полгода ТБ-7 был принят на вооружение ВВС и запущен в серию на авиационном заводе в Казани. К началу Отечественной войны самолет, лишенный поддержки «родителей», несколько устарел. Прежде всего не был решен вопрос о качественном нагнетателе воздуха на большой высоте. Тем самым ТБ-7 лишался своих главных преимуществ – высокой скорости на высоте, не доступной для многих истребителей. Интерес к бомбардировщику резко упал, если не сказать жёстче, – совсем пропал. Но у него остались защитники – летчики, которые его испытывали. В 1940 году его производство восстановили, однако мелкими партиями. Главные преимущества ТБ-7 (высота полета более 8 км и способность доставлять противнику «гостинцы» весом 5 тонн) пригодились на войне [3.32].

Другой, на этот раз двухмоторный дальний бомбардировщик Ер-2 был переделан из пассажирского самолета «Сталь-7» конструкции Р. Бартини. Этот весьма одаренный Богом человек не смог избежать судьбы многих талантливых авиационных конструкторов в России [3.33]. Решение о создании боевой машины на базе уже опробованного пассажирского самолета было принято в начале 1939 года. Его реализацию поручили небольшому конструкторскому коллективу во главе с В. Ермолаевым. Бартини, который с января 1938 года находился в тюрьме, консультировал по сложным вопросам из своего «далека». Уже в мае следующего года был выпущен опытный образец ДБ-240, быстро и без осложнений прошедший заводские и государственные испытания. Его летные качества были признаны отличными: скорость на высоте 4 200 м достигала 445 км/час, потолок – 7700 м, дальность – 4 100 км. Вооружение: крупнокалиберные пулеметы и пушка. В эксплуатации приходилось преодолевать

хронические «детские» болезни дизельных двигателей. Поэтому массовый выпуск Ер-2 так и не организовали.

Наибольших успехов в создании нового класса *штурмовиков* в годы войны добились конструкторские бюро П. Сухого и С. Ильюшина.

Еще в середине 30-х годов возникла идея создания многоцелевого самолета, который мог бы в зависимости от обстановки и поставленной цели выполнять функции штурмовика, ближнего бомбардировщика и разведчика. При этом Сталин поставил задачу: «Самолет должен быть очень простым в изготовлении, чтобы можно было сделать столько его экземпляров, сколько у нас в стране людей с фамилией Иванов» [3.34]. Отсюда и общее название секретного проекта: «Иванов».

Над решением этой задачи одновременно начали работать несколько КБ. Коллектив Сухого из ЦАГИ по срокам вырвался вперед. Государственные испытания его самолета проводились в начале 1938 года, и в августе 1939 на харьковском заводе его запустили в серию как ближний бомбардировщик ББ-1. Одновременно Павел Осипович продолжал интенсивно работать над улучшением его характеристик: поставили новый, более мощный мотор, что позволило увеличить бомбовую нагрузки до 600 кг. Модернизированная машина была принята на вооружение ВВС и запущена в серийное производство под маркой Су-2. Всего за годы войны было выпущено свыше 800 таких самолетов.

Вспоминает Герой Советского Союза М. Лапшин: «Я летал на Су-2 штурманом... Легкий самолет, послушный умелой руке, летучий, маневренный, достаточно скоростной. А главное – многоцелевой: разведчик, бомбардировщик, штурмовик, самолет «свободной охоты», групповых полетов и одиночного боя, невероятно живучий и безотказный.

Мы учились на Су-2 воевать, причем не просто воевать, а побеждать врага без прикрытия своих истребителей» [3.35].

Параллельно П. Сухой начал работать над новым штурмовиком Су-6. Особенно тщательно отрабатывалась его аэродинамика: хорошо обтекаемый фонарь летчика, полностью убирающиеся шасси, крыло с автоматическими предкрылками, размещение 400 кг бомб в специальном люке. Важно также, что на самолете предусматривалась установка двух 37-миллиметровых пушек и трех пулеметов, а также подвеска десяти эрэсов (реактивных снарядов). Очень остро встал вопрос о выборе мотора. В конце концов остановились на М-71 мощностью 2 тыс. л.с., разработанном А. Швецовым для

истребителя Поликарпова, но еще не запущенным в серию. Эвакуация серьезно помешала делу. И все же к лету 1943 года Су-6 был готов. Успешно прошли государственные испытания. Один из участвовавших в них летчиков вспоминает: «Испытывая штурмовик Сухого, я обнаружил, что его скорость и маневренность выше, чем у Ил-2. После выполнения боевого задания – сброса бомб и реактивных снарядов – он развивал такую скорость, которая делала его трудно досягаемым для фашистских Ме-109, а в случае боя с ним, используя мощное стрелково-пушечное вооружение, можно было отбивать нападение противника и нанести ему серьезный урон» [3.36].

Правительство высоко оценило работу П. Сухого над новым штурмовиком – ему присудили Сталинскую премию первой степени. Но в серийное производство Су-6 так и не пошел. Подвел «сырой» мотор. Кроме того, ломать отлаженный массовый выпуск Ил-2 в крайне напряженных условиях первых лет войны было рискованно.

В 1941–1945 гг. наша промышленность выпустила более 36 тысяч «летающих танков» конструкции Ильюшина. Решение задачи осложнялось тем, что в то время у нас отсутствовал достаточно мощный двигатель воздушного охлаждения. Пришлось воспользоваться АМ-35, который укрыли «одеялом» из брони. Чтобы снизить общий вес машины, Ильюшин спроектировал бронекоробку длиной около 5,5 м, защищающую экипаж и двигатель. Одновременно такая «коробка выполняла роль внешнего каркаса, взявшего на себя основные силовые нагрузки передней части фюзеляжа. Хвостовая часть была фанерной. Овальная кривизна такой коробки вызывала рикошетирование пуль и снарядов, попавших в самолет. Общий вес брони составлял примерно 700 кг.

Разработчики штурмовика первоначально предусмотрели в нем два места: для летчика и стрелка, обеспечивавшего защиту задней сферы. Однако военные потребовали увеличить дальность полета и бомбовую нагрузку Ил-2. Самолет стали выпускать в одноместном варианте. Немцы быстро обнаружили слабое место, что резко увеличило потери «летающих танков». В начале 1942 года состоялась конференция фронтовых летчиков, которые обратились к Сталину с просьбой вернуться к первоначальной модели, благо к этому времени был создан новый мощный мотор.

В феврале 1942 года Сталин вызвал к себе Ильюшина: «А ведь вы были правы. Это мы сбили вас с толку. Вы сделали двухместный штурмовик Ил-2, а мы, не разобравшись как следует, по настоянию некоторых легкомысленных советчиков заставили переделать

его в одноместный. Истребителей у нас мало. Одноместные штурмовики требуют прикрытия и несут большие потери. Несколько двухместных показали себя хорошо, они сами себя охраняют. Нужно немедленно вернуться к двухместной машине, однако, не останавливая конвейер» [3.37].

Штурмовик быстро переделали – сзади появился стрелок с крупнокалиберным пулеметом. Увеличили калибр пушек. В 1943 году для Илов создали специальные противотанковые бомбы, которые показали высокие результаты при атаках против танковых и мотомеханизированных колонн. Однако и штурмовики несли немалые потери. Воевать на них было много опаснее, чем на истребителях и бомбардировщиках.

Выживаемость летчиков советских ВВС в годы Отечественной войны [3.38]
среднее число успешных вылетов

Истребители	64
Бомбардировщики	48
Штурмовики	11
Торпедоносцы	04

Но и немцы несли большие потери от неожиданных огненных налетов Илов. «Только одно авиационное штурмовое соединение на самолетах Ил-2 уничтожило за три месяца боев под Москвой в 1941 году 608 танков противника» [3.39].

Общими усилиями конструкторов, производственников и летчиков авиационная промышленность России, преодолевая многочисленные трудности и сбои, все же сумела материально обеспечить перелом военных действий в воздухе – летом 1943 года советские ВВС завоевали господство в небе. При этом на протяжении всей войны самым узким местом в решении этой задачи было моторостроение – постоянно напоминали о себе отсутствие зрелой школы создания мощных, надежных, легких бензиновых и, особенно, дизельных двигателей, а также соответствующих прочных сплавов и оборудования, обеспечивающих обработку деталей с точностью до десятых и сотых микрона. Серьезные проблемы возникали и в связи с нехваткой квалифицированных кадров. Многие разработки новых моделей самолетов с выдающимися летно-техническими параметрами из-за низкого качества моторов так и остались только в чертежах. В лучшем случае – в опытных образцах. Тем не менее целенаправленная и напряженная работа ученых, конструкторов и трудовых коллективов по

радикальному улучшению качества авиационных моторов никогда не прерывалась, и в фундаменте Победы не трудно заметить увесистый камень, заложенный моторостроителями.

3.2. Рывок в танкостроении

Танки как качественно новое мощное и маневренное оружие стали во время второй мировой войны главной ударной силой, во всяком случае, на суше. Обладая высокой проходимостью и достаточной скоростью, сокрушительной пушкой и надежной броневой защитой, танковые соединения, сконцентрированные на небольшом участке фронта, нередко прорывали две-три линии обороны, окружая крупные группировки войск противника...

Закономерно, что уже перед войной между конструкторами наиболее развитых стран шла напряженная борьба за создание танков, обладающих лучшими боевыми характеристиками. В СССР в тридцатые годы слишком увлеклись большим количеством легких колесных танков, тем не менее наши конструкторы все же успели создать новые модели средних и тяжелых танков. В боях они оказались не хуже германских, а Т-34 считается лучшим средним танком второй мировой войны.

Прогнозы относительно роли танков в надвигающейся войне среди советского руководства не были однозначными. Однако, в целом, развитию танковой промышленности, особенно в последней предвоенной пятилетке, уделялось повышенное внимание. Так, только за период с 1939 по июнь 1941 года в СССР было выпущено свыше 7,5 тысяч танков. Но среди них было сравнительно немного машин нового поколения. В 1940 году, например, удалось изготовить всего 246 тяжелых танков КВ и 115 средних Т-34 [3.40].

До сих пор историки спорят относительно того, сколько и каких танков было в Красной Армии накануне Отечественной войны. Суммарные цифры колеблются от 22 600 до 25 500 машин. Наиболее близким к действительности считается число 23 300. Из них 2/3 находились в Западных военных округах. «Сколько из них было на ходу и готово к бою – выяснить чрезвычайно трудно». По имеющимся оценкам специалистов, в таком состоянии находилось 11-12 тысяч машин. Остальные требовали капитального или среднего ремонта, часть – ждала очереди на списание [3.41]. В одном из последних статистических исследований, подготовленных в Институте истории АН, количество танков, сосредоточенных на нашей стороне у западных границ накануне Отечественной войны,

оценивается в 12 тысяч (не считая танков, требующих ремонта или находящихся в ремонте), на стороне Германии и ее союзников – 4,3 тыс. машин [3.42].

К сожалению, летом 1941 года на вооружении Красной Армии насчитывалось всего 1861 новых КВ и Т-34. Из них в западных военных округах находилось 1475 машин. Их удельный вес в общем парке бронетехники составлял лишь 18 %. Притом средняя укомплектованность танками наличных войсковых соединений достигала всего 53 % [3.43].

Имея количественное и частично качественное преимущество (тяжелые танки КВ и средние Т-34 по своей огневой мощи и бронезащите в 1941–1942 гг. превосходили лучшие немецкие танки), Красная армия большинство танковых сражений тех трудных, трагических лет все же проиграла. Коренная причина поражений заключалась не в технике и не в людях, которые непосредственно участвовали в боях. Они не подвели! Благодаря своей стойкости и умению в локальных, конкретных боях наши танкисты нередко одерживали трудные победы. Вот как описывает один из таких боев в Западной Украине летом 41-го Николай Попель – активный его участник: «...Вражеская артиллерия сосредоточила огонь по мосту, на который вступил танк командира полка. Мой водитель тоже чуть было не пустил наш танк на деревянный настил вслед за первой машиной. Я резко одернул его и машинально, словно у меня под сапогом тормоз, уперся в подставку. Мост, по данным саперной разведки, не выдержит двух машин. Головкин, как и все механики-водители, предупреждены об этом. Но в бою память иногда отказывает. Наш танк замер на дороге перед мостом. Один. Но что значит броня перед десятками снарядов, поднимающих фонтаны земли и воды вокруг!..

Головкин, не ожидая команды, осторожно повел танк по освободившемуся мосту. Настил прогибается под тридцатитонной махиной. Я не слышу, но физически ощущаю, как поскрипывают опоры, уходят вглубь быки. А ведь еще КВ должны пройти по этому мирному деревянному мосту, на который не каждый день въезжал грузовик.

Но вот две машины – Волкова и моя – на правом берегу. На нас сосредоточивается противотанковый огонь противника. Мы не можем ни на секунду остановиться.

К нам присоединяются еще три машины. Подходит четвертая. Немцы пристреляли мост, и прямо в лоб переправляющемуся танку врезается снаряд. Солнцу не затмить сноп красноватых искр.

А танк, как ни в чем не бывало, сворачивает направо и направляется в нашу сторону. Выходит, противотанковые пушки немцев не берут лобовую броню. Каков же их калибр?

Слежу за разрывами снарядов: немцы бьют из двух калибров. Один ясен – 37 миллиметров, второй... второй, пожалуй, немного побольше. 47 миллиметров. Эти калибры предназначили немцы для борьбы с танками. БТ они возьмут, а лобовой броне «тридцатьчетверки» и уж, конечно, КВ не страшны.

Полезное открытие. Передаю в сеть командира полка свои наблюдения. В ответ слышу голос Волкова: «Спасибо за добрую весть. Учтем». И уже тоном приказа: «Беречь борта. Жердяеву подавить противотанковую батарею в ивняке».

Три КВ прямо с моста устремляются на кусты. Проходят вперед. Обратно. Из-под широких гусениц летят камни, ветки, песок...

Я случайно глянул в сторону леса. Из него по дороге один за другим выкатывались танки врага. Эти машины должны с ходу атаковать нас, раздавить и остатки сбросить в реку. На нашей стороне важное преимущество: мы видим танки противника, а они нас, укрытых рожью, не замечают...

«Атаку на Лешнев отставить, – услышал я в шлемофоне ровный и спокойный голос командира полка. – Наблюдать за танками противника. Огонь без команды не открывать!»

Немецких танков перед нами около пятидесяти. Теперь видно, что это Pz-III и Pz-IV. В первую минуту интерес к малознакомым машинам сильнее других чувств. Но они сами напоминают, что мы не на учениях. С дальней дистанции, с коротких остановок танки открывают беглый огонь по берегу. Видимо, опять ставка на испуг, тактика мотоцикла без глушителя и ночного марша с включенными фарами.

«Не стрелять, себя не обнаруживать», – повторяет Волков.

Не дождавшись нашего ответа, немцы продолжают марш. Потом снова останавливаются и снова бьют. Мы уже различаем поворот башен, обращенных в нашу сторону стволы. Врагу не откажешь в слаженности и четкости. Команды исполняются быстро, единообразно.

Расстояние между нами и танками противника метров восемьсот. Гитлеровцы разворачиваются в боевые порядки и устремляются по полю на наш левый фланг. Кажется, именно на нашу «тридцатьчетверку» наползает лавина. В наушниках звучат обращенные к Волкову голоса комбатов: «Разрешите огонь!»

Волков неумолим: «Без приказа не стрелять!..»

Спустя минуту команда Волкова и грохот выстрелов сливаются воедино.

Немецкие машины остановились. Мы бьем опять и опять. Но явственно вижу, как наш снаряд чиркнул по боковому щиту, подобно спичке об отсыревший коробок. Высек искру – и только.

– Бить по бортам, двигателю и корме! – кричу я в микрофон и слышу в наушники, как Волков дублирует меня.

В этот момент противник как раз подставил борта под стволы наших правофланговых рот. И вот уже горит одна машина, другая...

Гитлеровцы меняют направление своей атаки. Но теперь мы, левофланговые, легко ловим на перекрестье телескопического прицела меченные крестами борта их танков.

Среди горящих впереди десятка ненавистных машин есть наверняка и подбитая нами. Ненавистны именно машины. Каждая из них воспринимается как нечто живое, индивидуальное. О людях, укрывшихся за броней, мы сейчас не думаем.

Немцы немного оправились от первых наших внезапных залпов. Им на помощь пришли орудия, стоящие на закрытых позициях где-то за лесом, а также противотанковые пушки с окраин Лешнева. Сотни черных султанов взмывают и исчезают над ржаным полем.

Нам помогает наша артиллерия. Наблюдатели из танков корректируют огонь гаубиц. Командир дивизии понял, где решается исход боя. На нас работает целый гаубичный полк. И нет уже ни поля, ни земли, ни леса, ни неба... Нельзя оторваться от прицела. Ориентиром мне служит твердый голос Волкова: «Никитин! Жердева – вперед!»

То была минута равновесия. Рывок КВ нарушил его. Немцы дрогнули. Мы это поняли прежде, чем они развернулись и под прикрытием взвода Pz-IV пустились наутек. Когда рота Жердева, маневрируя, обходя подбитые машины, пошла вперед, сразу же спала активность фашистских танков. А еще через полминуты они бежали. Бежали откровенно, беспомощно, трусливо» [3.44].

Другой пример успешных действий 9-го механизированного корпуса, командиром которого в конце 1940 года был назначен генерал К. Рокоссовский. Корпус находился в начальной стадии формирования. Новой техники в танковых дивизиях, входивших в состав корпуса, вообще не было. Моторесурс стареньких Т-26, БТ-5 и немногочисленных БТ-7 был на исходе. Но и таких танков

насчитывалось не более трети положенного по штату. Крайне мало было и автомашин. Не хватало горючего. Поскольку корпус назывался моторизованным, в нем отсутствовали и кони, и повозки, не говоря уже о бронетранспортерах. В одном Рокоссовскому повезло – кадрами корпус был укомплектован почти полностью. Поэтому главный упор в последние мирные месяцы был сделан на подготовку личного состава к войне, которую не пришлось долго ждать. Бойцы и командиры интенсивно учились решительным и инициативным действиям в любой обстановке. Систематически проводились командно-штабные выходы в поле, военные игры на картах и поездки по наиболее вероятным маршрутам движения корпуса на случай начала войны.

На третий день после нападения немцев на СССР корпус вступил в бой. «Выехав с группой офицеров штаба на высотку в расположении частей 20-й танковой дивизии, – вспоминает Рокоссовский, – я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны автомашин, танков и артиллерии противника. А с юга к нашему рубежу обороны шли и шли новые колонны гитлеровцев.

Все, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, – это опереться на артиллерию. Так я и поступил...

В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк – Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую дивизию с ее артполком, вооруженным новыми 85-миллиметровыми орудиями. Пушки поставили в кюветах, у шоссе, а часть – прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки. Мы видели с НП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало.

Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели.

Враг понес тут большие потери и был отброшен. Полковник Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперед и сумел занять нужные нам высотки... Мы заставили противника довольно долго по тем временам топтаться на месте. Было ясно, что наша «дерзость»

не останется безнаказанной. Так оно и случилось. Над нами появились «юнкерсы». Самолеты шли волнами и бомбили нас нещадно, но, к счастью, безрезультатно: солдаты были в лесу, пушки и танки поставлены в окопы» [3.45].

Подобных примеров стойкости и умения побеждать сильного врага можно привести немало. В том числе крупное и весьма успешное контрнаступление под Москвой в декабре сорок первого. Однако общие итоги первых полутора лет войны были неутешительными. Осенью 1942 года гитлеровские войска вышли на берега Волги у Сталинграда. За период с начала военных действий до конца сорок второго года потери наших войск только убитыми и умершими от ран и болезней превысили 2,5 млн. человек. Кроме того, пропали без вести или сдались в плен более 3,8 млн. военнослужащих [3.46]. Огромной была и убыль боевой техники. Причем ее часто бросали или, реже, взрывали из-за того, что кончилось горючее и снаряды, поломался или отказал какой-нибудь узел или деталь при отсутствии запасных частей.

Главное преимущество немецких войск заключалось в лучшей организации и управлении не только на уровне бригад и дивизий, но и армий, крупных группировок и соединений. Самым слабым местом в системе действующей Красной Армии оказались управление и связь. В Москве в первые недели войны слишком часто не знали, что делается на фронтах. Однако, когда вдруг на короткое время связь появлялась, из центра – без учета и понимания реальной обстановки – обрушивались директивы: «нанести мощный контрудар», «уничтожить прорвавшиеся части противника», «восстановить положение». Штаб фронта устойчивой связи с воюющими армиями и корпусами тоже не имел. Может быть, это и к лучшему, поскольку работники штаба чаще всего транслировали слегка отредактированные редкие указания «сверху». Корпуса и дивизии часто не имели информации о быстро меняющейся обстановке у себя на флангах, а иногда и в тылу.

«Мне, как командиру корпуса, – вспоминает К. Рокоссовский, – больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно – в более широком понимании – необходимо и высшему комсоставу действующих войск...

Всю информацию пришлось добывать самим. Работники штаба во главе с генералом Масловым быстро освоились в той, порою, казалось, невыносимой обстановке, в которую мы попали, и смогли

обеспечить нас необходимой информацией. Но далось это дорогой ценой: многие штабные офицеры погибли, выполняя задания...

Командующий армией генерал Потапов был не в лучшем положении. Его штаб за все время, пока я командовал 9-м мехкорпусом, ни разу не смог помочь нам в этом отношении. К тому же и связь с ним чаще всего отсутствовала (как уже отмечалось, накануне войны приграничный западный округ располагал радиостанциями на 27 процентов потребностей, Киевский военный округ – на 30 процентов – Р.Б.).

Полезные данные были получены при опросе пленных, а их наши дивизии взяли уже несколько сотен человек как солдат, так и офицеров. Среди них был и захваченный артиллеристами полковник, у которого оказались ценные документы и карты. Они помогли нам лучше представить обстановку» [3.47].

В первый период войны положение с обеспечением средствами радиосвязи, особенно вновь формируемых частей, еще больше обострилось. Дело в том, что Московский завод № 203 был единственным в стране производителем танковых и самолетных радиостанций. В октябре сорок первого он был эвакуирован в г. Сарапул, где долго не мог восстановить довоенный выпуск продукции (400 радиостанций в месяц) [3.48].

Без устойчивой связи и единого плана действий сражающиеся части Красной Армии утратили два важнейших качества: целостность и управляемость. Так, танковые соединения часто не получали поддержки от авиации, пехота отставала, поскольку вообще отсутствовали бронетранспортеры, зенитные установки, а автомашины были в ограниченном количестве. Все это подрывало боевую мощь советских войск перед широким фронтом хорошо организованного и скоординированного наступления многомиллионной армии гитлеровских войск. В этом кроется главная причина наших неудач, огромных потерь личного состава, а также боевой техники в течение первых полутора лет Великой Отечественной войны. Потребовалось немало времени, чтобы восполнить эти потери, наладить устойчивую связь и восстановить управляемость войсками.

Очень трудная задача в этом деле выпала и на долю *танковой промышленности*. Нужно было догнать, а затем и превзойти германскую промышленность по выпуску современных танков.

Производство танков и САУ в СССР и Германии [3.49.]
СССР 01.07.41 по 01.07.45, Германия 1941-45 гг.
тыс. машин

Всего:	СССР	95,1
	Германия	53,8
В среднем за год:	СССР	23,8
	Германия	13,5

Как видно из таблицы, советские танкостроители по выпуску танков и самоходок за весь период войны почти в два раза превысили соответствующие показатели танковых заводов Германии. Поскольку эти цифры усреднены и не отражают качественные характеристики боевой техники, они несколько упрощают общую картину, затушевывая ее внутреннюю структуру. На практике все выглядело намного сложнее и острее.

Осенью сорок первого Ленинград, где изготовляли тяжелые танки КВ, оказался в блокадном кольце. Несколько тысяч рабочих Кировского завода с их семьями удалось эвакуировать на Урал, а технологическое оборудование осталось в осажденном городе. Оно использовалось в основном для ремонта пострадавших в боях машин.

Другой танковый завод, в Харькове, где освоили производство средних Т-34, в это же время в связи с тем, что гитлеровские войска прорвались на левый берег Днепра, пришлось срочно эвакуировать. Тоже на Урал, но уже не только рабочих с семьями, но и все необходимые станки и другое оборудование.

Какое-то время единственным производителем тридцатьчетверок стал Сталинградский тракторный завод, перестройка которого на военный лад все еще не закончилась. На фронте требовалось 12–15 тысяч новых средних танков, а СТЗ сумел изготовить за год немногим более одной тысячи.

Чтобы хоть частично смягчить танковый голод, пришлось резко увеличить выпуск легких танков с автомобильным мотором. Первоначально имелось в виду широко развернуть в Ленинграде производство танка Т-50 с дизельным мотором, который по толщине брони (до 37 мм) и вооружению (45-мм пушка) не уступал легкому немецкому танку Pz-II. Но освоить выпуск такого танка в Ленинграде к лету 1941 года не успели. Поэтому срочно, с немалыми трудностями, стали размешать заказы на изготовление комплектующих узлов и деталей в других регионах, в том числе в Москве.

Заводским работникам казалось, что гораздо быстрее было бы расширить относительно простое производство плавающего танка Т-40, оснащенного тяжелым пулеметом и тонкой противопульной броней. Однако такие параметры вызывали сомнения в живучести танка у военных. Устранить эти сомнения взялся главный конструктор московского завода Н. Астров. Выкинув емкости и детали, обеспечивающие плавучесть прежней модели, он в чрезвычайно сжатые сроки – всего за две недели – спроектировал более мощный легкий танк Т-60. Вместо крупнокалиберного пулемета была установлена скорострельная пушка 20 мм. (37-миллиметровую пушку приспособить не удалось, поскольку погон не выдерживал отдачи при выстреле). Одновременно была усилена броневая защита: лоб корпуса – 35 мм. Толщина башни – 25 мм. Главное преимущество нового танка состояло в том, что в нем использовались уже освоенные в производстве 70-сильный автомобильный двигатель, другие узлы и агрегаты. Не случайно Горьковский автозавод первым наладил массовое производство такого танка. Вскоре к нему присоединились еще три завода. За короткий срок было выпущено 6 045 дешевых бронированных машин, которые сыграли свою непростую роль в начальный период Отечественной войны. В частности, они активно участвовали в контрнаступлении нашей армии, отбросившей немецкие войска от Москвы. Стоит напомнить, что на 1 декабря 1941 года в действующей армии оставалось всего 517 тяжелых и средних танков, а также 1214 легких [3.50].

В 1942 году им на помощь пришли легкие танки Т-70. От предыдущей модели они отличались стойким бронированием (лоб корпуса – 45 мм, лоб баши – 35 мм), более мощным вооружением и силовой установкой. 45-мм пушка и спаренный с ней пулемет были прикрыты литой маской. В ту трудную пору по калибру пушки и толщине брони Т-70 превосходил немецкий средний танк Pz-III (пушка 37-мм и три пулемета, броня 15–30 мм), который в 1941–42 гг. служил основной боевой машиной танковых дивизий вермахта.

Советский «легкий» Т-70 в 1942 году серийно выпускался сразу на трех заводах (в Свердловске, Кирове и Горьком). Всего промышленностью было изготовлено 8 226 танков Т-70 различных модификаций [3.51].

Массовый выпуск легких танков помог сдержать мощные удары со стороны гитлеровских войск, частично возместив огромные потери советских бронетанковых войск. Однако чтобы добиться

перелома в войне, нужны были качественно иные, в первую очередь, средние, а также тяжелые танки.

Средний танк Т-34, прежде чем стать легендарной «тридцатьчетверкой», пережил долгие и мучительные «роды». Уже после того, как его приняли на вооружение и запустили в серийное производство, терзания и боль не прекратились.

Первоначальный производственный план предусматривал выпуск в 1940 году 150 серийных Т-34. Но уже в июне это задание повысили до 600 машин. Из них сто танков должен был изготовить Сталинградский тракторный завод. Однако эти задания оказались нереальными. К 15 сентября в Харькове выпустили только три серийных танка, а в Сталинграде так и не приступили к их производству. Харьковские серийные машины военные решили еще раз испытать стрельбой и пробегом по маршруту Харьков – Кубинка – Смоленск – Киев – Харьков. Испытания в самом конце 1940 года проводили офицеры специального полигона. Они выявили так много недостатков в конструкции машины и ее отдельных узлов, что усомнились в боеспособности танка. На основе результатов испытаний Главное автобронетанковое управление представило отрицательный отчет заместителю наркома обороны маршалу Г. Кулику. Последний утвердил его, что послужило приказом о прекращении производства и приемки Т-34.

«Следует отметить, что высшие должностные лица Наркомата обороны почти до самого начала войны не имели твердого мнения об этом танке, уже принятом на вооружение. Руководство харьковского завода № 183 не согласилось с мнением заказчика и обжаловало его решение в главке и наркомате, предложив продолжать производство и давать армии Т-34 с соответствующими исправлениями и доработками. Точку в споре поставил К. Ворошилов, поддержав позицию завода» [3.52].

Проведенные заводом мероприятия по улучшению конструкции танка и повышению надежности его составных частей вскоре дали свои положительные результаты. 15 мая 1941 года заместитель наркома среднего машиностроения А. Горегляд в письме на имя Г. Кулика сообщал: «Выпускаемый в настоящее время танк Т-34 на заводе № 183 по качеству значительно превосходит те три танка, которые, будучи изготовленными в первые месяцы серийного производства, проходили испытания на длительный пробег и послужили причиной для неправильных выводов о качестве Т-34 вообще.

За период с сентября 1940 г. по апрель 1941 г. заводом осуществлено до 200 конструктивных изменений как по указаниям комиссии по войсковым испытаниям, так и по собственной инициативе. За это время проведено несколько сот технологических мероприятий по улучшению сборки и обработки деталей.

Танк на сегодня обеспечивает гарантийный километраж пробега 2500–3000 км, за исключением вентилятора.

Два танка в опытном цехе, работающие в тяжелых дорожных условиях зимы и весенней распутицы, при средней скорости чистого движения 26–30 км/ч имеют пройденный километраж 5000–6000 км без смены основных механизмов.

Считаю необходимым покончить с имевшим место огульным охаиванием качества танка Т-34» [3.53].

К такому же выводу, верно, несколько позже присоединились и немецкие генералы. Так, известный специалист по танкам генерал Ф. Меллентин в своей книге «Танковые сражения» признает, что одним из главных факторов, почему Германия упустила победу, «явились высокие качества русских танков. В 1941 году ни один из наших танков не мог сравниться с Т-34, имевшим 50-мм броню, 75-мм пушку с большой начальной скоростью снаряда и обладавшим довольно высокой скоростью при прекрасной проходимости». При этом он ссылается и на Гудериана, который сделал для себя важный вывод после танкового боя под Орлом: «Множество русских танков Т-34 приняли участие в бою и нанесли тяжелые потери немецким танкам. Качественное превосходство, которое мы имели до сих пор, отныне перешло к противнику» [3.54].

Новый план производства средних танков на 1941 год был утвержден Совнаркомом и ЦК партии в мае, буквально накануне войны. Он предусматривал выпуск 500 машин в Харькове и развертывание производства Т-34 в Сталинграде. Однако реализация плана проходила со сбоями. Уже на третьи сутки войны С. Тимошенко и Г. Жуков обратились к Сталину с докладной запиской, в которой отмечалось, что на 23.06.1941 г. ни одной из улучшенных «тридцатьчетверок» изготовлено не было.

На следующий день вышло новое постановление Совнаркома и ЦК «Об увеличении выпуска танков, артиллерийских тягачей и танковых дизелей в III и IV кварталах 1941 года».

22 июня на заводе № 183 (Харьков) было объявлено казарменное положение. Управление производством было сосредоточено на специально оборудованном командном пункте. «Несмотря на то, что

многие заводчане в первые дни войны ушли на фронт, и с каждым днем людей оставалось все меньше, завод работал ритмично и задание выполнял, – отмечал директор Ю. Москарев. – Инженеры и служащие трудились в две одиннадцатичасовые смены с часовым перерывом на обед. В цеха возвратились бывшие на пенсии ветераны, пришли жены фронтовиков и подростки из ремесленных училищ и школ ФЗО. Ни продолжительный рабочий день, ни затемнение и работа в ночное время, осложнявшие нашу жизнь, не сказывались на производительности труда. Наоборот, она возрастала изо дня в день». В июне 1941 года заводом было сдано 170 танков, в июле – 209, в августе – 266 боевых машин.

С приближением линии фронта выпуск танков начал постепенно снижаться. В сентябре 1941 года, в связи с началом эвакуации, завод сдал военной приемке только 228 танков. К середине октября, когда на Урал (в Нижний Тагил) был отправлен последний – сорок третий – эшелон, военные представители приняли 41 танк октябрьской сборки. Таким образом, за июнь–октябрь 1941 года заводом № 183 было передано военным около тысячи танков Т-34 [3.55].

Чтобы сохранить и перебросить на Урал костяк опытных специалистов и квалифицированных рабочих, уже с первым эшелоном вместе с оборудованием танковых цехов, а также уникальными станками для производства инструментов и штампов было отправлено большое количество конструкторов и инженеров. К концу октября 12-ю эшелонами уехало около 600 рабочих и инженерно-технического персонала (соответственно 10 и 20 % от их общего состава). Вместе с ними в дальнюю дорогу отправилось более 2000 членов семей. На новом месте в их распоряжение были представлены «километровые» цехи Уралвагонзавода, а также мощные сталелитейные, кузнечно-прессовые цехи, теплоэлектроцентраль и газогенераторная станция. На этой же площадке разместили эвакуированное оборудование Мариупольского металлургического завода, а также Московского станкостроительного гиганта им. Орджоникидзе. Новый объединенный коллектив насчитывал 11 тысяч работников различной квалификации. Это обеспечивало, примерно, две трети потребности в производственном персонале. Поэтому конструкторы и технологи сконцентрировали свое внимание на снижении трудоемкости каждой детали. Широко внедрялось точное литье, штамповка деталей, упрощение их конструкции, максимальная специализация производственных операций. Это позволило круто поднять производительность труда

и включить в технологический процесс незнакомых с машинным производством молодых рабочих и женщин, которые впервые осваивали приемы работы на станках и другом оборудовании.

Первый танк в Нижнем Тагиле был собран 18 декабря 1941 года. До конца войны на новом месте выпущено 29 тыс. боевых машин. Завод № 183 опять выдвинулся в лидеры советской танковой промышленности.

После того как из Харькова был отправлен последний эшелон, основным производителем новых средних танков на короткое время стал Сталинградский тракторный. Его производственная программа на второе полугодие была увеличена почти в полтора раза – до 1400 Т-34. В июне 1941 года СТЗ сдал военной приемке 86 боевых машин, в июле – 93. В августе, когда завод перешел на выпуск только военной продукции, количество сданных машин возросло до 155, в сентябре – 165. Октябрьскую программу (220 шт.) завод «завалил». Подвели поставщики, прежде всего харьковчане. Они в это время были «на колесах» по пути в Нижний Тагил. Между тем танковый парк действующих частей катастрофически быстро сокращался. Поэтому количество просьб, требований, постановлений об увеличении производства «тридцатьчетверок» росло обратно пропорционально сокращению поставок по кооперации. Первый секретарь Сталинградского обкома партии примерно в это время записал в своем дневнике: «Вчера постановлением ГКО программа месячного выпуска танков и танковых двигателей удвоена. Дополнительных ресурсов под двойную программу не выделяется. Придется искать резервы на месте. Нас без ножа режут смежники...» [3.56].

Неразрешимую задачу решали общими усилиями. Всячески помогал, чем мог, нарком В. Малышев. Он, в частности, направил сюда часть специалистов и оборудования, эвакуированных из Харькова. Функции директора завода в самое трудное время стал выполнять его заместитель А. Горегляд. Ежедневно проблемами увеличения выпуска танков на СТЗ занимались также партийные органы. Еще накануне войны были учреждены должности секретарей крупных горкомов партии по промышленности, которые занимали обычно опытные хозяйственники. Их роль в условиях чрезвычайного напряжения в экономике, особенно первых военных лет, оказалась весьма нужной и действенной, в том числе и при выполнении повышенных заданий по выпуску танков на СТЗ.

До войны этот завод был связан со 182 предприятиями-смежниками, две трети которых находились за пределами области. В первые месяцы военных действий, когда все пришло в движение, нередко хаотическое, большинство таких связей оборвалось: прекратились поставки на завод топливной аппаратуры, электрооборудования, многих других комплектующих деталей и агрегатов. Необходимо было освоить их производство на самом тракторном или на других заводах Сталинграда. Проблема была разрешена в короткие сроки. На СТЗ наладили собственное производство генераторов, стартеров топливной аппаратуры, а главное – дизельного двигателя. Число смежников по кооперации сократилось до 30. Почти все они находились в пределах города: броневую сталь варил и катал завод «Красный Октябрь». Корпуса танков изготовляла судоверфь. Многие детали стал выпускать метизный завод. Среди смежников были также кожевенный завод и швейная фабрика, типография и несколько артелей. До сентября 1942 года Сталинградский тракторный оставался основным предприятием танковой промышленности. На его долю приходилось около половины общего выпуска танков Т-34... Но война добралась и до него.

Штурм города с воздуха начался 20 августа, когда сотни юнкерсов, волна за волной сожгли, и почти полностью разрушили центр города. Северный заводской район они сознательно не бомбили, рассчитывая захватить целыми металлургические цехи «Красного Октября», производственный потенциал «Баррикад» и Сталинградского тракторного.

Через три дня с севера к заводам прорвались первые гитлеровские танки. За несколько часов СТЗ преобразился в сражающуюся крепость. Было объявлено осадное положение. Учебный отряд танкистов, который осваивал выделенные ему 30 танков, немедленно выступил навстречу врагу. Ему вдогонку поспешили еще 20, некоторые неокрашенные, только что сошедшие с конвейера. Быстро были сформированы отряды ополчения, вооруженные танковыми пулеметами, винтовками. Противник был отброшен на несколько километров.

Завод продолжал работать. Всего с 23 августа по 13 сентября осажденный СТЗ собрал и отремонтировал 200 танков и около 600 артиллерийских тягачей [3.57]. Одновременно в условиях постоянной опасности шла эвакуация готовых танковых башен, гусеничных траков, оборудования, а также рабочих, специалистов и мирного населения.

В конце сентября Малышев уехал в Москву и позвонил в Сталинград своему заместителю А. Горегляду, которого высоко ценил как умелого организатора и знающего инженера:

– Знаешь, Алексей, в Сталинграде немцы работать не дадут. Здесь скоро все будет разбито. Сейчас не 1941 год. Этот завод у нас не единственный. Поезжай на Урал... На Урале многие сталинградцы будут нужнее.

Спорить Горегляд не стал, но оставался в цехах завода до октября и выехал, когда из Москвы уже официально приказали перебираться на новое место работы, в Челябинск, где сражение за танки происходило в иных условиях, чем в Сталинграде.

К этому времени массовое производство Т-34 освоил также завод «Красное Сормово» в Горьком. Постановление ГКО №1 обязывало его коллектив дать фронту первые машины уже в сентябре, а всего до конца 1941 года завод должен был выпустить 700–750 машин. Это было нереальное задание, хотя в помощь «Красному Сормову» подключили одиннадцать других крупных предприятий, в числе которых были ГАЗ, завод фрезерных станков, металлурги «Красной Этны», другие заводы Поволжья и Урала. Однако никто не предвидел, что сумятица одновременной эвакуации многих сотен заводов достигнет таких масштабов. Все находилось в движении, управлять которым не мог никакой наркомат. На танки вместо дизеля пришлось ставить бензиновые моторы. Не хватало пушек, корпусов, траков, не говоря уже о таких «мелочах», как стартеры, прицелы, радиостанции, вентиляторы и т. п. В таких условиях обеспечить устойчивую кооперацию заводов, даже если они находились в одном городе, было крайне трудно и даже не всегда выполнимо. В итоге «Красное Сормово» в 1941 году изготовило всего 173 танка.

На следующий год дело наладилось, и завод выпустил 2 718 танков, выйдя на второе место среди шестерки головных предприятий, занятых решением той же проблемы – дать фронту как можно больше боевых машин.

Производство танков Т-34 в годы войны [3.58]

единиц

Заводы	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
183 (Харьков)	1 560	-	-	-	-	1560
183 (Нижний Тагил)	25	5 684	7 466	8 421	7 356	28 952
112 (Горький)	161	2 718	2 851	3 619	3 255	12 604
174 (Омск)	-	417	1 347	2 163	1 940	5 867
СТЗ (Сталинград)	1 250	2 520	-	-	-	3 770
ЧКЗ (Челябинск)	-	1 055	3 594	445	-	5 867
Уралмаш (Свердловск)	-	267	452	-	-	719
Всего	2 996	12 661	15 710	14 648	12 551	58 681

Всего за годы войны было выпущено около 59 тысяч «тридцатьчетверок», причем больше половины из них были изготовлены заводом 183, когда он работал в Харькове и Нижнем Тагиле. На втором месте – горьковское «Красное Сормово». На третьем (тоже призовом!) – Челябинский Кировский завод. Он сформировался на базе тракторного. К началу войны здесь работало 15 тысяч человек. Осенью сорок первого к ним прибыло еще 7,5 тысяч рабочих и специалистов с Ленинградского Кировского (бывшего Путиловского) завода. Без оборудования, кольцо блокады замкнулось в конце августа. Переезд был совсем нелегким. Взять с собой багажа разрешали не более 20 кг на человека, а ехать предстояло в зиму и не на юг... Ленинградцами укомплектовали основные танковые цехи, строительство некоторых из них к тому времени еще не закончилось.

Три тысячи опытных работников прибыли из Харькова, более двух тысяч – из Сталинграда, еще тысяча – из Москвы. Кроме того, 10 тысяч «новичков» были местными, разного возраста и специальностей...В период становления огромного танкового завода его директором был А. Горегляд, остававшийся одновременно заместителем наркома. Вскоре руководителем завода стал ленинградец И. Зальцман. Сначала на Челябинском Кировском освоили выпуск тяжелого танка КВ. Затем пришло указание перейти на производство более необходимых Т-34... [3.59].

Пик производства этого легендарного танка пришелся на 1943 год. Однако битва на Курской дуге показала, что остро нужны и тяжелые танки, а от среднего танка изменившиеся условия войны потребовали нового качества. Количественно потребности фронта

были, в основном, удовлетворены. Лучше других, с точки зрения надежности, в боевой обстановке проявили себя танки, выпущенные на заводах 183 и 112 [3.60]. Теперь нужно было повысить огневую мощь и броневую защиту танка.

Проблемы улучшения качества всегда имеют два аспекта: первый – коренная перестройка самой конструкции, то есть создание танка нового поколения, и второй – совершенствование его отдельных агрегатов и устранение обнаруженных недостатков. До 1943 года основное внимание было сосредоточено на втором аспекте.

Тактико-технические данные танка Т-34 [3.61]
модификации 1941–1944 гг.

	1941	**1942**	**1943**	**1944***
Боевая масса, т	26,5	28,5	30,9	32,0
Броня, мм:				
лоб корпуса	45	45	70	90
лоб башни	52	65	70	90
борт	40-45	47	60	60
Вооружение:				
пушка	Ф-34, 76,2 мм	Ф-34, 76,2 мм	Ф-34, 76,2 мм	ЗИС, 85 мм
пулеметы	Два: 7,62 мм	Два: 7,62 мм	Два: 7,62 мм	Два: 7,62 мм
Двигатель В-2, л.с.	500	500	500	500
Скорость по шоссе	54	55	55	55
Запас хода, км	300-400	400	465	360

Данные таблицы свидетельствуют, что за четыре военных года боевые и технические показатели Т-34 изменились несущественно: заметно увеличилась только толщина его брони, а следовательно, и вес. В 1944 году сменили пушку – установили более мощную 85-мм ЗИС С-53. Силовая установка, трансмиссия и ходовая часть практически не изменились. «Тридцатьчетверка» стала терять свои преимущества относительно новой немецкой бронетехники. Поэтому пришлось осваивать массовый выпуск тяжелых танков.

Напомню, еще в декабре 1939 года тяжелый танк КВ был принят на вооружение Красной Армии. Он на практике показал, что создано новое, перспективное оружие. В феврале 1940 года на Кировском заводе в Ленинграде начали осваивать его серийное производство, на ходу устраняя многочисленные недоработки и дефекты. Одновременно в Челябинске, поближе к металлу, началось строительство специального корпуса для производства

такого танка. Всего до войны было выпущено 636 КВ с 76-мм пушкой и броней до 65-70 мм. В 1942 году начали производить его модернизированный вариант: КВ-1с (скоростной). За счет уменьшения толщины брони и облегчения отдельных агрегатов масса танка уменьшилась на 5 тонн (до 42,5 тонн). Зато возросли скорость и маневренность. Однако 76-мм с пушкой он не мог противостоять появившемуся у немцев более мощному «тигру». Так, например, в феврале 1943 года во время одного из боев при прорыве блокады Ленинграда три «тигра» уничтожили 10 танков КВ, не потеряв при этом со своей стороны ни одной машины [3.62]. Это событие потрясло многих. Вскоре Сталин собрал у себя членов ГКО и руководителей оборонной промышленности. «Сообщение сделал Воронов. Появление на Тихвинском фронте фашистского танкового «зверинца» он назвал внезапным. Новые немецкие танки произвели на него, по собственному его признанию, потрясающее впечатление.

– У нас нет артиллерии, способной успешно бороться с этими танками, – таковы были его заключительные слова.

Гнетущая тишина воцарилась после выступления Воронова. Молчал Ванников, молчали создатели КВ» [3.63].

Члены ГКО приняли решение о срочном усилении противотанковой обороны, важнейшими составляющими которой являются артиллерия и тяжелые танки. Соответствующие задания получили руководители артиллерийской и танковой промышленности. Однако чувство настороженности и тревоги надолго сохранилось у всех участников совещания, тем более что впереди предстояла очередная летняя военная компания... «Большое беспокойство у Сталина вызывала способность наших войск выдержать удар танковых группировок противника, на вооружение которых поступили новые тяжелые машины» [3.64].

Перестроиться в связи с изменившейся обстановкой на фронте советская танковая промышленность в течение нескольких месяцев не могла. Только осенью 1943 года, т.е. после тяжелой битвы на Курской дуге, в войска начал поступать усовершенствованный вариант тяжелого танка КВ-85. Увеличение калибра пушки потребовало создания новой литой башни больших размеров и внесения некоторых других изменений в конструкцию. Всего в 1943 году было изготовлено143 тяжелых танка КВ с 85-мм танковой пушкой.

Параллельно на Кировском заводе в Челябинске разрабатывались новые тяжелые машины ИС-1 и ИС-2. Они отличались друг от друга

вооружением. На первой стояла 76-мм, на второй – 122-мм пушка. Лоб корпуса достиг 120 мм толщины. Лоб башни – 100 мм. В связи с увеличением веса танка пришлось усилить его ходовую часть и установить более совершенный двигатель. ИС-1 было изготовлено всего 67 машин. ИС-2 понравился больше – их было выпущено 3 750 единиц.

Новый вариант ИС-1 с 85-мм пушкой был разработан в Челябинске под руководством ведущего конструктора Н. Шашмурина. Масса машины увеличилась до 44 тонн, броня – до 90–100 мм. Главное новшество – 85-мм пушка и более совершенный двигатель мощностью 520 л.с. Пришлось также усилить ходовую часть. Его серийное производство началось в октябре 1943 года.

В 1944 году в частях появилась модернизированная модель ИС-2 с пушкой 122 мм. Ее снаряд, с начальной скоростью 781 м/сек, позволял поражать все появившиеся в то время новые типы немецких танков на всех реальных дистанциях боя. Так на испытательном полигоне под Москвой ИС-2 поразил немецкую «Пантеру» с расстояния 1 500 м. При этом снаряд пробил ее лобовую броню и, не утратив всей своей энергии, прошил все внутренности, ударил в кормовой лист корпуса, оторвал его и отбросил на несколько метров...

В середине 1945 года с конвейера Кировского завода в Челябинске, облегченно фыркнув едким дымом, сошел последний из 3 483-х изготовленных в годы войны тяжелых во всех отношениях ИС-2.

Эти танки поступали на вооружение отдельных танковых полков. Впервые они участвовали в проведении Корсунь-Шевченковской операции, затем – во всех крупных сражениях заключительного периода Великой отечественной войны.

Даже противники вынуждены были признать, что «русские танковые войска, которые вступили в войну, располагали большим преимуществом – у них был танк Т-34, намного превосходивший любой тип немецких танков. Не следует недооценивать также и тяжелые танки КВ, действовавшие на фронте в 1942 году. Затем русские модернизировали танк Т-34 и, наконец, построили массивный танк ИС, который причинил много неприятностей нашим «тиграм». Русские конструкторы танков хорошо знали свое дело. Они сосредоточили все внимание на главном: мощи танковой пушки, броневой защите и проходимости. Во время войны их система подвески была намного лучше, чем в немецких танках и в танках других западных держав» [3.65]. Такое признание со стороны опытного

противника достаточно убедительно свидетельствует о крупных качественных успехах и превосходстве советских танкостроителей – рабочих, инженеров, технологов, конструкторов и руководителей-организаторов. Закономерно, что они вышли победителями в напряженной и изнурительной борьбе интеллекта, духа и постоянного физического напряжения.

3.3. Совершенствование артиллерийских систем, минометов и стрелкового оружия

В первые год-полтора после начала войны, когда Красная Армия потеряла почти все свои танки, а в воздухе господствовала авиация Геринга, *артиллерия* была главной огневой силой, которая остановила наступление немецких войск на Москву и Ленинград. Она активно участвовала в разгроме 330-тысячной армии Паульса под Сталинградом, помогла выиграть тяжелейшую битву на Курской дуге. И в последующих сражениях уже в тесном взаимодействии с танковыми соединениями и авиацией она действенно способствовала ускоряющемуся движению русской пехоты к Берлину. При этом быстро увеличивалось количество советских орудий на каждом километре линии фронта: так, под Москвой их было 40 стволов, под Сталинградом – 90, на последнем этапе войны – 300. Всего они уничтожили более 70 тысяч танков с крестами на борту и свыше 21 тысячи гитлеровских самолетов. Одновременно менялось в пользу Красной Армии соотношение общей численности артиллерии в воюющих армиях.

Количество орудий и минометов на советско-германском фронте [3.66]
тыс. единиц, без 50-мм минометов и реактивных установок

	Советские войска	Германские войска
22.06.41	34,7	47,3
01.12.41	22,0	26,8
01.05.42	43,6	43,0
01.11.42	72,5	70,1
01.07.43	98,8	54,3
01.01.44	88,9	54,6
01.01.45	91,4	28,5

Как видно из этих данных, уже весной сорок второго артиллерийское вооружение советской и германской армии количественно выравнялось. Такой сдвиг произошел не сам по себе, а в результате

огромного напряжения сил работников артиллерийских КБ и заводов, часть их которых пережила изматывающую стадию эвакуации.

Уже отмечалось, что производство пушек в России имеет многовековую историю. В прошлом их качество целиком определялось умением и искусством отдельных мастеров. В годы войны к ним добавились специальные научные исследования, обобщение боевого опыта и широкое использование последних достижений в смежных отраслях. Все это концентрировалось и реализовывалось в новых разработках конструкторов. Показательно, что уже в 1939 году в систему Наркомата вооружения были включены 8 НИИ и конструкторских бюро, которые обеспечили создание более высоких боевых характеристик выпускаемых артиллерийских систем по сравнению с аналогичными системами противника.

Боевые характеристики советской артиллерии, созданной накануне войны [3.67]

	Вес снаряда, кг	Его начальная скорость, м/с	Дальность стрельбы, м	Скорострельность, выстрел/ мин.
76-мм пушка образца 1939 г.	6,2	680	13 290	15
107-мм пушка образца 1940 г.	18,8	740	18 680	7
122-мм гаубица образца 1938 г.	21,8	515	11 800	5-6
152-мм гаубица образца 1937 г.	25,0	508	12 390	2-4
210-мм пушка образца 1939 г.	133	800	29 360	0,5
305-мм гаубица образца 1939 г.	330	530	16 580	0,3

76-мм пушка образца 1939 года (гл. конструктор В. Грабин) – специализированное дивизионное орудие, пришла на смену аналогичной пушке образца 1936 года. Она была легче первой на 120 кг, более технологична в производстве, имела литой верхний станок и универсальные автомобильные колеса.

107-мм пушка образца 1940 года (гл. конструктор Ф. Петров) обладала высокими баллистическими свойствами и большой дальностью стрельбы.

210-мм пушка была самым дальнобойным орудием нашей артиллерии, способным доставить по адресу снаряд весом 133 кг почти на 30 км.

В этот же период было создано семейство новых зенитных пушек калибром 25, 37, 76 и 86 миллиметров с достигаемостью цели на высоте соответственно 2–3 и 9,5–10,5 км.

Однако в начале войны спохватились, что снятые с производства год назад по прямому указанию маршала Г. Кулика 45- и 76-мм противотанковые пушки теперь были крайне нужны для борьбы с легкими и средними немецкими танками, броня которых в 1941–1942 гг. составляла 25–50 мм. «В тяжелых боях первых дней и недель войны, – пишет Д. Устинов, – эти пушки подтвердили свою высокую эффективность в борьбе с вражескими танками». Теперь Кулик заговорил другим языком. «30 июля, – продолжает Устинов, – мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

– В Государственный Комитет Обороны поступил доклад маршала Кулика о том. что для обеспечения артиллерийским вооружением вновь формируемых дивизий недостает триста тридцать 45-мм противотанковых пушек и двухсот 76-мм. Кулик пишет, что их можно получить только за счет увеличения поставок от промышленности. Других ресурсов нет.

Сталин умолк, В телефонной трубке было слышно его дыхание. Я терпеливо ждал, зная, что подобные паузы он делал нередко, обдумывая возникшую у него в связи со сказанным какую-нибудь новую мысль. И действительно, Сталин продолжал:

– Совсем недавно Кулик, да и Тимошенко докладывали мне совсем другое. Заверяли, что у нас орудий именно этих калибров хватит с избытком. Просили прекратить их производство...Теперь ясно, что свертыванием перед войной налаженного производства орудий массового потребления мы допустили серьезную ошибку, непростительный просчет. Пожалуй, теперь не время искать виновных. (Сталин не в силах был признать, что с подачи Кулика – друга еще со времен гражданской войны, именно он, а не безымянные «мы» совершил эту «серьезную ошибку и непростительный просчет» – Р.Б)... Нашим войскам нужны противотанковые средства. Поэтому надо любой ценой обеспечить их выпуск в достаточном количестве. Это сейчас главная задача».

Выпуск противотанковых пушек круто пошел в гору. Уже в августе он в 6, а в сентябре – в 11,5 раз превысил уровень июля. В октябре в связи с начавшейся эвакуацией количественные по-

казатели производства орудий стали снижаться. Чтобы дать более оптимистическую картину, Госплан в ноябре сорок первого разработал проект соответствующего Постановления ГКО на три месяца.

«Столица была на осадном положении. Кровопролитные бои шли на ближних подступах к Москве... Сталин еще больше осунулся и ссутулился. Прочитав проект, он сказал:

– В первом абзаце надо указать, что производство противотанковых орудий имеет исключительное, подчеркиваю, исключительное значение для нашей армии. А поскольку это так, нужно, кроме того, записать: на заводах, привлекаемых к производству пушек, должны ежемесячно выделяться дополнительные централизованные фонды на каждого работающего: муки – 10 килограммов; крупы и рыбы по 2 килограмма; сахара – 1 килограмм; табака – по 100 граммов. В закрытых столовых продавать по 200 граммов хлеба без карточек...»[3.68].

В соответствии с Постановлением ГКО по Наркомату вооружений был издан приказ, в котором нашли свое отражение как позитивные, так и бюрократические стороны централизованного управления. Чтобы выполнить задания ГКО по многократному увеличению выпуска «сорокапяток» и 76-мм пушек, руководство ударилось в другую крайность – сняло с производства новые, более эффективные 57-мм противотанковые орудия, а также 25-м и 85-мм зенитные пушки, 107-мм горный миномет и некоторые другие дефицитные виды боевой техники.

В нелепое положение попал коллектив артиллерийского завода в Сормово. Сообщение о начале войны застало Грабина на улицах Москвы. Узнав об этом из речи Молотова, он поспешил в «свой» наркомат. Здесь, несмотря на выходной день, уже собралось немало встревоженных работников, которые на разных уровнях и участках аппарата управления призваны были направлять, координировать и организовывать массовое производство различных видов оружия.

«Д.Ф. Устинов, – вспоминает Грабин, – незадолго до этого назначенный на место смещенного с должности и арестованного Б. Ванникова, бледный, несколько помятый (ему пришлось ночевать после работы прямо здесь, в кабинете), сидел за столом и растеряно повторял:

– Что делать? Что же теперь делать?

Все присутствовавшие молчали. Все испытывали одинаково тревожные чувства.

Это выглядело угнетающе. До сих пор не могу понять, что побудило меня в тот критический момент приблизится к столу наркома и обратиться к нему:

– Извините меня. Дмитрий Федорович, надо, видимо, достать мобилизационные планы...

То ли этот совет, то ли присутствие в кабинете большого числа людей вернули его в реальную обстановку. Из сейфа были извлечены планы. В числе первых, неотложных дел было составление списка пушек, производство которых следовало срочно восстановить или расширить. Он был оформлен как приказ Наркомата вооружения... Я получил предписание срочно возвращаться на завод и восстанавливать выпуск снятой с производства дивизионной пушки Ф-22 УСВ» [3.69].

Перед всеми заводами была выдвинута задача – дать фронту как можно больше пушек и другого оружия. Однако не было ясности, *как* это сделать, не имея свободных мощностей, рабочих, сырья и времени. Просить у Наркомата? Но ведь у него тоже каких-либо свободных ресурсов не было.

Грабин с самого начала понимал, что можно рассчитывать только на свои, так называемые неиспользуемые резервы: повышение производительности труда, экономия металла, топлива, электроэнергии, других видов сырья и оборудования. Но это, в свою очередь, предполагало коренную ломку привычных методов и структуры производства, упрощение конструкции пушек и отдельных деталей, повышение их технологичности, снижение веса заготовок и готовых изделий, а также перестройку организации и управления на рабочих местах, в отдельных цехах и на заводе в целом. «Под использованием внутренних резервов мы подразумевали принципиально новый подход – не количественный рост парка станков и производственных площадей, а дальнейшие качественные изменения всей нашей работы: конструктивно-технологическую модернизацию пушек, чтобы сократить число деталей и повысить их технологичность, разработку высокопроизводительной технологии (она была названа впоследствии рациональной), скоростное проектирование и освоение пушек в валовом производстве» [3.70].

Успех дела как всегда зависел от поддержки не на словах, а на деле со стороны как руководящего состава, так и каждого работника, непосредственно занятого в технологическом процессе.

Грабин начал со своего конструкторского отдела. Здесь его поддержали единогласно и конструктивно. Труднее было привлечь на

свою сторону директора, который не очень верил в успех реорганизации такого масштаба, но вынужден был в конце концов согласиться. Другие подразделения завода, стремившиеся отдать все свои силы для победы над гитлеровцами, без колебаний встали на сторону неформального лидера завода.

Важное значение для коллектива имел выбор пушки для валового (массового) производства. Официально заводу было поручено восстановит выпуск 76-мм Ф-22 УСВ. Но в июне 1941 года Грабин в порядке личной подготовки к войне реализовал свою давнюю мечту – создал опытный образец почти идеальной 76-мм дивизионной пушки, известной по литературе как ЗИС-3. Через месяц она успешно прошла полигонные испытания. По сравнению с усовершенствованной Ф-22 она отличалась большей мощностью, меньшим весом и экономичностью производства. Здравый смысл подсказывал, что для выполнения задания – резко увеличить выпуск 76-мм пушек – следует выбрать именно ее. Но для этого требуется согласие заказчиков принять ее на вооружение. В этой связи в Москве во дворе Наркомата обороны был организован показ новых пушек Сормовского завода, на котором присутствовали: заместитель председателя Совнаркома Н. Вознесенский, наркомы В. Малышев и Д. Устинов, маршал Г. Кулик и другие ответственные лица. Пояснения давал В. Грабин: «Первой в боевом положении стояла красавица ЗИС-3 – предмет нашей особой гордости....Она была привлекательнее своей предшественницы во всех отношениях. Немаловажно и то, что втрое дешевле. Все факторы, взятые вместе, позволят заводу увеличить выпуск дивизионных пушек. Заканчивая, я настойчиво просил принять на вооружение дивизионную пушку ЗИС-3.

Кулик захотел посмотреть ее в действии... Орудийный расчет работал, как хорошо отлаженный механизм, что с удовольствием отметил маршал, выражая свою благодарность.

Следующим экспонатом в этой импровизированной выставке была 57-мм противотанковая самодвижущая пушка, установленная на шасси гусеничного вездехода. Даже по внешней реакции проверяющих можно было понять – самоходка им понравилась.

В кабинете у Кулика, где мы собрались после осмотра, я продолжил рассказ о производстве, о наших планах и т.д. Закончив, по привычке ждал традиционной в таких случаях критики, придвинув поближе карандаш и блокнот. Но записывать не пришлось. Поднялся Кулик. Обвел взглядом присутствующих, улыбнулся мне,

я расценил это как добрый знак. Маршал немного помолчал и вдруг заявил:

– Вы хотите заводу легкой жизни, в то время как на фронте наши солдаты проливают кровь. Ваши пушки не нужны.

Мне показалось, что я ослышался или он оговорился. Я сумел только произнести:

– Как?

– А вот так, не нужны! Поезжайте на завод и выпускайте больше тех пушек, которые уже в производстве. Не время экспериментировать.

У маршала был вид победителя» [3.71].

Несколько в ином ключе об этом смотре пишет Д. Устинов, который отлично знал обстановку на заводе, в том числе был информирован о создании опытного образца новой 76-мм пушки. Буквально накануне смотра он встречался с Грабиным. Принципиально одобрил намеченные мероприятия по перестройке на заводе, пожелал успеха и высказал уверенность, что он найдет поддержку и у Кулика.

«На 22 июля был назначен смотр образцов, – вспоминает нарком. После осмотра пушек орудийные расчеты показали боевую работу на них.

Всем нам опытные образцы понравились.

– Скажите, Василий Гаврилович, – спросил маршал Кулик Грабина, – почему выпуск ЗИС-2 идет так туго? Ведь пушка принята на вооружение и пущена в производство еще в мае. А завод выдал пока считанные единицы орудий. В чем дело?

– Основная причина заключается в том, что завод не может освоить как следует изготовление ствола из-за его большой длины. Но я уверен, что скоро мы решим эту задачу.

– Ваш ответ, товарищ Грабин, – сказал Н.А. Вознесенский, – еще раз подтверждает, что переход к серийному производству новой системы требует времени. А его-то у нас как раз нет. Как бы не вышло, что в погоне за лучшим мы потеряем имеющееся у нас хорошее и оставим армию без нужных ей орудий.

– Да, сейчас надо как можно больше противотанковых пушек. Именно сейчас, а не завтра, не через месяц, – заговорил маршал Кулик. – Ваше скоро, товарищ Грабин, нас не устраивает. Поэтому к вопросу о производстве представленных заводом систем придется вернуться позже. А сейчас нужно все силы бросить на выпуск освоенных в производстве противотанковых пушек.

– Утвержденная программа должна быть выполнена безусловно, – подвел итог Н.А. Вознесенский»[3.72].

Сопоставление этих двух отрывков показывает, что интересы обороны государства и интересы карьеры у высоких руководителей не всегда совпадают. Поэтому трудно прогнозировать, как они поведут себя в той или иной ситуации.

Исходная позиция: «всем опытные образцы понравились» – их боевые характеристики выше, чем у ранее освоенных пушек, и они значительно дешевле в производстве. Отсюда логический вывод – их следует как можно скорее принять на вооружение и запустить в валовое производство. Как же поступают члены высокой комиссии, призванные определить судьбу ЗИС-3, которая чуть позже будет признана лучшей дивизионной пушкой Отечественной войны? Получается, что ни один из членов комиссии ее вроде бы даже не заметил.

Кулик спрашивает о другом: почему выпуск 57-мм пушки ЗИС-2 «идет так туго?». Но он должен был знать, что это происходит по его вине. Именно он приказал снять с производства пушку 45 и 76 мм. Завод протестовал. Вопрос три раза рассматривался в ЦК. Кулик настоял на своем. Начавшаяся война показала, что это было непростительной ошибкой. Пришлось срочно восстанавливать то, что только вчера разрушили. Поэтому пришлось снять с производства и новую, более мощную 57-мм пушку, что было очередной ошибкой, но ничего не поделаешь – такова воля «верхов».

Н. Вознесенский, который, как экономист, должен понимать, что пушка ЗИС-3, которая в три раза более дешевая, при лучших других показателях, должна быть пущена в производство в первую очередь, не хочет вступать в конфликт с маршалом (потому что он доверенное лицо Сталина?). Он предпочитает ограничиться общими указаниями: «Как бы не вышло, что в погоне за лучшим мы потеряем имеющееся хорошее». «Утвержденная программа должна быть выполнена безусловно».

Д. Устинов – нарком, которому Грабин подчинялся непосредственно, предпочел остаться в стороне, т.е. молчаливо согласился и с Куликом, и с Вознесенским.

Генеральный конструктор, который создал шедевр своего искусства и больше того – настроил коллектив завода до конца 1941 года увеличить выпуск пушек в 5 раз, прежде всего, за счет эффективности производства ЗИС-3, оказался в положении, которому не позавидуешь. Пришлось выбирать, что важнее: личная карьера или

интересы обороны государства. Ответственность перед солдатами, которые очень часто оказывались беспомощными перед наступающими немецкими танками, для Грабина всегда была приоритетом. И он решился на дерзкий и очень рискованный шаг: продолжать выпуск новой 76-мм пушки ЗИС-3, выполняя одновременно утвержденную программы по производству устаревшей морально пушки Ф22 УСВ. Директор и коллектив поддержали его линию. Сначала это делалось втайне, но когда количество незаконнорожденных пушек достигло солидных размеров, нужно было решить вопрос об их поставках на фронт.

Военпреды в цехах отказались принимать их по формальным соображениям. Доложили старшему – инженер-полковнику Телешову. «Тот отправился в цехи и убедился: действительно, на свет появились новые, не предусмотренные договором валовые пушки. Это его так поразило, что он совершенно растерялся. Я решил, – Грабин, – первым начать разговор:

– Иван Федрович, как вы оцениваете пушку ЗИС-3?

– Это прекрасная пушка, Василий Гаврилович. По своим габаритам, весу, удобству обслуживания, по экономическим показателям она значительно превосходит Ф-22 УСВ.

– Мы так же ее оцениваем... Но принимать ее вы не имеете права. Верно?

– Да, Василий Гаврилович.

– А что вы думаете о ЗИС-30 (самоходке – Р.Б.)?

– Знаю одно: такие пушки очень нужны армии.

– И мы такого же мнения... Выходит, Иван Федорович, у вас нет никаких сомнений в этих пушках?

– Никаких.

– Ну и как вы думаете? Неужели мы с вами будем спокойно гробить пушки, которые так нужны фронту? А наш долг? Наша партийная совесть? Как быть с ними?

– Меня не надо уговаривать. Я сегодня же доложу в управление.

В то время начальником ГАУ стал уже генерал-полковник артиллерии Н. Д. Яковлев. Телешов позвонил в ГАУ. Не сразу дали ему ответ...

Настал день, запомнившийся мне на всю жизнь, когда И.Ф. Телешов начал приемку ЗИС-30. Пушки партия за партией шли на фронт, но ни в ГАУ, ни в Наркомате вооружений как будто бы не замечали этого. Вроде бы ничего не происходило. Так проходили

недели, месяцы. Пушки уже потоком уходили на фронт. (Всего таким полулегальным путем на фронт поступило не менее 1000 лучших по тому времени полевых 76-мм орудий[3.73]. – Р.Б.)

А на «верху» по-прежнему никакой реакции. Это порождало много всяких предположений, догадок и даже самых невероятных версий. Самое страшное, чего мы боялись, – вдруг по каким– либо причинам у пушек начнут появляться дефекты! Тогда нам несдобровать...Но через некоторое время пришло письмо из воинской части, на вооружении которой были пушки ЗИС-3. Какими только лестными эпитетами их не наделяли! Просили побольше таких пушек. За первым письмом последовали другие...».

В августе сорок первого Грабину позвонил Сталин.

«Суть сказанного им сводилось к следующему: положение на фронтах очень тяжелое. Фашисты рвутся к Москве... Сейчас нам нужно как можно больше вооружения для армии. Прошу вас сделать все необходимое, чтобы выпускать побольше пушек. В такой обстановке важно и количество. Если потребуется, в исключительных случаях разрешаю идти на снижение качества.

Услышанное меня ошеломило...

– Ваше задание, товарищ Сталин, я обязательно передам коллективу завода. Хочу твердо заверить, что завод в ближайшее время обязательно *многократно* увеличит выпуск пушек.

Сталин еще раз переспросил:

– А вы твердо уверены, что завод сможет сразу увеличить выпуск пушек? Это, как я понимаю, очень сложная задача.

Согласен, не просто, но лично я не сомневаюсь...»[3.74].

Препятствий и противоречий на пути практического решения этой задачи было значительно больше, чем нужно. В конечном итоге победила стратегия рационализации и совершенствования не только пушек, но и организации производства. Для конструкторов завода в равной степени было важно улучшить боевые качества пушки, сделать ее технологичной, выиграть время и снизить затраты на производство. С этой целью унифицировались детали и узлы целого семейства выпускаемых пушек. Упрощались их конструкции, что помогало технологам и производственникам повышать эффективность всего процесса изготовления конечной продукции. Например, если дивизионная пушка Ф-22 собиралась из 2 080 деталей, то для изготовления ЗИС-3 требовалось лишь 719 отдельных узлов и других компонентов. Новый затвор раньше состоял из 116 деталей, теперь – из 51. Значительно снизился вес пушки,

а значит и расход металла, энергии и труда. К тому же солдатам стало легче и удобнее пользоваться новым оружием в бою, а ремонтникам – быстрее восстанавливать поврежденные орудия.

Масштабы и сложности обновления технологии и организации работы всего завода были столь велики, что весь процесс перестройки пришлось разбить на три этапа:

«Первый – конструктивно-технологическая модернизация отдельных элементов пушек и создание для них новой технологии и новой оснастки. Его мы условно называли малой модернизацией...

Второй – модернизация остальных элементов пушек, опять же с коренным изменением технологии и оснастки. Это – большая модернизация.

И, наконец, третий этап – разработка и внедрение во всех цехах рациональной технологии...»[3.75].

Весь коллектив завода энергично включился в реализацию программы. На всех этапах применялось комплексное планирование. При этом все более широкий круг работ выполнялся новыми методами, которые, в свою очередь, опирались на тесное сотрудничество конструкторов, технологов, производственников, а также обслуживающих отделов. В результате такой кооперации проект создания пушки включал в себя следующие экономические и организационные параметры: сроки выпуска, показатели качества, общую трудоемкость, себестоимость.

В октябре 1941 года директор завода А. Елян представил в наркомат график выпуска пушек. График был нарастающим, и к маю 1942 года завод должен был увеличить выпуск пушек в семь раз, а к концу года ежедневно выпускать сто пушек. Это означало более чем 18-кратный рост объема производства по сравнению с довоенным уровнем. Задача очень трудная, если учитывать, что через месяц после начала войны завод уже стал выпускать 30–35 пушек в день. Новый график производства пушек лично утвердил И. Сталин. Отступать было некуда. График стал основным документом, выполнение которого легло на плечи всего коллектива[3.76]. Забегая вперед, можно сказать, что поставленная цель была достигнута. Но с какими трудностями?!

В декабре на завод приезжал Ворошилов. «Целый день, – вспоминает Грабин, – мы с ним ходили по цехам. Клименту Ефремовичу очень понравилась организация дела.

– Это вы здорово сделали, молодцы! – не скупился он на похвалу.

4 января 1942 года меня вызвали на заседание ГКО... Ворошилов на заседании отсутствовал, и получилось так, что сразу же возник неприятный диалог между Сталиным и мною...

Представление об атмосфере того заседания дает всего лишь один эпизод. Когда я попытался в очередной раз возразить Сталину и аргументировать наши действия, обычная выдержка и хладнокровие изменили ему. Он чуть приподнял стул и с силой ударил им об пол. В голосе его звучало нескрываемое раздражение.

– Вас как будто зуд мучает, все вы хотите менять и менять! – с упреком бросил он мне. Я же вам говорил: работайте, как работали раньше! Нам нужны пушки! Много и сейчас!

Таким Сталина я видел первый и последний раз в своей жизни. И тогда впервые понял, что у Сталина нет снисхождения ни к врагам, ни к друзьям.

В постановление ГКО вписали пункт, обязывающий завод вернуться к прежнему производству...

Выполнить приказ – значит быть беде. Но попробуй не выполнить приказ самого Сталина! Оба варианта были одинаково скверными.

Ранним утром 5 января в бомбоубежище наркомата, где я заночевал, ко мне подошел дежурный офицер и попросил подняться наверх, к телефону. Я решил остаться на месте: если хотят арестовать, пусть арестовывают здесь. Мне уже было все равно. Зная крутой нрав вождя, я не сомневался, что мой спор мог быть расценен и как саботаж, и как вредительство.

Через несколько минут офицер появился снова.

– Товарищ генерал, Вы уснули? Вас просят к телефону. Из Кремля.

«Неужели последует продолжение вчерашнего кошмара?» – уже с некоторым безразличием подумал я.

Действительно, звонил сам Сталин. Начал с фразы:

– Вы правы...

Меня как жаром обдало.

– То, что вы сделали, трудно оценить сразу. Да и немногие поймут в нынешнее время. Это смелый шаг в производстве, – продолжал Сталин. – Поэтому спокойно заканчиваете начатое дело.

Что могло случиться за прошедшие несколько часов? Я предположил, что после заседания ГКО Сталин или созвонился или встречался с Ворошиловым, и тот рассказал ему, что видел собственными глазами на заводе.

Нужно было довести до конца и вопрос о нашей ЗИС-3. Я проинформировал Сталина о запущенной уже в производство пушке и просил, если есть такая возможность, осмотреть опытный образец. Он уже здесь, в Москве. Видимо, чувствуя свою вину за вчерашнее, Сталин, хоть и не сразу, дал согласие.

На смотр пришли Сталин, Молотов, Ворошилов и другие члены ГКО в сопровождении маршалов и генералов. Закончив смотр, длившийся несколько часов, Сталин сказал:

– Я думаю, это лучшая по проектированию артиллерийская система. Надо было раньше выдавать ее.

Многие из присутствовавших, безусловно, знали, что к этому времени на фронте находилось уже не меньше тысячи пушек ЗИС-3 и что артиллеристы высоко оценивают их качество» [3.77].

Через месяц многострадальная пушка было официально принята на вооружение. Ее производство запустили на двух заводах.

Валовый выпуск ЗИС-3 в годы войны [3.78]

тыс. пушек

Завод	1942	1943	1944	1945
92, Сормово	10,1	12,3	13,2	6,0
235, Урал	-	1,7	2,9	1,8

ЗИС-3 была единственной пушкой в стране, которую в Сормове собирали на конвейере.

Так уж получилось, что в центре раздела об артиллерии оказался Василий Гаврилович Грабин. Это не случайно. Завод, где он был не только главным конструктором, но и инициатором новой организации производства, выпустил за годы войны более 100 тысяч пушек разного назначения. Это примерно столько же, сколько пушек изготовила за тот же период вся промышленность Германии. А. Широкорад назвал его гением советской артиллерии. В книге с таким названием есть и подзаголовок: «Триумф и трагедия В. Грабина». (М., 2002). Да, у него были завистники и враги не только за линией фронта. Но он победил и тех, и других, поскольку всегда преследовал одну цель – взять верх над немецкими захватчиками.

Следует подчеркнуть, что вместе с ним к этой же цели стремилась большая группа других талантливых конструкторов. Так, известный конструктор-артиллерист Ф. Петров разработал около

тридцати образцов различных пушек, в том числе 122-мм гаубицу М-30. В создании эффективных зенитных пушек проявили себя Н. Бавыкин, М. Логинов и др. Под руководством М. Цирульникова в 1943 году была создана 76-мм полковая пушка. Сразу же после прорыва блокады Ленинграда на заводе «Большевик» стали выпускать 107-мм пушку БС-3, разработанную коллективом конструкторов во главе с А. Хворостиным. Этот список можно еще и еще продолжать.

Стоит отметить, что в первые два года войны от конструкторов требовали максимально увеличить количество выпускаемых пушек. В 1943 году после появления немецкого бронированного «зверинца» резко возросли требования к качеству боевой техники, прежде всего, к повышению бронебойности снарядов, увеличению мощности и калибра пушек, а также их защищенности от орудий врага.

Одной из форм решения этой проблемы стало массовое производство самоходных артиллерийских установок путем особого «скрещивания» танка с пушкой. Первые такие гибриды в Советской России появились еще в 20-х годах. Но широкого распространения они не получили, поскольку денег на перевооружение армии в то время почти не выделялось. Новая волна внимания к таким системам наблюдалась во второй половине 30-х годов. Активным сторонником таких нововведений был Тухачевский. После его ареста и быстрой расправы с маршалом заниматься самоходками стало весьма немодным занятием, хотя во время финской кампании оставшиеся несколько самоходок продемонстрировали свою достаточно высокую эффективность. В начале Отечественной войны о них вспомнили, но все подходящие производственные мощности были максимально загружены выпуском среднего танка Т-34. Тем не менее уже в июле сорок первого было принято решение в кратчайшие сроки разработать и запустить в производство самоходку, вооруженную 57-мм пушкой. Через месяц начался выпуск машины, в качестве движителя которой использовался легкий гусеничный артиллерийский тягач. Сверху на нем смонтировали мощную противотанковую пушку. Всего было построено около 100 таких установок, получивших название ЗИС-30. Они успели на встречу с немцами под Москвой, проявив себя с положительной стороны, успешно расстреливая любые типы вражеских танков. Одновременно обнаружилось не мало и недостатков. Более удачной оказалась САУ СУ-76, особенно ее модернизированный вариант, выпущенный в серию с 75-мм пушкой ЗИС-3. В боевых действиях она

впервые участвовала в январе 1943 года на Волховском фронте. Сравнительно небольшой вес (10,6 т) и высокая скорость позволяли новой самоходке эффективно маневрировать на поле боя, уничтожая пулеметные точки, минометные батареи и легкие танки противника. Хорошая проходимость по пересеченной местности позволяла ей действовать там, куда не могла добраться обычная полевая артиллерия. Не случайно ее выпускали до конца войны. Всего различными заводами было построено около 14 300 СУ-76 [3.79].

Начало войны, когда противник в своих наступательных действиях постоянно опирался на крупные танковые соединения, выдвинуло объективное требование создания самоходных, то есть мобильных артиллерийских установок, для огневой поддержки пехоты и танков непосредственно в боевых порядках. Орудие-самоход отличается от танка тем, что у него нет вращающейся башни. Пушка сместилась в корпус, что позволило увеличить ее калибр. Расширилось пространство для ее обслуживания боевым расчетом. Появилась возможность еще более увеличить толщину броневого лба. Поскольку от нововведений только плюсов не бывает, у САУ по сравнению с танком несколько снизилась маневренность. Поэтому в обороне они находятся в глубине, при необходимости быстро передвигаясь на угрожающий участок, например навстречу прорвавшимся танкам. Так, осенью 1943 года южнее города Жиздры наш пехотный полк был атакован частями танковой дивизии СС. Шесть САУ, скрытно заняв боевые позиции на пути прорвавшихся танков, внезапно открыли огонь из засады. Сразу было подбито 12 из 15 немецких бронированных машин. Оставшиеся три успели повернуть назад...

В наступлении САУ находятся непосредственно в боевых порядках, оказывая огневую поддержку продвигающимся вперед частям, в первую очередь против артиллерии и танков противника.

В конце 1942 года в крайне короткий срок на шасси танка Т-34 была создана одна из первых мощных самоходок с 122-мм гаубицей. Лобовая броня – 45 мм. Вес достиг 30,9 тонн. Успешное боевое крещение СУ-122 состоялось на Ленинградском фронте. Всего было построено 638 таких самоходок. Однако в связи с появлением новых немецких тяжелых танков и из-за недостаточной бронезащиты СУ-122 их пришлось снять с производства.

На смену пришла самоходка, тоже на базе Т-34, но с более крепкой броней (лоб 75-мм) и 100-мм пушкой, созданной в КБ Ф.Петрова. Ее бронебойный снаряд с дистанции 1000 м пробивал броню

160 мм. Су-100 являлась одной из самых эффективных противотанковых артустановок до конца войны. Всего их было выпушено около 2,5 тысяч.

В 1943 году на Челябинском Кировском заводе была запущена в серийное производство тяжелая самоходка с гаубицей 152 мм. Впервые на военной сцене она появилась на Курской дуге. Ее победы в поединках с «тиграми» и «пантерами» стали полной неожиданностью для немцев. А наши бойцы называли самоходку мужским именем – «Зверобой». До начала 1944 года таких САУ было изготовлено 620.

В начале 1944 года на фронте появились первые самоходки ИСУ-152, созданные на базе нового танка ИС-1. По сравнению с предшествующей САУ она имела более прочную броневую защиту (до 90 мм). В составе тяжелых самоходно-артиллерийских полков РГК ИСУ-152 особенно эффективно использовались при штурме ДЗОТов и других оборонительных сооружений противника. Всего было построено 2800 САУ ИСУ-152[3.80].

Ставка на артиллерию – один из главных стратегических факторов победы советского народа в Великой Отечественной войне. Всего за военные годы промышленность поставила Красной Армии 490 тысяч артиллерийских орудий разного назначения[3.81]. Гитлеровское руководство, делая ставку на авиацию и танки, фактически «забыв» о значении артиллерии, явно просчиталось. Многие артиллерийские заводы были переоборудованы в авиационные или танковые. Считалось, что при достижении превосходства авиации в воздухе и танков на земле пехота вполне обойдется минометами и стрелковым оружием. В период 1940–1944 гг. в Германии было выпущено всего 92 тысячи артиллерийских орудий калибром свыше 75-мм. Причем две трети из них были изготовлены в последние два года. Лучше обстояло дело только с зенитными, в том числе автоматическими, пушками[3.82].

СССР добился превосходства над Германией и в области производства *минометов*. Они несложны в производстве, просты в эксплуатации и достаточно эффективны в любых боевых условиях. Для миномета не существует мертвого пространства. Его мина поражают цель всюду: за зданием и высокой стеной, за холмом и в овраге – она падает на цель почти отвесно. Верно, в 30-х годах среди военного командования появились сомнения в значимости этого рода оружия. Единственное конструкторское бюро по минометам, возглавляемое Б. Шевыревым закрыли со ссылкой

на «ненадобность этого вида вооружения». Но финская война категорически отвергла такой аргумент. КБ было быстро восстановлено, и в короткий срок оно реализовало накопленные заделы. Минометы, созданные этим коллективом, обладали более высокими техническими показателями, чем немецкие образцы. Шевырев умело направлял конструкторов на поиск новых решений, чтобы полнее раскрыть возможности минометов и тем самым доказать, что они не какой-то суррогат пушек, а самостоятельный род войск. Он предназначен для выполнения боевых задач, которые трудно, а иногда и невозможно разрешить с помощью артиллерии.

В 1941 году на вооружение Красной Армии поступил 82-мм батальонный миномет, созданный коллективом Шевырева. Являясь новым мощным огневым средством, он помогал пехоте бороться с противником, находившимся на расстоянии свыше 3000 м. Простота конструкции и технологии изготовления позволила быстро наладить его массовое производство. Из 119 тыс. минометов, выпущенных за 6 месяцев 1942 года, значительная часть приходилась на долю 82-мм батальонных минометов. В том же 1942 году на фронт поступило более 25 тыс. минометов калибра 120-мм того же конструктора.

Немного позже появились тяжелые 160-мм минометы конструкции И. Теверовского. Такого оружия еще не имела ни одна из воюющих сторон. Миномет передвигался на колесах. Заряжался, как и орудие, с казенника. Мину весом в сорок килограммов забрасывал в сторону врага на пять с лишним километров с большой точностью[3.83].

Характеристики минометов войск СССР и Германии в период войны [3.84]

Минометы	Вес мины, кг	Дальность стрельбы, м	Масса миномета, кг	Скорострельность выстрел/мин
55-мм: СССР	0,85	800	10	30
Германия	0,9	500	20,5	н. д.
82-мм: СССР	3,1	3 040	58	25
Германия	3,5	1 900	57	н. д.
120-мм: СССР	15,9	5 700	275	15
Германия	15,7	5 920	294	н. д.
160-мм: СССР	40,5	5 100	1 086	3
Германия	-	-	-	-

Из приведенных данных видно, что советские минометы по своим качественным показателям не уступали германским, а по некоторым показателям превосходили их.

Полной неожиданностью для немцев стало появление на Восточном фронте реактивных минометов БМ-13, больше известных среди солдат под названием «Катюша». Снаряды-ракеты к ним были разработаны еще до войны в закрытом НИИ на базе многолетних исследований и мучительных испытаний, в том числе в системе НКВД. Боевое крещение они получили во время воздушных боев на Халкин-Голе (такими ракетами было уничтожено 17 самолетов противника).

21 июня сорок первого года (за день до начала войны) на самом высоком уровне принимается решение о срочном развертывании производства снарядов М-13, пусковых установок БМ-13 и формировании частей реактивной артиллерии.

Через девять дней на Воронежском заводе им. Коминтерна завершили сборку первых двух установок. Они своим ходом направились в Москву, чтобы пройти испытания на полигоне в присутствии наркома обороны, начальника генерального штаба и других ответственных лиц. Одновременно к выпуску БМ-13 подключается Московский завод «Компрессор», другие предприятия.

Эта установка официальных войсковых испытаний не проходила – времени не хватило. Поэтому решили забрать в НИИ все готовые опытные образцы, сформировать на их базе экспериментальную батарею и в боевых условиях проверить эффективность БМ-13. Новых снарядов для нее к тому времени изготовили уже более 30 тысяч.

В составе батареи было семь боевых машин, 50 грузовиков с ракетами, еще 100 машин резервных, а также ремонтная мастерская, медицинская часть и кухня. В ночь на 13 июля батарею подняли по тревоге и направили в сторону Орши. Здесь на станции скопилось много немецких эшелонов с войсками, техникой, боеприпасами, горючим. Батарея развернулась в пяти-шести километрах за горкой. «Стоял ясный, солнечный день. В 15 часов 15 минут 14 июля командир батареи капитан И. Флеров дал команду открыть огонь. За 7–8 секунд мы выпустили 112 ракет. Железнодорожный узел был стерт с лица земли. Семь дней там никого не было...» [3.85].

В июле на Западный фронт были отправлены еще две батареи «Катюш», в августе – снова две: одна – под Ленинград, другая – на Украину.

Высокая боевая результативность нового оружия сразу же стала очевидной. Огонь реактивными снарядами наносил врагу огромный урон в живой силе и технике, одновременно оказывая на оставшихся в живых сильное моральное воздействие.

При ГКО был создан специальный совет по реактивной технике, который курировал Н. Вознесенский. Производство и усовершенствование эрэсов (реактивных снарядов) было поручено Наркомату боеприпасов, а производство пусковых установок – Наркомату минометного вооружения. В первые же месяцы войны производство реактивных снарядов и установок для их пуска было освоено на многих заводах по всей стране. Была поставлена задача до конца года изготовить 500 тысяч эрэсов и в 1942 – два миллиона.

Не прекращалась работа и по совершенствованию нового вида оружия. Уже осенью 1941 года КБ завода «Компрессор» разработало 24-зарядную установку на базе легкого танка Т-40. Обозначенная как БМ-8-24, она имела более длинные направляющие и могла вести огонь прямой наводкой. В 1942 году был разработан новый реактивный снаряд М-30 калибра 300 мм, предназначенный для разрушения укреплений противника в прифронтовой полосе. Его мощность была такова, что при разрыве оставалась воронка диаметром 7-8 метров и глубиной до 2,5 метров. Соответственно пришлось создать и новые пусковые установки. В том числе на базе американского автомобиля «Студебеккер» с 6-ю ведущими колесами [3.86].

Стрелковое оружие является самым массовым. И в данном случае его количество, а также боевые характеристики во многом предопределяли боевой потенциал армии. К сожалению, в начале Отечественной, как и в начале первой мировой войны, в армии не хватало даже винтовок Мосина образа 1891/30 г. Нередко вновь формируемые дивизии обеспечивались стрелковым оружием только на 30 % – слишком велики были потери оружия при неорганизованном отступлении. Зам. наркома Вооружений В. Новиков вспоминает то время: «Звонили из Москвы и предупредили: положение на фронте таково, что одни бойцы дерутся, а другие ждут освободившиеся винтовки. Надо увеличить производство обычных винтовок до двенадцати тысяч в сутки. Вы специалист и должны решить эту задачу» [3.87].

Военные специалисты – соответствующие главные управления КА, как уже говорилось, допустили грубую ошибку, сняв с производства те пушки, которые потребовались на войне. Счет их шел

на тысячи. Тем более нельзя простить их же просчет относительно винтовок – здесь речь шла уже о миллионах.

Положение осложнялось тем обстоятельством, что тульские оружейники, которые всегда были лидерами по производству винтовок, вынуждены были срочно эвакуировать свои заводы – в октябре танки Манштейна попытались взять город «сходу». Погрузка оборудования и людей шла круглосуточно. Через станцию в среднем проходило до 200 составов ежедневно – в три раза больше, чем до войны. За 18 дней отправили в основном все необходимое, чтобы быстро начать работу на новом месте – на Южном Урале. Между тем Тулу отстояли, но провал в производстве оружия образовался глубокий...

Выручил Ижевский оружейный завод. Половина его мощностей и производственного персонала было занято выпуском винтовок. Сначала удалось расширить их производство до 5 тысяч в сутки. К концу лета 1942 года задание ГКО было выполнено – завод преодолел новую высоту: 12 тысяч. Свершилось чудо? Нет. Просто люди перешагнули через невозможное.

Но винтовка, даже очень надежная и привычная, оставалась всего лишь винтовкой. Германская пехота была вооружена не только карабинами, но и автоматами, что в начале войны ставило ее на поле боя в более выгодное положение.

Первым советским автоматом был пистолет-пулемет образца 1934 года конструкции В. Дегтярева. По боевым характеристикам и технологичности он не уступал показателям лучших зарубежных образцов. Но военные не разглядели в нем рождение нового вида индивидуального оружия пехоты, особенно в ближнем бою. Его производство было начато на Ковровском заводе в небольшом количестве: за шесть лет перед войной было выпущено менее 4 тысяч ППД-34. Финская война показала, что была допущена очередная ошибка. В начале 1940 г. автомат был модернизирован и оперативно запущен в производство: до конца года было изготовлено более 80 тысяч ППД-40.

В следующем году на вооружение был принят еще более совершенный автомат конструкции Г. Шпагина. Его отличительные черты – высокая кучность огня, простота изготовления и надежность в бою. Он стал одним из самых популярных образцов личного оружия солдат пехоты. В 1943 году А. Судаев разработал еще более эффективный образец пистолета-пулемета, но через главный перевал войны армия уже прошла, и налаженного массового

производства ППШ решили не ломать. Всего за период войны было выпущено свыше 6 миллионов автоматов Г. Шпагина. Производство ППС-43 было организовано на одном из Ленинградских заводов, который изготовил их 46 тысяч [3.88].

Затянулась и замена легендарного пулемета «Максим» образца 1910 года на более современный станковый пулемет СГ-43, разработанный конструктором П. Горюновым. Благодаря применению амортизаторов пулемет стал более устойчивым, что, в свою очередь, повысило кучность его стрельбы. Воздушное охлаждение ствола позволило снизить вес пулемета, сделав его более маневренным. Производство нового пулемета быстро освоили на Ковровском заводе, и в 1943 году он стал поступать в войска.

Аналогично складывалась судьба новых видов противотанковых ружей, пистолетов, другого стрелкового оружия. Всего за период Великой Отечественной войны советская промышленность выпустила 12,1 млн. винтовок и карабинов, 6,2 млн. автоматов, 1,5 млн. пулеметов.

В Германии за время с середины 1941 до апреля 1945 года изготовлено 7,8 млн. винтовок и карабинов, 935 тысяч автоматов, 1 млн. пулеметов[3.89].

Цифры говорят сами за себя.

3.4. Трудности с выпуском боеприпасов удается преодолеть

Боеприпасы – основные продукты «питания» для войны. Когда их не хватает или, не дай бог, они кончаются, танки и самолеты, артиллерия и боевые корабли, а также пехота становятся бессильными и беззащитными, поскольку теряют свое главное качество – огневую мощь. «Кто был на фронте, – пишет В. Новиков, – тот помнит, как остро недоставало боеприпасов в начале войны. И не только патронов, но и мин, и снарядов тоже»[3.90].

Практика показывает, что боевые возможности и эффективность любого оружия определяются, в конечном счете, качественными характеристиками его боеприпасов. Артиллерийские и реактивные снаряды, авиационные и глубинные бомбы, торпеды, гранаты, различные мины, патроны к стрелковому оружию – все они служат для непосредственного поражения живой силы и техники противника, разрушения его военных заводов и транспортных сетей, а также для выполнения специальных задач, например освещения

и указания целей, подрыва оборонительных сооружений. Стоит отметить также, что боеприпасы – это предметы разового и в то же время массового использования. Поэтому их расход достигает огромных масштабов, что требует таких же объемов производства. На первый взгляд заряженный патрон или снаряд по сравнению с автоматом или пушкой кажутся не сложным изделием. Однако чтобы изготовить винтовочный патрон, нужно проделать примерно 180–190 различных технологических операций. Лишь изготовление пули требует 44 операции, гильзы – 50, монтаж патрона – 15. Число химических операций достигает 32, контрольных – 39.

Закономерно, что по суммарной стоимости продукции, количеству НИИ и КБ, а также по потреблению черных металлов Наркомат боеприпасов уже перед войной занимал ведущее место среди других отраслей оборонной промышленности. Еще одна особенность производства боеприпасов – широкая номенклатура выпускаемых изделий, насчитывающая сотни наименований, что создает дополнительные трудности его организации и управления.

Основные параметры Наркомата боеприпасов в 1939 году[3.91]

Число заводов, ед.	Количество НИИ и КБ	Работники, тыс. человек	Продукция, млн. рублей	Инвестиции, млн. рублей
53	12	337,1	4 994	1 525

Однако относительно высокие параметры Наркомата боеприпасов не удовлетворяли руководство вооруженных сил. Заказ Наркомата обороны промышленности, производящей боеприпасы, на 1940 год удвоился. В НКО не умели, да и не хотели рассчитывать реальный производственный потенциал промышленности. Полученное задание невозможно было выполнить, с чем мало считались военные, которые сами упустили время, а теперь, чтобы его нагнать, начали стегать и без того загнанных лошадей. В помощь Наркомату боеприпасов перед самой войной и в ее начале передали десятки предприятий из других отраслей, а производство патронов для стрелкового оружия подчинили Наркомату вооружения. В этот же период строилось 25 новых заводов по производству боеприпасов и реконструировалось 28 действующих предприятий. Вначале это мало помогало – сказывалось отсутствие опыта и квалифицированных кадров. Не хватало некоторых видов исходного

химического сырья. Обнаружилась нестыковка и неустойчивость межхозяйственных связей в условиях быстрого, но недостаточно скоординированного роста производства широкой номенклатуры конечной продукции.

Планы по выпуску боеприпасов и их выполнение накануне войны [3.92]
млн. штук

	1939			1940		
	Заказ	Выполнение	% вып.	Заказ	Выполнение	% вып.
Артснаряды	25,1	18,1	72,1	22,2	14,9	67,2
Мины	12,5	2,7	21,9	12,2	18,3	149,7
Авиабомбы	3,0	2,8	95,1	9,8	7,7	78,2
Патроны*	2 160	2 194	101,5	3 143	2 820	89,7

* Для стрелкового оружия.

Заказ НКО на 1940 год был выполнен только по выпуску мин. Объем производства артиллерийских снарядов даже абсолютно снизился по сравнению с предыдущим годом. К этому можно добавить, что план по капитальному строительству, установленный правительством для Наркомата боеприпасов, в 1940 году был выполнен всего на 68,3 %. Выросли потери от брака. Основная причина неудач – несогласованность заказов и плановых заданий по номенклатуре (штукам) с их материальным и финансовым обеспечением. В этом отношении положение в 1941 году не улучшилось. Для того, чтобы предприятия могли заблаговременно подготовить производство для выполнения заданий на следующий год, они должны получить их хотя бы за 1,5–2 месяца до начала нового планового периода. Но план производства боеприпасов в натуральном выражении наркомат получил «сверху» только во второй половине февраля уже начавшегося года. В апреле-мае началась их корректировка, конечно, в сторону повышения, практически без увеличения поставок необходимого сырья и фондов заработной платы... И это происходило буквально накануне вторжения германских войск на территории, где было расположено 2/3 производственных мощностей по производству разного рода боеприпасов.

Из общего количества 41 эвакуированных предприятий этой отрасли в первом квартале 1942 года на новых местах начали работать только 6. Трудностей объективного характера было очень много. Но к ним добавлялись, и тоже в большом количестве, ошибки

и растерянность аппарата управления. Так, секретарь Нижне-Тагильского горкома партии в своей записке в ГКО относительно качества управления снарядного завода со стороны 4-го главка Наркомата боеприпасов писал: «В течение сентября-октября 1941 г. заводом было получено 15 противоречащих друг другу указаний, парализующих работу завода. План по снарядам несколько раз то увеличивался, то сокращался, что не давало заводу возможности заняться усовершенствованием технологии и подъемом производительности труда... Станочное оборудование несколько раз переставлялось с места на место, а значит простаивало.

В настоящее время завод имеет задание по выпуску 15 типов изделий, большинство из которых запланировано производить мелкими сериями, что совершенно недопустимо для предприятия, спроектированного под массовое поточное производство»[3.93].

В ноябре-декабре 1941 года выпуск боеприпасов упал до самого низкого уровня за все время войны. Стоит отметить, что в первый год войны основной поставщик сырья для боеприпасов – химическая промышленность потеряла половину мощностей по выпуску аммиака, 77 % – серной кислоты, 83 % – кальцинированной соды, более 50 % – каустической соды[3.94]. Именно в этот период на фронте острее всего чувствовался недостаток артиллерийских снарядов, авиабомб, патронов для стрелкового оружия и других боеприпасов. В 1943 году положение выправилось, но не до конца.

Глубинная причина трудностей заключалась в том, что, как и в ходе первой мировой войны, в России не хватало исходного продукта – пороха или, как говорят специалисты, «порохов».

Дело в том, что почти все боеприпасы состоят из нескольких частей: на первом месте среди них находится пороховой заряд, взрывное горение которого в специальной камере или патроне разгоняет снаряд (или пулю) в стволе до очень высокой скорости. До цели снаряд в большинстве случаев летит по инерции. Достигнув цели, взрывается его другая часть – разрушительный заряд, непосредственно поражающий вспышкой своей энергии противника. Металлический корпус снаряда выполняет двоякую роль: во-первых, как несущий каркас боевой части и, во-вторых, разорвавшись на мелкие части, как физический носитель ударной силы высвободившейся энергии в радиусе десятков, а иногда и сотен метров. Еще одна важная деталь – взрыватель, который определяет момент взрыва. На крупных бомбах устанавливают их даже два. Для большей надежности.

Узким местом *промышленности боеприпасов* на протяжении всей Отечественной войны, как уже отмечалось, оставалось изготовление пороховых зарядов. К сожалению, наши руководители плохо усваивают уроки истории. В 1916 году в России был достигнут самый высокий уровень производства порохов – 14,9 тысяч т (910 тыс. пудов). Потребности сражающейся армии превышали это уровень в несколько раз. Пришлось срочно, а значит по высоким ценам, закупать порох в США, Англии, Франции, Японии и Италии. Всего за период 1914–1917 гг. в России изготовили 32,8 тыс. т бездымного пороха, что составляло примерно одну треть потребностей. Почти две трети пришлось импортировать из-за рубежа.

В 1938 году в Советской России шесть заводов выпускали бездымный порох. Их суммарная производственная мощность составляла тогда 47 тысяч т, в то время как мобилизационный план определил потребность в 168 тысяч т порохов в год. Таким образом, расчетная производственная мощность пороховой промышленности могла обеспечить всего 28 % мобилизационного задания, что было ниже показателей времен начала первой мировой войны[3.95].

Мобилизационные планы предприятий в случае войны не могли быть быстро реализованы, поскольку они не были директивными документами, представляя собой лишь примерный расчет мощностей оборудования, производственных площадей и рабочей силы, которые могут потребоваться в условиях чрезвычайной обстановки. Комплексной увязки отдельных элементов технологической структуры заводов не было. Это резко снижало реальную действенность мобилизационных планов.

Заданиями довоенных пятилеток предусматривалось строительство нескольких пороховых комбинатов, но на практике дело шло медленно. Проектные задания многократно пересматривались. Строительство ряда объектов останавливалось. Показательно, что к 1940 году ни один из комбинатов не был принят в эксплуатацию. Лишь в 1941 году в этой ключевой отрасли были отмечены небольшие подвижки к лучшему.

Развитие пороховой промышленности СССР в 1938-1941 гг. [3.96]
выпуск порохов, млн. т

	1938	1939	1940	1941
Мобилизационный план	168,0	125,0	195,1	156,6
Наличные мощности*	47,0	73,0	83,9	118,2**
Фактический выпуск	26,2	50,6	59,3	-

* На начало года. ** На 1 июля.

Из данных таблицы отчетливо видно, насколько было трудным положение, в котором оказалась пороховая промышленность, а значит, и все производство боеприпасов накануне войны. Задания мобилизационного плана «плясали» из года в год, что свидетельствует о невысокой квалификации специалистов, которые их разрабатывали. В результате план превратился в формальный, бюрократический документ, который не мог выполнять ни направляющей, ни координирующей функций. Производственные мощности относительно быстро расширялись, хотя и не поспевали за пируэтами мобилизационного плана. Важно отметить другое: имеющиеся мощности были не полностью загружены. Не доставало квалифицированной рабочей силы, так как многие побаивались «сидеть на пороховых бочках». Тем более, что пороховые заводы строили «подальше» от городов, а жильем рабочих обеспечивали плохо. Отставало развитие производственной инфраструктуры: складских помещений, в том числе хранилищ для кислот. Не хватало специальной тары, транспорта. Но, пожалуй, острее всего чувствовался хронический дефицит исходного сырья: толуола, целлюлозы, кислот, коллоксилина и других исходных материалов.

За две недели до начала войны совместное постановление ЦК и Совнаркома утвердило новый мобилизационный план на 1942 год. Он предусматривал значительное ускорение развития пороховой промышленности, исходя из того, что потребности в порохах через полтора года возрастут до 333 тысяч т. Соответственно расширялось материально-техническое обеспечение этих производств, увеличивались мощности действующих и строящихся заводов. Внедрялся ряд новинок в технологию производства. В частности большой эффект обеспечивал переход на режим ускоренной фабрикации пироксилина, разработанного в НИИ-6 Наркомата боеприпасов. Предусматривалось также построить 13 заводов по производству нового нитроглицеринового пороха.

Внезапное вторжение германских войск на территорию России создало совершенно новую ситуацию в производстве боеприпасов. Только в июле-октябре 1941 года из европейской части страны было эвакуировано на Восток 8 пороховых заводов. Действующими остались всего 4 предприятия, расположенные в Поволжье, на Урале и в Сибири. Самым тяжелым, как и для всей промышленности, были конец сорок первого и начало сорок второго. Но катастрофа не состоялась. Люди жили и работали, стиснув зубы. Голодали, мерзли, но увеличивали мощности и выпускали нужную продукцию. К концу

1942 года пороха давали уже девять заводов. Строительство новых и расширение действующих мощностей продолжалось ударными темпами. Преодолеть дефицит порохов существенно помогли поставки союзников по ленд-лизу.

В мае сорок третьего ГКО вновь рассмотрел проблемы развития пороховой промышленности. Она получила в свое распоряжение дополнительно огромные материально-технические и людские ресурсы. Занятым в этой отрасли работникам повысили нормы продовольственного и промтоварного снабжения. На основные заводы были назначены уполномоченные ГКО, наделенные широкими полномочиями самостоятельно решать сложные вопросы, которые на местах возникали почти каждый день.

Вместе с тем постановление обязывало довести к 1 января 1944 года мощности пороховой промышленности до 200 тысяч т порохов в год. Это было опять невыполнимое задание, но все же на несколько шагов ближе к реальности.

Динамика мощностей пороховых заводов в годы войны[3.97]

на начало года, тыс. т

1941*	1942	1943	1944	1945
118,2	77,4	124,2	179,0	180,0

* На 1 июля

Практика показала, что расширять мощности пороховой промышленности значительно труднее, чем в любой другой отрасли, в том числе на базе других химических заводов. Об этом военные стратеги должны заранее знать и помнить. «Сани» к войне надо готовить в условиях мирного времени. Несколько неожиданно производство порохов в период войны росло относительно быстро. На ускорении этого процесса сказался целый ряд факторов, созданных как учеными, так и организаторами производства, а также рабочими-новаторами пороховых заводов. В наибольшей степени сказалось освоение многотоннажного производства нитроглицериновых порохов.

Производство порохов заводами НКБ [3.98]

тыс. т

Порох	1941*	1942	1943	1944	1945**
Пироксилиновый	39,8	54,7	79,8	80,2	28,3
Нитроглицериновый	3,2	13,0	32,9	46,7	21,1
Всего	43,0	67,7	112,8	126,9	49,4

* Второе полугодие.

** Январь-май

Как видно из данных таблицы, объем выпуска порохов круто увеличился только в 1943 году. Особенно быстро росло производство нитроглицериновых баллиститных порохов, обладавших рядом преимуществ, прежде всего быстротой изготовления, а также высокой энергетикой, меньшей гигроскопичностью, возможностью получения крупных зарядов пороховых элементов, высокой стабильностью характеристик, важных для кучности огня. К тому же их изготовление обходится дешевле, чем производство пироксилиновых порохов.

В России многолетние исследования и освоение промышленного производства нитроглицериновых порохов неразрывно связаны с именем Александра Семеновича Бакаева. Выходец из дворян, он три года воевал в качестве артиллериста на фронтах первой мировой войны. За заслуги и мужество был награжден семью боевыми орденами, в том числе солдатским Георгиевским крестом, получил офицерское звание капитана.

В 1922 году А. Бакаев окончил Артиллерийскую академию РККА и вскоре был направлен на бывший Охтинский завод взрывчатых веществ. Работа в области нитроглицериновых порохов стала главным делом его жизни. Бакаев активно участвовал в разработке рецептуры и технологии производства надежных зарядов для зенитной и морской артиллерии, пушек крупного калибра, а также в организации валового производства баллиститного пороха марки «Н». На его основе были созданы первые твердотопливные реактивные авиационные снаряды, а также снаряды для знаменитых «Катюш».

Конечно, не один Бакаев творил чудеса в производстве новых порохов. Он был одним из многих. Например, сотни инженерно-технических специалистов вместе с рабочими-рационализаторами освоили заводское производство дефицитного коллоксилина на соседнем целлюлозно-бумажном комбинате. Одновременно заменили остродефицитный стабилизатор централита на доступный продукт. Успешное и быстрое решение этих непростых химических задач предотвратило неизбежную, как казалось, остановку производства пороха, а значит и боеприпасов осенью 1941 года. Оба завода, выпускавшие до этого централит, находились на колесах, двигаясь в массе других предприятий, которые эвакуировались на Восток. Американский транспорт, который вез централит из США, был потоплен немцами[3.99].

Примерно в это же время в нечеловеческих условиях коллективы ленинградских предприятий продолжали массовый выпуск

боеприпасов. Многие труженики страдали дистрофией. В феврале 1942 года из-за болезней не смогли выходить на работу больше половины производственников. Оставшиеся делали больше, чем могли, чтобы снабжать боеприпасами войска, оборонявшие город. Яркая страница в истории тех дней – освоение выпуска реактивных снарядов М-13 и М-8. Первые 20 таких подарков для «Катюш» были собраны в августе сорок первого. Их производство быстро расширилось и продолжалось четыре месяца, несмотря на все блокадные трудности. Но кончились запасы ракетного пороха. Вынужденный перерыв затянулся до марта, пока ленинградские химики и технологи не нашли новый способ изготовления пороха из «местного» сырья.

В цехе сборки реактивных снарядов было установлено большое количество печек-буржуек, что было грубым нарушением пожарной безопасности. Но такую мелочь на огненном фоне осажденного города, кажется, никто даже не заметил...[3.100.]

Настоящей технической революцией в производстве боеприпасов стало внедрение новой технологии непрерывного формирования пороховых шашек на шнековых прессах специальной конструкции. По такому принципу был быстро построен и принят в эксплуатацию новый цех по массовому выпуску баллиститного пороха. При этом производительность труда повысилась на 40 %, а выпуск пороховых шашек увеличился вдвое.

Заслуги А. Бакаева не остались незамеченными. Дважды его лишали свободы по статье 58 и дважды ему присуждали Сталинские премии. Кто скажет, что с ним поступили несправедливо? Дворянин и бывший царский офицер – место тебе в тюрьме-шарашке. Создал новые марки и технологии порохов – получи премии и ордена. Какие могут быть претензии?

Претензии, однако, есть. Подобный подход к творческим исследователям-новаторам – одна из причин, почему пороховая промышленность так и не смогла полностью удовлетворить потребности действующей армии в боеприпасах. Пришлось просить срочной помощи у союзников (подробнее об этом см. 4 главу).

Другой важный элемент боеприпаса – *взрывной заряд*, который вступает в действие на территории противника с целью поразить его. Накануне и в период войны такой заряд состоял в основном из тротила. Химики и производственники осуществили обширную программу по совершенствованию технологии его получения в крупных объемах. В частности, удалось заменить периодический, относительно

медленный способ нитрации толуола непрерывным прямоточным процессом, что позволило резко увеличить производство тротила. Еще более значимый эффект был получен в результате замены тротила новым по качеству ВВ, полученным на основе гексогена.

Дело в том, что на протяжении всей войны в производстве тротила ощущался дефицит толуола, кислот, соды, а также ряда других исходных продуктов. Поэтому мощности специальных заводов были загружены не полностью, а выпуск тротила лимитировался поставками сырья. Хотя в 1943 году его производство по сравнению с предыдущим годом выросло на 22 %, в 1944 году оно осталось на том же уровне.

Поэтому появление заменителя тротила в производстве взрывчатых веществ, можно сказать, спасло действующую армию от очень больших и опасных неприятностей.

Новые мощные взрывчатые составы на основе гексогена были созданы и предложены в 1940 году инженером Е. Лединым. Он разработал соответствующие рецептуры ВВ, технологию флегматизации гексогена с целью снижения его чувствительности к удару, а также раздельно-шашечные методы снаряжения бронебойных снарядов более эффективными взрывчатыми составами. Всесторонние испытания стрельбой показали, что по мощности взрыва составы Ледина не менее чем в два раза превосходят тротил. Это был весьма своевременный подарок судьбы в дни тяжелой битвы за Москву. Весть о нем дошла до Сталина, и он срочно собрал у себя совещание специалистов, где Е. Ледин доложил о своих открытиях. Совещание поддержало новатора, что не так уж часто случается. Еще через неделю ГКО принял ряд конкретных постановлений по созданию массового промышленного производства гексогена и взрывчатых составов на его основе. Одновременно было создано Специальное эксперементально-производственное бюро во главе с Е. Лединым для совершенствования технологий и освоения производства новых мощных ВВ. Потребности в гексогене резко возросли. Чтобы их удовлетворить, оперативно развернулось ускоренное строительство новых мощностей сразу на шести заводах [3.101].

В результате выпуск гексогена в течение 1942 года увеличился в 9 раз и в следующем – еще в 1,5 раза [3.102]. Один за другим в армию поступали новые снаряды для противотанковых, авиационных, зенитных и морских пушек, снаряженные новым мощным взрывчатым составом.

Всего за годы Отечественной войны советская промышленность боеприпасов произвела и отправила на фронт 333 млн. выстрелов для полевой и корабельной артиллерии, 243 млн. минометных мин, 14,5 млн. реактивных снарядов для «Катюш». Кроме того, было изготовлено около 200 млн. ручных противотанковых и обычных гранат, 40,4 млн. авиационных бомб общим весом свыше 700 тыс. тонн, 26 млн. противотанковых мин, 21,4 млрд. боевых комплектов для стрелковых патронов.

Химические производства НКБ за тот же период изготовили миллионы тонн взрывчатых веществ и порохов, в том числе 505 тыс. тонн тротила [3.103]. Это был весомый вклад работников промышленности боеприпасов в общую победу.

* * *

Подводя общие итоги развития промышленности в 1941-1945 годах, можно утверждать, что оборонные отрасли СССР выиграли долгое и напряженное состязание с военной промышленностью Германии. Как и должно было быть, в нем непосредственно участвовала и тесно взаимодействовала с экономикой сражающая армия. Отступление советских войск на первом этапе войны больше чем наполовину обвалило производственный потенциал оборонных отраслей. Положение стало критическим. Только нечеловеческими усилиями всего народа и крупными жертвами удалось избежать общей катастрофы.

К осени 1942 года, опираясь на патриотизм народа и используя преимущества государственной собственности, а также централизованного планового управления, военная промышленность не только восстановила свои довоенные позиции, но и продолжала быстро наращивать выпуск боевой техники, прежде всего, ее новых образцов. При этом она обогнала военную промышленность Германии как по темпам роста, так и по объему производства многих видов современного оружия.

К лету сорок третьего оборонные отрасли России уже широко демонстрировали свои преимущества как в качестве, так и в количестве выпускаемой продукции. Теперь уже Германия оказалась в положении догоняющей стороны. Она срочно проводит массовое обновление своих танков и самолетов. Частично ей удается временно выравнять соотношение сил, но только на отдельных участках, как это проявилось в ходе гигантского сражения на Курской дуге.

На последнем этапе войны руководство Германии делает ставку на «чудо-оружие» и тотальную мобилизацию всех резервов. Поднимается вторая волна технической модернизации и обновления ее вооруженных сил. Частично это удается осуществить. Появляются ракеты дальнего действия, принципиально новые реактивные самолеты, скорость которых на 100-150 км/час превышает лучшие образцы авиационной техники союзников. Но времени и средств для комплексной модернизации военной промышленности Германии уже не было. Ей противостояла многократно возросшая боевая мощь не только СССР, но и ее союзников – США и Великобритании. Советская военная промышленность стала одной из самых крупных в мире. Это в решающей степени предопределило общую Победу и послевоенную обстановку в Европе.

Глава 4. «Да, были люди в наше время... Богатыри!...»

Если быть объективным, нельзя не признать, что главные роли и на фронтах Отечественной войны, и в ее тылу сыграли солдаты и те «простые» люди, которые с предельной отдачей работали в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте по 10–11 часов в день. Без выходных. Ко всему, полуголодные, измученные каждодневными невзгодами и лишениями.

И все же такой перенапряженный образ жизни был лучше того, что готовили для россиян – «туземцев» немецкие оккупанты. 16 июля 1941 года на совещании верхушки национал-социалистической партии Гитлер определил следующие три задачи оккупационной политики в России: «Этот гигантский пирог надо разделить таким образом, чтобы мы могли: во-первых, им владеть, во-вторых, им управлять, в-третьих, его эксплуатировать». Позже он уточнил некоторые детали: « Русские живут недолго, 50–60 лет. Почему мы должны им делать прививки? (То есть, зачем им здравоохранение? – Р. Б.). Следует запретить делать туземцам прививки и заставлять их мыться. Зато дать им шнапсу и табаку сколько пожелают»... «Мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Иначе мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок не пойдут... Вообще, человека нужно учить лишь самому необходимому. Все остальное будет ему только мешать!»[4.01].

Россияне в то время не знали, что конкретно готовят для них гитлеровцы. Но они, как говорится, чувствовали нутром, что ничего хорошего от оккупантов ждать не приходится. И на защиту своей непростой, во многом горькой судьбы поднялся народ. Он хотел сам распоряжаться своей судьбой, тем более, что перед войной общая обстановка в стране и качество жизни начали меняться в лучшую сторону.

В лихую годину чувство коллективной ответственности за судьбу страны подняло народ страны на бескомпромиссную борьбу с оккупантами. Именно в этом общем порыве патриотизма проявились лучшие стороны русского характера и культуры, которые стали главным фактором нашей Победы.

Многие не видят разницы между культурой и искусством. Однако разница есть и весьма существенная. Культура – это система ценностей и приоритетов в жизни народа, отдельных его сословий и личностей. Главное в такой системе – соотношение общенародных и индивидуальных интересов. Русский народ на протяжении многих веков жил и трудился в рамках общины, где коллективные и личные интересы были гибко сбалансированы. Структура их единства и взаимодействия менялась в зависимости от конкретной обстановки внутри и вне общины. Если случалось, что загорался дом, тушить его (прежде всего, таскать воду) помогала вся община. Новую избу для погорельцев строили тоже общими силами и средствами.

Тяжелый крестьянский труд и весьма скромные его результаты воспитали у россиян необычную выносливость, непритязательность и терпение. Несправедливость они могли терпеть годами. Ну уж если терпение лопнет, они, как медведи, потревоженные в берлоге, становятся бесстрашными, яростными и безжалостными к себе и к обидчикам...

Когда в сорок первом заполыхал огонь по всей западной границе страны и на наши земли с целью ограбления вторглись полчища вооруженных бандитов и убийц, общие интересы спасения России стали приоритетными для народа. И только русский народ мог вынести на своих плечах непомерную тяжесть войны...

Особенно доставалась женщинам-матерям. Уставшие от боли и страха за судьбу своих детей и близких, они молча, без жалоб на несправедливость судьбы тащили на себе ношу, с которой не справились бы многие мужчины. Два примера: престарелая Прасковья Ефимовна Морева из Ярославской области, которая проводила на фронт своих десятерых сынов, выработала в колхозе в течение 1943 года 300 трудодней, то есть на треть больше среднего уровня по стране.

Звено А. Юткиной из сибирского колхоза на участке более 10 га собрало 588 центнеров картофеля с каждого гектара (при средней урожайности по стране в 1943 г. 64 ц/га) [4.02].

В составе трудоспособного населения колхозов удельный вес женщин возрос с 56 % в 1940 году до 73 % в 1943. Среди

трактористов они составляли, соответственно, 9 и 55 процентов[4.03]. Среди председателей колхозов им принадлежало 12 процентов этих непростых и тяжелых, особенно в годы войны, должностей. Примерно в половине полевых бригад и животноводческих ферм руководителями выступали деловые, энергичные женщины, про которых еще Некрасов писал: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет».

В военные годы мне самому пришлось поработать в колхозе, в авиационных мастерских и воевать в действующей армии. По моим личным ощущениям, на фронте было все же легче, чем в тылу. Конечно, опаснее. Там чаще встречалась дама с косой. Но все было как-то проще, яснее, ближе к главному делу... Проще потому, что знаешь, кто и где враги, как с ними бороться, особенно если вооружен не хуже, чем они... К тому же на фронте лучше кормили, хотя спать приходилось меньше.

Человек на войне – главный фактор успеха. Поэтому закономерно, что россияне выстояли и с большим напряжением, но все же одолели сильного, опасного противника. Не все верили в такой исход, и многие до сих пор не понимают, как это могло произойти. Бывший генерал немецкой армии Ф. фон Меллентин признает: «Не следует забывать, что русские не похожи на обычных солдат, для которых снабжение всем необходимым имеет большое значение. Мы неоднократно имели возможность убедиться в том, как немного им нужно»[4.04]. Такой вывод в полной мере относится и к работникам тыла.

Между тем неверно думать, что для русских лишения и жертвы ничего не значат. К сожалению, за Победу пришлось расплачиваться человеческими жизнями. За период войны убыль населения составила более 26 миллионов человек. При этом люди гибли не только на фронте, но и в тылу. Но главное было – не сломаться, выдержать, пересилить усталость, голод и угрозу смерти. И Победа пришла, как говориться, – одна на всех, кто остался жив и кто не вернулся домой...

4.1. Мучительные испытания для крестьянства продолжаются

Самый тяжелый удар война нанесла по крестьянству. Во-первых, если часть городского населения, работавшего на военных заводах, транспорте, в органах управления, освобождалась от службы в действующей армии, то почти все наиболее здоровые и трудоспособные

сельские мужики попали на фронт. Многие молодые женщины были мобилизованы для работы в промышленности, выполнявшей военные заказы, на строительство новых предприятий, дорог и оборонительных рубежей, на заготовки торфа и леса.

Во-вторых, деревенские парни в большинстве случаев направлялись в пехоту или (трактористы) в танковые подразделения, где вероятность погибнуть была выше, чем, скажем, в авиации или артиллерии. В результате численность населения, особенно в возрасте от 18 до 35 лет, за период войны в деревнях сократилась в значительно большей степени, чем в городах.

Численность населения только Российской Федерации в 1941–1945 гг.[4.05]
без оккупированных территорий, млн. человек и %

	Всего	Городское	Сельское	Городское, %	Сельское, %
1.01.41	111,6	39,3	72,3	35,2	64,8
1.01.42	91,1	33,6	57,5	36,9	63,1
1.01.43	78,6	29,8	48,8	37,9	62,1
1.01.44	90,7	33,3	57,4	37,4	62,6
1.01.45	88,5	34,4	54,1	38,9	61,1
1.05.45	88,0	34,9	53,1	39,7	60,3

Из данных таблицы следует, что за военные годы население городов, в которых не было оккупантов, уменьшилось всего на 4,4 млн. человек, в то время как деревня потеряла 19,2 миллионов. В результате доля городского населения возросла на 4,5 процентных пункта, а удельный вес сельского населения на столько же снизился.

В-третьих, сельское население, сильно пострадавшее в тридцатые годы в результате так называемого «раскулачивания» и ограбления деревни через механизм обязательных поставок зерна, ослабло духовно и физически. В деревнях почти не осталось больших семей, эффективно обрабатывавших землю и имевших весь набор скота. Наиболее распространенным стало домохозяйство из четырех человек, где мужиков довольно часто не было – и отца, и взрослого сына забрали в армию. В таких условиях, кроме всего прочего, некому было накосить тонну сена, необходимого для нормальной зимовки собственной коровы. (В первую мировую войну последнего работника-мужчину оставляли в семье. Это способствовало тому, что в каждом сельском доме имели корову, а то и две). В напряженный период Отечественной войны многие крестьянские семьи не могли держать на своем подворье корову. Люди оставались без молока, что сказывалось на здоровье не только детей, но и взрослых.

В-четвертых, из-за последствий войны в сельской местности, где и раньше среди жителей ощущалось преобладание женщин, диспропорция в соотношении полов резко увеличилась. Накануне войны, по данным переписи 1939 года, в российских деревнях на каждые 100 женщин приходилось 88 мужчин. Массовый призыв в армию представителей не лучшей половины населения существенно изменил это соотношение. Так, в начале 1943 года, то есть незадолго до сражения на Курской дуге, в сельской местности России мужчин в возрасте от 18 до 50 лет насчитывалось в 2–3 раза меньше, чем женщин того же возраста. В областях, подвергшихся оккупации, положение было еще хуже. Например, в Орловской, Ленинградской, Калининской, Воронежской областях в среднем на каждые 100 женщин репродуктивного возраста приходилось по 22–28 мужчин. В Смоленской области – всего 19. Закономерно, что новые семьи здесь создавались редко[4.06].

Если до войны на каждые 1000 человек сельского населения в течение года заключалось 4 брака, то в 1942 и 1943 число деревенских свадеб сократилось вдвое. Причем и женихи, и невесты помолодели – торопились оформить семью до призыва суженного в армию. Не случайно широкое распространение в это время получили брачные отношения, официально не зарегистрированные.

Естественно также, что одной из причин убыли сельского населения в годы войны стало снижение рождаемости. Так, в 1942 году число родившихся детей в сельской местности уменьшилось по сравнению с 1940 годом почти в 3 раза, в 1943 – в 4 раза[4.07].

Интересно отметить, что в этот трудный период увеличилось рождение двойняшек, и сократилась детская смертность. Так природа реагировала на большие людские потери в войне.

Объективные трудности, возникшие в сельскохозяйственном производстве в связи с резким сокращением численности сельского населения, а также обширными деформациями его возрастной и половой структуры, усугублялись из-за крутого падения уровня механизации и энерговооруженности труда работников совхозов и колхозов. Это означало по существу серьезное разрушение их производственных мощностей, что, в свою очередь, повлекло за собой снижение производительности труда работников и сокращение объемов производства продовольствия, а также сырья для промышленности.

Наиболее болезненно на колхозном и совхозном производстве сказались потери тягловой силы и транспортных средств. Без них нарушалась целостность технологических процессов, формирование которой еще не полностью завершилось до начала войны.

Динамика энергетических мощностей сельского хозяйства [4.08]
на конец года

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
млн. л.с.	47,5	25,8	21,4	24,0	26,9	27,9
1940 = 100	100	54,3	45,1	50,5	56,6	58,7

Из таблицы видно, что в период войны энерговооруженность сельского хозяйства – важнейшего фактора, определявшего его производственные возможности и качество труда в целом снизилась примерно вдвое. Наиболее низкий уровень ее падения был зафиксирован в 1942 году. Затем началось медленное восстановление. Однако даже к концу 1945 года энерговооруженность сельского хозяйства не достигла 60 % довоенного уровня. Основу его энерговооруженности составляли тракторы. В 1940 году на их долю приходилось 37 % всех энергетических мощностей сельского хозяйства. В период войны количество тракторов в отрасли резко снизилось, но по отношению к другим двигателям их роль возросла, составляя от 46 до 49,5 % общей энергетической мощности совхозного и колхозного производства. На втором месте до войны был автотранспорт, на третьем – рабочий скот. Но уже в 1941 году они поменялись местами: как тягловая сила вперед вышли лошади и коровы. Их доля в балансе мощностей колебалась между 20 и 23 процентами.

Машинный парк сельского хозяйства в период войны [4.09]
на конец года, тысяч

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Тракторы	530,8	363,6	312,7	365,9	393,6	397,2
Комбайны*	181,7	141,3	119,2	142,0	150,1	147,7
Грузовики	228,2	66,0	43,2	33,5	46,4	61,9

* Зерновые.

1941 и 1942 – годы массовой мобилизации тракторов и грузовых автомобилей из сельского хозяйства для формирующихся механизированных корпусов и других войсковых частей. В тот период накопленных резервов транспортных средств для действующей армии явно не хватало. Выпуск грузовых автомобилей в 1942–1944 годах составлял всего 23–39 % по отношению к отнюдь не высокому уровню 1940 года. В сфере производства тракторов положение было еще хуже: их выпуск в эти же три года сократился соответственно до 11,3 и 10 % по сравнению с довоенным уровнем. Тракторные заводы

полностью переключились на производство танков. Вот и пришлось отбирать у крестьян машинные тягловые и транспортные средства. При этом на протяжении всех военных лет новых поставок тракторов и сельскохозяйственных машин в совхозы и машино-тракторные станции практически не было. Количество МТС в 1942 году уменьшилось до 4441 (против 7069 в 1940 г.). Их тракторный парк сократился в 1,5 раза. Остались, в основном, маломощные, а главное, уже изношенные колесные тракторы, 70 % которых отработали более 8 лет. Естественно, с каждым новым годом лучше они не становились. В это же время и по тем же причинам снабжение МТС и совхозов запасными частями, топливом и машинным маслом количественно уменьшилось и осуществлялось с перебоями.

Попытки наладить капитальный ремонт всего парка тракторов успехом не увенчался. К началу весеннего сева в 1942 году в Алтайском крае план был выполнен всего на 69 %, через год – на 43 %. В Красноярском крае соответственно на 65 % и 55 %, в Иркутской области – на 66 % и 57 %. Примерно такие же цифры были зафиксированы по Кемеровской, Новосибирской и Омской областям, в Казахстане, на Урале. Качество ремонта было крайне низким, и трактора быстро выходили из строя. Нередко случалось, что в самую горячую пору треть из них, а то и половина простаивала из-за отсутствия запчастей или топлива[4.10].

Поэтому приходилось широко использовать лошадей. Но их тоже не хватало. Рабочий скот был истощен, и его количество до 1944 года неумолимо сокращалось.

Поголовье лошадей во всех категориях хозяйств [4.11]
на 1 января

	1941	1942	1943	1944	1945	1946
Млн. голов	21,0	10,0	8,1	7,7	9,9	10,7
1940=100	100	48	39	37	47	51

Если вспомнить, что в 1929 году, то есть до начала массовой коллективизации, в сельском хозяйстве страны насчитывалось 32,6 млн. лошадей, то легко представить, в какое трудное положение попало крестьянство России, оказавшееся не по своей вине без трудоспособных мужчин, тракторов, другой машинной техники и ко всему этому без лошадей.

И здесь проявился характер и умение русского крестьянина работать и жить в условиях, в которых вряд ли смог бы выжить американец или иной представитель так называемой западной

культуры. Не хватало лошадей – научились пахать с помощью коров. Такой прием особенно широко применяли в освобожденных весной и летом 1943 года районах черноземной зоны страны. Здесь почти все было разрушено, а задерживаться с пахотой и севом нельзя – останешься без хлеба. В Курской области, например, весной 1943 года на коровах была выполнена почти половина всех полевых работ.

Как уже говорилось, изношенную технику ремонтировали с помощью слесарей из МТС и специальных мастерских, а также местных умельцев-механиков, которые еще не перевелись на Руси. Кое-где появились даже старые кузнецы, не забывшие своего мастерства. Нередко при решении сложных проблем помогали соседние промышленные предприятия, в том числе из оборонки. Все вместе как-то выкручивались, но временами, особенно в начале войны, было невыносимо тяжело.

Вторая половина сорок первого запомнилась на Украине спешной уборкой богатого урожая на фоне массовой мобилизации мужчин, тракторов, автомашин и лошадей и совсем неожиданной, а потому практически неорганизованной эвакуации скота, частично обмолоченного зерна и техники, если она могла двигаться самостоятельно. На 1 октября в республике было обмолочено свыше половины скошенного хлеба. Хуже обстояло дело с поздними культурами. Так, подсолнечника было убрано на 17 % посевных площадей, овощей – на 27 %.

Главные потери заключались не в том, что вывезти все ценное было физически невозможно, а в том, что врагу оставили земли, на которых до войны проживало 84,9 млн. человек или 45 % населения страны. Здесь выращивали 52 % зерновых и 72 % подсолнечника, производили 86 % сахарной свеклы и 76 % картофеля. На Украине и других оккупированных территориях совсем недавно насчитывали 45 % голов крупного рогатого скота всей страны и 68 % поголовья свиней[4.12]. Понесенные потери были особенно ощутимы, поскольку в южных и западных регионах преобладало товарное производство, доля которого в формировании продовольственных фондов страны была значительно выше названных цифр.

В целом по стране объем валовой продукции сельского хозяйства в 1941 году по сравнению с предыдущим, довоенным, годом сократился на 38 %, в том числе сбор зерна в колхозах уменьшился в два раза.

Итоги 1942 года для сельского хозяйства характеризуются дальнейшим снижением всех его макропоказателей: объема продукции, производства зерна и других продуктов, а также поголовья скота.

Главными поставщиками товарного хлеба, мяса, молока, картофеля, овощей стали восточные районы, сил и средств которых не хватало для того, чтобы перекрыть потери, связанные с тем, что главные житницы страны: Украина, Крым, Кубань, Северный Кавказ оказались оккупированными немецкими войсками.

Энергетические мощности сельского хозяйства тыловых районов [4.13]
на конец года, а) мощность млн. лошадиных сил, б) 1940 = 100

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Все двигатели: а)	26,0	20,6	19,6	17,8	17,4	17,8
б)	100	79,2	75,4	68,5	66,9	68,5
Тракторы: а)	9,6	9,1	9,1	8,6	8,2	8,0
б)	100	94,8	94,8	89,6	85,4	83,3
Комбайны: а)	3,2	3,3	3,3	3,25	3,21	3,18
б)	100	103,1	103,1	101,6	100,3	99,4
Автомобили: а)	6,5	3,0	2,3	1,6	1,7	2,0
б)	100	46,2	35,4	24,6	26,2	30,8
Рабочий скот: а)	6,9	4,7	4,4	3,9	3,8	4,0
б)	100	68,1	63,8	56,5	55,1	58,0

Статистика свидетельствует, что совхозы, колхозы и МТС, непосредственно не пострадавшие от немецких оккупантов и принявшие на себя основную тяжесть по обеспечению населения и армии продовольствием, а легкой и пищевой промышленности – сырьем, не получили освобождения от мобилизации тракторов, грузовиков и лошадей для нужд фронта. Не избежали они и крупных потерь трудоспособного населения. К концу 1942 года в колхозах, расположенных в тыловых и прифронтовых районах, осталось 15 млн. трудоспособных или всего 42 % от их численности на начало 1941 года. Изменилась и структура кадрового потенциала. Резко увеличилась доля женщин и подростков от 12 до 16 лет, а также лиц пожилого возраста и инвалидов.

В таких условиях особенно ценной была помощь городского населения.

Привлечение горожан на временные работы в колхозах [4.14]
млн. человек

1942	1943	1944
4,0	2,8*	3,3

* На уборку.

Частыми «гостями» в колхозах и совхозах во время каникул были школьники старших классов. Так, летом 1942 года в этих хозяйствах трудились свыше 20 млн. учащихся средних и других школ. Нередко их работа была не очень хорошо организована. Но она практически и не оплачивалась. Поэтому местные руководители охотно принимали такую помощь. Ребята тоже были довольны, трудились по своим силам, а в свободное время веселились, насколько позволяла обстановка. Многие питались здесь лучше, чем дома...

Конечно, такая помощь не могла перекрыть ослабление собственных производительных сил колхозов и совхозов, вызванное масштабным оттоком их техники и постоянных кадров. Поэтому в первый военный период не только сохранялось, но и усиливалось чрезмерное напряжение с проведением практически всех сельскохозяйственных работ. В оптимальные сроки они не укладывались, что сказывалось на качестве и количестве конечных результатов.

В восточных районах в 1941–1942 гг. наибольшее сокращение рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, произошло в Алтайском и Красноярском краях, в Омской, Пермской, Свердловской, Челябинской и Новосибирской областях, где довольно плотно разместились эвакуированные промышленные предприятия. Для полного восстановления их производственного потенциала обычно требовалось набрать и обучить еще 80–85 % рабочих кадров за счет местного населения.

В таких условиях восточные районы не могли не только возместить потери продовольственных ресурсов, вызванные оккупацией западных и южных регионов страны, но и сами не смогли удержать сельскохозяйственное производство на довоенном уровне.

Сбор основных культур в тыловых регионах [4.15]
во всех категориях хозяйств, млн. тонн

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	40,4	39,4	26,0	18,5	21,3	21,1
Сах. свекла	1,6	1,6	1,9	0,7	0,9	1,1
Картофель	19,4	21,2	20,2	23,5	25,1	24,1
Подсолнечник	0,35	0,33	0,15	0,12	0,25	0,24

Из основных культур только производство картофеля к 1944 году увеличилось почти на одну треть. Но это заслуга не сельских жителей, а промышленных предприятий, которые создали свои

подсобные хозяйства, и рабочих этих же предприятий, которые на выделенных для них участках выращивали в основном картофель и овощи.

В 1943 году падение сельскохозяйственного производства достигло самой низкой точки за весь период войны. Объем его валовой продукции по сравнению с довоенным уровнем сократился до 36,5 %. Но ведь и в 1940 году положение с обеспечением населения продовольствием нельзя было назвать благополучным. Теперь угроза голода стала действительностью. Это понимали и в руководстве страны. Показательно, что, если в первые два года войны Совнарком, ЦК и ГКО заботили, в основном, проблемы увеличения выпуска боевой техники и боеприпасов, а также металла, топлива и электроэнергии, то в 1943 году на одно из первых мест выдвинулась проблема продовольствия. Год начался с постановлений СНК и ЦК о своевременной подготовке и полном обеспечении МТС (читай: колхозов) и совхозов хорошо обученными кадрами трактористов, комбайнеров, механиков и бригадиров тракторных бригад. Через две недели выходит постановление о мероприятиях по восстановлению МТС и колхозов в освобождаемых районах.

В марте одновременно публикуются еще два взаимосвязанных постановления: о плане развития сельского хозяйства на 1943 год и мероприятиях по восстановлению производства сельскохозяйственных машин и орудий. В них изложена комплексная, конкретная и очень своевременная программа подъема сельского хозяйства с учетом растущих трудностей, скорого окончания войны и переориентации аграрного сектора на условия мирного времени и повышения уровня жизни населения.

Особый упор был сделан на борьбу за повышение урожайности и увеличения валового сбора зерна, других сельскохозяйственных продуктов за счет повышения качества проведения полевых работ, сева и уборки в сжатые сроки, более глубокой вспашки земли, лучшей обработки семян, полного использования всех видов местных удобрений и проведения мероприятий по борьбе с сорняками[4.16].

В соответствии с этими постановлениями посевные площади всех сельскохозяйственных культур в 1943 году по сравнению с предыдущим годом расширились. Однако валовой сбор зерна, свеклы, некоторых других продуктов (кроме подсолнечника и картофеля) снизился. Качественного сдвига в том году не произошло, поскольку в сельском хозяйстве продолжался процесс сокращения трудовых ресурсов, машин и тракторов, а также рабочего скота, без которых поднять плодородие земли было уже невозможно.

Динамика производства зерновых, картофеля и сахарной свеклы [4.17]

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые:						
посевные площади, млн. га	110,5	81,4	67,3	70,6	82,1	85,1
урожайность, ц/га	8,6	7,3	4,4	4,2	6,0	5,6
валовой сбор, млн. т	95,5	55,9	29,7	29,4	49,1	47,2
Сахарная свекла:						
посевные площади, млн. га	1,23	0,38	0,37	0,45	0,68	0,83
урожайность, ц/га	146	87	57	28	61	66
валовой сбор, млн. т	18,0	3,3	2,1	1,3	4,1	5,5
Картофель:						
посевные площади, млн. га	7,7	4,3	3,9	5,4	7,7	8,3
урожайность, ц/га	99	76	61	64	71	70
валовой сбор, млн. т	75,9	26,4	23,8	34,9	54,9	58,1

Данные таблицы показывают, что на динамике валового сбора и урожайности зерновых, а также сахарной свеклы мероприятия, предусмотренные планом на 1943 год, практически не сказались. Больше того, сохранилась опасная тенденция падения производства, поскольку реально действующие отрицательные факторы, разрушающие производительные силы крестьянских хозяйств: недостаток машинной техники, топлива, семян, минеральных удобрений, а также рабочей силы, оказались сильнее мобилизующей и стимулирующей функций плана. Кроме того, чтобы коренным образом улучшить положение, нужно было еще время. Поэтому заметный рывок в подъеме сельского хозяйства произошел только в следующем 1944 году, когда от германских захватчиков была очищена вся территория страны

Но освобождение принесло с собой не только радость. Оно обнажило глубокие раны и горе миллионов людей, оставшихся в период оккупации в живых, но потерявших шансы выжить в окружавших их руинах.

Дважды прокатился огненный вал войны по западным территориям России, оставив после себя пожарища и разрушения. Вот только одна из картин, написанная Константином Симоновым – свидетелем событий тех лет: «Земли Смоленщины стали пустыней. Редко-редко на дороге попадается согнувшаяся старуха, везущая за собой санки, на которых сложены два узла и торчит крышка самовара.

Проезжаем одну деревню за другой... Те, кто остался жив, стоят посреди своих опустевших дворов, над развалинами своих изб. И даже позы у людей какие-то одинаковые: безмолвное недоумение. Взгляд, ищущий хотя бы следов жилищ, хотя бы следов того, что здесь когда-то было...

В одном из районов после немецкой оккупации на три тысячи оставшихся жителей было две лошади, семнадцать коров и пятнадцать не сожженных домов» [4.18].

В таких условиях на трактора и машины рассчитывать не приходилось. Весной 1944 года сельские жители Смоленской области лопатами, то есть вручную, вскопали под посевы 45 тысяч га земли. В соседней Калининской области – более 35 тысяч га [4.19].

Общий размер потерь имущества государства и населения составил почти 2/3 национального богатства, находившегося на территории, подвергавшейся оккупации немецкими войсками. В большей или меньшей степени были разрушены многочисленные города, поселки, деревни, сотни тысяч предприятий, МТС, колхозов и совхозов.

Теперь все это надо было восстанавливать. Потребовались огромные материальные и финансовые вложения, а также время. Ни первого, ни второго, ни третьего в достаточном количестве в стране не было. Опять приходилось перераспределять ограниченные ресурсы между бедными и ограбленными, делить на двоих и троих то, чего не хватало и одному.

Однако как бы трудно ни было, но помощь из глубинки страны пришла в освобожденные районы.

Помощь скотом и техникой районам, подвергавшимся оккупации [4.20]
тысяч, 1943–1945 гг

	тысяч	**% к наличию на момент освобождения**
Крупный рогатый скот	744	46
Свиньи	88	22
Овцы и козы	1307	41
Лошади	126	7
Тракторы	34,5	39
Комбайны	2,5	8

Из данных таблицы видно, насколько важна была помощь скотом, лошадьми, тракторами для восстановления хозяйства освобожденных районов, полученная в самые короткие сроки из хозяйств,

которые отнюдь не страдали от избытка ни скота, ни сельскохозяйственной техники. Кроме того, для конкретной работы по быстрому восстановлению производственного потенциала колхозов, МТС и совхозов в западные области и республики было направлено 20 тысяч трактористов, 3 тысячи комбайнеров, 700 тысяч механиков, тысячи хозяйственных руководителей и других специалистов[4.21].

Главными организаторами восстановления сельского хозяйства в освобожденных районах стали МТС. Их число с 394 в начале 1943 г. в течение года возросло до 1702, то есть больше чем в четыре раза. Одновременно быстро увеличивался их парк тракторов и комбайнов, хотя довоенного уровня даже к концу войны достигнуть не удалось. Но ценить нужно то, что получили. Тем более, что помощь пришла своевременно и была весьма существенна. Это для богатых невмоготу помогать бедным. А находящиеся в трудных условиях хозяйства так называемых тыловых районов хорошо понимали тех, кто пережил оккупацию, и по-братски делись с ними тем немногим, что имели. В ряде областей и союзных республик были созданы специальные фонды зерна, продовольствия и денежных средств для помощи регионам, пострадавшим от оккупации.

Многие предприятия и области устанавливали прямые контакты для сотрудничества в деле восстановления конкретных объектов. Например, из Удмурской АССР в Белоруссию, где в годы оккупации особенно активно действовали партизаны, причем в жестокой борьбе погиб каждый четвертый житель республики, было направлено 40 тракторов, 700 плугов, 50 культиваторов, другие машины, а также 10 тысяч голов скота. Жители Сибири, взявшие весной 1944 года шефство над освобожденными районами Белоруссии, кроме технологического оборудования и сельхозмашин послали туда различный инвентарь, скот, одежду и продовольствие. Из Узбекистана и Киргизии поступили семена, продовольствие, овцы и машины. От рабочих Рязани и Москвы прибыло 100 жнеек, 100 сенокосилок, инструмент для ремонта тракторов и прицепного инвентаря. Государство предоставляло льготные кредиты и пиломатериалы для восстановления разрушенного и строительства нового жилья.

В конце 1943 года в освобожденных районах работало 77 тысяч тракторов, в 1944 – уже 117 тысяч, еще через год – 125 тысяч[4.22].

О высоких темпах восстановления сельского хозяйства в последний период войны свидетельствует также быстрый рост поголовья

скота в республиках, которые в наибольшей степени пострадали от вторжения гитлеровских войск.

Поголовье крупного рогатого скота (КРС) и свиней по трем республикам [4.23]
на конец года, млн. голов, а) КРС, б) свиньи

		1940	1942	1943	1944	1945
РСФСР	а)	27,8	18,8	22,3	24,6	26,2
	б)	12,1	4,9	4,2	4,6	4,9
Украина	а)	10,7	-	2,2	6,9	8,1
	б)	9,1	-	0,5	2,0	2,9
Белоруссия	а)	2,8	-	0,1	1,3	1,6
	б)	2,5	-	0,03	0,6	0,7
СССР	а)	47,8	31,4	28,4	33,9	44,2
	б)	27,5	8,2	6,0	5,6	8,8

Положение в животноводстве, которое опиралось, в основном, на приусадебные участки колхозников, было лучше, чем в растениеводстве. Поголовье крупного рогатого скота в Российской Федерации и на Украине вплотную приблизилось к довоенному уровню. Высокими темпами оно увеличивалось и в Белоруссии. С восстановлением свиноводства дело обстояло хуже – сказывался дефицит твердых кормов.

Динамика поголовья скота во многом предопределяла темпы движения и объемы производства продукции животноводства.

Производство основных продуктов животноводства [4.24]
во всех категориях хозяйств, млн. тонн

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Мясо (убойный вес)	4,7	4,1	1,8	1,8	2,0	2,6
Молоко	33,6	25,5	15,8	16,4	22,0	26,4
Шерсть, тыс. т	161	161	125	100	103	111
Яйца, млрд. шт.	12,2	9,3	4,5	3,7	3,6	4,9

Падение, а затем медленный рост производства продуктов животноводства в военный период был связан, с одной стороны, с количественным сокращением поголовья скота, а с другой – с низким и продолжавшимся снижаться уровнем его продуктивности.

Продуктивность скота [4.25]
во всех категориях хозяйств, кг/год

	1940	1942	1943	1944	1945
Надой молока от коровы	1185	1012	1010	1094	1143
Настриг шерсти с овцы	2,5	2,0*	1,8*	1,8	1,8

* В колхозах.

Надо отметить, что и в довоенный период продуктивность скота была крайне низкой. Ниже, казалось, быть не может, что свидетельствовало о невысокой эффективности той модели организационных и экономических отношений, по которой строились колхозы тридцатых годов. Но война показала, что плохое не имеет пределов. Кстати сказать, надои молока от одной коровы в приусадебных хозяйствах были выше, чем в колхозах.

Логично, что крутое падение сельскохозяйственного производства сопровождалось снижением государственных заготовок зерна и основных продуктов животноводства.

Государственные заготовки основных видов продукции сельского хозяйства [4.26]
млн. тонн

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерновые	36,4	24,3	12,5	12,3	21,6	20,0
Скот (живой вес)	2,0	1,5	1,2	1,2	1,1	1,3
Молоко	6,5	5,3	2,9	2,4	2,6	2,9
Яйца, млрд. штук	2,7	1,9	0,7	0,5	0,9	1,1

Особенно глубокий провал государственных заготовок продуктов питания произошел в середине военного периода. После освобождения Украины и других областей и республик сразу же почти удвоились заготовки зерна и яиц. Для удвоения заготовок крупного рогатого скота, а следовательно, и заготовок мяса и молока потребовался более длительный период...

В заключение следует подчеркнуть, что на протяжении всей войны сельское хозяйство, а точнее, крестьянство находилось в крайне тяжелом, все более напряженном, критическом состоянии.

В предыдущей книге отмечалось, что в конце двадцатых и на всем протяжении тридцатых годов Сталин считал, что именно крестьянство должно финансировать весьма капиталоемкий процесс индустриализации. В результате был нарушен ключевой баланс интересов и обмена продукцией между городом и деревней. Крестьянство

оскудело, возникли перебои в снабжении городского населения продовольственными продуктами, прежде всего, хлебом.

В период Отечественной войны ситуация повторилась, причем в наихудшем варианте. В тридцатые годы с помощью механизма продовольственной разверстки и грубых силовых приемов у крестьян забирали конечные продукты – зерно, мясо, молоко, овощи и так называемые технические культуры (сахарную свеклу, подсолнечник, лен, хлопок).

В военные годы деревню лишили главного звена ее производственной структуры – энергетических мощностей и трудоспособных мужчин, а также значительной части крестьянок. В 1942–1944 гг. производительные силы сельского хозяйства по сравнению с довоенным уровнем сократились больше чем в два раза, а государственные заготовки зерна только на 45 %, то есть давление механизма разверстки было еще выше, чем до войны. С формальной точки зрения такое давление не могли выдержать ни крестьяне (в первую очередь), ни механизм разверстки. Но факт остается фактом – они выдержали все. В этом заключается неразгаданный секрет нечеловеческой силы российского крестьянства – его сверхъестественной стойкости, терпения и умения адаптироваться к самой необычной обстановке.

Но было бы серьезной ошибкой думать, что, как в сказке Ершова, после того, как крестьянина окунули сначала в ледяную воду, а затем в кипяток, с ним ничего не случилось. Так в жизни не бывает. После войны прежний крестьянин не возродился. В деревне совсем мало осталось больших семей во главе со старательным и расчетливым хозяином. Но об этом в следующей книге.

4.2. Пищевая промышленность осталась без сырья

Продукция пищевой промышленности служит для удовлетворения ежедневных, неотложных потребностей людей. Пища – это не только главный источник энергии для человека, но и основной строительный материал для формирования его организма и здоровья. Если ее не хватает, жизнь угасает медленно и мучительно...

В то же время пищевая промышленность выступает только технологическим продолжением сельского хозяйства и очень во многом зависит от него. В обозримой перспективе они соединятся в сложный комплекс, конечной продукцией которого будет широкий ассортимент пищевых изделий, готовых или почти готовых для быстрого приготовления и потребления в домашних условиях.

Уже в довоенные годы в структуру пищевой промышленности входило около тридцати подотраслей, которые часто не имели нечего схожего между собой ни с точки зрения технологии, ни формы, ни содержания. Например, производства хлеба и колбасы, сахара и соли, рыбы и кондитерских изделий, спирта и мыла.

Однако в период военных лет у них стало значительно больше общего: практически все предприятия пищевой промышленности испытывали острый дефицит сырья, перебои с топливом, нехватку транспортных средств и квалифицированных кадров. Повсеместно отмечался большой износ оборудования. В то же время высокий неудовлетворенный спрос почти на все виды продукции пищевой промышленности объективно требовал от нее кратного увеличения выпуска продовольствия.

Пищевая промышленность, как и другие отрасли, серьезно пострадала от немецкой оккупации основных районов ее размещения. Перед войной заводы этой отрасли размещались главным образом в южных и центральных областях. Во время эвакуации вагоны и другой транспорт пищевикам предоставляли далеко не в первую очередь, как, кстати сказать, и сырье, топливо, а также производственные помещения на новых местах. Из 10,4 тысяч пищевых предприятий 5,5 тысяч оказались на оккупированной врагом территории[4.27]. Многие заводы находились в прифронтовой полосе, в зоне боев. Поэтому слишком часто подвергались артиллерийским обстрелам. Факт остается фактом: в первый же год войны пищевая промышленность потеряла 50 % своих энергетических мощностей и 40 % технологического оборудования[4.28]. И с обеспечением рабочей силой отрасль была не в лучшем положении по сравнению с теми, кто давал оружие или, скажем, металл.

Одним словом, трудностей хватало на всех, часто – сверх головы. Все же работники пищевой промышленности раскапывали выходы из, казалось, безнадежных положений, выискивая и используя дополнительные возможности и ресурсы для расширения производства продовольствия. Хотя и не досыта, но все же вместе с крестьянством пищевики каждый день кормили свыше сотни миллионов людей...

Преодолевать многочисленные трудности и дисбалансы помогало то обстоятельство, что перед войной удалось провести коренную реконструкцию нескольких сотен предприятий пищевой промышленности, укрупнить их, построить новые заводы, оборудованные

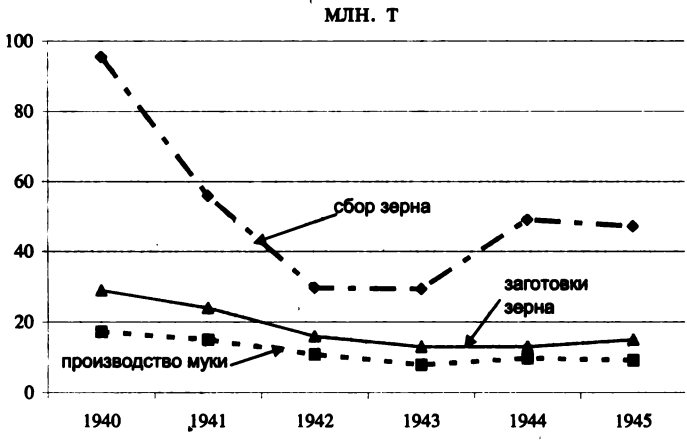
современными машинами и технологическими установками. Так, во многом заново были созданы механизированные хлебопекарни, маслоэкстракционная, консервная, холодильная, маргариновая, витаминная и другие специализированные производства пищевой промышленности. При этом ряд крупных заводов был построен в восточных регионах страны, в Средней Азии и Казахстане. В военные годы здесь, на базе кадров и оборудования эвакуированных предприятий, продолжалось довольно интенсивное расширение и строительство новых мощностей. В том числе вошли в строй 10 сахарных заводов, 16 маслобойных, 12 консервных, десятки мясокомбинатов и молочных заводов.

Многие предприятия получили задания освоить или расширить выпуск пищевых концентратов, консервов, сухарей и других продуктов длительного хранения, а также витаминов. Например, производство концентратов во второй половине 1941 года по сравнению с довоенным уровнем увеличилось в 2,5 раза.

Ассортимент продукции пищевой промышленности насчитывает тысячи наименований, но первое место среди них на Руси всегда занимал хлеб. Во время войны он стал основным источником калорий для горожан, и тот, кто пережил войну, знает, что это был самый вкусный продукт питания...

В 1940 году в составе *хлебопекарной промышленности* работало свыше 1100 хлебозаводов и механизированных пекарен общей мощностью 14,6 млн. тонн хлеба и булочных изделий в год. Фактически в том, еще мирном году было выпечено 13,7 млн. тонн [4.29]. Это было близко к точке равновесия между спросом и предложением хлеба на городских рынках. Иными словами, то, что удалось сделать в годы довоенных пятилеток по развитию современной технологической базы выпечки хлеба, было достаточно, чтобы накормить городское население и армию. Обвал произошел в слабом звене – сельском хозяйстве. Валовой сбор зерна и объем его заготовок лимитировали производство муки, а, следовательно, и выпечку хлеба.

Валовой сбор зерна, объем его заготовок и производство муки

Как видно из графика, объемы и динамика валовых сборов зерна предопределяли масштабы его заготовок. Поскольку в 1942 и 1943 годах сбор зерновых во всех категориях хозяйств сократился до трети довоенного уровня, его заготовки также скатились вниз. Если в 1940 году государственные органы сумели заготовить 36,4 млн. тонн зерна, то в 1942 и 1943 годах соответственно всего 12,4 и 12,3 млн. тонн, то есть почти в три раза меньше.

Немного медленнее сокращалось производство муки – сказалось все же использование сохранившихся остатков государственных резервов, накопленных с немалым трудом в тридцатые годы. Накануне войны производство муки достигло 29 млн. тонн. Через два года оно упало до 16 млн. тонн. В 1943 и 1944 годах снижение продолжалось (до 13 млн.), и лишь в 1945 году мукомолы чуть сдвинулись вверх – муки было произведено 15 млн. тонн[4.30]. Узкая сырьевая база предопределила и объемы выпечки хлеба. Самая низкая точка ее падения зафиксирована в 1944 году. В год Победы она составила всего 7,3 млн. тонн или 52,9 % от уровня 1940 года.

Накануне войны на душу городского населения в городах выпекалось 227 кг хлеба. В 1945 году этот показатель упал до 102 кг. Несмотря на укрупненный (средний) и приближенный характер этих цифр (значительную часть выпечки хлеба в городах скупали сельские жители), они свидетельствуют о том, что начиная с зимы 1942/43 года и до конца войны основная масса населения из-за недостатка хлеба и других продуктов голодала.

Стоит отметить, что только в первые дни войны каких-либо перебоев в свободной торговле хлебом и булочными изделиями не отмечалось. На этот факт указывает в своих воспоминаниях А. Микоян: «Что касается продовольствия, то в первый месяц войны не было каких-нибудь трудностей со снабжением армии и населения. Не следует забывать, что к началу войны в стране было достаточно продуктов питания. Магазины торговали свободно, по твердым ценам» [4.31]. Но внешнее благополучие оказалось обманчивым.

Уже на четвертый день после начала войны в Кремле у Н. Булганина, который в то время был заместителем председателя Совнаркома, состоялось совещание наркомов, а также ответственных работников Госплана. В повестке дня был один вопрос: о порядке перехода на нормированное снабжение населения. «Имевшиеся запасы продовольствия не могли обеспечить свободную продажу на длительный срок, а нехватка продуктов при открытой торговле неизбежно привела бы к спекуляции, очередям, падению дисциплины на производстве... Правительство решило без промедления ввести карточки, хотя и понимало, что в распределительной системе таилось немало отрицательных сторон».

Дискуссия возникла только вокруг размеров выдачи продуктов по карточкам и о сроках введения карточек в конкретных городах.

«Перед закрытием совещания Булганину принесли сводку о положении на фронтах. Он тут же прочитал ее, подошел к карте, висевшей на стене. Посмотрел, покачал головой и, обернувшись к нам, сказал:

– Немцы подошли к Минску. Город объят пламенем, от бомб погибло много жителей.

Это известие вызвало у нас чувство щемящей боли в груди» [4.32].

С 18 июля 1941 года, то есть на 26-й день после начала войны, жителей Москвы, Ленинграда, Московской и Ленинградской областей перевели на нормированное снабжение продовольствием. Вслед за ними на проторенную, но тем не менее очень узкую дорожку вступили жители других городов, республик и областей.

Численность населения на государственном снабжении хлебом [4.33]

млн. человек

Население	1942	1943	1944	1945
Всего	61,8	67,7	74,0	80,6
В том числе: городское	41,0	43,2	48,4	52,8
сельское	20,8	24,5	25,6	26,8

Сложилась весьма противоречивая ситуация: с каждым годом число лиц, нуждающихся в гарантированном снабжении хлебом по карточкам, росло как в городах, так и в сельской местности. А в это же время централизованные ресурсы муки и хлеба быстро таяли. Приходилось задерживать выдачу хлеба и других продуктов в одних регионах, чтобы обеспечить реализацию карточек в крупных городах и промышленных центрах. Естественно, это вызывало недовольство населения, интересы которого ущемлялись.

Радикальное «решение» хлебной проблемы искали в том, чтобы снизить дневные нормы карточного снабжения. В городах они были разными для трех основных категорий населения: работающих, иждивенцев и детей. Поначалу владелец рабочей карточки получал 800 граммов хлеба на день. В 1942 году эту норму пришлось урезать до 600 граммов, что явно не хватало для того, чтобы восстановить силы и заглушить внутренние сигналы обыкновенного чувства голода.

Особенно трудным и трагичным было положение с хлебным снабжением населения и воинских частей в осажденном Ленинграде. К середине сентября 1941 года жесткий ошейник блокады замкнулся вокруг сражающегося города. Связь с Большой землей можно было поддерживать лишь по воздуху, либо по воде (зимой по льду) Ладоги. Трудно объяснить, почему Ленинград по запасам продовольствия оказался в худшем положении, чем страна в среднем. По данным уполномоченного ГКО Д. Павлова, еще до войны в стране были созданы запасы продовольствия, примерно в размере четырех-шестимесячной потребности Красной Армии. В осажденном Ленинграде, где находилась главная база Балтийского флота, на 12 сентября 1941 года имелось запасов: муки и зерна – на 35 дней, крупы и макарон – на 30 дней, мяса – на 33 дня, жиров – на 45 дней, сахара – на 60 дней [4.34].

А на дворе была уже осень. Еще пару месяцев и движение по Ладоге станет невозможным. Как и чем в таких условиях кормить население и солдат на фронте? Решение принимается быстрое и «простое» – сократить нормы выдачи продуктов по карточкам. С 12 сентября рабочие стали получать по 500 г хлеба в день, служащие и дети – по 300, иждивенцы – по 250 граммов [4.35].

Лиха беда – начало. Нерегулярные поступления продовольствия в окруженный врагами город не возмещали его расходы. В ноябре пятый раз сокращаются нормы выдачи хлеба. С этого дня рабочая пайка уменьшилась до 250 граммов. Служащие, иждивенцы и дети стали получать 125 граммов. Довольствие воинов первой линии и личного состава боевых кораблей составляло

500 граммов хлеба в день. Солдаты остальных частей получали еще меньше – 300 граммов.

Резкое ухудшение питания пагубно сказалось на здоровье и работоспособности людей. К тому же подошли холода. Жилые дома не отапливались. Счастье, если удавалось поставить «буржуйку» и было, чем ее топить...Дома отдохнуть удавалось далеко не всегда: «Сбрасываю одежду, ложусь, вытянув тяжелые ноги. Несмотря на холод, сон налетает мгновенно, но беспрестанно прерывается. Утром едва-едва поднимаюсь. Ночь не восстановила силы. На работу прихожу усталый, и сразу к токарному станку. Нужна сила, а где ее взять? Питание становится все хуже и хуже...» [4.36].

Одинокая, больная женщина рассказывает о своем существовании: «В январе я стала слабеть от голода, больше лежала. Мой муж Михаил Кузьмич работал в строительном тресте бухгалтером. Он был тоже плох, но все же каждый день ходил на службу. По дороге заходил в магазин, получал на обе карточки хлеб и поздно вечером возвращался домой. Хлеб я делила на три части, и в определенное время дня мы съедали по кусочку, запивая чаем. Воду согревали на «буржуйке», по очереди жгли стулья, шкаф, книги.

С нетерпением ждала я вечернего часа, когда муж приходил с работы. Снимала с него одежду и укладывала в кровать. Миша тихо рассказывал, кто умер из наших знакомых, кто тяжело болен, можно ли обменять что-нибудь из вещей на хлеб. Незаметно я подкладывала ему кусочек хлеба, что побольше. Если он замечал, то очень сердился и отказывался есть совсем...

11 января Миша не вернулся домой. Не находя себе места, я всю ночь прождала его, а на рассвете попросила соседку по квартире Екатерину Малинину помочь мне найти Мишу... После долгих исканий мы нашли его во дворе старого дома. В бесформенной груде трупов я увидела, скорее, узнала знакомое пальто и связанный мною шарф. Все во мне окаменело. Плакать не могла. Опустилась на колени и припала к мерзлому телу мужа. Долго не могла подняться. Мне сказали, что Михаила Кузьмича нашли мертвым на тротуаре. На руке у него были часы и в кармане двести рублей. «А карточки?» – спросила я. Карточек не нашли. Где и как они пропали, неизвестно. Усадила меня Катюша в саночки и повезла к дому. Я ничего не замечала. Перед глазами неотступно стоял Миша, а сердце точила боль. Как попала домой, сколько пролежала без сознания, не помню. Когда пришла в себя, увидела сидящую у моих ног соседку Катюшу. Она ухаживала за мною. Свой паек делила пополам, а я ведь ей чужой человек...» [4.36].

На начало блокады в Ленинграде насчитывалось около трех миллионов жителей. Перед прорывом блокады, в конце 1943 года оставалось 600 тысяч. Всего с 23 июня 1941 года по 1 апреля 1943 года из города удалось вывести 1 743 тысячи человек. От голода за два года умерло 642 тысячи, то есть больше, чем осталось к концу блокады [4.37]...

В городе в то время работало 14 хлебопекарен. Изменить положение с хлебом практически они уже не могли – не было ни зерна, ни муки...

Примерно в такой же ситуации оказались мясокомбинаты не только в Ленинграде, но и во всей стране: мощности *мясной промышленности* простаивали из-за отсутствия сырья и перебоев с транспортом. Еще накануне войны в России было завершено строительство ряда крупных мясокомбинатов, оснащенных самым современным оборудованием и емкими холодильниками, в том числе в Москве, Ленинграде, Баку, Свердловске, Куйбышеве и ряде других городов, где проживали десятки и сотни тысяч жителей. Такое размещение мясной, по своей сущности перерабатывающей промышленности, экономически вряд ли оправдано. Скот приходилось перегонять «своим ходом» или перевозить по железной дороге на большие расстояния. При этом кормили и поили его нерегулярно, что, в свою очередь, приводило к потерям «живого веса» и снижению качества конечной продукции. Выбор такой модели размещения мясной промышленности можно объяснить тем, что местные деревенские жители, возбужденные несправедливостью «заготовок» скота (или зерна), на другой день собирались в бушующую толпу и иногда силой разбирали по домам своих буренок и бычков. Поэтому заготовители стремились как можно скорее отправить живое «государственное добро» подальше от сельских жителей – на городские мясокомбинаты.

Во второй половине тридцатых годов такие стихийные выступления в деревнях практически прекратились, и строительство новых мощностей мясной промышленности стало перемещаться в сельскую глубинку, поближе к полям, где скот нагуливал свой вес.

Война потребовала определенной перестройки мясной промышленности. Во-первых, резко сократилась ее сырьевая база:

Поголовье продуктивного скота в годы войны [4.38]
по всем категориям хозяйств, млн. голов, на конец года

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
КРС	54,5	31,4	28,4	33,9	44,2	47,4
Свиньи	27,5	8,2	6,0	5,6	8,8	10,5
Овцы и козы	91,6	70,6	61,8	63,3	70,2	69,9

Последний предвоенный 1940 год дал большой прирост стада как крупного рогатого скота, так и свиней, овец и коз. Это в значительной степени связано с присоединением к СССР Прибалтийских республик, а также новых районов Украины, Белоруссии и Молдавии. В следующем году все эти территории оказались под оккупацией германских войск. Причем потери оказались большими, и крестьянству страны не удалось сохранить поголовье скота на уровне начала 1940 года. Стоит отметить также, что даже к концу 1940 года СССР все еще не преодолел последствий непродуманной коллективизации. Показатели поголовья скота 1928 года оставались недостигнутыми: по крупному рогатому скоту это было 60,1 млн. голов, по свиньям −22 млн. (в границах 1940 г. − 27,7 млн.), по овцам и козам − 107 млн. Иными словами, в течение 12 лет перед войной в аграрном секторе развивался процесс не *создания,* а *разрушения фундамента производства продовольствия. Война нанесла еще несколько сильных ударов по сельскому хозяйству и ускорила процесс его развала.*

Потери первого периода войны начали возмещаться по крупному рогатому скоту, овцам и козам только в 1943 году, по свиньям − в 1944. Но даже в 1945 году довоенный уровень, не говоря уже о показателях 1928 года, достигнут не был. Это, в свою очередь, напрямую повлияло на заготовки сырья и объемы производства мясных и молочных продуктов.

Заготовки продуктов животноводства [4.39]
млн.тонн, за календарный год

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Скот и птица*	2,0	1,5	1,2	1,2	1,0	1,25
Молочные продукты**	6,5	5,3	2,9	2,4	2,6	2,9

* В живом весе.
** Молочные продукты в пересчете на молоко.

Заготовки скота и молока в 1942 году по сравнению с довоенным уровнем сократились примерно в два раза. Их так и не удалось восстановить до конца войны. Слишком много было переломано, потеряно и вышло из-под контроля центральных органов власти. Пищевая промышленность все это хорошо чувствовала на себе.

Производство мяса, рыбы и консервов [4.40]
млн. тонн, без производства колхозов

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Мясо	1,5	1,2	0,7	0,6	0,5	0,7
Консервы*	1112,8	926,1	484,6	546,1	556,6	558,1
Улов рыбы	1,4	1,3	1,0	1,2	1,24	1,13

* Млн. условных банок.

Производство мяса сократилось до такого низкого уровня, что рядовые горожане его купить не могли, хотя и имели на руках специальные «мясные» карточки. В лучшем случае их «отоваривали» селедкой. Приоритет в снабжении мясом имели фронтовики. Возникла проблема длительного хранения и транспортировки мясных продуктов иногда на расстояния, измеряемые несколькими тысячами километров. Для таких перевозок мясо нужно было специально обрабатывать. С этой целью на мясокомбинатах Орска, Улан-Уде, Алма-Аты были пущены консервные заводы. Логично, что мясные консервы поступали, главным образом, в действующую армию, пока в крупных масштабах не начались поставки по ленд-лизу американской тушенки.

Другое новшество подсказала практика. В период быстрого отступления Красной Армии осенью 1941 года в прифронтовой полосе нередко скапливались большие стада скота, которые сначала пытались эвакуировать. Однако обстановка менялась так стремительно, что назначенные пастухи часто не знали, куда им двигаться, кого слушаться. Между тем в это же время продовольственное снабжение отступающих частей было нарушено. Сражающие части иногда несколько дней не получали горячей пищи, в том числе мясной. Тогда-то и возникла идея организовать на месте эвакуированных мясокомбинатов полевые, передвижные предприятия по забою и первичной переработке скота. Первый такой комбинат был запущен в августе 41-го в Брянске. Затем такие предприятия появились в Рязанской и Тульской областях. В мае 1942 года полевые мясокомбинаты функционировали уже на всех фронтах. Их работой руководили специализированные конторы тыловых служб и Отдел ветеринарной

службы Наркомата мясной и молочной промышленности. Поскольку целесообразность создания такой системы подтвердили полезные результаты – за счет «дикого» скота они вырабатывали для сражающихся частей мясные, колбасные и другие изделия. Часть молодняка удалось отобрать и сохранить на будущее – для восстановления животноводства на освобожденных территориях.

На некоторых мясокомбинатах создавались специальные цехи по выпуску медицинских препаратов, в том числе пенициллина. Рядом, в своеобразных цехах ширпотреба обрабатывали сырые шкуры, шили шубные овчины, меховую обувь, телогрейки, шапки и другую зимнюю одежду[4.41].

Вот так инициативно, находя решение проблем в неожиданных для самих себя местах, работники мясной промышленности в условиях хронического дефицита сырья, топлива и кадров стойко продержались до победного часа.

Рыбная промышленность в этом отношении находилась в лучшем положении: весь период войны она имела устойчивую и достаточно емкую сырьевую базу как в открытых морях, так и во внутренних водоемах.

Динамика добычи рыбы в СССР [4.42]

млн. тонн

Бассейны	1913	1930	1940	1945
Общий улов	10,5	12,8	14,0	11,3
Внутренние водоемы	9,1	9,0	8,6	7,1
% от общего улова	86,7	70,4	61,6	73,0
Каспийский	6,6	6,0	3,5	3,2
% от общего улова	63,0	47,1	25,0	62,8
Азово-Черноморский	0,7	1,5	2,4	1,2
% от общего улова	0,7	1,1	1,7	1,1
Открытые моря	1,4	3,8	5,4	4,2
% от общего улова	13,3	29,6	38,4	37,2
Северный	0,3	0,8	2,2	0,9
% от общего улова	3,0	5,9	15,5	8,4
Дальневосточный	1,1	3,0	3,2	3,2
% от общего улова	10,2	23,1	22,9	28,6

Из данных таблицы следует отметить две качественные особенности развития рыбной промышленности России накануне и во время Отечественной войны. Во-первых, выход советских моряков за рыбой в открытые моря. Это стало возможным, прежде всего, благодаря технической реконструкции рыболовецкого флота и, во-вторых, вследствие увеличения в период войны удельного веса

Каспийского и Дальневосточного бассейнов в общем объеме улова рыбы.

Начиная с 1942 года был принят комплекс мер для увеличения улова рыбы в местных водоемах и бассейнах крупных рек. В частности, в Сибири были созданы новые рыбные тресты и колхозы, моторно-рыболовецкие станции. В неосвоенных районах создавались специализированные рыбацкие рабочие поселки. Это позволило, например, в Сибири в 1943 году выловить рыбы в три раза больше по сравнению с довоенным уровнем [4.43].

При этом низкие железнодорожные тарифы на перевозку рыбы (рентабельные, то есть выгодные, и для транспортников) позволяли в массовых масштабах поставлять мороженную и соленую рыбу (дальневосточную селедку) в Европейскую часть страны. Это в значительной степени решало проблему обогащения питания людей белком. Стоит напомнить, что вес выловленной рыбы на протяжении всего периода войны превышал общий вес мяса, изготовленного пищевой промышленностью, в том числе в 1943 и 1944 годах это превышение было больше чем в два раза.

Большая прореха в продовольственном балансе страны в конце войны образовалась в связи с масштабными сбоями в работе одного из крупнейших производств пищевой промышленности – *маслобойном*. Если в 1940 году выработка растительного масла в СССР достигло 798 тысяч тонн, то в 1945 году – почти в три раза меньше. Важнейший продукт питания населения стал остродефицитным. Первопричина – нехватка сырья.

Сбор и заготовки подсолнечника, производство растительного масла [4.44]
без производства масла колхозами, тыс. тонн

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Валовой сбор	2636	909	283	784	1012	843
Заготовки	1500	478	128	412	560	490
Производство масла	798	685	253	215	238	292

Наиболее сильный, разрушительный удар по масложировой промышленности был нанесен в 1942 году, когда немецкие войска захватили всю Украину, Нижний Дон и Северный Кавказ – главные районы по выращиванию и переработке подсолнечника. При этом валовой сбор подсолнечника по сравнению с довоенным уровнем сократился больше чем в 9 раз, а его заготовки уменьшились в 12 раз. Производство стойко держалось. Используя

имевшиеся запасы семян, оно снизило выпуск растительного масла всего в 3 раза. В следующем году, когда значительная часть южных районов была очищена от оккупантов, валовой сбор и заготовки подсолнечника значительно расширились, однако производство масла продолжало падать. Дело в том, что на современных масложировых комбинатах, оснащенных сложным оборудованием, многие установки вышли из строя во время проходивших здесь боев. Запасных частей не было. Поэтому даже при наличии сырья на некоторых заводах не могли начать его переработку, поскольку технологическая цепочка нередко в нескольких местах была порвана и ремонтировать ее было нечем, да и некому. В 1943 году, например, было введено в строй лишь 28 маслобойных заводов (из 100 разрушенных).

В преодолении дефицита растительного масла частично выручали успехи хлопкоробов Средней Азии, которые обеспечивая сырьем текстильную промышленность, одновременно получали отличное по качеству хлопковое масло. На Дальнем Востоке научились собирать приличные урожаи сои и вырабатывать богатое белком соевое масло.

С середины 1944 года началось строительство новых масложировых комбинатов, оборудованных, как правило, мощным экстракционным оборудованием, позволяющим извлекать из семян почти все содержащееся в них масло. Проекты многих строящихся комбинатов предусматривали также создание в их структуре мыловаренных заводов[4.45]. Дело в том, что мыло относится к числу предметов первой необходимости для человека.

В городах и поселках, где были размещены эвакуированные предприятия, люди жили крайне скученно. Как правило, никакого душа, чтобы хотя бы раз в неделю можно было помыться, в жилых помещениях не было. А потребность в этом ощущалась очень большая, к тому же объективного характера. Когда говорят, что люди в годы войны почти постоянно испытывали чувство голода, а зимой – и холода, это верно. Но к этому же надо добавить и потребность помыться целиком, с головы до ног, горячей водой, с мылом, с мочалкой... Чтобы попасть в баню, то есть к горячей воде, приходилось простаивать в очереди несколько часов. А мыло нужно было достать заранее. В 1942 и 1943 гг. его производство составляло соответственно 35 и 29 % по отношению к довоенному уровню. Поэтому оно стало таким же дефицитом, как и хлеб, сахар или селедка. На рынке это были взаимозаменяемые товары-деньги. Отсюда понятно, почему пищевой промышленности вменяли в обязанность увеличивать производство мыла для населения.

Сахарная промышленность и перед войной представляла собой одну из самых крупных и технологически весьма сложных отраслей пищевой промышленности. Размещалась она преимущественно на Украине, в областях, специализировавшихся на выращивании сахарной свеклы. Это была одна из самых трудоемких, достаточно капризных сельскохозяйственных культур, требовавшая к себе постоянного внимания и крупных вложений труда и капитала.

Война нанесла сахарной промышленности тяжелые удары с двух сторон. Первый разрушительный удар пришелся по производственной базе. Особенно пострадали 190 сахарных заводов, находившихся в районах временной оккупации. Из них 43 завода были разрушены полностью. Все опытно-селекционные станции и несколько сахарных заводов эвакуировали в восточные районы: Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Западную Сибирь. Но требовалось еще время для подготовки земли под посевы сахарной свеклы на новых местах, где климат и другие условия были иными, чем на Украине[4.46]. Другой удар был не менее опасным – по сырьевой базе: в три раза сократились посевные площади под сахарную свеклу. Снизилась ее урожайность. В таких условиях не могли не уменьшиться заготовки сырья.

Валовой сбор и заготовки свеклы (фабричной), производство сахара-песка [4.47]

млн. тонн

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Валовой сбор	18,0	1,9	2,1	1,3	4,1	5,5
Заготовки свеклы	17,3	1,7	1,5	1,0	3,4	4,7
Выпуск сахара*	2,2	0,5	0,1	0,1	0,2	0,5

* Сахар-песок

Пожалуй, ни одна отрасль промышленности не переживала такого глубокого падения и так долго не могла выбраться из обвала, как это произошло с сахарной промышленностью. Производство сахара-песка в течение двух лет упало более чем в двадцать раз и так и не смогло подняться на ноги до конца войны. Многие заводы, выпускавшие оборудование для пищевой промышленности, были разрушены, а денег для их восстановления не хватало. Но все же главная причина трудностей была связана с состоянием сельского хозяйства: в 1943 году, уже после Курской битвы, было собрано всего 1,3 млн. тонн сладкого корня, из них заготовили только 1 миллион и произвели сахара лишь 100 тысяч тонн.

Это свидетельствовало о полном крушении всей системы интересов, организации и технологии собственного изготовления сахара на Украине и в России. И восстанавливали отрасль долго и мучительно, как тяжело раненого солдата.

Рассматривая проблемы производства продовольствия в тяжелый период Отечественной войны, нельзя не коснуться индивидуального огородничества рабочих и служащих, которое сыграло важную роль в напряженной борьбе населения с голодом. Прежде всего, надо отметить его массовый характер. Еще до войны каждый четвертый рабочий и служащий считал целесообразным иметь «свою» картошку, а уж в военное время – без нее и не выживешь...

Индивидуальное и коллективное огородничество рабочих и служащих [4.48]
количество рабочих и служащих, имевших посевы

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
млн. человек	8,1	6,4	7,8	11,9	16,5	18,0
% от общего числа	26,0	23,0	41,3	61,3	70,0	65,0

В гражданскую войну многие рабочие и служащие, спасаясь от голода, переезжали жить в деревню, поближе к земле. В Отечественную – они брали себе за городом небольшой участок земли, обрабатывали его и сажали чаще всего картофель (80–85 % площади), а также немного капусты, свеклы, моркови и лука. Это было серьезное подспорье для семьи. Не случайно в 1943–1945 гг. примерно две трети горожан имели свои (!) огороды. Да и для государства такой вариант был весьма эффективным. Во второй половине военного времени индивидуальные огороды давали 10–12 % общего сбора картофеля и овощей, а вместе с приусадебными хозяйствами крестьян – свыше половины валового урожая этих ценных продуктов питания.

Умные руководители городских предприятий и учреждений старались помочь «огородникам» транспортом, семенами. Если была возможность, посылали трактор весной – вспахать землю, особенно целину, осенью – вывезти урожай.

Кроме того, широкое распространение получила практика создания подсобных хозяйств промышленных предприятий в сельской местности. Их основная функция – обеспечить заводские столовые картофелем, овощами, молоком, иногда и мясом, с тем чтобы работник мог получить горячий обед без карточек, дополнительно. Там, где

такая система функционировала, можно было и жить, и работать по 10-11 часов. Где ее не было, получался ленинградский вариант...

Стоит отметить также, что подсобные продовольственные хозяйства в конце 1942 года были созданы и при крупных воинских соединениях. С такой инициативой выступил Д. Павлов, который к этому времени был назначен начальником главка продовольственного снабжения Красной Армии. Сначала он доложил об этом начальнику тыла А. Хрулеву. Тот одобрил инициативу, но решить вопрос самостоятельно, без согласия Сталина не отважился.

«Сталин принял нас у себя в кабинете. Когда мы вошли, он ходил вдоль большого стола, на котором были разложены карты различных масштабов с обозначением расположения наших войск и войск противника. А. Хрулев доложил, что предлагаются меры по созданию подсобных хозяйств в войсковых частях. Если их осуществить, то поставки картофеля и овощей армии можно будет уменьшить по государственному плану.

Сталин молчал какое-то время, и мне показалось, что наше предложение не встретило у него поддержки.

– Что это за меры? – спросил он.

Я кратко доложил их суть, указав, что можно получить значительное количество овощей вблизи фронтов, используя пустующие земли. Такая мера позволит полностью обеспечить войска картофелем и овощами, высвободить многие тысячи вагонов, используемых для их перевозки из глубинных районов страны.

– А сколько овощей и картофеля требуется армии в год? – спросил Сталин, пристально посмотрев на меня.

– Около трех миллионов тонн, – ответил я.

Он покачал головой, видимо, эта цифра его удивила, закурил трубку, прошелся и, остановившись против нас, спросил:

– Как много бойцов отвлекут подсобные хозяйства от их прямых задач бить врага?

– Ограничимся тыловыми частями, – ответил А. Хрулев.

– Хорошо, действуйте, но без ущерба для боевых действий. Это главное. Все остальное, хотя и важно, но имеет подчиненное значение» [4.49].

Хрулев своим приказом довел задания по созданию подсобных хозяйств до каждого фронта, армии, округа. В 1942 году было образовано 350 таких хозяйств. Еще через год – 2253. В 1944 году их имелось уже 3089. За эти три года они собрали соответственно 292 тысячи, 916 тысяч и 964 тысячи тонн картофеля и овощей. В последние два года они покрывали примерно 25 % потребностей армии

в этих продуктах. Кроме того, такие хозяйства поставляли молоко и мясо в госпитали, а также в батальоны, где раненые солдаты проходили реабилитацию после лечения.

По мере продвижения войск на запад подсобные хозяйства с постройками, инвентарем, скотом и семенами передавались местным органам власти. На новом месте дислокаций армий они создавались вновь[4.50].

4.3. Легкая промышленность работает для фронта

В легкой промышленности перед войной было занято 2 237 тысяч человек – каждый пятый работник промышленности. Они одевали и обували многомиллионное население страны. На моду не очень обращали внимание. Главное – чтобы одежда и обувь были удобными, прочными и доступными по цене. Большинство молодежи одевалось просто и со вкусом, если, конечно, обладало этим даром.

Война все поломала и смяла. Легкая промышленность, особенно в начальный период, оказалась в самом тяжелом положении среди всех других отраслей. Вышли из строя 75 фабрик по производству трикотажных изделий, 150 предприятий по производству кожаной обуви[4.51]. Положение усугублялось тем, что предприятия, перебазированные на восток, слишком медленно восстанавливались на новых местах. Всего было эвакуировано примерно 350 объектов легкой промышленности. Из 150 текстильных фабрик более 40 направили в Среднюю Азию и Казахстан, 35 – в районы Урала и Западной Сибири, 15 – в районы Поволжья. Их пуск на новых местах проходил с трудностями и растянулся на более длительные сроки, чем в других отраслях. Вне очереди проходили заводы оборонной промышленности, металлургии, энергетики, нефтяной. В государственный график восстановления легкой промышленности на 1941 год была включена только одна треть предприятий, перебазированных на восток. В 1942 году в эксплуатацию удалось ввести всего 35 предприятий[4.52].

Если объем валовой продукции промышленности, в целом, в 1945 году по сравнению с довоенным показателем составлял 92 %, в том числе по машиностроению – 131 %, то в легкой промышленности объем выпуска продукции снизился до 62 %, в том числе по хлопчатобумажному производству до 41 % и шерстяному – до 42 %[4.53].

Только фабрики и заводы, выполнявшие военные заказы, а это – пошив шинелей, гимнастерок и брюк, а также белья, работали в две

смены. А гражданское население, считали некоторые руководители, имеет возможность донашивать старую одежду и обувь...Это было неверное мнение, поскольку десятки миллионов людей эвакуировались в летнее время, к тому же в спешке. Надеялись к зиме вернуться домой. Поэтому теплые вещи с собой не брали. А реальные события развивались по другому сценарию. Особенно в трудном положении оказались семьи с детьми. Ни пальто, ни теплой обуви не было. И в магазинах их не найдешь...

Относительно быстро вступали в строй обувные и швейные фабрики. При наличии швейных и специальных машин, прибывших по планам эвакуации, чтобы начать выпуск продукции дополнительных затрат требовалось немного. Были бы рабочие и сырье. Например, в начале 1942 года удалось производительно использовать 85 % перебазированного швейного оборудования. В 1943 году из 200 эвакуированных фабрик легкой промышленности (без текстильных) начали работать свыше 150 [4.54]. Восстановление текстильных мощностей происходило труднее и медленнее.

Производство тканей во время войны [4.55]
млн. погонных метров

Ткани	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Хлопчатобумажные	3953,8	3824,1	1643,5	1634,7	1778,6	1616,5
Шерстяные	119,7	93,8	45,0	48,9	52,4	53,6
Шелковые	77,3	66,1	30,1	36,0	38,4	36,4
Льняные	285,5	245,7	74,2	84,4	91,1	106,4

В *текстильной промышленности* наиболее крупным было производство хлопчатобумажных тканей. В 1942 году оно сократилось по сравнению с довоенными показателями больше чем в два раза. Затем устойчиво держалось на этом, относительно невысоком уровне до конца войны. Необходимый объем производства тканей на 9/10 обеспечивали российские ткачихи, умелые и неприхотливые к условиям труда как типичные представители крестьянок России. Но и больше тканей выпускать они не могли, поскольку текстильная промышленность на пером этапе войны из 9,9 млн. прядильных веретен потеряла около 3 миллионов. До конца войны восстановили только 0,9 млн. веретен. За то же время из 235 тысяч ткацких станков выбыло 45 тысяч. Поэтому в течение четырех лет выпуск хлопчатобумажных тканей держался около отметки 40 % довоенного уровня. Это был минимум для выполнения заказов действующей

армии, едва обеспеченный заготовками хлопка-сырца, объем которых, в свою очередь, сократился вдвое.

Шерстяные ткани, выпуск которых также уменьшился примерно в два раза, использовались, в основном, для пошива солдатских шинелей. В этот период сократилось поголовье овец, особенно тонкорунных. Закономерно, что снизились и заготовки шерсти в сельском хозяйстве. Однако не настолько, чтобы лимитировать выпуск главного элемента одежды бойца – суконной шинели, с помощью который он мог в неблагоприятных погодных условиях сохранить для себя хотя бы минимум тепла, а значит, и солдатского уюта.

Выпуск шелковых тканей упал в 1942 году до 39 % довоенного объема, в основном в связи с тем, что некоторые предприятия по их производству перешли на изготовление сырья для взрывчатых веществ.

Самым крутым (до 4-х раз) было падение выпуска льняных тканей, главным производителем которых был Северо-Запад России. Ожесточенные бои осенью и зимой сорок первого опустошили эти земли настолько, что они до сих пор не могут возродить былую мировую славу русских льняных тканей.

Для ускорения восстановительных работ в текстильной промышленности Совнарком принял ряд крупных мер, направленных в первую очередь на то, чтобы максимально активизировать человеческий фактор: была повышена заработная плата рабочим и инженерно-техническим работникам отрасли, улучшено их продовольственное снабжение. Поскольку часть оборудования простаивала из-за некомплекта производственного персонала и отсутствия запасных частей, сюда в организованном порядке была привлечена рабочая сила из других отраслей. Улучшили систему повышения квалификации имеющихся кадров. Довольно быстро наладили производство запасных частей к технологическому оборудованию. Для текстильных фабрик выделили дополнительные лимиты электроэнергии и топлива. Все это позволило уже в 1943 и, особенно, в 1944 году вызвать реальные импульсы обновления и некоторого ускорения в развитии текстильной промышленности.

Швейная промышленность – единственная из «легких» отраслей, которая несмотря на общие для всех трудности, связанные с перебоями в поставках сырья и топлива, высокой степенью износа оборудования и нехватки квалифицированных кадров, сумела в 1945 году превзойти довоенный уровень на 3 %. Немного, конечно, но все же рост, а не снижение. Этим успехом швейная промышленность обязана швеям-женщинам, которые напряженным

трудом в непростых условиях ежегодно четко выполняли военные заказы по пошиву многих миллионов хлопчатобумажных гимнастерок и брюк. Это позволило за весь период войны 4 раза сменить обмундирование фронтовиков на новое.

Достигнутый успех опирался на ряд факторов, которые швейники умело использовали. Прежде всего, массовый и стабильный характер заказа позволил найти оптимальные формы и методы организации производства. Так, при заготовке деталей будущей гимнастерки широко использовались лекала и специальные раскладки, что создавало дополнительные возможности экономии материалов. Новые методы раскроя только в 1943 году позволили высвободить из производства такое количество хлопчатобумажных и шерстяных тканей, из которых пошили 250 тысяч комплектов летнего обмундирования и около 160 тысяч шинелей [4.56].

Массовый пошив шинелей затруднялся тем, что их производство было разбросано по многим небольшим, старым суконным фабрикам в Тамбовской, Ульяновской и ряде других центральных областях. Многие из них находились вдалеке от железных дорог, в глубинке. Поэтому сукно и другие материалы приходилось перевозить на лошадях, которых тоже не хватало. Уголь для таких фабрик стремились «забросить» до наступления распутицы, ну а готовые шинели военные обычно вывозили сами...

Заметный прирост производительности труда в швейной промышленности дало внедрение новых и модернизированных конвейеров с механической транспортировкой сырья и полуфабрикатов. Такое оборудование служило каркасом для формирования оптимальных технологических потоков в масштабе цеха или всей фабрики. Это, в свою очередь, ускоряло производственный цикл, высвобождало часть оборудования и заводских площадей, увеличивало выпуск конечной продукции.

В *трикотажной промышленности* обстановка была более сложной.

Производство трикотажных изделий [4.57]

млн. штук (пар)

Изделие	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Верхний трикотаж	58,6	-	-	-	-	23,4
Бельевой трикотаж	124,4	-	-	80,5*	-	26,6
Чулки-носки	485,4	405,1	86,6	87,8	90,5	91,0

* Только местная промышленность и промкооперация РФ.

Наши специалисты еще до войны недооценили экономическую и социальную эффективность трикотажной промышленности. Ошибки, если на них не учатся, неизбежно повторяются. Так случилось и в годы войны. Отсутствие внимания со стороны Госплана и Наркомата легкой промышленности к производству трикотажных изделий привело к инфаркту в этой отрасли. Статистики постарались скрыть от общественности этот факт, и до сих пор не раскрывают «секретных» данных. Остались только «выходные» следы: производство верхнего трикотажа даже в 1945 году все еще в 2,5 раза было ниже довоенного уровня, а выпуск бельевого трикотажа – почти в 5 раз. Как говорится, дополнительных комментариев не требуется.

Особое, относительно самостоятельное место в легкой промышленности занимала и занимает сейчас *кожевенная и обувная* отрасль. Ее предприятия также сильно пострадали во время войны. На территории, которая подверглась оккупации в 1940 году, было изготовлено 76,6 млн. пар кожаной обуви. В 1944 году после освобождения этих территорий – только 5,4 млн., еще через год – 8,7 млн. пар[4.58]. Всего было потеряно за этот период 160 фабрик, которые раньше выпускали кожаную обувь.

В то же время для армии потребовались десятки миллионов пар солдатских кирзовых сапог и ботинок. Для этих массовых производств пришлось пускать специальные конвейерные линии. Показательно, что среднегодовой ввод новых мощностей в обувной промышленности за военное время увеличился до 11,1 млн. пар, что почти в два раза превысило соответствующие показатели третьей пятилетки[4.59].

Выпуск обуви в годы войны [4.60]

млн. пар

Обувь	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Кожаная	211,0	157,7	52,7	55,8	67,4	63,1
Резиновая	69,7	-	-	-	-	15,1
Валяная	17,9	-	12,4 *	-	-	13,3

* Только предприятия местной промышленности РФ.

Производство кожаной обуви, как и продукции всей легкой промышленности, особенно резко сократилось в 1942 году в связи с потерей территорий, где были расположены основные обувные фабрики и комбинаты. После освобождения этих территорий к восстановлению разрушенных предприятий подходили выборочно, так как ни материальных, ни трудовых ресурсов не хватало для

одновременного осуществления огромных по масштабам работ по возрождению из руин всех нужных и полезных заводов, фабрик, электростанций и других объектов производственной и социальной инфраструктуры.

Производство резиновой обуви резко сократилось в связи с дефицитом сырья: практически весь прирост производства синтетического каучука использовался для того, чтобы «обуть» в резину пушки, автомобили и другую боевую технику.

Валяную обувь в основном изготовляли предприятия местной промышленности и артели промкооперации.

Стоит подчеркнуть, что такие предприятия сыграли очень важную роль в заполнении того вакуума на рынке товаров широкого потребления, который образовался в период войны в связи с тем, что предприятия легкой промышленности почти целиком были загружены выполнением заказов для армии. Местная промышленность в это время была поставлена в крайне неблагоприятные условия (в благоприятных условиях она никогда не работала). Лучшие производственные площади вместе с оборудованием она передала для размещения эвакуированных предприятий. Сырье и топливо, если для нее и выделяли(что случалось редко), то только в последнюю очередь. Крепких мужчин и женщин, транспорт и лошадей мобилизовали в армию и для работы на оборонных предприятиях. Тем не менее, что возможно лишь в России, местная промышленность и артели промысловой кооперации не только выжили, но после небольшого замешательства начали быстро расти и расширяться.

Перед войной в Российской Федерации насчитывалось свыше 100 тысяч предприятий местной промышленности и десятки тысяч артелей промкооперации. Для их эвакуации из районов, которым грозила оккупация, вагонов не хватило. Поэтому в 1942 году валовая продукция местной промышленности сократилась по сравнению с довоенным объемом на 29 %, а промкооперации – на 60 %. Одновременно началась их быстрая адаптация к изменившимся условиям. Для действующей армии потребовались сотни жизненно необходимых предметов, которые «солидные» предприятия не производили. Их пришлось срочно осваивать местной промышленности, которая изготовила для армии миллионы лопат, ломов, другого инвентаря. Здесь научились делать окопные печи и полевые кухни, армейские котелки и ложки, шили телогрейки и головные уборы. Изготовили 23,6 млн. пар кожаной обуви, 38 млн. гимнастерок и свыше 22 млн. шинелей [4.61].

Кроме того, предприятия местной промышленности выпускали понтоны и другое инженерное имущество, санитарное оборудование, звукоуловители, боеприпасы, средства связи и другие нужные изделия. И все же их главная задача и функция состояла в том, чтобы из «ничего» делать дефицитные товары для населения, прежде всего предметы домашнего обихода и крестьянского инвентаря для работы на приусадебных участках. По оценке специалистов, в годы войны на долю местной промышленности приходилось более 90 процентов всего производства товаров широкого потребления России. В 1943 году эта «незаметная» отрасль превысила довоенный объем выпуска валовой продукции и в следующем году увеличила его еще на 31 %[4.62]. Движущие факторы такого роста – инициатива, гибкость и забота о людях.

Постоянно и активно велась работа по расширению сырьевой базы отрасли. Так, в 1944 году в десяти областях республики, в том числе Ивановской, Костромской, Владимирской, за счет использования отходов предприятий других отраслей была создана целая система ткацкого производства местной промышленности. Во многих местах удалось организовать пункты по перемотке отбракованной пряжи. Из такого сырья изготовляли ткани и шили не самую модную одежду, которую, однако, охотно приобретали и мужчины, и женщины. При этом никто не чувствовал себя неловко или стесненно – все были примерно в одинаковом положении. Если и появлялась какая-нибудь модница в каком-то необычно красивом платье, то именно она выглядела «белой вороной».

Эффективно работали мастерские по разделке изношенных автопокрышек на резиновые подметки, которые использовались при изготовлении рабочей, валяной и летней обуви, тоже не из числа самой модной...В 30 областях на ручных прялках крутили специальную дратву, с помощью которой такие подметки пришивали к верху из натуральной кожи или, чаще, кожезаменителей.

Так как узким местом на предприятиях местной промышленности была механизация, свои умельцы наладили производство станков простейших моделей, запасных частей к ним и самого разнообразного инструмента. Все это, как уже отмечалось, делалось из «ничего», поскольку сырье и топливо выделяли только под военные заказы.

Стоит добавить также, что две трети работников местной промышленности составляли женщины, многие из которых растили детей. Поэтому в некоторых местах среди производственного персонала местной промышленности до 20 процентов были надомниками[4.63].

4.4. Народ, совершивший очередное «русское чудо»

По данным переписи, в январе 1939 года в СССР проживало 170,6 млн. человек. К 22 июня 1941 года, по оценкам специалистов, их общее число возросло до 196,7 миллиона. На 31 декабря 1945 года осталось лишь 170,5 миллиона. Война унесла с собой свыше 26 миллионов человеческих жизней. Основная тяжесть потерь пришлась на население Российской Федерации – 23,5 миллиона[4.63].

Таковы горькие, печальные факты. Почти каждая российская семья потеряла в годы войны близкого, родного человека, а то и нескольких...

Численность населения РСФСР [4.64]
на начало года, млн. человек, без оккупированных территорий

1941	1942	1943	1944	1945	1945*
111,5	91,2	78,6	90,7	88,5	88,0

* На 1.05.45.

Одна из особенностей населения России состоит в том, что оно никогда не было однородным: люди всегда отличались родом занятий, большим многообразием интересов и потребностей, культурой и здоровьем, вкусами и характерами, образованием и доходами (большинство всегда жило небогато). Свою специфику в образ жизни и его конкретные формы вносили национальные и религиозные традиции.

Многоликая жизнедеятельность миллионов имела свои положительные и отрицательные стороны. Нередко она порождала определенные противоречия, создавая в то же время дополнительные источники развития. Возникающие центробежные силы ослабляли целостность народа и государства. С другой стороны, постоянно меняющее разнообразие конкретных форм и стиля жизни отдельных национальностей способствовало взаимному обмену культурными и научными достижениями, обогащало народ в целом, укрепляя его жизнестойкость, физическое и духовное здоровье. Как уже отмечалось, диалектическое взаимодействие индивидуальных интересов с коллективными и общественными существовало на Руси во все времена. При этом оно сочеталось с постоянной борьбой на фоне неустойчивого равновесия интересов и влияния отдельных групп населения.

Коварное нападение гитлеровской Германии на СССР, возникшая реальная опасность потери самостоятельности и массового ограбления страны вызвали серьезные изменения в сознании и поведении широких народных масс России. Личное и узко национальное как-то само собой отошло на задний план – в одиночку с сильным и безжалостным врагом не справишься и один от большой беды никуда не спрячешься. Нужно объединять силы, средства, знания и, главное, – волю. Только всем вместе можно устоять и отвести угрозу массовой гибели. Такая позиция сформировалась не вдруг и не на пустом месте. Она опиралась на традиционную сплоченность и организованность промышленных рабочих, укоренившиеся устои общинных отношений среди крестьянства и ставший обычаем патриотизм русской интеллигенции. Отсюда следовал другой, очень важный вывод: каждый на своем месте, как бы ни было трудно, должен выстоять и сделать больше того, что может враг.

Конечно, сейчас легко рассуждать о том лихом времени. А в первый период войны и руководителям, и так называемым простым людям трудно было понять, что происходит вокруг. Поэтому очень многие не сразу сориентировались в окружающей, слишком быстро меняющейся обстановке.

Вот записи из дневника К. Симонова, который в июле 1941 года в качестве корреспондента «Известий» находился при штабе одной из частей в Могилеве: «По-прежнему все было непонятно. Настроение было отчаянное. С одной стороны, газеты и радио сообщали об ожесточенных танковых боях, о сдаче каких-то небольших городков на границе. О Минске не упоминалось. Сообщалось только о взятии Ковно и, кажется, Белостока. А между тем тут, в Могилеве, уже ходили слухи, что бои идут под Бобруйском и под Рогачевым. Что Борисов взят немцами – это я точно знал сам. Создавалось такое ощущение, что там впереди дерутся наши армии, а между ними и нами находятся немцы. Так потом в действительности здесь, на Западном фронте, и оказалось. Только с той разницей, что большинство этих наших армий было окружено, и выходили они частями (и не всем удавалось это сделать – Р.Б.).

По утрам через Могилев тянулись войска. Шло много артиллерии и пехоты. Но, к своему удивлению, я совсем не видел танков. Вообще за все свое пребывание на Западном фронте до 27 июля я не видел ни одного нашего среднего или тяжелого танка. До сих пор не знаю, где они были...

Уже не помню деталей тех дней. Помню, поражало, что в Могилеве по-прежнему работают парикмахерские и что какие-то вещи в сознании людей не изменились. А у меня было такое смятенное состояние. Казалось, все бытовые привычки людей, все мелочи жизни тоже должны быть как-то нарушены, сдвинуты, смещены против обычного. На самом деле этого не было. Да и не могло быть» [4.65].

В этой связи хочу привести еще один случай, свидетелем которого мне пришлось быть самому. В конце июля 1941 года аэродром, расположенный на границе Новгородской области, подвергся воздушному налету. Военные, женщины, дети попрыгали в щели, заранее отрытые для такого случая.

Хотя бомбы непосредственно не падали на наши головы, находиться под бомбежкой — занятие не из самых приятных. Недалеко что-то загорелось: густой, черный дым столбом поднялся в небо. А сверху нам продолжали сбрасывать «гостинцы». Вдруг из окопа выскочил какой-то командир с пистолетом в руке и истерически заорал, стреляя в небо: «Нас предали! Все пропало! Немцы через два дня будут здесь!».

Хорошо помню эту картину. Взрослые молчанием отреагировали на эксцентричную выходку своего сослуживца. А нас, нескольких мальчишек, слова командира с пистолетом оглушили больше, чем немецкие бомбы... И не мы одни еще долгое время не могли ясно понять, что же происходит вокруг и на что можно хотя бы надеяться.

В этом отношении переломными были события, связанные с контрнаступлением советских войск зимой сорок первого года. Немецкие войска были отброшены на сотни километров от Москвы. Выстоял и Ленинград. Люди постепенно убеждались в том, что опасного врага не только нужно, но и можно гнать со своей территории...

Сорок второй год воспринимался по-другому, чем сорок первый. Немцы опять прорвались, на этот раз к Волге, под Сталинградом. Но общее положение не казалось уже таким мрачным и безысходным, как в начале войны. Россияне почувствовали свою силу и находили ей применение в бескомпромиссной схватке с врагом на фронте и в тылу. У немцев к этому времени появилась одышка и начали сдавать нервы.

У россиян на помощь надежде пришла вера в возможность победы. Все теперь зависело от нас самих. От нашей организованности и конечных результатов работы и вооруженной борьбы. Изменившееся понимание обстановки послужило дополнительным

источником стойкости и терпения советского человека. Слова, что «победа будет за нами», звучали все более убедительно, хотя, по-моему, никто их вслух не повторял.

Трудно сказать, на чьи плечи пришелся центр тяжести в решении этой не простой задачи: солдата, рабочего или крестьянки, оставшейся на земле с детьми-сиротами. Роли разделились следующем образом.

В начале войны в Красной Армии и ВМФ насчитывалось 4,9 млн. *военнослужащих*. Из них в Западных военных округах – 2,9 млн. человек. Начиная с 1943 года за счет массовой мобилизации численный состав армии и флота увеличился и поддерживался на уровне 11–11,5 миллионов солдат и офицеров, в том числе в действующей армии и флотах находилось примерно 6,5 миллионов. За весь период войны общие потери военнослужащих достигли 8,7 млн. человек. 75 процентов из них составляли солдаты, большинство которых совсем недавно были крестьянами [4.66].

Почти 9 миллионов воинов не вернулись домой, в свои настрадавшиеся и уставшие от горя семьи – цифра чрезмерно высокая, страшная. Но за ней проглядывается характер русского солдата – стоять на смерть! Хорошо известен подвиг Николая Гастелло, направившего свой горящий бомбардировщик на скопление немецких танков. Стояли на смерть защитники Брестской крепости и Сталинграда. Бесстрашие 28 панфиловцев стало символом мужества участников обороны Москвы. Таких примеров можно привести сотни и тысячи. Еще больше их осталось неизвестными...

В трагичной цифре потерь отражаются также масштабы успешных и неудачных военных операций, проведенных в период Отечественной войны, в том числе и цена ошибок некоторых наших больших военачальников. В этой связи стоит сказать, что в армии можно было слышать: лишь Рокоссовский умеет беречь жизнь солдата. Он побеждает противника своим умом, необычной стратегией и хорошо продуманной тактикой.

Наверное, стоит особо подчеркнуть, что количественно потери среди мирного населения в период войны были примерно в два раза выше, чем потери бойцов в действующей армии. Причины разные: постоянные перегрузки на работе при плохом питании, многочисленные психологические травмы и болезни, неустройство быта и необычно сильные морозы, особенно первой военной зимы. Многие пострадали от бомбежек, артиллерийских обстрелов и зверств оккупантов.

Основная масса взрослого населения в этот период была занята в народном хозяйстве.

Численность рабочих и служащих в отдельных отраслях [4.67]
среднегодовая, млн. человек

Отрасль	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Промышленность	11,0	10,0	7,2	7,5	8,5	9,5
Строительство	1,6	1,4	0,9	0,9	1,3	1,5
Госхозы*, МТС	2,3	1,9	1,5	1,7	2,3	2,5
Транспорт	3,4	3,0	2,0	2,1	2,0	2,1
Торговля	3,3	2,8	1,7	1,7	2,1	2,5
Здравоохранение	1,5	1,4	1,0	1,1	1,3	1,4
Просвещение	2,9	2,7	1,6	1,8	2,1	2,6
Управление	1,8	1,4	0,9	1,0	1,3	1,7
Всего	31,2	27,3	18,4	19,4	23,6	27,3

* Совхозы и подсобные хозяйства промышленных предприятий

Количество занятых в народном хозяйстве в период войны, включая крестьянство, примерно в пять раз превышало численность военнослужащих. Вместе с тем таблица отражает растущее напряжение с обеспечением рабочей силой практически всех отраслей военной экономики. Особенно сложной была обстановка в 1942 и 1943 годах.

Мобилизация мужчин в армию и утрата значительной части населения, оказавшегося под контролем захватчиков, сопровождалось сокращением работающего персонала в промышленности на 2,5–3 млн. человек. Это заметно ослабило производительную силу ведущей отрасли народного хозяйства.

Ключевую роль в эффективном функционировании военной экономики играли *рабочие*. В 1940 году их среднегодовая численность в народном хозяйстве составила 23,7 млн. человек, в том числе в промышленности 8,3 миллиона. К 1945 году общее количество рабочих в народном хозяйстве страны сократилось до 20,5 млн. В том числе в промышленности – до 7,2 млн. человек[4.68]. Перед войной это были зрелые, профессиональные кадры, имевшие в большинстве случаев среднее или незаконченное среднее образование, а также достаточный опыт работы в условиях машинного производства. Они видели благоприятную для себя перспективу уже в ближайшем будущем и привыкли трудиться творчески и результативно. Однако в 1941–1942 годах значительная их часть добровольно или по мобилизации попала на фронт. Многие погибли. Им на смену пришли женщины и молодежь, которых нужно было еще воспитывать и обучать промышленным профессиям.

Война многое изменила в условиях труда и быта рабочих семей. Прежде всего, возросла интенсивность труда. Его продолжительность увеличилась до 10—11 часов в день. Повысилась и часовая выработка. А реальная зарплата снизилась. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в 1940 году составляла 33,1 рубля. Заработная плата в доходах семьи составляла свыше 71 %. В расходной части семейного бюджета основная доля уходила на покупку продуктов питания — почти 54 %. Уже после окончания войны в 1946 г. зарплата рабочих и служащих поднялась аж до 48 рублей. За это время цены на городских колхозных рынках повысились в 5,5 раз, в том числе на хлеб в 10 раз [4.69]. Недоедание приобрело хронический характер, что стало все чаще сказываться на здоровье людей.

О критическом положении с обеспечением рабочих продуктами питания свидетельствует, например, следующий факт. Однажды в первый период войны Сталин лично позвонил директору моторостроительного завода, выпускавшего двигатели для штурмовика Ил-2. Он просил увеличить их выпуск еще на один мотор в день. Такие просьбы принято было выполнять. М. Комаров пошел в шлифовальный цех, который был «узким местом» на заводе, и передал необычную просьбу рабочим Горбунову и Абрамову. «Мы бы это сделали, товарищ директор, — отозвался Горбунов, — но покормите нас хотя бы хорошими щами. Видите, как мы опухли, еле ноги таскаем» [4.70]. А ведь производственный персонал авиационной промышленности в силу ряда обстоятельств был в лучшем положении, чем рабочие многих других отраслей.

Непосредственная причина возникших трудностей и напряжений с продовольствием, как уже отмечалось, заключалась в том, что два года подряд (в 1942 и 1943) валовой сбор зерна был в три раза ниже довоенного уровня и в два раза меньше по сравнению с показателями 1941 года. Сократились и государственные заготовки хлеба. Все это не могло не сказаться на продовольственном обеспечении населения. Снизились нормы продажи хлеба по карточкам. В ноябре 1943 года произошла внеочередная их корректировка. Кое-где хлебные карточки стали отоваривать пшеном. Только для рабочих и ИТР, занятых на подземных работах, а также в горячих и вредных цехах, сохранили прежние нормы — до 1 кг в день.

В особо сложном положении оказались семьи эвакуированных рабочих и служащих. У них в отличие от местных жителей не было возможности использовать какие-либо дополнительные источники

получения продовольствия, например ловлю рыбы или охоту. Система индивидуальных огородов только формировалась. А кушать надо было хотя бы два раза в день. Наряду с продовольственной для многих «эвакуированных» довольно острой оказалась жилищная проблема. Скученность и теснота, отсутствие удобств, тепла и воды создавали тяжелые бытовые условия. Небольшая иллюстрация к тому, как жили «эвакуированные», из воспоминаний очевидца: «Во всю длину огромной комнаты тянутся трехэтажные нары, напоминающие полки железнодорожного вагона... Посреди барака в узком и длинном проходе дымится еще не обмазанная плита с множеством чайников, кастрюль, консервных банок» [4.71]. Только в начале 1943 года государство запретило строительство бараков и землянок для размещения эвакуированных.

Некоторое представление о положении дел в этой сфере можно получить из сопоставления следующих двух документов.

Из справки горьковского обкома партии: «На 8 августа 1941 года в Горьковскую область прибыло 120 тыс. человек эвакуированных. Из них 60–65 тысяч детей. Подавляющая масса трудоспособных (порядка 40 тысяч) уже устроена на работу в колхозах, совхозах, лесных организациях и частью – в учреждениях и предприятиях.

Все свободные дома в колхозах переданы под жилье эвакуированным. Там, где их не хватает, колхозники уступают часть своей жилой площади и в большинстве случаев плату с эвакуированных за проживание в своих домах не берут. Нужно отметить, что, как правило, местные организации и колхозники встречают эвакуированных радушно.

Малолетние дети в большинстве устроены в ясли. Например, в Муромском районе за последний месяц организовано вновь 19 яслей и 10 детских площадок, которые наряду с детьми колхозников приняли несколько сот эвакуированных детей. В Красно-Баковском районе организовано 25 яслей... Сейчас органы народного образования учитывают детей эвакуированных для определения их в школы. Все эвакуированные, занятые на работах в колхозах и совхозах, обеспечиваются продуктами питания авансом, в счет трудодней или за доступную плату. В крупных колхозах организовано общественное питание».

Другой пример: «проверка положения дел на заводах Златоуста установила, что горком, имея все возможности принять и расселить рабочих эвакуированного в Златоуст завода, ничего не сделал для того, чтобы создать для рабочих нормальные бытовые условия и обеспечить организацию торговли и общественного

питания. В результате многие из приехавших рабочих не были устроены с жильем и не обеспечены дровами и керосином. Перевозка рабочих от города до завода не была организована, и рабочие вынуждены были ежедневно ходить пешком по 18 километров.

Заводские столовые работали настолько плохо, что приходилось затрачивать на обед по 3-4 часа... Рабочие неоднократно жаловались в горком и горсовет на все эти непорядки, но на жалобы рабочих никто не реагировал... ЦК партии снял с работы и исключил из рядов ВКП(б) секретаря горкома Устинова как обюрократившегося и не оправдавшего звания члена партии»[4.72].

Трудности и несправедливые обиды, к сожалению, встречались слишком часто. Люди нередко гнулись под их напором, но не ломались. Перешагивая через неудобства и голод, рабочие резко увеличили выпуск вооружения и боеприпасов, обогнав Германию по основным показателям военного производства уже в 1943 году. На следующий год заметно улучшилось материальное и бытовое положение промышленного персонала. При этом смелый, творческий подход рабочих в преодолении трудностей нередко изумлял даже специалистов. Когда, например, московские оборонные заводы стали испытывать серьезные трудности из-за недостатка угля и мазута, стали искать, чем их можно заменить. Директор завода, изготовлявшего винты для самолетов, вспоминает, как однажды к нему неожиданно обратился известный на заводе печник С. Солдатенков:

— Разрешите перевести термические печи на дрова!

— Да как же на дрова? Вам что же, Сергей Васильевич, неизвестно, что металлические болванки надо нагревать до температуры 1000 градусов по Цельсию и выше?

— Известно, — спокойно ответил рабочий.

— К тому же и дрова у нас сырые. Нет, это не идея.

— Я тут кое-что продумал, — негромко возразил Солдатенков.— У меня и чертежи есть. Хочу их показать вам, товарищ директор. А потом решайте.

Поинтересовались мнением специалистов — металлургов и металловедов. Они, растерявшись, сказали, что в технической литературе на сей счет нет данных. И все же высказали опасение, что может иметь место науглероживание металла при сгорании дров

Решили попробовать. Провели перекладку одной печи... Весь завод следил и ждал результатов этого необычного в технике эксперимента...

Все расчеты рабочего-изобретателя блестяще подтвердились. Они позволили ликвидировать угрозу остановки завода, который

продолжал бесперебойно выдавать продукцию фронту, используя в качестве технологического топлива дрова[4.73].

В самом трудном положении на протяжении всего периода войны находилось *колхозное крестьянство*. Главная причина заключалась в том, что деревня практически осталась почти без взрослых мужиков – основной рабочей силы, защитников и кормильцев крестьянской семьи.

Население колхозов [4.74]
в среднем за год, млн. человек, в границах 1939 г.

	1940	1941**	1942**	1943**	1944	1945
Трудоспособные:	35,4	16,8	14,4	16,5	22,0	23,9
мужчины	16,9	7,3	4,8	3,6	4,5	6,5
женщины	18,5	9,5	9,6	12,9	17,6	17,4
Подростки 12-16 лет	7,1	3,8	3,9	5,3	6,4	6,1
Нетрудоспособные*	33,3	-	-	25,4	34,0	34,5
Всего	75,8	-	-	47,2	62,4	64,5

* Дети, инвалиды, престарелые.
** Без оккупированных регионов.

Самыми трудными для крестьянства стали сорок второй и сорок третий годы. Трудоспособное население в деревне сократилось в два раза, в том числе мужское – почти в пять раз. При этом, как уже отмечалось, деревни оказались без тракторов и автомашин. Те, что остались в МТС, часто ломались, а запасных частей не было. Не хватало и горючего. Да и основную часть лошадей мобилизовали для военных нужд. А кормить нужно было все мирное население страны и действующую армию.

Увеличение численности трудоспособного населения в сельской местности началось только в 1944 году в связи с освобождением всей территории страны от оккупантов и начавшейся демобилизации некоторых категорий мужчин из армии. В 1944 и 1945 годах это была единственная группа населения, которая выросла, причем значительно. Однако все относительно. Несмотря на перемены к лучшему в 1945 году, возросшее число трудоспособных мужчин в колхозах составляло всего 38 % их довоенного уровня.

Стоит отметить, что резкое сокращение численности сельского населения весьма незначительно сказалось на динамике крестьянских домохозяйств.

Количество крестьянских дворов [4.75]

млн.

	1937	1940	1944
Всего дворов	19,3	19,3	18,6
Дворы колхозников	18,1	18,7	18,0

Относительная устойчивость численности крестьянских дворов в условиях войны в значительной степени объясняется заинтересованностью колхозных семей сохранить за собой приусадебный участок как основной источник не вообще доходов, а наиболее важных для них продуктов питания: картофеля, капусты, других овощей. В подсобных помещениях во многих домохозяйствах содержались скот, свиньи и куры. Особенно важно это было для многодетных семей и престарелых. Они крепко держались за приусадебные хозяйства, хотя обрабатывать их приходилось с огромным напряжением, поскольку в большинстве случаев в доме мужика не было, о чем достаточно красноречиво свидетельствуют следующие цифры:

Численность населения на 10 колхозных дворов [4.76]

человек

	1940	1944	1945
Все население	42	35	36
Трудоспособные:	19	12	15
мужчины	9	2	5
женщины	10	10	10
Подростки	4	4	3

Эти данные характеризуют не только трудовые ресурсы крестьянских домохозяйств, но также размер и состав колхозных семей. На одно домохозяйство (колхозную семью) до войны в среднем приходилось 4 человека, двое трудоспособных взрослых: женщина и мужчина, а также двое нетрудоспособных. К тому же двое подростков на 5 семей. Это означает, что уже до войны крестьянские семьи уменьшились по размеру, деформировалась их структура и ослабла производительная сила. Теоретически эти потери должна была полностью компенсировать результативность производственной кооперации крестьян в рамках колхозов. Однако, как отмечалось в 3-й книге, этого не произошло, поскольку в большинстве колхозов была грубо нарушена экономическая зависимость между результатами труда крестьянина и его оплатой.

В период войны подобные нарушения и деформации получили еще большие масштабы.

В трудные годы средняя колхозная семья уменьшилась до 3–4 человек чаще всего из-за того, что главу семьи взяли в армию или направили на работу в промышленность. Теперь два мужчины приходились на пять домохозяйств. По-прежнему в семье оставалось двое нетрудоспособных. Часто, один из них – инвалид, вернувшийся с войны.

Оставшаяся женщина-мать и подростки, если они были, много работали и в колхозе. Трудодней им начисляли больше, чем до войны, но трудодень оплачивался все ниже и ниже.

Средний размер оплаты трудодня в колхозах [4.77]

кг

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерно	1,60	1,40	0,80	0,65	-	0,70
Картофель	0,98	0,33	0,22	0,40	-	0,26
Деньги, рубли	0,98	1,07	1,03	1,24	1,12	0,85

Как видно из таблицы, выдача зерна и картофеля на 1 трудодень в течение военного периода сократилась в 2–3 раза. Нетрудоспособных в семье осталось двое, а работник по существу только один и то – женщина. Поэтому прожить крестьянская семья на то, что получила на трудодни в колхозе, практически не могла. Деньги в счет не шли. Они обесценились в несколько раз, то есть реально денежная оплата трудодня снизилась еще в большей степени, чем ее натуральная форма. Это подтверждают следующие расчеты:

Оплаты трудодней в расчете на одного члена семьи колхозников [4.78]

в среднем за год, центнеров

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Зерно	2,0	1,6	1,0	0,8	-	0,7
Картофель	1,2	0,4	0,3	0,5	-	0,3
Деньги, рубли	113	127	129	146	123	92

Эти данные взяты из документов, где указана продукция, «определенная к выдаче». Фактически колхозники получали на 15–20 % меньше с учетом налогов и других обязательных платежей.

В конечном итоге обеспечение важнейшими продуктами питания каждого из семьи колхозников за счет коллективного хозяйства составляло в день (в граммах):

	1940	1943	1945
Зерно	350	180	190
Картофель	330	110	70

Таким образом, за счет общественного хозяйства колхозник не мог обеспечить питание своей семьи на уровне самых низких карточных норм снабжения горожан. Поэтому все, кто мог работать, основное внимание уделяли приусадебному хозяйству как главной продовольственной базе крестьянской семьи. По данным статистики в 1940 году, доходы от личного подсобного хозяйства составляли более 48 % всех доходов колхозников, что значительно превышало поступления на трудодни. В годы войны этот показатель поднялся до 65-70 %. Если кроме коровы удавалось завести свинью, овец, кур и пчел, то жить можно было даже сытно, а в колхозе работать постольку, поскольку этого требовала администрация и позволяли силы... Но не всем это удавалось, и многие колхозные семьи буквально голодали. Так, среди сельских жителей Молотовской области за 5 месяцев 1944 года было зарегистрировано 13,4 тысячи больных дистрофией [4.79].

Вторую мировую войну часто называют войной моторов. Но также верно назвать ее и войной интеллектов. Научно-технический и конструкторский потенциал Германии в XX веке был весьма высоким. В период войны ему противостоял относительно молодой, но дерзкий и целеустремленный инженерный, конструкторский и научный потенциал России. Одна из его особенностей того времени – постоянное и тесное сотрудничество конструкторов, технологов, а также организаторов производства, с одной стороны, и ученых фундаментального и прикладного профиля, а также рабочих, с другой. Такое сотрудничество позволяло в сжатые сроки решать очень сложные задачи создания новых образцов вооружения и боеприпасов, параметры которых не уступали, а нередко и превосходили соответствующие показатели боевой техники Германии.

Поэтому с полным правом можно утверждать, что *российская интеллигенция* была активным и непосредственным участником Победы над сильным противником. Ее потенциал в годы войны характеризуют следующие данные:

Количество специалистов с высшим и средним специальным образованием в народном хозяйстве [4.80]
без военнослужащих, млн. человек, на конец года

	1940	1941	1943	1944	1945
Всего	2,4	1,3	1,7	2,0	2,3
С высшим образованием	0,9	0,5	0,7	0,7	0,9
Со средним специальным	1,5	0,7	1,0	1,3	1,4

Из этих данных видно, что в первый год войны многие специалисты и исследователи добровольно или по мобилизации попали в армию. Практика показала, что это неправильно. Значительно бóльший эффект они могли и должны были дать в тылу. Их настоящее дело – участие в напряженной борьбе национальных интеллектов. Поэтому те, кто остался жив, в 1942 году были отозваны из армии. Они активно включились в привычную и тоже очень важную работу. В конце 1945 года общая численность специалистов с высшим и специальным средним образованием в народном хозяйстве практически достигла довоенного уровня.

Динамику и структуру специалистов только с высшим образованием характеризует следующая таблица:

Число специалистов с высшим образованием по специальностям [4.81]
тыс. человек, на конец года

	1940	1943	1944	1945
Всего	908	646	725	897
Инженеры, конструкторы	290	256	264	278
Агрономы и ветеринары	70	61	65	59
Экономисты	59	56	56	50
Юристы	21	27	28	16
Врачи (без зубных)	141	64	85	126
Учителя и работники культуры	300	163	208	333

Группировка специалистов проведена на основе дипломов о высшем образовании. Перед войной самой крупной была группа учителей и работников культуры. К концу 1943 года их численность сократилась почти в два раза, что отражало серьезные изменения, произошедшие в системе народного образования. Но уже к концу 1945 года численность учителей и работников культуры превысила довоенный уровень на 11 процентов, что выражало политику правительства на ускоренное восстановление интеллектуального потенциала страны.

Вторая по численности группа – инженерный и конструкторский состав. Она тоже заметно пострадала на первом этапе войны, но в последующие годы постепенно восстанавливалась ее численность, в том числе за счет выпускников высших учебных заведений. Именно на эту группу в первую очередь была возложена задача материального обеспечения перевооружения действующей армии новым поколением боевой техники и боеприпасов.

Резкое сокращение в 1942 и 1943 годах численности третьей группы – врачей объясняется тем, что многие из них, в том числе женщины, одели военную форму для работы в госпиталях и прифронтовых медицинских пунктах. Миллионам раненых они спасли жизнь, напряженно работая иногда целыми сутками... Гражданские медики не допустили возникновения эпидемий, как это было в годы гражданской войны, хотя количество заболеваний такими болезнями, как туберкулез и брюшной тиф, резко возросло.

К началу войны в России сформировался также мощный, многопрофильный научный потенциал, который проводил исследования по широкому спектру проблем, начиная от сельского хозяйства и здоровья населения, до современных технологий, поиска более совершенных социальных структур и создания новейших образцов вооружений и боеприпасов.

В конце 1940 года количество научных работников в стране достигло 98,3 тысяч человек. При этом 26,4 тысячи из них были заняты в специализированных исследовательских институтах и лабораториях и 61,4 тысячи – в высших учебных заведениях. Еще 120 тысяч сотрудников помогали им в работе [4,82]. Угрожающая обстановка на фронтах, сложившаяся осенью 1941 года, потребовала эвакуировать из Ленинграда, Москвы, Киева, Харькова и других городов десятки тысяч ученых в более безопасные места. Так, только сотрудники Академии наук перебрались в 45 новых мест, в том числе в Казань, Уфу, Свердловск, а также в города Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Но главное заключалось в коренной перестройке всей тематики научных исследований. Знания и способности ученых были сконцентрированы на решении задач, связанных с укреплением военной мощи страны. Так, АН СССР осенью сорок первого после консультаций с военными определила 200 крупных проблем, имевших особое значение для действующей армии.

Академик С. Вавилов вспоминает о том времени: « Академическая научная громада... направила без промедления все свои усилия, свои знания и умение на прямую или косвенную помощь

фронту. Физики-теоретики от вопросов внутриядерных сил и квантовой электродинамики перешли к проблемам баллистики, военной акустики, радио и т.д. Экспериментаторы, отложив на время острейшие вопросы космической радиации, спектроскопии и пр., занялись дефектоскопией, заводским спектральным анализом, магнитными и акустическими минами, радиолокацией. Специальные военные исследовательские институты, заводские лаборатории и непосредственно фронт явно почувствовали живое и полезное влияние научной мысли, сосредоточенной в Академии» [4.83]. В качестве конкретных результатов научных исследований, существенно повлиявших на экономику производства военной продукции и на ее качественные боевые параметры, здесь можно привести лишь несколько примеров.

Пожалуй, наибольший эффект был получен в результате широкого внедрения в производство танков, авиабомб и другого вооружения методов электросварки металла под слоем флюса. Этот метод и соответствующее оборудование для его внедрения в практику были разработаны в АН Украины под руководством Е. Патона. Два преимущества этого метода состояли в том, что, во-первых, он обеспечивал высокое качество полученного шва и, во-вторых, сварка осуществлялась с помощью автоматического оборудования, управлять которым было достаточно просто. Поэтому он и получил широкое применение. Коллектив Е. Патона был эвакуирован на Урал, где разработал 40 типов технологических установок для сварки различных узлов и деталей военной техники.

Большая группа ученых и специалистов отраслевых институтов Наркомата черной металлургии разработала рецептуру и технологию выплавки многих новых сортов качественной стали, а также ее заменителей. Это значительно увеличило выпуск боевых самолетов, танков, артиллерийских орудий и другого вооружения.

Для массового производства снарядов и мин с успехом использовался метод точного литья в кокиль, также разработанный с участием ученых-металлургов.

Для преодоления хронического дефицита черного металла очень помогли промышленные установки по сжижению воздуха и получению дешевого кислорода, созданные в Институте физических проблем под руководством П. Капицы. Теперь в домны вместо воздуха стали вдувать кислород, что позволило резко увеличить производство чугуна и повысить его качество.

С помощью ученых большой шаг в сторону качества и автоматизации сделали наши станкостроители. До войны крупным

достижением было освоение массового выпуска металлорежущего оборудования. Но отстало производство расточных и шлифовальных станков, без которых невозможно добиться высокой точности обработки деталей авиамоторов, пушек и других видов вооружения. Такие станки в короткий срок были разработаны и изготовлены в Экспериментальном НИИ металлорежущих станков.

Ученые были также активными участниками разработки и внедрения новых технологий поточного и массового производства самолетов, танков, артиллерийских орудий, снарядов и боеприпасов для стрелкового оружия.

Конечно, было бы неправильно записывать все эти успехи только на счет ученых. На практике высокие результаты получались тогда, когда обеспечивалось *тесное сотрудничество* ученых, конструкторов, инженеров, технологов, управленцев и рабочих. В войну их интересы совпадали полностью. И это был главный фактор общих успехов.

Об эффективности такого сотрудничества свидетельствует, в частности, динамичный рост эффективности военного производства и снижение трудоемкости изготовления конкретных видов вооружения.

Трудоемкость производства отдельных видов боевой техники [4.84]
тысяч человеко-часов

	1941	1943	1943:1941
Бомбардировщик Ил-4	20	12,5	1,6 раза
Штурмовик Ил-2	9,5	5,9	1,6 раза
Бомбардировщик Пе-2	25,3	13,2	1,9 раза
Гаубица 152- мм	4,5	2,4	1,9 раза
Пушка 76- мм	2,2	0,6	3,6 раза
Танк Т-34	8,0	3,4	2,4 раза
Крупнокалиберный пулемет	0,6	0,3	2 раза

Из этих данных видно, что затраты труда на изготовление военной техники всего за два года сократились примерно в 2 раза. Это свидетельствует о высокой эффективности организации, мотивации и планового управления факторами динамичного развития экономики в самые трудные первые два года войны.

Выше говорилось, что главной производительной силой в народном хозяйстве воюющей страны стали женщины и молодежь от 12 до 18 лет. Так, доля *женщин* среди всей массы рабочих и служащих к середине войны поднялась до 57 процентов, в том

числе в промышленности они составляли свыше половины всех занятых. В торговле и общественном питании – две трети. В здравоохранении и системе народного образования порядка 75–85 процентов. При этом не следует забывать, что женщину никто не освободил от домашнего хозяйства, к которому теперь прибавился и огород, а для крестьянки – приусадебный участок, который кормил всю семью. Но самой главной и тяжелой заботой для женщины оставались дети, которым они часто не могли помочь, прежде всего накормить досыта...

В докладной записке наркома здравоохранения Российской Федерации в конце 1941 отмечалось: «Набор продуктов, предусмотренных продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности». Так, в детских яслях Казани в ноябре 1941 года вместо положенных по норме военного времени 600 г масла дети получили 100 г, вместо 15 яиц – только 3, вместо 1 кг крупы – 200 г, вместо 600 г сахара – 220 г, вместо 4 кг картофеля – 1,5 кг. Детские учреждения города в этом месяце не получили ни грамма моркови, капусты, фруктов, ни литра молока. Аналогичное положение сложилось по всей территории страны»[4.85]. Поэтому не приходится удивляться, что среди умерших в 1941 году 30 % составляли младенцы до 1 года и 51 % – дети до 4 лет включительно. Здесь уж не обходилось без слез...

Не случайно поэты воспели Родину в образе женщины, которая пронесла сквозь войну на своих плечах самую тяжелую ношу – бремя горя и утрат:

«В эту темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь».

(Владимир Агатов).

«Не той, что из сказок, не той, что с пеленок,
Не той, что была по учебникам пройдена,
А той, что пылала в глазах воспаленных,
А той, что рыдала, – запомнил я Родину.
И вижу ее накануне Победы,
Не каменной, бронзовой, славой увенчанной,
А очи проплакавшей, идя сквозь беды,
Все снесшей, все вынесшей русскою женщиной».

(Константин Симонов).

То, что выстрадали женщины в военные годы, знают только они... Жаль, что этого не понимали или не хотели знать те, кто определял им пенсии...

Не легкая судьба досталась и *молодежи*. Как уже отмечалось, быстрая и массовая мобилизация в армию молодых, трудоспособных мужчин сразу же нарушила баланс трудовых ресурсов России. Возникло острое противоречие. Фронт требовал резкого увеличения выпуска вооружений и боеприпасов, а значит, и металла, топлива, энергии, технологического оборудования. Чтобы удовлетворить это требование, нужны были дополнительные миллионы рабочих и специалистов. Однако число их сократилось. Дефицит быстро увеличивался. Так, в первые месяцы 1942 года только заводам авиационной промышленности потребовалось дополнительно 219 тысяч человек, танковой – 65 тысяч, промышленности вооружения – 64 тысячи[4.86]. Где их взять? Увеличили нагрузку на тех, кто уже работал. Отменили выходные и отпуска. «Перебросили» в промышленность людей из сельского хозяйства и других, «не первостепенных» отраслей. Все это лишь частично заполнило образовавшуюся брешь на трудовом фронте.

На помощь пришли молодежь и подростки, которые в мирное время учились в средней школе. Всего эта группа в военный период насчитывала, примерно, 16–17 млн. человек. В деревни дети 8-9 лет уже выполняли определенные обязанности в домашнем хозяйстве, то есть рано приучались к труду. Учеба в школе часто оказывалась на втором месте.

В городе, наоборот, школа занимала главное место, затем уроки и отдых на улице в играх и забавах с друзьями-школьниками. Все домашние работы и заботы брали на себя родители, чаще всего матери. Поэтому городские подростки были меньше подготовлены к физическому труду, чем сельская молодежь.

Военная обстановка не стала, да и не могла особо считаться с этими особенностями. Многие городские подростки, эвакуированные с родителями из западных областей, оказались в сельской местности, где их приезд совпал с началом уборки урожая. Большинство с охотой включилось в этот новый для них процесс. Особо высокий спрос был на мальчишек в возрасте 15 лет и старше, которые должны были заменить мобилизованных в армию молодых колхозников. Пришлось на ходу учиться косить траву и зерновые, окучивать, а потом и копать картошку, убирать сено. Много на земле разных работ. Пожалуй, самым трудным для горожанина было научиться запрягать и работать с лошадью. В городе возможности

познакомиться с ней близко не было. Но при повседневном общении с ней быстро узнаешь, что это умное и чуткое животное. Она умеет ценить доброе к ней отношение и не забывает грубости и боли. Городские мальчишки довольно быстро все это усвоили и вместе с лошадью работали на совесть, понимая, что время военное и нужно выполнять норму и за того парня, который ушел на фронт...

Сельские ребята и девчата, которые были направлены в город для работы на промышленных предприятиях, чаще всего предварительно учились в школах фабрично-заводского обучения или ремесленных училищах. Конечно, здесь учились и городские подростки. Ежегодно в военное время такие школы и училища оканчивали 400–600 тысяч человек. Это служило емким кадровым подспорьем для промышленности.

Была и другая, более напряженная схема. Мой старый друг Валентин Фалин 16-летним пареньком начал работать токарем на московском заводе «Красный пролетарий». Практически всю войну выполнял военные заказы. Одновременно находил время и силы для учебы. Успешно завершил среднее образование. После войны окончил институт. Сейчас доктор наук.

Типичным является и мой собственный опыт. В конце сорок первого в Куйбышеве начал работать слесарем-монтажником в самолетном цехе авиационных мастерских. Из взрослых в нашем коллективе был только один – начальник цеха, инженер– капитан. Остальные мальчишки от 15 до 17 лет. В восемнадцать – призывали в армию. Ни у кого не было специального образования. Большинство успело закончить семь классов средней школы. Рабочей профессией овладели уже здесь, в цехе. Практически руководил нами бригадир. Тоже шестнадцати лет.

В самолетный цех для ремонта поступали раненные на фронте, искореженные истребители И-16 и МИГ-3, чуть позже штурмовики Ил-2 и довольно много У-2. Бригадир составлял дефектную ведомость поломок и деформаций самолета, то есть ставил диагноз его болезни и назначал лечение. Начальник цеха ее утверждал, и начиналась работа: снимали винт, затем мотор. Отправляли его в соседний моторный цех, где работали в основном взрослые специалисты. Заменяли сломанные, погнутые детали и части самолета, в том числе тяги, многочисленные трубки, а иногда и шасси. Приходилось чинить и обшивку. Самый ответственный момент – сборка. Все надо поставить на место. Надежно закрепить. Иногда какая-нибудь деталь вдруг закапризничает и не хочет «садиться» на предназначенное для нее место. Приходится осторожно

«подгонять» либо отверстие, либо параметры детали. К насилию самолет, как и лошадь, относится крайне отрицательно, поэтому к нему прибегают только в крайних случаях. Иногда, чтобы закрепить какую-нибудь деталь в тесном пространстве, нужен специальный инструмент. А его в мастерских нет. Надо что-то изобретать самому. К правильному решению доберешься не сразу, но зато как приятно, когда его найдешь.

Наконец-то самолет собран полностью. Опробовали мотор. Устранили недоделки, которые почему-то всегда где-нибудь найдутся. Последний этап – окраска. Истребитель, как новенький, со звездами на хвосте и на крыльях. Переезд на аэродром. Короткие испытания в воздухе. И вот последний круг. Самолет, покачав крыльями нам, мальчишкам, берет курс на Запад...

Мне и сейчас не верится, что такое было возможным. Все-таки мы были только подростками, а самолеты – настоящие. Весьма вероятно, что через 3-5 дней он совершит свой первый боевой вылет, и мы будем тоже участвовать в воздушном бою...

Конечно, и у нас не все проходило просто и гладко. Только один пример: обязанности маляра в цехе выполнял высокий, грузный парень. Помню только его имя – Володька. С большим круглым лицом. Потом выяснилось, что это был отек от голода. Они с матерью были эвакуированы, если не ошибаюсь, из Ленинграда. Мать сильно болела из-за недоедания. Сын не мог ее прокормить. Наша зарплата была наполовину ниже, чем средняя по промышленности – видимо, кто-то считал, что мальчишек «баловать» не следует.

Володька, чтобы купить больной матери масла и меда, украл две банки с белой краской. И попался уже на рынке. Его судили. Показательно, что наши мальчишки не были на его стороне. Только сейчас мне понятно, что это была типичная трагедия военных лет...

Вот так напряженно и не прямыми путями великий народ России, преодолевая лишения и многочисленные трудности, четыре долгих года шел к Победе.

Глава 5. Бюджет, торговля и цены в годы войны

Денежные инструменты и рыночные отношения были в значительной степени деформированы чрезвычайными условиями военной экономики и стихийно отошли на второй план. Но они продолжали «работать» в системе преобразованного хозяйственного механизма, частично выполняя свои функции, без которых невозможно было бы эффективно управлять сложными и напряженными процессами воспроизводства, многие из которых резко обрывались во фронтовой полосе...

5.1. Государственный бюджет с трудом выполнил свою роль

Государственные финансы – организованная и управляемая часть общей денежной системы страны. Логично, что во время войны они целенаправленно использовались правительством для контроля, мобилизации и эффективного применения не только всей массы денежных средств и процесса ценообразования, но и производительных сил народного хозяйства в целом. При этом масштабы и эффективность выполнения основных функций государства во многом предопределялись качеством и реальными возможностями его финансовой системы. Как показал практический опыт, действенность и гибкость финансовой системы и государственного бюджета, несмотря на все трудности, позволили центральному управлению успешно, а главное, довольно быстро осуществить необходимые структурные сдвиги в народном хозяйстве и обеспечить ускорение динамики оборонных производств.

Первоисточником для формирования государственных финансовых ресурсов, в том числе государственного бюджета, служил национальный доход. Его размеры и движение во многом предопределяли экономическое содержание конкретных форм потребления

и накопления материальных ресурсов страны. К сожалению, на всем протяжении войны такие возможности были ниже довоенного уровня.

Объем национального дохода в 1941–1945 гг. [5.01]
в процентах к 1940 году

1940	1941	1942	1943	1944	1945
100	92	66	74	88	83

Из данных таблицы видно, что в 1942 и 1943 годах из-за потери значительной части экономического потенциала страны объем национального дохода России был соответственно на треть и на четверть ниже довоенного уровня. Это сузило ее финансовые возможности и заставило существенно изменить объемы и пропорции распределения оставшегося «пирога». Цифры свидетельствуют также о том, что Сталинградская битва стала поворотным пунктом не только в ходе военных действий, но и в характере, а также результатах финансовой политики.

С самого начала войны финансовая политика советского государства имела четкую целевую ориентацию, направленную на то, чтобы максимально быстро и полно профинансировать перевооружение действующей армии новой боевой техникой и в соответствии с этим найти и мобилизовать необходимые денежные средства для перестройки и ускорения развития оборонной промышленности. Главная задача состояла в том, чтобы «на ходу» изменить соотношение боевой мощи двух сражающихся сторон в пользу Красной Армии. С большим напряжением всей финансовой системы и немалыми жертвами эта цель была все же достигнута.

Качество и обоснованность финансовой политики тех трудных лет оперативно проверялась движением линии фронта. При этом следует различать особенности двух этапов взаимодействия финансов и военной промышленности с действующей армией.

Начальный этап (два первых военных года) отличался запредельной нагрузкой на все стороны жизнедеятельности людей и большими потерями, вызванными отступлением Красной Армии, массовой эвакуацией и разрушением многих важных межхозяйственных связей. Все это существенно ослабило финансовый потенциал России, породило дефицит ее государственного бюджета, обусловило необходимость дополнительной эмиссии денег и обесценение рубля на «свободном» крестьянском и черном рынках.

Второй этап характеризовался укреплением организации и управления, по существу, новым народным хозяйством, а также начавшимся ростом всей экономики, включая гражданские отрасли. Прекратилось падение валовых сборов зерновых и сокращение поголовья скота. Стабилизировались и с 1944 года начали увеличиваться заготовки хлеба.

При этом заметно улучшились качественные показатели развития военной экономики: возросла производительность труда, повысилась эффективность использования материальных ресурсов, в том числе уменьшились удельные нормы расходования металла и топлива. В целом за четыре года войны, включая 1944-й, себестоимость сравнимой продукции снизилась на сумму около 50 млрд. рублей[5.02] (для сравнения: в 1942 году все доходы государственного бюджета составляли 165 млрд. рублей). Результативный режим экономии позволил увеличить накопления.

Эти перемены тесно взаимодействовали с развитием финансовой системы. Начался рост доходов государственного бюджета. Удалось сначала сократить, а затем и ликвидировать его дефицит, что отражало начавшиеся изменения к лучшему в распределении национального дохода.

Распределение национального дохода СССР на потребление, накопление и военные расходы [5.03]

% от общего итога, в ценах 1940 г.

	1940	1942	1943	1944	1945
Потребление	74	69	60	61	69
Из него личное потребление военнослужащих	4	13	11	11	7
Накопление	19	4	7	15	13
Из него прирост основных фондов	10	6	4	7	9
Военные расходы (без личного потребления военнослужащих)	7	27	33	24	18

За первых два военных года «чистые» военные расходы возросли почти в три раза и достигли трети всего объема национального дохода. Такое резкое расширение военных расходов стало возможным за счет сокращения личного потребления гражданского населения и снижения накоплений. Практически за очень короткий срок фонд личного потребления гражданского населения сократился наполовину. Фонд личного потребления военнослужащих

увеличился в 1,9 раза, что примерно соответствовало росту численности Красной Армии. Объем накопления основных фондов в 1942 году по сравнению с довоенным уровнем сократился больше чем на треть. Начиная с 1944 года фонды личного потребления и накопления основных фондов вновь начали расти, а военные расходы – снижаться.

Основным инструментом целенаправленного воздействия на структурные сдвиги в распределении национального дохода выступал *государственный бюджет*. Но его роль в этом сложном и противоречивом деле была все же вторичной. Как уже говорилось, объективно возникшие перенапряжения в экономике при формировании новой структуры распределения национального дохода и короткие сроки, продиктованные неблагоприятной обстановкой на фронтах, привели к тому, что в первые два года сбалансировать доходы и расходы бюджета не удалось. Возникший бюджетный дефицит образовался в связи с необходимостью максимально быстро перевести экономику на военные рельсы в условиях значительного сужения доходного потенциала страны.

Доходы государственного бюджета СССР [5.04]
млрд. рублей

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
Отчисление от прибылей	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4	16,9
Подоходный налог	3,2	3,1	1,9	2,9	3,5	3,3
Социальное страхование	8,5	6,9	5,8	6,7	8,9	10,3
Налоги с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
Займы по подписке	9,0	8,3	12,2	17,9	26,3	23,1
Всего	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0

Налог с оборота на всем протяжении военного времени оставался главным инструментом мобилизации доходов в государственный бюджет. Часто экономисты относят этот налог к числу поступлений от социалистического, то есть обобществленного хозяйства. С этим нельзя согласиться. Налог с оборота представляет собой *косвенный налог*, который уплачивает население при покупке товара по розничной цене. Иными словами, главным источником поступлений в бюджет были доходы населения. Если прибавить сюда еще прямые налоги и займы, то получается, что за счет населения в годы войны формировалось примерно две трети доходной части бюджета. Провал поступлений налога с оборота в 1942 и 1943 годах связан,

прежде всего, с тем, что в то время на оккупированных территориях осталось около трети населения страны.

Заслуга финансовых органов в этот период заключалась в том, что сокращение национального дохода в связи с потерей значительной части экономического пространства сопровождалось относительно небольшим снижением общей массы поступлений в бюджет. Это хорошо видно при сопоставлении индексов динамики объемов национального дохода и доходов государственного бюджета в начальный период войны (%):

	1940	1942	1943
Национальный доход	100	66	74
Доходы бюджета	100	92	113

Такие относительно благоприятные для бюджета цифры могли появиться только в результате вторичного перераспределения национального дохода с помощью налогов и другого финансового инструментария. Конечно, для увеличения доходов бюджета были использованы финансовые и материальные резервы, накопленные еще в довоенный период. Но главную роль в корректировке количественных взаимосвязей между национальным доходом и бюджетом сыграла передача населением в распоряжение государства дополнительно значительной части его личных доходов и сбережений. Такая передача практически осуществлялась в трех основных формах: уплаты повышенных налогов, участия в займах и лотереях, а также в виде добровольных взносов и пожертвований на укрепление военной мощи страны.

Уже в самом начале войны повысились ставки взимаемых налогов и сборов. Так, в июле сорок первого года была установлена надбавка к сельскохозяйственному и подоходному налогам. Практически сельскохозяйственный налог увеличился вдвое – до 282 рублей на одно домохозяйство [5.05]. При этом крестьянские семьи, имевшие военнослужащих, частично или полностью освобождались от новой надбавки. Размер надбавки к подоходному налогу также был дифференцированным в зависимости от категории и месячного заработка рабочих и служащих.

В 1941 году был введен еще один новый налог – на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. За счет этого налога финансировались государственные пособия многодетным и одиноким матерям, а также строительство детских учреждений. В 1945 году налог на холостяков и малосемейных граждан дал дополнительно

в бюджет 3,4 млрд. рублей. В это же время государство израсходовало на поддержку материнства и детства 4,2 млрд. рублей.

С января 1942 года был введен военный налог при одновременной отмене надбавок к сельскохозяйственному и подоходному налогу. Он распространялся как на городское, так и на сельское население. Платить его были обязаны лица, получающие доходы и иждивенцы. Военнослужащие тыловых частей также платили военный налог. По размерам поступлений он превышал все довоенные налоги с населения. В 1944 году из 37 млрд. рублей, поступивших от населения в государственный бюджет в форме прямых налогов, 21 миллиард приходились на долю военного налога. После окончания войны этот налог был отменен [5.06].

Подоходный и сельскохозяйственный налоги население выплачивало всю войну и после нее. При этом ставка налога зависела не от размера земли, выделенной для приусадебного хозяйства, а от размера посевов зерновых, картофеля и овощей, а также от количества плодовых деревьев и домашних животных, которые служили основным источником получения продуктов питания для крестьянской семьи. Государство стремилось тем самым снизить заинтересованность колхозников интенсивно работать на приусадебном участке. Его экономически принуждали больше зарабатывать трудодней в коллективном хозяйстве. В этой связи летом 1942 года в 3-4 раза были повышены оценки доходности, якобы получаемой колхозником от каждой коровы, свиньи, овцы, курицы, пчелиной семьи, яблони, сливы и других плодовых растений.

Налогообложение приусадебных участков колхозников в годы войны [5.07]
с 1 га посева или с 1 головы скота, в рублях, в среднем по стране

	Оценка дохода	Размер налога	% налога от дохода
Посевы зерновых	4 794	707	14,8
Посевы картофеля	16 202	2 609	16,1
Посевы овощей	32 255	3 915	12,1
Корова	5 137	917	17,8
Овца (коза)	757	80	10,6
Свинья	4 453	323	7,3

Доходность крестьянских домохозяйств рассчитывалась по ценам колхозного рынка, то есть оценки были явно завышены. При этом не учитывалось, что в большинстве случаев такие хозяйства, где оставалась одна трудоспособная женщина с детьми и стариками,

были натуральными – они сами потребляли те продукты, которые с большим трудом выращивали на своем участке размером не больше полгектара. Такая налоговая политика привела к тому, что многие домохозяйства вынуждены были сократить поголовье скота и птицы, уменьшить посевы картофеля и овощей, начали вырубать яблони, груши и другие «доходные» естественные источники, а Россия надолго осталась без собственных фруктов и ягод.

Весной 1942 года была осуществлена перестройка местной налоговой системы. Основными источниками поступлений в местные бюджеты стали: налог со строений, земельная рента (сбор за пользование землей), сбор с владельцев транспортных средств, сбор с владельцев скота, разовый сбор на колхозных рынках. Расширился круг их плательщиков, и повысились ставки. В 1944 году поступления этих налогов в 3 раза превысили довоенный уровень и составили около 20 % всех доходов местных бюджетов[5.08].

Всего за 1941–1945 гг. прямые и косвенные налоги с населения составили 137,9 млрд. рублей. Из них более половины поступило в форме военного налога[5.09].

Емким источником пополнения доходной части бюджета стали государственные займы и денежно-вещевые лотереи. Всего за годы войны было выпущено четыре военных займа и столько же денежно-вещевых лотерей.

Выпуск военных займов [5.10]
сумма подписки, млрд. рублей

	1942	1943	1944	1945
Городское население	9,0	12,9	16,6	17,5
Сельское население	3,0	6,6	10,2	8,1
Колхозы и промартели	1,2	1,4	2,2	1,1
Всего	13,2	20,9	29,0	26,7

Размер практически обязательной подписки горожан на военные займы чаще всего равнялся одному или двум месячным окладам. Дифференциация сельского населения по доходам была глубже, чем в городах. Очень многое зависело от состава и умения крестьянской семьи и коммерческой эффективности приусадебного хозяйства. Кто имел, например, несколько ульев с пчелами, а значит и мед, мог получить высокий доход. Сахара повсеместно не хватало, и рыночные цены на мед подскочили в несколько раз. В то же время многодетные семьи, где трудоспособной была только одна мать, едва сводили концы с концами. Корову заменяли одной или двумя

козами. Ясно, что такие домохозяйства облигации государственного займа приобрести не имели возможности.

Одной из форм дополнительного привлечения денежных средств населения для увеличения финансовых ресурсов государства были денежно-вещевые лотереи. Особенно привлекательными они были для семей, которые были эвакуированы на первом этапе войны. Их гардероб был обычно весьма скромным. Уже говорилось, что многие вещи, особенно детские, быстро износились, а купить новые в государственной торговле можно было только по талонам, которые профсоюзы давали наиболее нуждающимся. В таких условиях лотерея всегда была связана с надеждой: а вдруг повезет?

Денежно-вещевые лотереи [5.11]
млрд. рублей

	1941	1942	1943	1944
Продано билетов	1,4	2,2	3,8	5,7
Денежные выигрыши	2,1	2,1	3,7	5,6
Вещевые выигрыши	0,03	0,06	0,1	0,1

Из этих данных видно, что шансов выиграть нужную вещь у участников лотереи насчитывалось совсем немного. Но, в целом, денежно-вещевые лотереи были беспроигрышными для населения. Государство с помощью таких лотерей тормозило скорость оборота денег, что временно снижало давление на рынок со стороны платежеспособного спроса.

Государство не могло оставить без внимания и вклады населения в сберегательных кассах. В начале войны их сумма составляла почти 7 млрд. рублей [5.12]. Пришлось заморозить эти деньги, поскольку выплачивать их вкладчикам можно было только за счет дополнительной эмиссии. В то же время желательно было привлечь новых вкладчиков, поскольку это позволяло сократить эмиссию денег. Выход из противоречивого положения нашли в том, чтобы временно ограничить размер выдачи денег за счет довоенных вкладов (ограничение было отменено в 1944 году). По вкладам, внесенным в сберегательные кассы после 22 июня 1941 года, деньги выдавались без всяких ограничений.

Вклады населения в сберегательных кассах [5.13]
млрд. рублей, на конец года

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
В городах	5,8	3,9	3,4	3,5	4,3	8,2
В деревнях и селах	1,5	1,0	1,0	0,9	0,9	0,8
Всего	7,3	4,9	4,4	4,4	5,2	9,0

Приведенные в таблице данные отражают тот факт, что городское население жило богаче, чем сельское. Дело не только в абсолютных цифрах. Вклады сельского населения на протяжении всего военного периода снижались. В городах уже с 1943 года начался их рост, и в 1945 году они превысили довоенный уровень в 1,4 раза.

Третья форма мобилизации денежных средств населения для финансирования военного хозяйства напрямую, минуя государственный бюджет, – добровольные взносы и пожертвования в фонды Обороны и Красной Армии. Многие рабочие и служащие отчисляли в эти фонды однодневный и двухдневный заработок. Некоторые домашние хозяйки приносили изделия из золота и серебра. Молодежь проводила воскресники. Зажиточные колхозники сдавали зерно, мясо, молочные продукты. Были случаи, когда население отдельных районов и коллективы предприятий собирали деньги для оплаты танковых колонн и авиационных эскадрилий. Всего за годы войны в фонды Обороны и Красной Армии поступило свыше 16 млрд. рублей деньгами, 13 кг платины, 131 кг золота, более 9,5 тонн серебра, на 16,7 млрд. рублей других драгоценных вещей и иностранной валюты, свыше 4,5 млрд. рублей облигациями, на полмиллиарда рублей вкладов в сберегательных кассах [5.14]. Некоторые скептики сомневаются в том, что люди делали это действительно добровольно. Вряд ли их можно переубедить словами. Сколько людей без колебаний жертвовали для Победы своей жизнью. А это ведь дороже золота и платины. Известен случай, когда колхозники двух районов Ленинградской области на оккупированной территории собрали целый обоз продовольствия и, рискуя жизнью, переправили его через линию фронта в осажденный Ленинград. Вопрос к скептикам: это сделано тоже под нажимом? Кого? Немцев?

Важно другое. Комплекс финансовых мероприятий по перераспределению значительной части фонда личного потребления на нужды перевооружения действующей армии помог добиться коренного перелома на фронтах Отечественной войны. Более конкретно

это проявилось в устойчивом финансировании возросших расходов и относительно быстром преодолении возникшего дефицита государственного бюджета.

Расходы государственного бюджета СССР [5.15]
млрд. рублей

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
На народное хозяйство	58,4	51,7	31,6	33,1	53,8	74,5
Соцкульт. мероприятия:	40,9	31,4	30,3	37,7	51,3	62,7
просвещение	22,5	15,5	10,4	13,2	20,7	26,4
здравоохранение	9,0	6,8	6,8	8,5	10,2	11,5
социальные пособия	4,4	5,7	10,6	13,2	16,7	19,8
страхование	5,0	3,4	2,5	2,8	3,7	5,0
Оборона страны	56,8	83,0	108,4	125,0	137,8	128,2
Управление	6,8	5,1	4,3	5,2	7,4	9,2
Всего	174,3	191,4	182,8	210,0	264,0	298,8

В этой таблице не указаны относительно небольшие «прочие» расходы. Бросается в глаза более чем двукратный рост военных расходов. Уже в 1943 году они почти в 2 раза превысили довоенный уровень и в последующие два года продолжали довольно быстро расти. В это же время расходы по другим статьям существенно снизились и вышли на довоенный уровень только в 1944 или 1945 году. Исключения составляли социальные пособия, рост которых не мог, конечно, возместить то горе и утраты, которые обрушились на вдов и сирот, матерей, потерявших своих сыновней, а также на инвалидов войны.

В 1944 году расходы на оборону достигли своей высшей точки – 137,8 млрд. рублей, что составило 243 процента к довоенному уровню. Затем они стали снижаться. Надо отметить, что государственная финансовая система, используя свои методы и рычаги, и в военный период стремилась сохранить оставшиеся элементы хозяйственного расчета и бухгалтерской отчетности, укрепить режим экономии, снизить себестоимость производства вооружений и цены на эти специфические изделия. Тем самым сдерживался рост государственных расходов на оборону. В последние годы войны было достигнуто их снижение. По данным Н. Вознесенского «себестоимость продукции промышленных наркоматов снизилась в 1941 году на 6,9 %, в 1942 году – на 5,9, еще через год – на 2,5 процента». При этом себестоимость машиностроения (читай: изготовления военной техники) соответственно на 24; 17 и 9 процентов [5.16].

Еще одна особенность в динамике отдельных статей расходной части бюджета состояла в том, что ее структура не оставалась стабильной. В 1942 году затраты на оборону в 1,7 раза превышали сумму расходов на развитие народного хозяйства и на социально-культурные мероприятия, вместе взятые. В следующем году этот параметр остался почти на том же уровне – 1,8. В 1944 году он снизился до отметки 1,3, что отражало уже опережающий рост бюджетных расходов на мирные цели.

Начало улучшаться и качество *денежной системы.* Перед войной доходы государственного бюджета превышали его расходы, что позволило накопить некоторые финансовые резервы. В 1941–1943 годах бюджетное равновесие было нарушено. Дефицит составил соответственно: свыше 14, почти 18 и около 6 млрд. рублей. Чтобы покрыть его, пришлось прибегнуть к крайнему приему – эмиссии денег, не обеспеченных товарной массой. Это в свою очередь привело к обесценению рубля и определенным затруднениям при выполнении некоторых функций денег.

Производство товаров для населения [5.17]
1940 год = 100

1941	1942	1943	1944	1945
77	41	45	54	59

Ситуация на рынке сложилась весьма противоречивая: с одной стороны, предложение товаров на начальном этапе войны *сократилось* в 2,2–2,4 раза, а наличная денежная масса за это же время в процессе латания образовавшихся дыр в бюджете *увеличилась* в 2,4 раза. До конца войны изъять «лишние» деньги из обращения так и не удалось. По данным А. Зверева, в 1947 году, накануне денежной реформы, количество денег, находившихся в обращении, превышало довоенное в 2,5 раза [5.18]. Мало утешало, что этой болезни не избежали и другие воюющие страны.

Дефицит бюджета США и Великобритании (в % к расходам) все годы войны колебался в диапазоне от 41 до 71 процента, и они тоже прибегали к избыточной эмиссии денег. Так, денежная масса в обращении за годы второй мировой войны возросла в Великобритании в 2,5 раза, в США – в 3,5 раза, в Германии – более чем в 5 раз [5.19]. Обычно в результате роста денежной массы в обращении при недостатке товаров и услуг происходит соответствующий скачок цен. Россия, используя свои преимущества

(безналичные расчеты через банк за поставки основной массы производимой продукции, административный контроль за ценами на товары государственных и кооперативных предприятий и др.) максимально ограничила сферу инфляции, которая прорвалась на свободу только на колхозном и нелегальном рынках. (Подробнее об этом в следующем параграфе.)

На втором этапе войны положение меняется. Начали расширяться производство товаров для населения, объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, поступления денежных средств в доходную часть бюджета. Наконец-то его доходы превысили расходы. Возросли реальный потенциал государственных финансов и их роль в народном хозяйстве. Они укрепили свои действующие и восстановили функции, которые были частично или полностью свернуты в первую очередь в сфере образования и здравоохранения.

Расходы государственного бюджета на образование и здравоохранение [5.20]
млрд. рублей

	1928–1932	1933–1937	1938–1940	1941–1945
Образование	10,6	52,7	61,5	86,1
Здравоохранение	4,9	26,7	24,8	43,8

Данные таблицы свидетельствуют о том, что в России даже в самые трудные годы не жалели средств на вложения в «человеческий капитал».

Система народного образования серьезно пострадала на первом этапе войны. Достаточно сказать, что школы Российской Федерации потеряли в первом учебном году в условиях войны 25 % всего состава учащихся. Большинство из них пошло на работу в промышленность, на транспорт, в сельское хозяйство. В следующем году отсев учащихся составил еще 17 % от оставшихся. Еще через год ушли 15 % учеников и в последнем военном году – 11 % [5.21].

Видимо, в начале войны ни молодежи, ни руководству страны было не до школ. Бюджетные расходы на просвещение в 1942 году составили всего 46 % от довоенного уровня. Но как только экономика и руководство пришли в себя, положение радикально изменилось. В 1944 году на восстановление и развитие системы народного образования из бюджета было израсходовано 20,7 млрд. рублей, то есть почти столько же, сколько в довоенном сорок первом, а еще

через год – 26,4 млрд., на 17 % больше довоенного уровня. Люди, от которых это зависело, понимали, что вложения в качество человеческого материала – это главное условие возрождения великой России.

Численность учащихся [5.22]
на начало учебного года, тыс. человек

	40/41	41/42	42/43	43/44	44/45	45/46
Средние школы	34 784	17 765	14 036	17 966	24 656	26 094
Вузы	812	313	227	400	585	730
Техникумы	975	415	316	503	812	1 008

Анализируя эту таблицу, не следует забывать, что численность населения России в 1945 году почти на четверть сократилась по сравнению с 1940 годом. И еще: набор 1945 года – особенный. Только что началась массовая демобилизация из армии, и не случайно во многих вузах две трети первокурсников побывали на фронте или работали на заводах, выполняя его заказы... Жизненный опыт приобретали по формуле: год за два. Но теоретических знаний не хватало. Поэтому учились для себя, с азартом. Для обеспечения нормальной учебы было увеличено количество стипендий, улучшено питание студентов. Во время войны значительная часть из них освобождалась от службы в армии. В результате принятых мер в военные годы количество вузов и студентов довольно быстро приближалось к довоенному уровню.

Начиная с 1943 года наборы в техникумы обгоняли прием в Вузы. Специалисты нужны были немедленно. И структура народного образования настраивалась на такие потребности. За годы войны высшее образование получили 302 тысячи человек, а специальное среднее образование – 540 тысяч [5.23]. Это было своевременное и качественное пополнение корпуса квалифицированных кадров в народном хозяйстве.

Еще одно направление, которое тоже стало главным в финансовой политике в последние годы войны, – охрана и укрепление здоровья населения, основательно подорванного тяжелыми и трагическими событиями военных лет. Бюджетные расходы на эти цели уже в 1943 году почти достигли довоенного уровня и в последующие два года заметно превзошли его. Пожалуй, одним из обобщающих показателей, характеризующих положение в медицине и его динамику, является численность врачей.

Количество врачей в период войны [5.24]
на конец года, без военнослужащих, тыс. человек

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР	140,8	69,9	78,5	91,2	106,5	126,2
РСФСР	82,2	51,4	56,3	65,4	70,8	80,5
Украина	33,4	-	-	5,8	15,6	21,4
Белоруссия	4,2	-	-	-	2,0	2,6

Система медицинского обслуживания населения была основательно разрушена и на Украине, и в Белоруссии. Восстанавливали ее с большими трудностями и затратами. Российская Федерация относительно легче пережила эти тяжелые годы и первой достигла довоенного уровня. Но и здесь в начальный период войны в связи с мобилизацией медицинских работников в Красную Армию ощущался острый недостаток кадров в гражданских медицинских учреждениях. В этой связи пришлось провести досрочный выпуск студентов старшего курса медицинских институтов и перестроить их учебные программы, чтобы сократить сроки обучения. Только через два года стало возможным вернуться к прежним порядкам подготовки врачей и других специалистов в медицинских учебных заведениях.

О высокой квалификации наших медиков свидетельствует тот факт, что свыше 72 % раненых и более 90 % больных солдат и офицеров после лечения возвращались в строй.

К заслугам врачей и медицинского персонала несомненно следует отнести хорошо организованную работу по предупреждению эпидемий инфекционных заболеваний. Причем упор делался на профилактику, то есть на повышение иммунитета населения против различных болезней. В частности, широкое распространение получили специальные прививки. Усилилась борьба с туберкулезом. Сохранялись специализированные диспансеры, больницы, санатории. Выделялись дополнительные фонды для улучшения питания больных. Расширилась система диетического питания для детей. В 1943 году в летних оздоровительных учреждениях побывало 1,5 млн. детей. Через год их число увеличилось до 2,5 миллионов. В 1945 году – до 3,3 миллионов [5.25]. Все это финансировалось, в основном, за счет государства. Поэтому расходы бюджета на здравоохранение и медицинское обслуживание населения в 1943 году по сравнению с предыдущим годом увеличились на 25 %, в сорок четвертом – еще на 20 % и в сорок пятом – на 13 %.

Уже тогда понимали, что вложения в человеческий «капитал» не менее эффективны, чем производственные инвестиции.

5.2. Торговля, нормированное снабжение и цены

Военные условия жизнедеятельности россиян очень сильно изменили и исказили как внешние формы, так и экономическое содержание товарно-денежных отношений. Прежде всего произошел заметный сдвиг в сторону натурального распределения и обмена. Объем розничного товарооборота (в сопоставимых ценах) государственной и кооперативной торговли в 1942 и 1943 годах составлял всего одну треть к довоенному уровню[5.26]. Розничные цены на колхозных рынках подскочили вверх, а платежеспособность рубля скатилась круто вниз. Он уже не всегда мог выполнять на рынке свои функции устойчивого всеобщего эквивалента. Эту роль все чаще стали играть (в разных местах по-разному) водка, табак, сахар, чай, соль, спички и другие относительно компактные и полезные продукты. В феврале 1942 года на пленуме Московского горкома партии отмечалось: колхозники «картошку на деньги не продают, а все на обмен» [5.27].

Показательно также, что падение оборота государственной и кооперативной розничной торговли обгоняло сокращение фонда потребления (без потребления военнослужащих):

Динамика объемов фонда потребления и розничной торговли [5.28]
гос. и кооп. торговля, сопоставимые цены, 1940 = 100

	1942	1943	1944	1945
Фонд потребления	56	49	50	62
Торговля	34	32	37	45

Данные таблицы свидетельствует о том, что в годы войны в сфере распределения и обмена государственную и кооперативную торговлю существенно потеснили другие формы товарных и нетоварных отношений. Среди них главное место заняли колхозная торговля и так называемые внерыночные фонды, за счет которых обеспечивались продовольствием и обмундированием военнослужащие и приравненные к ним категории граждан. Например, удельный вес рыночного фонда в конечной продукции муки и крупы, на долю которого в 1940 году приходилось 86 %, в 1942 году снизился до 73 %, включая «торговлю» хлебом по карточкам. Соответственно удельный вес рыночного фонда мясопродуктов за тот же период сократился с 43 до 23 %, хлопчатобумажных тканей – с 46 до 9 %, кожаной обуви – с 79 до 27 % [5.29].

При этом в обобществленном секторе торговли также произошли серьезные структурные изменения:

Доля организаций в обороте государственной и кооперативной торговли [5.30]

общий объем товарооборота = 100

	1940	1945
Магазины Наркомата торговли	53,4	41,9
Центросоюз	24,1	21,5
Орсы и продснабы	7,7	26,2
Другие организации	14,8	10,4

Из приведенных данных видно, что наибольшую инициативу по увеличению товарных ресурсов для своих коллективов проявили отделы рабочего снабжения и другие подобные организации, созданные в военные годы почти на всех крупных и средних промышленных предприятиях. Пользуясь постоянной поддержкой со стороны государства (часть продовольствия они получали из централизованных фондов), дирекции и коллективов, они сумели в сжатые сроки увеличить в 3,4 раза производство и реализацию крайне необходимых в то время продовольственных продуктов. В деле мобилизации децентрализованных ресурсов товаров для населения многое сделали также Наркомат торговли и Центросоюз.

Поступление продовольствия из подсобных хозяйств орсов (а), наркомторга (б) и кооперации (в) [5.31]

тыс. тонн

		1942	1943	1944	1945
Картофель:	а)	360,0	586,0	1116,4	1347,9
	б)	87,4	131,6	158,4	124,4
	в)	-	-	89,3	88,9
Овощи:	а)	400,0	626,0	1467,9	2162,7
	б)	72,3	96,3	124,8	94,9
	в)	-	-	44,0	39,3
Мясо:	а)	32,0	36,7	49,6	53,0
	б)	22,0	10,0	7,5	9,5
	в)	-	1,8	1,5	3,8
Рыба*:	а)	60,0	72,0	109,0	102,5
	б)	21,1	25,2	21,2	17,9
	в)	18,8	25,2	24,5	24,0
Молоко:	а)	108,3	106,4	209,4	266,7
	б)	8,5	12,9	17,7	25,7
	в)	-	6,0	8,9	9,8

* Собственный улов.

Приведенные цифры весьма показательны. В военный период «сверху» требовали от всех организаций, чтобы они искали и находили, а также сами производили продукты питания. Из данных таблицы может сложиться впечатление, что меньше всего в этом отношении сделала потребительская кооперация. Надо понять, что она не могла, да, наверное, и не очень стремилась превращаться в новую, упрощенную систему колхозов. Кооперация весьма успешно выполняла свою основную функцию – заготовляла картофель, овощи, грибы, лесные ягоды. Так, в 1944 году кооперативные организации заготовили 2 627 тыс. тонн картофеля, что на 248 тыс. тонн превысило объем заготовок 1940 года. В том же году по линии кооперации было заготовлено 797 тыс. тонн овощей – свыше 40 процентов всего количества их заготовок по стране [5.32]. Чтобы дополнительно помочь фронту и крестьянству, обслуживать нужды которого она была призвана своим уставом, потребительская кооперация всячески стремилась расширить кустарное производство изделий, не выпускавшихся промышленностью. Например, саней, телег и других атрибутов конной «механизации», часть из которых направлялась в действующую армию.

У Наркомата торговли своих забот и трудностей с организацией бесперебойного снабжения населения продовольствием и промышленными товарами по карточкам хватало сверх головы. Поэтому заметно расширить собственное *производство* продовольственных товаров, что к тому же требовало определенных инвестиций, он тоже не смог. Исключение составляла рыбная ловля. Для этого специалистов и любителей найти было не особенно трудно.

Отделы рабочего снабжения (ОРСы) выполняли другие функции. Увеличение ресурсов продовольствия для конкретных трудовых коллективов было их основным занятием, за конечные результаты которого они отвечали «своей головой». И они совершили маленькое чудо. В то время как производство продовольствия в колхозах и совхозах круто снижалось, они увеличили его в два, три и даже в пять раз, что буквально спасло здоровье и даже жизни очень многим рабочим семьям.

Вместе с тем это способствовало решению общей задачи военного времени – как можно больше увеличить торговлю продовольственными товарами и расширить мощности общественного питания.

Объем и структура торговли продовольственными товарами [5.33]
включая общественное питание, в текущих ценах

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Все товары, млрд. рублей	175,1	152,8	77,8	84,0	119,3	160,1
из них, в % к итогу:						
Мясо и птица	3,3	3,1	3,2	3,0	2,2	2,1
Колбасные изделия	2,8	2,3	1,5	1,1	0,8	0,9
Рыба и сельди	1,8	1,9	1,8	2,0	1,8	1,4
Масло животное	1,9	2,3	2,5	2,2	2,0	1,8
Молоко и молокопродукты	1,2	1,6	1,4	1,6	1,6	1,6
Консервы	0,5	0,5	0,4	0,8	1,3	1,3
Яйца	0,6	0,6	0,4	0,6	0,9	1,0
Сахар	2,8	2,7	1,1	0,6	0,6	0,9
Кондитерские изделия	3,7	3,6	2,2	2,0	1,5	1,9
Хлеб	17,2	17,4	14,5	11,5	8,3	7,0
Мука	1,7	1,7	3,9	2,6	1,5	1,7
Крупа	1,8	2,3	1,7	1,7	1,3	1,4
Алкогольные изделия	11,8	11,8	21,0	25,1	31,7	35,1

Следует иметь в виду, что эти цифры в реальном времени менялись под воздействием трех факторов: во-первых, количества реализации конкретного товара, во-вторых, роста розничных цен и, в-третьих, изменения общей структуры товарооборота. Тем не менее некоторые цифры следует прокомментировать.

Физические, то есть реальные объемы торговли большинством товаров через государственную и кооперативную торговлю уменьшились в 1944 году по сравнению с довоенным уровнем в 2-3 раза. В том числе торговля мукой (хлебом) – в 2,3 раза; мясом – в 1,6 раза; рыбой и селедкой – 1,9; сливочным маслом – 1,8; сахаром – почти в 9 раз.

Розничные цены на хлеб, крупу, масло, мясо, отпускаемые по карточкам, за годы войны почти не менялись.

Особо следует сказать о резком увеличении в товарообороте доли алкогольных напитков. Может создаться впечатление, что россияне превратились в беспросветных пьяниц и вместо продуктов питания стали потреблять спиртные напитки. На самом деле ничего этого не было. Централизованные рыночные фонды водки и ликерно-водочных изделий в 1942 и 1943 годах сократились по сравнению с довоенным уровнем в 5 раз, а розничные цены в 1944 и 1945 годах повысились соответственно в 6–7 раз.

Теперь о торговле непродовольственными товарами. Нужда в них тоже была немалая, но все же не такая острая, как в продовольствии.

Их централизованные фонды сократились еще в большей степени по сравнению с продовольственными товарами:

Централизованные рыночные фонды непродовольственных товаров [5.34]
млрд. рублей, в ценах апреля 1954 г.

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Х/б ткани	14,0	10,8	1,8	1,0	1,3	2,9
Шерстяные ткани	2,6	1,4	0,7	0,8	1,5	1,9
Шелковые ткани	2,0	1,5	0,9	0,8	0,9	0,8
Швейные изделия	11,6	7,1	1,2	1,2	1,3	2,1
Трикотажные изделия	2,2	1,5	0,4	0,4	0,4	0,5
Чулки и носки	1,6	1,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Кожаная обувь	7,1	4,5	0,7	0,6	0,8	1,1
Резиновая обувь	1,7	1,2	0,01	0,01	0,1	0,2
Хозяйственное мыло*	340	260	86	67	73	92
Табачные изделия *	5,4	4,2	1,3	1,1	1,1	2,2
Туалетное мыло	0,9	0,7	0,2	0,07	0,1	0,2
Керосин*	1430	999	219	121	112	193

* Тыс. тонн.

Если по продовольствию централизованные рыночные фонды в период войны сократились в большинстве случаев в 2–3 раза, то по непродовольственным товарам их урезали в 4–5 раз, а на некоторые товары и больше. С дефицитом одежды и обуви люди мирились легче.

Видимо, поэтому *карточную (нормированную) систему снабжения населения* продовольственными товарами (надо отметить, по весьма низким нормам и ценам) ввели в первую очередь.

Меньше чем через месяц после начала войны постановлением Совнаркома в Москве и Ленинграде, а также в Московской и Ленинградской областях была введена нормированная торговля по карточкам на некоторые продовольственные и промышленные товары. Речь шла о хлебе и хлебопродуктах, масле животном и растительном, мясе и рыбе. По промтоварным карточкам можно было приобрести ткани, швейные, трикотажные и чулочно-носочные изделия, кожаную и резиновую обувь, хозяйственное и туалетное мыло.

Постановление установило, что «отпуск хлопчатобумажных тканей, швейных, трикотажных и чулочно-носочных товаров, кожаной и резиновой обуви производится по нормам на купоны карточек с предоставления покупателям права выбора, но не превышая следующего количества купонов:

для рабочих и ИТР 125 купонов,
для служащих 100 купонов,
для иждивенцев (включая детей) 80 купонов.

Продажу мыла хозяйственного и туалетного производить по разовым талонам ежемесячно по одному куску хозяйственного и туалетного на одну карточку...

Сохранить существующий порядок снабжения продовольственными и промышленными товарами детских садов, детских домов, санаториев и других закрытых учреждений»[5.35]. Для проведения в жизнь принятого правительством постановления потребовалась подготовка, а значит, и время. Практически только в сентябре 1941 года было налажено нормированное снабжение хлебом и сахаром в 197 городах и рабочих поселках Донбасса, Свердловской, Челябинской, Тульской и некоторых других областей, а с 1 ноября – во всех остальных городах и рабочих поселках страны.

Одновременно в Горьком, Свердловске, Новосибирске, Куйбышеве, Иванове, Караганде и других городах, количество которых быстро достигло 115, были введены карточки на мясо, рыбу, жиры, крупу и макароны. Для тех городов, где карточки не ввели, продукты выделялись из централизованных фондов по расчетным нормам на все население[5.36]

Традиционно основными продуктами питания для большинства населения России, особенно в деревне, были хлеб, картофель, капуста и другие овощи, яблоки и лесные ягоды, грибы, а также молочные продукты, яйца и растительное масло. Мясо украшало праздничный стол и добавляло сил в период основных работ в поле. Этот набор продуктов содержал в себе достаточно для организма энергоносителей, витаминов и прочих разных минеральных добавок. Но в годы войны далеко не все крестьяне имели возможность получить такой набор продуктов. Пища стало малопитательной и скудной. «Хлеба, главного продукта питания, ели в полтора-два раза меньше, чем в мирное время. И без того недостаточное потребление мяса уменьшилось в два раза, яиц – в полтора-два раза. Редкостью стали пищевые продукты промышленного производства, прежде всего сахар.

В какой то мере потери в питании возмещались за счет картофеля и молока. Эти продукты были единственными, потребление которых за время войны не только не уменьшилось, но даже возросло. В конце войны в деревне на душу крестьянского населения ежедневно потребляли в среднем 800–850 граммов картофеля и менее 300 граммов хлеба»[5.37]. Белки, жиры и витамины получали в основном за счет молока и яиц.

В войну для большинства горожан основными продуктами питания стали: хлеб, каши, картофель, осенью овощи, сало или жиры сомнительного происхождения, а если повезет, немного и молочных продуктов. Рыба (селедка), мясо и сахар относились к категории деликатесов.

Хлеб потреблялся каждый день, и он стал главным и любимым продуктом питания. Думаю, что если бы в то время предложили на выбор большой кусок свежего хлеба или пирожное, то, если не большинство, то во всяком случае очень многие предпочли бы свою любимую, ароматную горбушку...Поэтому главной продуктовой карточкой была хлебная, дававшая право на это, ни с чем не сравнимое кушанье. Интересно, что численность гражданского населения в период войны заметно сократилась, а количество людей, получавших хлебные карточки, увеличивалось.

Количество населения на государственном снабжении хлебом [5.38]
млн. человек, на конец года

	1942	1943	1944	1945
Всего	61,8	67,7	74,0	80,6
По городским нормам	41,0	43,2	48,4	53,8
По сельским нормам	20,8	24,5	25,6	26,8

Получается, что в 1945 году примерно половина населения страны находилось на государственном снабжении хлебом. Причем треть из них были сельскими жителями. Основная причина устойчивой тенденции расширения централизованной системы снабжения населения хлебом заключалась в том, что валовые сборы зерновых в годы войны резко сократились. Напомню, что урожай зерна в 1942 и 1943 годах не достигал и трети довоенного уровня, в 1944 году едва превысил его половину. В таких условиях пришлось применять особые, в том числе жесткие, меры, чтобы максимально увеличить государственные заготовки хлеба, и по снижающимся нормам снабжать все более широкий круг населения из централизованных фондов.

Вот как описывает ситуацию с заготовками зерновых в Поволжье А. Микоян, куда он был направлен осенью 1942 года «спасать положение» во главе с группой, в которую входили нарком земледелия Бенедиктов, нарком заготовок Субботин и другие ответственные руководители: «В 1942 году Кубань, Ставрополь, Дон, Украина – основные житницы страны были оккупированы

гитлеровцами. Снабжение страны и фронта хлебом стала особенно острой проблемой. Решить ее можно было только за счет Поволжья и Сибири. На Алтае уродился хороший урожай, но убирали его плохо...

Выяснилось, что и в Поволжье сроки уборки растянули и допустили большие потери. Сельскохозяйственная техника используется плохо. При рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, злостно уклоняющихся от работы по уборке урожая, виновных в его разбазаривании или хищениях, допускается волокита... «Я не скажу, – цитирует Микоян свое выступление перед активом, – что хлеб заготовлять легко, трудности есть, и немалые. Плохо посеяно, качество сева плохое, обработка плохая, плохо убрали и плоды от работы невелики. Трудно заготовлять... Но без хлеба страна не сможет воевать. Вы все сроки пропустили. План заготовок выполнен всего на 32 %... Вы должны удвоить и утроить темпы заготовок... Потом будет труднее брать – растащат».

За провал хлебозаготовок был снят с поста первый секретарь райкома ВКП(б) Терехин, которого исключили из партии и отдали под суд... Другому секретарю райкома был объявлен строгий выговор, и он был предупрежден, что, если положение с хлебозаготовками в районе не будет выправлено, он будет снят с поста, исключен из партии и предан суду».

В своем выступлении на заседании Башкирского обкома партии Микоян коснулся ежедневных норм карточного снабжения населения хлебом: «Нельзя снижать паек. Если рабочий работает вдвое, то этот паек мал ему. Если придется снизить паек, тогда рабочий не сможет работать – значит, подорвется снабжение фронта.

Видите, как вопрос стоит, – не можем мы пойти на то, чтобы уменьшить паек красноармейцу или рабочему. Им не хватает. Рабочий работает месяцами без выходных дней, год без выходных дней, отдает все, все вытягивает из себя. Извольте это знать. Мы не должны срывать дело...

О совхозах... Директор там просто преступник... Я его не знаю, не проверял. Если он сам пишет, что 2000 тонн зерна намолочено, и за все время сдано 150 тонн, пусть в отставку подает и идет на фронт... Надо такого «незаменимого» директора заменить. Поручить прокурору, чтобы он расследовал и, если надо, арестовал его и – под суд. Суд разберется...» [5.39].

Весьма характерный пример, как в те трудные годы были организованы заготовки хлеба. Красноармейцу и рабочему нужен хороший паек. А о крестьянине забыли. Отмечено только, что

«при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, злостно уклоняющихся от работы по уборке урожая, допускается волокита», что «плохо посеяно, качество сева плохое, обработка плохая, плохо убрали и плоды от работы невелики». А почему так происходит? Может быть нужно помочь крестьянину? Ведь лучшие трактора и автомашины у колхозов и совхозов забрали. Большинство лошадей тоже потребовалось для армии. Трудоспособных мужчин отправили на фронт. Как же без тягла и главных рабочих рук качественно пахать и обрабатывать поля, быстро, без потерь убирать урожай? Микоян всего этого не замечает. Его волнует только вопрос, почему допускается волокита в отношении лиц, «злостно уклоняющихся от работы по уборке урожая». Во-первых, это не так – количество начисленных трудодней на одного колхозника (главным образом, женщин и подростков) в период войны возросло. Во-вторых, они тоже, как и рабочие, «отдают все, все вытягивают из себя». Но за свой труд получают по 200-300 граммов зерна в расчете на день, то есть ниже уровня детской хлебной карточки. Оставалась одна надежда – хорошо потрудиться на приусадебном участке, чтобы хотя бы по минимуму прокормить семью.

Нельзя забывать, что в военные годы больше половины гражданского населения страны не получала продовольственных карточек и должна была искать какой-нибудь надежный источник продуктов питания. Для колхозников таким источником было приусадебное хозяйство. Примерно 8–10 % его продукции использовалось для обмена на промышленные товары. «Приезжает к нам из Барнаула машина, – рассказывает председатель колхоза, – не знаю с какого предприятия. Привезли вилы, лопаты, тазы, гвозди, проволоку – все это нужно колхозникам. Все расхватали. Отдавали 6 килограммов муки за ведро, 5 ведер картошки за таз...» [5.40].

В городах в 1945 году на продовольственном снабжении по карточкам числилось свыше 33 млн. человек. По размеру норм снабжения их объединили в четыре основные группы:

Городское население, получавшее продовольственные карточки [5.41]

млн. человек

	1942	1943	1944	1945
Рабочие и ИТР	7,9	12,1	16,2	19,0
Служащие	1,3	1,2	1,5	1,7
Иждивенцы	2,9	3,3	4,7	6,0
Дети	3,2	3,9	5,5	6,5
Всего	15,3	20,5	27,9	33,2

Рабочие в зависимости от размера норм снабжения делились еще на три категории. Служащие – на две. Основными в семье считались хлебные карточки. Они состояли из талонов гарантированной продажи хлеба на каждый день по низким, можно сказать, условным ценам. Нормы продажи хлеба были дифференцированными для разных категорий населения. Кроме того, горожане получали продовольственные карточки, по которым можно было (не всегда!) приобрести в продовольственных магазинах определенное количество мяса или рыбы, крупы или макарон, масла растительного или сала, реже, сливочного масла, других продуктов. Например, в Москве в 1942 году рабочие могли получить по карточкам 400 г сахара, служащие и дети до 12 лет – 300, иждивенцы – 200. В отдельных городах набор продуктов и нормы их продажи были разными в зависимости от ряда факторов, прежде всего, от размера ресурсов, имевшихся в распоряжении городских властей.

Кроме того, значительное количество населения снабжалось продовольствием без карточек через заводские столовые и отделы рабочего снабжения по спискам, заборным книжкам, разовым талонам и др. Все это тоже называлось и торговлей, и государственным снабжением.

В сельской местности часть населения также обеспечивалась за счет государственных ресурсов, но, в основном, только хлебом.

Сельское население, снабжаемое хлебом государственными органами [5.42]
на конец года, млн. человек

	1942	1943	1944	1945
Сельская интеллигенция	17,8	15,8	17,0	19,0
Работники промышленности	-	7,1	7,8	7,5
Эвакуированные	3,0	1,6	0,8	0,3
Всего	20,8	24,5	25,6	26,8

Данные таблицы отражает довольно массовую миграцию сельского населения, усилившуюся на втором этапе Отечественной войны. В деревню начала возвращаться интеллигенция: учителя, врачи, агрономы, служащие местных органов власти и других учреждений. В то же время по мере освобождения оккупированных территорий от германских захватчиков бывшие эвакуированные, расселенные по деревням тыловых регионов, заторопились вернуться в родные места, хотя там их часто ждали руины и общий хаос неналаженной жизни и привычного порядка. Но самое страшное и тяжелое было уже позади.

При анализе и оценках количества населения, снабжавшегося хлебом и другими продовольственными продуктами, следует иметь в виду, что несколько миллионов человек находились на полном иждивении у государства: в школах ФЗО, ремесленных училищах и других закрытых учебных заведениях, в детских домах и интернатах.

Детям в возрасте от одного до трех лет во многих городах предоставлялось дополнительное питание из специальных пищевых пунктов. Питанием из молочных кухонь и таких пунктов в конце 1942 года пользовались 430 тыс. малышей, в конце сорок пятого – около миллиона.

Полный рацион питания получали дети, находившиеся в яслях и детских садах. Ребенку в яслях полагалось 900 г сахара в месяц при норме по карточкам – 300 г. При круглосуточном пребывании малышей в детских учреждениях им были повышены нормы и по другим продуктам питания. Всего в годы войны в яслях и детских садах воспи́тывалось 2,1–2,6 млн. детей.

В городских школах ученики получали горячие завтраки. Для этого на каждого школьника дополнительно отпускалось по 50 г хлеба и 10 г сахара в день. В 1942 году такие условия были созданы для 4 млн. учащихся. В последующие годы их число значительно возросло.

Для детей, особенно нуждавшихся в усиленном питании, как и для инвалидов войны, были организованы специальные диетические столовые, где расход мяса, рыбы, жиров и других продуктов превышал нормы, предусмотренные по карточкам.

Для укрепления здоровья детей и подростков большое значение имели летние пионерские лагеря, загородные детские сады и ясли, где они не только целый день были на свежем воздухе, но и хорошо питались. Всего в 1943 году за городом отдыхали и набирались сил 1,5 млн. детей, еще через год – 2,5 и в год Победы – 3,5 млн. детей[5.43]

Конечно, большинство детей оставались в городе, а подростки, как правило, работали, но все же государство, местные органы власти и руководство промышленных предприятий постоянно оказывали детям и подросткам очень нужную помощь и поддержку.

Поскольку государственное снабжение по карточкам и адресная, дополнительная помощь многодетным и особо нуждающимся семьям далеко не полностью удовлетворяли потребности населения в продуктах питания, широкие масштабы получила «свободная» колхозная торговля и натуральный обмен различных вещей, в том числе подержанных, на продовольствие. Для большинства крестьянских семей рыночная торговля стала основным источником денежных доходов.

В городах существовал также «черный рынок», где можно было по спекулятивным ценам купить почти все, включая и продовольственные карточки.

Доля государственной, кооперативной и колхозной торговли в розничном товарообороте [5.44]
в процентах к общему итогу

Торговля	1932	1940	1945
	Весь товарооборот		
Государственная	30	63	42
Кооперативная	53	23	12
Колхозная	17	14	46
	Объем торговли прододовольствием		
Государственная	26	62	38
Кооперативная	48	18	11
Колхозная	26	20	51

В этой таблице неожиданно появились данные за 1932 голодный год, когда колхозная свободная торговля только возрождалась. Перед войной государственная торговля заметно потеснила с розничного рынка и кооперативы, и колхозников – выполнялась установка на ограничение экономической роли торговой кооперации и приусадебных хозяйств.

К концу войны колхозная торговля в розничном обороте продовольственных товаров заняла главное место, превзойдя оборот государственной и кооперативной торговли вместе взятых. Но это результат воздействия на рынок ценового фактора. Реально, то есть если расчет товарооборота вести в неизменных ценах, доля колхозной торговли останется на уровне предвоенного времени.

С января 1941 года во многих городах стало налаживаться нормированное снабжение непродовольственными товарами. Однако этот процесс серьезно тормозился небольшим объемом рыночных ресурсов.

Чтобы подключить дополнительные источники поступления наличных денег в доходную часть бюджета, весной 1944 года в крупных городах страны были организована свободная государственная торговля продовольственными, а впоследствии и непродовольственными товарами по повышенным ценам.

«Карточная система принесла с собой, – отмечал Д. Павлов, – не только рациональное и экономное расходование продовольствия, но и имела отрицательные стороны. Одной из них было то, что многие люди, имевшие деньги, не могли приобрести на них нужную вещь

без карточек. Тем самым снижалась заинтересованность людей в заработке. Восстановить равновесие между доходами, получаемыми за труд, и расходами было необходимо. А вот как это сделать при крайне ограниченных товарных ресурсах, никто не знал. Ломали голову, искали выход... После рассмотрения разных вариантов остановились на одном – открыть коммерческие магазины»[5.45]. Здесь качество товаров было несколько лучше, а цены значительно выше, чем в торговле по карточкам.

Стоит отметить, что *ценообразование в годы войны* стало в большей степени инструментом политики, чем экономики. При значительных колебаниях издержек производства и резком расширении платежеспособного спроса органам управления удалось обеспечить стабильность общего уровня оптовых цен на изделия тяжелой промышленности, тарифов на грузовые перевозки, закупочных цен в сельском хозяйстве и розничных цен на продовольствие в системе нормированного снабжения населения.

Уже отмечалось, что на первом этапе войны себестоимость промышленной продукции заметно возросла. Однако цены на уголь и металл, а также тарифы на грузовые перевозки не менялись даже тогда, когда их производство стало убыточным. Покрытие убытков осуществлялось за счет дотаций из государственного бюджета.

Важнейшими потребителями металла, топлива, машин и транспортных услуг были военные предприятия. Неизменность цен на сырье и другие поставки со стороны обеспечивали низкие издержки производства вооружений и боеприпасов...

В период войны в машиностроении и военной промышленности производительность труда постепенно повышалась. Себестоимость продукции снижалась. Это позволило уже в 1942 г. снизить отпускные цены на продукцию военной промышленности по сравнению с довоенным уровнем на 18 %, по машиностроению – на 13 %.

Заготовительные цены на зерно, хлопок, сахарную свеклу и продукты животноводства в годы войны оставались относительно стабильными.

Индекс заготовительно-закупочных цен на сельхозпродукты в 1947 г. [5.46]
закупки в колхозах и у населения, 1940 = 100

Пшеница	70	Крупный рогатый скот	39
Рожь	97	Овцы и козы	49
Хлопок	98	Свиньи	86
Сахарная свекла	229	Молоко	150
Подсолнечник	101	Яйца	100
Картофель	100	Шерсть	100

Как видно из приведенных в таблице индексов на протяжении всей войны заготовительные цены на основные продукты крестьянства не только оставались стабильными, но даже снизились. Особенно сильно и болезненно на пшеницу (– 30 п.п.), крупный рогатый скот (– 61 п.п.), овец (– 51 п.п.) и свиней (– 14 п.п.). Как будто крестьянству была объявлена война на уничтожение. Повысились закупочные цены только на сахарную свеклу – страна оказалась без сахара, и на молоко – сказывалась конкуренция приусадебных хозяйств.

Цена на шерсть осталась прежней, а хлопок подешевел. Тем не менее себестоимость продукции легкой и пищевой промышленности значительно выросла. Это объяснялось, главным образом, существенным сокращением производства, простоями предприятий из-за перебоев в снабжении электроэнергией, топливом и сырьем, повышением заработной платы и изменением состава рабочей силы. Повышение себестоимости привело к росту оптовых цен на продукцию легкой и пищевой продукции, индекс которых уже в 1942 году составил 120 % по отношению к довоенному уровню» [5.47].

Розничные цены на отдельные продовольственные товары в нормированной и коммерческой торговле и на колхозных рынках [5.48]
на конец года, в рублях за килограмм

Товар	Государственная торговля		Государственная коммерческая торговля		Колхозные рынки	
	свободная	по карточкам				
	1940	1945	1944*	1945	1944*	1945
Говядина	12	12	400	150	244,1	71,1
Сельдь	5,4	6,4	300	150	-	-
Масло сливочное	25	25	1000	370	630	203,5
Масло растительное	13,5	13,5	700	250	375	149
Сахар	5,7	5,7	1050	250	-	-
Хлеб ржаной	1	1	-	24	147**	31**
Яйца, десяток	6,5	6,5	200	100	171	63,3
Водка, 0,5 л	11,5	80,5	250	100	-	-

* Весна 1944 года.
** За 1 кг ржаной муки.

Очень информативная таблица. Во-первых, правительству все же удалось удержать в системе нормированного снабжения населения на протяжении всего военного периода низкие розничные цены основных продуктов питания на уровне конца 1940 года (кроме спиртных напитков и табачных изделий). Государственные цены на непродовольственные товары за этот же период возросли на 95 процентов.

Средний индекс розничных цен на все товары в государственной торговле в 1945 году составил 205 % к уровню сорокового года. Номинальная зарплата рабочих и служащих за это же время возросла в 1,4 раза. Их реальные доходы сократились, но относительно ненамного. Значительно в большей степени снизились доходы крестьянства. Несмотря на возросшую в годы войны трудоемкость производства всей сельскохозяйственной продукции, заготовительные цены на продукцию колхозов и совхозов были заморожены на отметке 1940 года или даже значительно снижены относительно довоенного уровня.

Во-вторых, после бурного подъема в первые 2–3 года войны цены продовольственных товаров на колхозных рынках достигли пика весной 1943 и 1944 гг. – рост в 13–16 раз. Затем начали существенно снижаться.

В-третьих, в нашей литературе, а также в выступлениях официальных лиц можно встретить высказывания, что создание разветвленной сети государственной коммерческой торговли заставило крестьян снизить цены на колхозных рынках. Между тем факты говорят о другом. Весной 1944 года, когда коммерческие магазины впервые открыли свои двери для покупателей, продовольственные товары на колхозных рынках продавались дешевле, чем такие же товары в новой системе торговли. Так, на колхозных рынках 43 крупных городов килограмм говядины стоил тогда в среднем 244 рубля, в том числе на рынках Москвы – 325 рублей. В коммерческой торговле – 400 рублей. К концу 1945 года средняя рыночная цена на говядину снизилась до 71 рубля (на рынках Москвы – до 64 рублей), а в коммерческой торговле – до 150 рублей. Масло растительное подешевело на рынках с апреля 1944 года до октября сорок пятого с 375 до 149 рублей за литр. В коммерческой торговле за это же время цена растительного масла снизилась с 700 до 250 рублей. Литр молока подешевел на рынках с 32 до 20 рублей (в Москве – с 50 до 27 рублей). В коммерческой торговле соответственно с 60 до 40 рублей. Думаю, читатель сам разберется, какая торговля выступала в роли локомотива снижения

цен на продовольственные товары, а какая тормозила, сдерживала движение в этом направлении.

Открытая торговля непродовольственными товарами промышленного изготовления на колхозных рынках запрещалась. Поэтому коммерческие магазины, где свободно продавались непродовольственные товары, не встречали конкурентов в своей деятельности, что в известной степени сказывалось на уровне и динамике их розничных цен. Тем более не могло конкурировать с ними нормированное снабжение населения промышленными товарами широкого потребления, рыночные фонды которого были весьма ограниченными.

Розничные цены нормированной и коммерческой торговли на отдельные непродовольственные товары [5.49]
в рублях за единицу, на конец года

Товар	Нормированная торговля		Коммерческая торговля	
	1940	1945	1944	1945
Ситец, м	3	3	9,6	55
Пальто мужское	377	377	4300	3000
Костюм мужской	367	367	4000	2950
Ботинки кожаные	140	140	1875	1700
Галоши	20	20	1080	700
Мыло	2,7	5,5	350	138

Разрыв цен коммерческой торговли промышленными товарами по сравнению с нормированным снабжением был значительно бóльшим, чем в торговле продовольствием. Особенно высоко подняли коммерческие цены на товары, которые покупали крестьяне, – ситец, галоши, мыло. Но даже при таких условиях желающих купить товары в коммерческой торговле оказалось больше, чем предполагали в правительстве [5.50].

К концу 1945 года сеть коммерческой торговли насчитывала 200 магазинов, 129 палаток, 138 ресторанов. При этом продажа продовольственных товаров осуществлялась в 130 городах, промышленных товаров – в 40. Коммерческая сеть ресторанов и чайных была почти в каждом городе. Чтобы расширить возможности посещать коммерческие рестораны, интеллигенции и квалифицированным рабочим выдавали специальные талоны, которыми можно было частично расплатиться за стоимость соответствующих блюд.

В 1945 году товарооборот коммерческой торговли достиг 15 млрд. рублей (в текущих ценах). При этом реализация продовольственных товаров по сравнению с предыдущим годом возросла в 1,9 раза, в том числе рыбы – в 3,2 раза, мясопродуктов – в 2,6 раза, сахара – 4,5 раза.

Коммерческая торговля непродовольственными товарами за тот же период расширилась в 2,7 раза, в том числе одеждой – почти в 3 раза, кожаной и резиновой обовью – в 2,4 раза, трикотажем, чулками и носками – почти в 2 раза. Во всем розничном обороте по текущим ценам доля коммерческой торговли в 1945 году составила 9,8 % [5.51].

Как отмечал Д. Павлов, коммерческая торговля позволила полнее удовлетворять запросы людей, усилить воздействие потребителей на ассортимент выпускаемых изделий, побудить промышленность производить товары, выпуск которых в годы войны был прекращен, улучшить их качество. Имело значение и то, что коммерческая торговля дала возможность увеличить поступление доходов в государственный бюджет на 5,2 млрд. рублей [5.52].

Подводя общий итог развития многострадальных товарно-денежных отношений в военный период, следует отметить, что тот неотлаженный механизм сочетания в управлении экономикой плана и рынка, который с большими трудностями создали в России во второй половине тридцатых годов, не выдержал перегрузок и сломался. От него остались только колхозный рынок, коммерческая торговля, отдельные деформированные детали различных планов и обесцененные деньги. В планировании пришлось отказаться от среднесрочных и фактически даже от годовых планов, поскольку никто не мог определенно сказать, где через год будет проходить линия фронта, какие потребуются ресурсы, где и как их можно будет найти. В планировании основным инструментом целенаправленного воздействия на производство стали квартальные и месячные планы с разбивкой на недели и даже дни, которые нередко корректировались оперативными указаниями из центра, чаще всего в сторону повышения заданий...

Бумажные деньги, реальная ценность которых быстро снижалась, с переменным успехом использовались как инструмент сводного учета, планирования, распределения и перераспределения, а также контроля. В значительно меньшей степени они применялись как средство обращения и материального стимулирования. Высокие результаты в работе часто достигались путем повышения интенсивности труда и натуральной формы поощрения отличившихся работников.

5.3. Ленд-лиз как новая форма экономической помощи

Война принесла с собой резкие перемены в сфере внешнеэкономических связей России. Во-первых, изменилась их структура. Напомню, во второй половине 30-х годов основными торговыми партнерами выступали США и Великобритания. В 1940 году их место заняла Германия: на ее долю приходилось 40 % внешнеторгового оборота СССР. Во время войны прежняя структура внешнеэкономических связей была восстановлена – США и Великобритания вновь заняли главное место во внешнеэкономических связях России. Во-вторых, объем ее экспорта (в долларах), особенно в первые годы войны, круто сократился, и внешнеторговый оборот стал остро дефицитным.

Внешнеторговый оборот России в военный период [5.53]
млн. рублей, по курсу соответствующих лет

	1940	1942	1943	1945
Экспорт	1 412	399	373	1 433
Импорт	1 445	2 756	8 460	14 805
Оборот	2 857	3 1 55	8 833	16 238

Цифры свидетельствуют: перед войной объемы экспорта и импорта России были практически сбалансированными между собой. За этим строго следило самое высокое руководство страны. В период войны в силу объективных потребностей увеличения ресурсов сопротивление руководства было преодолено: импорт стал превышать экспорт во много раз. Такие «вольности» на мировом рынке обычно не допускаются. Они стали возможными только благодаря введению в практику новой формы взаимопомощи между воюющими странами – ленд-лизу. Это как раз тот случай, когда политика приобретает приоритет над коммерцией и взаимная выгода наполняется другим, более сложным содержанием, вытекающим из альтернативы: победа или поражение в войне с общим противником.

Чаще всего английское слово lend-lease переводится на русский язык, как «давать взаймы» или «сдавать» в аренду. Такой перевод, однако, экономически не совсем точен. Давать взаймы – это значит в кредит, в долг. Но долг надо не только вернуть, но и оплатить проценты. Аренда предполагает заранее установленную оплату за пользование конкретными благами, притом в определенные сроки. В данном случае речь шла о другом, а именно о взаимной помощи и поддержке союзников в войне против общего опасного

врага. Поэтому примерно 90 % поставок вооружений и других стратегических материалов из США и Англии в Россию не имели обычной товарной формы. Они передавались ей в пользование на время напряженной борьбы с гитлеровской Германией без четко очерченных обязательств. Коммерческие сделки остались, но они играли вспомогательную роль, уступая приоритет военным интересам. Кроме того, сохранились внешнеторговые связи с Монголией и некоторыми другими странами.

Коммерческий товарооборот России в период войны [5.54]
млн. рублей, по курсу пересчета валюты на 01.01.61

	1940	**1941**	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Импорт	245,0	277,7	181,8	173,1	198,8	259,7
Экспорт	240,0	178,5	65,7	66,8	114,9	301,8
Оборот	485,0	456,2	247,5	239,9	313,7	561,5

Как видно из приведенных цифр, внешний коммерческий товарооборот России в 1941–1945 годах тоже был дефицитным, и ей пришлось пользоваться и кредитом и оплачивать превышение импорта над экспортом золотом и остатками твердой валюты. Расплачиваться таким образом за весь объем крайне необходимых заказов она просто не могла. Для этого ей пришлось бы залезть в очень крупные долги. Поэтому ленд-лиз пришелся весьма кстати, хотя он родился не сразу, и не для России. Можно утверждать, что если бы речь шла только о помощи нашей стране, то никакого ленд-лиза мир не увидел. Эту новую форму экономической помощи и поддержки изобрели специально для Великобритании, и создавали ее в несколько этапов.

В США с давних времен сильные позиции занимали изоляционисты. Кратко их принцип можно изложить следующим образом: ни одна заморская страна не должна вмешиваться во внутренние дела Северной и Южной Америки, но и США не следует втягиваться в конфликты на других континентах. Этот принцип юридически был зафиксирован в форме Закона о нейтралитете. Поэтому, когда в Европе осенью 1939 года началась новая фаза второй мировой войны, президент Ф. Рузвельт наложил эмбарго (запрет) на военные поставки всем воюющим странам. Вслед за этим была созвана специальная сессия Конгресса, чтобы пересмотреть вопрос об эмбарго.

Американцы всегда были прагматиками, особенно, когда речь шла о больших деньгах. И на этот раз после довольно острых дебатов они пришли к компромиссу: продавать вооружения

дружественным воюющим странам можно, но «только за наличные деньги и при условии, что доставка производится покупателем собственными средствами».

Англичане и французы без сопротивления проглотили эту горькую пилюлю. За первое полугодие 1940 года они разместили в США столько же заказов, как за весь 1939 год, в том числе закупили 8 тыс. самолетов и 13 тыс. моторов. Кроме того, были сделаны крупные заказы на станки и технологическое оборудование, боеприпасы, артиллерийские орудия и другое оружие. Причем англичане, чтобы ускорить выполнение их заказов, были вынуждены затратить более 200 млн. долларов на строительство новых и расширение действующих заводов в США. Эдвард Стеттиниус – американский автор объективной и интересной книги о ленд-лизе признает: «Система «покупки за наличные и доставки своими средствами», конечно, помогла народам, отражавшим агрессию, но в тот период она гораздо больше помогла нашей собственной обороне. Американская военная промышленность получила хороший старт, а доставка самолетов, заказанных англичанами и французами, еще только начиналась...

Если говорить о наших действиях совместно с Англией и Францией, то мы тогда начали слишком поздно и успели слишком мало. Линия Мажино пала. Нацисты подошли к Ла-Маншу...»[5.55].

Выступая в Лондоне в палате общин, У. Черчилль сообщил: «После Дюнкерка спаслись 335 тысяч человек. Они располагали всем лучшим из того, что создала наша промышленность. И все это погибло. Английским заводам понадобиться несколько месяцев, чтобы восполнить эти внезапные серьезные потери, но при этом вторжение врага может произойти в любой момент». (России тогда еще только предстояло пройти через все эти беды спустя год с небольшим.)

Черчилль продолжал: «Мы будем защищать наш остров, чего бы это ни стоило. Мы будем сражаться в поле, в горах, на улицах городов. Мы никогда не сдадимся. И даже если (во что я не могу поверить ни на мгновенье) наш остров или значительная часть его будет захвачена врагом, вооруженные силы нашей морской империи, ведомые нашим флотом, будут продолжать борьбу, пока в час, угодный Богу, Новый Свет во всей своей мощи не явится на помощь Старому» [5.56].

Вскоре капитулировала Франция. Опасность высадки немецких войск на Британских островах еще больше возросла, что создавало реальную угрозу и для Соединенных штатов. Как пишет

Эд. Стеттиниус, «Гитлер надеялся на капитуляцию Англии весной 1941 года, после чего Германия и Япония вместе нанесут удар по США. Сомнений это не вызывало. Как только Великобритания выйдет из войны, их флоты могут неожиданно появиться по обе стороны Южной Америки, а возможно, и Панамского канала» [5.57].

Англия, оказавшись перед возросшей вероятностью появления крупных германских танковых и других военных соединений непосредственно на своей территории, потеряв в то же время значительную часть боевой техники при поспешном отступлении из Европы, остро нуждалась в поставках из США вооружения, сырья и продовольствия, сколько бы это ни стоило.

Большинство американцев тоже стало осознавать, что продолжать военные поставки странам, сражающимся с агрессорами – в их собственных интересах. Самой сложной казалась проблема, как расплачиваться за такие поставки.

В начале войны, в сентябре 1939 года золотовалютный запас английского правительства составлял порядка 4,5 млрд. долларов. К концу 1940 года от него оставалось около 2 млрд., из них 1,5 млрд. следовало заплатить за уже сделанные заказы. Поэтому англичане вынуждены были прекратить заключение новых контрактов. Казалось бы, решить проблему можно, предоставив Англии крупный заем. Но, как показала практика прошлых войн, это слишком большой риск. Получить долг весьма трудно даже у победителя. Но кто мог дать гарантии, что Англия не проиграет войну? А в каком положении окажутся США, если Великобритания выйдет из войны и к Германии перейдет хотя бы только часть ее колоний?

Решение пришло не сразу, но оно было все же найдено. Сначала в принципе. В декабре 1940 года Рузвельт четко заявил: «У абсолютного большинства американцев нет сомнений: лучший способ защитить Соединенные штаты – это помочь Великобритании защитить себя.... С точки зрения эгоистических интересов американцев, ради нашей собственной безопасности нам следует сделать все возможное, чтобы помочь Британской империи» [5.58].

Хотя президент считал, что выражает мнение абсолютного большинства, его позиция встретила широкую оппозицию в Конгрессе, среди бизнесменов, профсоюзов, студентов, других слоев населения. Дискуссии велись острые. Но, в конце концов, здравый смысл победил. 11 марта 1941 года закон о ленд-лизе был подписан президентом. Он получил право в особых случаях, с ведома и одобрения Конгресса продавать, обменивать, предоставлять в пользование, сдавать в аренду или передавать иным способом любые материалы,

нужные для обороны любой стране, *оборону которой президент признает жизненно важной для национальной безопасности США*[5.59].

Такая формулировка послужила в будущем правовой основой для распространения режима ленд-лиза и на Россию. Вероятность ее войны с Германией становилась все более очевидной. Черчилль регулярно получал информацию, что Германия готовится к нападению на СССР, и возможность того, что ей тоже придется помогать, весной 1941 года считал весьма реальной.

Однако в момент подготовки и принятия закона о ленд-лизе имели в виду конкретно Великобританию. Суть закона с позиции американцев можно было трактовать следующим образом: до сих пор Вы воевали за свои и наши интересы. Мы Вам продавали вооружения без ограничений. Поскольку деньги у Вас кончились, а воевать надо, США теперь будут предоставлять Вам в пользование боевую технику, боеприпасы и другие необходимые материалы бесплатно. Ваша сторона поставляет живую силу. В такой связке будем воевать вместе против общего врага...

После принятия закона о ленд-лизе военные поставки союзникам, сражавшимся против держав оси, стали расти, хотя большая часть была уже оплачена за счет 4-миллиардных контрактов англичанами и другими странами до марта 1941 года. Так, военные поставки в Англию в марте-июне 1941 года по сравнению с последними четырьмя месяцами сорокового возросли в 2,5 раза. Теперь все зависело от возможностей американской промышленности, которая еще находилась в стадии перестройки на военный лад. Например, в марте 1941 года она выпустила всего 16 танков, 283 бомбардировщика и 223 истребителя[5.60].

Еще на стадии обсуждения проекта в США слышны были голоса, которые требовали исключить Россию из сферы действия закона о ленд-лизе, поскольку она заключила пакт о ненападении с Германией. Нельзя не напомнить, что на протяжении двадцатых и тридцатых годов, по многим причинам отношения между Советским Союзом, с одной стороны, США и Англией, с другой, никогда не были добрососедскими и доверительными. После поворота советской внешней политики в 1939–1940 гг. к нормализации своих дипломатических и экономических отношений с Германией и подписания пакта о ненападении с Японией, а также присоединения российских земель, потерянных в ходе гражданской войны, они испортились до предела. Достаточно сказать, что в апреле 1941 года США вновь восстановили экономическую блокаду Советской России. Были аннулированы все уже выданные советской стороне

лицензии. До 22 июня 1941 года СССР не получил ни одного нового разрешения на закупку товаров в США. Были задержаны готовые к отправке в СССР партии бензина и нефтеперерабатывающего оборудования. Введен запрет на транзит через территорию США товаров, предназначавшихся для СССР, и на заход иностранных судов в американские порты, на борту которых находились такие грузы. Американская администрация установила контроль над собственностью советских внешнеторговых организаций и американских фирм, сотрудничавших с ними.

23 мая 1941 года объединенный разведывательный комитет Великобритании пришел к выводу о высокой вероятности войны между Германией и СССР. По прогнозам специалистов, Россия сможет сопротивляться не более трех-четырех месяцев. Для Англии это давало дополнительное время для довооружения своей армии, существенно потрепанной во время отступления через Ла-Манш. Ну а дальше что? Гитлеровские войска поставят под свой контроль огромный производственный и военный потенциал России, что на следующем этапе значительно увеличит их мощь при вторжении на Британские острова. Для них откроются дополнительные пути через Кавказ и Среднюю Азию для завоевания Индии. Отсюда логично следовало, что в интересах Англии, а значит, и США нужно помочь России продержаться против натиска германских войск как можно дольше.

Известно, что настоящие политики руководствуются в своих действиях не столько меняющимися эмоциями, сколько постоянными национальными интересами своей страны. Поэтому Черчилль, тщательно изучив данные разведки, 15 июня направил президенту США послание: «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе и из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию... Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер. Я не ожидаю какой-либо классовой политической реакции здесь и надеюсь, что германо-русский конфликт не создаст для Вас никаких затруднений» [5.61]

Президент Рузвельт к тому времени еще не остыл от возмущения, вызванного недавним «коварством» России, но в своем ответе (20 июня) пообещал британскому премьеру, что немедленно публично поддержит «любое заявление, которое он может сделать, приветствуя Россию как союзника».

Тем не менее на следующий день, то есть буквально накануне нападения немецких войск на СССР, госдепартамент дал в служебном порядке следующие рекомендации об официальной позиции соответствующих американских служб в случае германо-советского конфликта: «не предпринимать никаких попыток сближения с Советским правительством», «отклонять любые советские предложения, рассчитанные на наши уступки в интересах «улучшения атмосферы советско-американских отношений», «базой наших повседневных отношений, насколько их надо поддерживать, является принцип взаимности» [5.62].

Назавтра война началась. Для Черчилля это не было неожиданностью, но он потратил целый день, чтобы вечером выступить по радио со специальным заявлением: «... За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем...

Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли..., я вижу их охраняющими свои дома, где их матери и жены молятся – да, ибо бывают времена, когда молятся все, – о безопасности своих близких, о возвращении своего кормильца, своего защитника и опоры... Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина... Я вижу также серую, вымуштрованную, послушную массу гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи...

Я должен заявить о решении правительства его величества: мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки...

Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги.

Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы...

Опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей

и свободных народов во всех уголках земного шара. Усвоим же уроки, уже преподанные нам столь горьким опытом. Удвоим свои усилия и будем бороться сообща, сколько хватит сил и жизни» [5.63].

В России отрывки из заявления Черчилля передавали по радио, напечатали в газетах. Его слова свидетельствовали, что советские люди не одни в начавшейся схватке с гитлеровскими войсками. Они будили надежды, придавали новые силы.

Через два дня выступил президент Ф. Рузвельт, который от имени американского народа также пообещал оказавшейся в беде России поддержку и помощь.

В то время и в Лондоне, и в Вашингтоне очень многие считали, что Россию ожидает та же судьба, что и Францию. 8 июля 1941 года Черчилль в личном послании Сталину не скупится на похвалу: «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное и мужественное сопротивление совершенно не спровоцированному и безжалостному вторжению нацистов. Храбрость и упорство русских солдат и народа вызывает всеобщее восхищение. Мы сделаем все, чтобы помочь Вам...».

Всего через два дня в письме военно-морскому министру он откровенно признается: «Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества. Преждевременный мир, заключенный Россией, явился бы ужасным разочарованием для огромного множества людей в нашей стране. Пока русские продолжают сражаться, не так уж важно, где проходит линия фронта. Эти люди показали, что они заслуживают того, чтобы им оказали поддержку, и мы должны идти на жертвы и на риск, даже если это причиняет нам неудобства, ради того, чтобы поддержать их дух...» [5.64].

К этому времени в Москву уже вернулся английский посол Стаффорд Криппс вместе с военной миссией и экономической делегацией. 10 июля Сталин принял его в Кремле, и через два дня Молотов и Криппс подписали соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Статья 2-я этого соглашения предусматривала, что «в продолжении этой войны они (стороны) не будут ни вести переговоры, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия» [5.65]. Эти обязательства добавили немного доверия между «молодыми» союзниками, дефицит которого чувствовался во многих случаях.

Английская экономическая делегация начала обсуждать с группой А. Микояна весьма щекотливый вопрос о финансовой стороне

«помощи» России за счет не очень богатых ресурсов Великобритании. Нужно было достигнуть согласия сторон по двум ключевым вопросам: а) о форме оплаты поставок; решили: сочетать клиринг с кредитом и оплатой наличными; б) о размере кредита; 16 августа 1941 года договорились: на первый срок – 10 млн. фунтов. В июне 1942 г. эта сумма была увеличена на 25 миллионов. В феврале 1944 года к ней добавили еще 25 млн. фунтов.

Весной 1946 года в Англии были обнародованы данные о суммарном объеме поставок Великобритании в СССР за период с 1 октября по 31 марта 1946 года. Стоимость военных поставок (по ленд-лизу) составила 308 млн. фунтов, гражданских поставок – 120 млн. Приведенные данные относятся к тому, что было реально поставлено, без учета потерь в пути [5.66].

Дальнейшие переговоры по данному вопросу переместились в Лондон. Во время своего визита к министру иностранных дел Идену советский посол И. Майский пожаловался ему: «В этой страшной войне СССР и Англия являются союзниками. Но чем Вы помогаете нам сейчас? Фактически ничем! Все эти десять недель мы воюем одни...

Если на Атлантической конференции вы вместе с американцами принципиально решили нам помогать, так не медлите! До оформления этого вопроса на будущей Московской конференции начните нам помогать немедленно, хотя бы частично, хотя бы в порядке аванса».

Вскоре из Москвы от И. Сталина пришло послание на имя У. Черчилля, в котором вновь ставился вопрос об открытии второго фронта и просьба поставить СССР к началу октября 30 тыс. тонн алюминия и ежемесячно направлять в Россию, как минимум, 400 самолетов и 500 танков (малых и средних). Открытие второго фронта англичане перенесли на следующий год, а заявку на вооружения и алюминий обещали выполнить почти полностью.

Во время следующей встречи в МИДе Великобритании, когда Майский и Иден остались одни, посол спросил: «А на каких условиях вы будете поставлять нам вооружения и военные материалы?

Иден несколько удивленно пожал плечами и ответил:

– Мистер Сталин в своем послании имеет в виду продажу...

Я помолчал, а затем, выразительно взглянув на Идена, сказал:

– А не находите ли Вы, что купля-продажа несколько устарелая форма для подобного рода трансакций?.. Есть более современные.

Иден, также выразительно взглянув на меня, спросил:

– Вы имеете в виду ленд-лиз?

– Да, я имею в виду ленд-лиз.

Иден подумал немного и продолжал:

– Этого вопроса я сам не могу решить... Я доложу о вашем желании кабинету и поговорю с премьер-министром.

На другой день, 6 сентября он пригласил Майского к себе и сообщил:

– Все *военные* поставки Англии Советскому Союзу будут производиться в порядке ленд-лиза.

Это был пример и для США» [5.67].

7 ноября 1941 года Рузвельт отметил праздничным подарком для Москвы: президентской директивой он объявил свое решение считать оборону СССР жизненно важной для обороны Соединенных Штатов и распространить на процедуры выполнения советских заявок в США режим закона о ленд-лизе. Как отмечает В. Фалин, «Рузвельт не мелочился при рассмотрении советских заявок на поставки американских материалов и оружия и обязывал подчиненных добросовестно выполнять (в конце 1941-го – первой половине 1942 года) данные Москве обещания.

Тем сдержаннее и скупее держал он себя в делах политических. Президент уклонялся от согласования стратегических целей и проектов послевоенного устройства с англичанами. У него начисто отсутствовало желание обсуждать подобные темы с Москвой. Рузвельт недоверчиво относился к советско-английским контактам... США потребовали от англичан, что договоренность с СССР не будет содержать никаких секретных положений, неизвестных Вашингтону, а сам документ (соглашение, подписанное в Москве 12 июля 1941 года – Р.Б.) не примет форму договора» [5.68].

Однако быстро текущие события диктовали свои условия. В первой половине августа 1941 года на борту тяжелого американского крейсера и английского линкора у побережья Ньюфаундленда состоялась первая в военное время встреча Рузвельта и Черчилля. Они детально рассмотрели основные проблемы, затрагивающие их интересы в Европе, Африке и на Дальнем Востоке. Поскольку к этому времени Россия уже несколько раз ставила вопрос об открытии второго фронта в Европе, Черчилль пытался убедить Рузвельта в том, что нацистская Германия должна быть разбита без высадки войск на континент – непрерывная блокада, усиление бомбардировки и умелая пропаганда сломят боевой дух немцев. Если вторжение станет все же неизбежным, все равно большого количества

наземных войск не потребуется. Против такой позиции категорически возражал генерал Дж. Маршалл. У Рузвельта четкой позиции по этому вопросу пока не было.

Рузвельт и Черчилль с интересом выслушали сообщение специального помощника президента Гарри Гопкинса, который только что вернулся из поездки в Россию. В этой связи возникла идея предложить Сталину провести в ближайшее время встречу на высоком уровне в Москве [5.69].

15 августа 1941 года Сталин получил послание Черчилля и Рузвельта, в котором они выступили с инициативой «вместе обсудить вопрос о том, как наши две страны могут наилучшим образом помочь Вашей стране в том великом отпоре, который Вы оказываете нацистскому нападению. Для того, чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить совещание в Москве, на которое мы послали бы высокопоставленных представителей для обсуждения этих вопросов непосредственно с Вами».

Вопрос о «распределении наших общих ресурсов» был весьма актуален для России, и, естественно, она дала свое согласие провести такое совещание, которое тут же переименовали в «Московскую конференцию». 28 сентября в Москву прибыли английская делегация, которую возглавлял лорд Бивербрук, и американская во главе с Гарриманом. В тот же день их принял Сталин. Советскую делегацию на конференции возглавлял Молотов. Наша сторона передала союзникам списки вооружения, материалов и оборудования, которые были необходимы СССР для продолжения упорной борьбы с агрессором. Гостей удивило, что советская делегация делает упор, прежде всего, на поставки сырья, материалов и технологического оборудования. Дело в том, что у нас к тому времени были разработаны и освоены в производстве самолеты, танки и артиллерийские орудия нового поколения. Но в связи с потерей территорий, где производилась основная масса черных и цветных металлов, марганца и другого вида сырьевых материалов, производство боевой техники наталкивалось на барьеры, преодолеть которые в короткие сроки без соответствующих поставок из-за рубежа не представлялось возможным. Аналогичными причинами объясняются резко возросшие потребности России в металлорежущих станках, в первую очередь, для многократного увеличения производства снарядов и технологического оборудования, поскольку действующие предприятия должны были быстро наращивать свои мощности, а эвакуированные заводы при всем их старании не смогли вывести весь комплект оборудования...

Конечно, советская делегация не отказывалась от английских и американских самолетов, но им нужно было специальное масло и высокооктановый бензин. Ни того, ни другого в России просто не было. Из-за этого, например, полученные из Великобритании истребители, применяя наши смазочные материалы, не могли использовать весь свой моторесурс и довольно быстро вышли из строя.

Эти вопросы рассматривала комиссия по сырью и оборудованию. Параллельно работали еще 5 комиссий: авиационная, армейская, военно-морская, транспортная и медицинского снабжения [5.70].

Итоговый протокол конференции на семи машинописных страницах содержал, прежде всего, перечень и количество товаров, в которых нуждался Советский Союз. В этом перечне были выделены 69 позиций, в том числе телефонная аппаратура, радиостанции, металлорежущие станки, электропечи, грузовые автомобили, алюминий (потребность: 4 тыс. тонн, а также 0,5 тыс. тонн дюралюминия в месяц); олово, свинец, броня, стальной прокат, колючая проволока, фосфор, армейские ботинки и сукно, пшеница и сахар. Кроме того, самолеты, танки, зенитные орудия (лучшими считались английские), противотанковые ружья и другие виды вооружений. Против каждого пункта указывалось, в какой мере США и Англия смогут удовлетворить запросы России. Чтобы указать на то, что Россия может и должна выдержать натиск немецкой армии, сроки поставок на первом этапе предлагалось осуществить до июня 1942 года.

В тот вечер, когда вернулась делегация, Эд. Стеттиниус пригласил ее членов к себе на ужин. «Гарриман и его коллеги подробно рассказали о московских переговорах. Я помню, что они не раз называли советских официальных лиц «жесткими», «реалистичными» и «хорошими коммерсантами». Требования московского руководства не казались им необоснованными. Огромное впечатление на наших посланцев произвел Сталин, а также технологии и оборудование, которое они видели на русских заводах» [5.71].

30 октября, когда битва за Москву была в самом разгаре, Рузвельт в письме Сталину сообщил, что он ознакомился с материалами Московской конференции и утвердил все договоренности о военных поставках. «Я приказал как можно скорее обеспечить сырье, с тем чтобы немедленно начать доставлять все необходимое в максимально возможных количествах. Чтобы устранить возможные финансовые затруднения, в ближайшее время будет дано распоряжение, которое позволит осуществить поставки на сумму до 1 млрд. долларов на основе закона о ленд-лизе» [5.72].

Такое сообщение прибавляло силы и рождало новые надежды...

Первые поставки вооружений были сделаны из Великобритании. Английский конвой прибыл в Архангельск 31 августа. Черчилль не зря торопился: каждая неделя, каждый месяц сопротивления России немецким войскам автоматически отодвигал срок их возможного вторжения на Британские острова.

В течение двух месяцев после подписания Московского протокола из США отплыли 28 кораблей с более чем 13 тыс. тонн различных грузов для России. Это было менее десятой части поставок, обещанных на ближайшие 9 месяцев до июня 1942 года. В оставшееся время имелось в виду существенно увеличить масштабы американской помощи сражающемуся российскому народу. Однако ранним утром 7 декабря 1941 года довольно мощная японская эскадра и крупные авиационные соединения напали на Пирл-Харбор —главную военно-морскую базу США на Тихом океане. В тот момент там находилось примерно 70 боевых кораблей, тесно стоявших друг к другу. За короткое время из них было потоплено или серьезно повреждено 20 кораблей, в том числе 8 линкоров и 3 крейсера. Половина самолетов, находившихся на аэродромах, были уничтожены и еще четверть — повреждены [5.72].

Спустя три дня после нападения японцев на Пирл-Харбор Гитлер объявил войну Соединенным Штатам. Все это не могло не сказаться и на поставках военных материалов и продовольствия в СССР. В первые месяцы после начала войны США с Японией и Германией в управлении американской военной экономикой возникли сбои и неурядицы. Отправка кораблей в Россию сильно отставала от графика, так как корабли нужны были самим американцам — начались крупные переброски войск, военной техники и боеприпасов по всем морям и океанам земного шара.

В декабре сорок первого американцы заметно увеличили объем поставок в Советский Союз. Но в начале нового года они сократились. Так, в феврале 1942 года с грузами, которые очень ждали в России, из американских портов было отправлено всего пять кораблей.

Недостаток морского тоннажа было главной , но не единственной причиной задержек поставок в Россию. После начала «своей» войны при выполнении военных заказов приоритет имели поставки армии и флоту США. Но русские контракты, хотя и с опозданием, все же выполнялись. К концу января 1942 года был истрачен первый миллиард долларов для оплаты российских заказов. После обмена телеграммами со Сталиным президент Рузвельт

санкционировал выделение второго миллиарда. Шок от коварного удара японцев начал проходить, и президент принял ряд конкретных мер, чтобы расширить поставки по ленд-лизу в адрес России. Так, в марте 1942 года он писал Д. Нельсону: «Я хочу, чтобы все военные материалы, обещанные согласно (Московскому – Р. Б.) протоколу, отправлялись по назначению как можно быстрее, независимо от того, как это повлияет на другие разделы нашей программы». Эту же установку он повторяет в адрес адмиралу Лэнду: «В первую очередь следует осуществлять поставки, предусмотренные Московским протоколом».

Указания президента было принято выполнять. Советская программа начала развиваться быстрее. В марте 1942 года поставки в Россию достигли 214 тыс. тонн против 91 тыс. тонн в предыдущем месяце. Для их перевозки использовались 43 корабля, столько же, сколько в январе и феврале вместе взятым. В апреле тоннаж грузов опять удвоился. Но из 78 кораблей 62 должны были добираться до Мурманска через Северную Атлантику. «Стаи немецких подводных лодок нападали на конвои, следующие на северо-восток от Исландии. Иногда конвои в районе Норвегии подвергались атакам и надводных военных кораблей, включая крейсеры и эсминцы. Изо дня в день конвои бомбили и с воздуха...Потом появлялись русские истребители, отгоняли стервятников люфтваффе и сопровождали уцелевшие корабли до конца пути. Но даже в Мурманске имели место воздушные атаки, причинявшие иногда немалый ущерб». Самые тяжелые бои на этом северном пути происходили в марте – июле 1942 года. Примерно каждый четвертый корабль, входивший в состав конвоев, не смог добраться до Мурманска[5.73].

К концу лета обстановка несколько улучшилась. Всего за год, с декабря 1941 до конца 1942 года, только в Мурманск союзниками было отправлено 19 конвоев. В стоимостном выражении предусмотренный Московским протоколом объем поставок был достигнут. Фактически Россия получила примерно 80 % того, что предусматривалось протоколом. Часть грузов потонула. Некоторую поклажу разгрузили в Англии – в ожидании следующего конвоя... Поскольку немцы довольно быстро расширили военно-морские и воздушные базы на севере Норвегии и Финляндии, маршруты на Мурманск и Архангельск стали чрезмерно опасными.

В конце января 1942 года был подписан договор о союзе между Англией, СССР и Ираном. Английские и советские войска вошли на иранскую территорию. Англичане и американцы построили сначала шоссейную, а затем и железную дорогу с выходом на Каспий.

По новому пути транспортировались грузы, предназначенные для Советского Союза. Для этих же целей широко использовалась Транссибирская магистраль. Часть боевых самолетов, поставляемых по ленд-лизу из США, двигалась «своим ходом» через Аляску, Дальний Восток, Сибирь, совершая дозаправку горючим на промежуточных аэродромах.

Маршруты доставки ленд-лизовских грузов в СССР [5.74]
общий объем перевозок = 100 %

Дальний Восток	47,1
Иран	23,8
Северные порты	25,2
Черное море	3,9

Из приведенных данных видно, что почти половина грузов из США доставлялась в Россию через Дальний Восток. Сначала на американских и российских судах. Затем, после начала войны между Японией и США, на советских кораблях, в том числе полученных по ленд-лизу. На втором месте по грузообороту были Мурманск и Архангельск. По объему поставок трансиранский путь почти не уступал северному.

Среди историков до сих пор нет единого мнения о значении и влиянии ленд-лиза на материально-техническое обеспечение России в период Отечественной войны. Первым по этому вопросу выступил Н. Вознесенский. Он оценил удельный вес поставок союзников по отношению к общему объему промышленного производства СССР в период войны как «всего лишь около 4 %» [5.75].

Противоположную позицию занял Б. Соколов в своей статье, опубликованной в приложении к книге «Загадки ленд-лиза»: «Без западных поставок, – пишет он, – Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже не смог бы противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючим и боеприпасами» [5.76].

Трудно согласиться с обоими крайними высказываниями. Сначала о позиции Соколова: «Без западных поставок Советский Союз ... не смог бы противостоять германскому вторжению». Почему здесь употребляется сослагательное наклонение. Советский Союз, не получив еще никаких существенных западных поставок, смог не только противостоять германскому вторжению, но и опрокинул гитлеровский план блицкрига, погнав в декабре немцев

от Москвы. Но к началу декабря, пишет Эд. Стеттиниус, «мы смогли отправить в Россию всего 79 легких танков, 59 истребителей Пи-40 и около 1000 грузовиков» [5.77]. По признанию самих американцев, эта техника никак не повлияла на характер военных действий в России. Таковы факты, о которых не следовало бы забывать.

Вызывает сомнение и оценка Н.Вознесенского размера поставок союзников по сравнению с общим объемом промышленного производства СССР. Мне приходилось участвовать в расчетах по сопоставлению объемов промышленного производства разных стран. При этом возникает много непреодолимых трудностей, в том числе при сравнении качества аналогичных изделий. Насколько, например, американский грузовик «Студебеккер» лучше русского ЗИСа? В поставках по ленд-лизу большая доля приходилась на продукцию машиностроения. В этой отрасли комплекс качественных характеристик часто бывает важнее затратных. Поэтому приходится широко использовать экспертные, то есть субъективные, оценки, и любые расчеты никогда не претендуют на абсолютную точность. Учитывая, что в 1942 и 1943 годах объем всего промышленного производства России составлял примерно треть объема выпуска промышленной продукции в США, оценку Вознесенского следует увеличить, как минимум, на 1-2 пункта, что, однако, не меняет существа вопроса.

В данном случае гораздо важнее сопоставление потребностей России в конкретных видах оружия и различных материалах, а также степени их удовлетворения за счет поставок союзников. В ходе войны потребности менялись, что, в свою очередь, влияло на структуру поставок по ленд-лизу.

На первом этапе, когда в стране осуществлялась массовая эвакуация предприятий, были потеряны значительные территории и образовались глубокие диспропорции в военной экономике, в структуре поставок союзников преобладали отдельные виды вооружений, в том числе самолеты и танки, а также станки и другое технологическое оборудование, сырье и горючее.

Второй этап поставок по ленд-лизу (середина 1942 – конец 1943 года) имеет свои особенности. В это время в СССР освоили массовый выпуск относительно дешевых самолетов, танков и артиллерийских систем нового поколения, не уступавших по своим боевым характеристикам вооружению немецкой армии. Однако основные топливные и металлургические базы все еще оставались оккупированными гитлеровскими войсками, что резко обострило дефицит металла, энергии и ряда других материалов. В таких условиях структуру поставок пришлось изменить.

На третьем этапе (1944–1945 гг.) после освобождения от оккупантов всей территории страны в связи с почти полной разрухой сельского хозяйства, которое было не в состоянии прокормить более чем 170-миллионное население России, резко увеличились заявки на поставки продовольствия, которые достигли трети всех поставок из США.

На первом этапе, когда господство в небе принадлежало люфтваффе, как уже отмечалось, особое значение приобрели поставки *истребителей*. По-деловому, оперативно действовал Черчелль. К середине 1942 года англичане отправили в Россию 1800 самолетов, американцы – 1300. Первыми прибыли несколько сот «Харрикейнов». Этот истребитель с великолепным мотором фирмы «Роллс-Ройс» был принят на вооружение королевских ВВС в конце 1937 года. Имея скорость 480 км/час и мощное вооружение, он был в то время одним из лучших в мире. Однако к моменту прибытия в сражающуюся Россию этот истребитель уже морально устарел, уступая по своим боевым характеристикам немецкому «Мессершмитту». К тому же, как уже говорилось, для его использования в боях требовался высокооктановый бензин и специальные масла, что создавало определенные трудности эксплуатации такого истребителя в условиях России.

Летом 1942 года советские летчики получили в свое распоряжение первые из 5 тысяч американских «эйркобр» (Пи-39). Максимальная скорость этой машины достигала 620 км/час. Но главным достоинством заморской «кобры» была 37-мм пушка – грозное для немцев оружие, стрелявшее через втулку винта. В комплект оборудования истребителя входили также кожаные меховые куртка и брюки, что не могло не вызвать особой симпатии к конструкторам этой машины со стороны наших летчиков.

Мне же из всех американских самолетов, поступавших по ленд-лизу, больше нравился средний бомбардировщик Би-25 («Митчелл»). Он имел два мощных мотора, что позволяло достигнуть максимальной скорости 490 км/час, и усиленное вооружение: от 5 до 14 пулеметов. Особенно эффективно он действовал ночью против ПВО противника, расстреливая с относительно небольшой высоты действующие зенитные установки и прожектора противника. У нас такой бомбардировщик (Ту-2) был спроектирован в 1940 году, но серийно его начали выпускать только в 1944.

Хорошо «поработали» на наших фронтах американские транспортные Си-47. Они оперативно обслуживали воинские части, партизанские отряды и оборонную промышленность.

Всего за 1941–1945 гг. в США было изготовлено около 300 тысяч самолетов. Из них в Советский Союз было направлено более14 тысяч. (Для справки: за это же время в России было выпущено 137 тысяч самолетов различного типа.) [5.78]

С *танками* дело обстояло несколько иначе. В течение первых 9 месяцев войны, когда Красная Армия потеряла в ожесточенных боях с немцами почти весь свой парк боевых машин, Англия отправила в Россию более 2,4 тысяч средних и легких танков, американцы – свыше 2 тысяч. Эти поставки были весьма кстати, и осуществлялись они быстро. Сложившаяся обстановка на фронтах не позволяла терять ни одного дня. Но после того, как в Горьком и на Урале было налажено поточное производство более эффективных, «лучших средних танков второй мировой войны» – знаменитых «тридцатьчетверок», надобность в английских и американских танках потеряла свою остроту. Приоритетными стали заказы на броню, качественную сталь в разных ее видах, алюминий, медь и другие металлы, а также на порох и другие ВВ, поставки которых составили около 300 тыс. тонн [5.79].

На протяжении всей войны возникали трудности с обеспечением боевой авиации высококачественным бензином. Всего за 1941–1945 годы советская промышленность изготовила 5,5 млн. тонн авиационного бензина [5.80]. Этого явно не хватало, чтобы «напоить» горючим весь резко возросший парк боевых самолетов. Пришлось вновь использовать механизм ленд-лиза. Поставки высокооктанового бензина из США, Великобритании и Канады составили 2,6 тыс. тонн[5.81]. Частично он использовался как добавка в отечественный авиационный бензин, чтобы повысить октановое число.

Еще в 1941 году англичане отправили в Россию 38 тыс. тонн каучука из Сингапура, 8 тыс. тонн олова из Малайзии, 13 тыс. тонн джута из Индии, 8 тыс. тонн свинца из Бирмы и Австралии.

Важную роль в налаживании устойчивого управления войсками сыграли поставки из США 35,8 тыс. полевых радиостанций, 189 тыс. телефонных аппаратов и более 670 тысяч миль проводов. Этого хватило бы, чтобы 27 раз обмотать телефонными проводами земной шар.

В период строительства в России большого числа оборонительных линий возник острый дефицит колючей проволоки. Опять выручили американцы: они поставили нам 45 тысяч тонн или 216 тыс. миль этого колкого материала. С весны 1943 года нужда в нем отпала.

К числу первостепенных по значимости относятся поставки грузовиков и джипов, которые у нас известны, как «виллисы». Всего за годы войны в СССР было отправлено из США 409,5 тысяч автомобилей[5.82], среди которых особой популярностью в войсках пользовались «студебеккеры» – грузовики, у которых все шесть колес были ведущими. Поэтому они проходили весной и осенью по любым раскисшим дорогам. Недаром солдаты называли их «чудобеккерами». Нередко такие машины использовались как артиллерийские тягачи. Они легко тянули за собой 76-мм пушку с комплектом боеприпасов и боевым расчетом в кузове. Практичность американцев проявилась и в том, что они к своим автомобилям добавили 8,4 млн. запасных шин, а также комплекс оборудования для целого шинного завода.

Экономически все это помогло и сельскому хозяйству. В колхозах прекратилась мобилизация оставшихся лошадей и последних грузовиков отечественного производства. (В 1943–44 гг. поголовье лошадей в сельском хозяйстве составляло лишь третью часть довоенного уровня, а количество грузовиков – пятую.[5.83])

В 1944–1945 годах, когда Красная Армия перешла в наступление широким фронтом и высокими темпами, остро встал вопрос о быстром восстановлении хотя бы основных железнодорожных магистралей, сильно пострадавших при отступлении немецких войск. И здесь союзники пришли на помощь. По ленд-лизу за весь период войны Советский Союз получил 622 тыс. тонн железнодорожных рельсов, а также 1,9 тыс. локомотивов и более 11 тысяч вагонов[5.84].

На фоне общего развала в период войны нашего сельского хозяйства особо весомой выступала помощь продовольствием, полученная из США в форме ленд-лиза. В 1940–1941 годах она, по существу, спасла Великобританию от голода, поскольку ее система привычного поступления продуктов питания из стран содружества была нарушена активными действиями немецких подводных лодок. Поставки в Россию небольших объемов муки, пшеницы в зернах и сахара начались с первых месяцев 1942 года. Они существенно увеличились с октября, когда немецкие войска оккупировали Украину и Северный Кавказ. Причем в их структуре резко возросла доля мясных консервов, жиров, концентратов для приготовления супов, сухого молока и яичного порошка. Со второй половины сорок третьего года и до конца войны поступление продовольствия из США продолжало расширяться, и, мне думается, каждый русский солдат тех лет до конца жизни запомнил вкус и аромат свиной тушенки, приготовленной по русскому

рецепту, и неожиданный, праздничный вид омлета из американского яичного порошка...

Приведенные цифры и факты достаточно ясно раскрывают значимость конкретных поставок вооружения, различных материалов и продовольствия для крайне напряженной борьбы советского народа против немецких захватчиков. В этой связи стоит процитировать выступление в Конгрессе США руководителя службы ленд-лиза Эд.Стеттиниуса о значении этой формы помощи союзникам: «Эту помощь невозможно измерить в цифрах. Не существует стандартных оценок, с помощью которых, например, можно было бы сопоставить тысячу погибших русских солдат и тысячу истребителей. Все, кто погиб на полях сражений в Англии, Китае, России, пали, защищая свою родину. Но эти народы воевали и воюют с нашим общим врагом... Страшное бремя войны с нацистами, которое несет Красная Армия, оборона Англии и разрушение немецких промышленных центров английскими Королевскими ВВС, защита британским флотом жизненно важных морских коммуникаций – все это вместе взятое спасает США от вторжения агрессора, помогает нам сберечь средства для победы и ускорить ее наступление» [5.85] .

В ответ на это откровенное признание можно также откровенно сказать: огромная материальная помощь – около 10 млрд. долларов, полученная на условиях ленд-лиза, помогла России сберечь жизни многих и многих советских граждан. Если бы этой помощи не было, наши жертвы были бы еще большими. Безусловно, она укоротила дорогу к Победе. Но, наверное, следует добавить: Россия все равно бы выиграла Отечественную войну, поскольку она опиралась на более мощные объективные факторы, чем гитлеровская Германия.

* * *

Поскольку данная глава завершает анализ конкретных форм, закономерностей и противоречий развития военной экономики в период Отечественной войны, стоит подвести некоторые предварительные итоги такого анализа:

1. Практический опыт показал, что при подготовке хозяйства и всей страны к оборонительной войне необходимо поддерживать равновесие между количеством и растущим качеством вооруженных сил, а также меняющейся стратегией их использования. В начале 40-х годов такое равновесие было нарушено. Накопив в течение

тридцатых годов огромный парк легких и средних танков, устаревших истребителей и тяжелых, но тихоходных бомбардировщиков, имея стратегию, во многом опирающуюся на опыт гражданской войны, Советский Союз оказался неподготовленным к современной войне, прежде всего, качественно. Преодолевать отставание пришлось уже в ходе войны, расплачиваясь за это большими потерями и жертвами.

2. Одним из главных факторов Победы была массовая поддержка «снизу» до крайности напряженной борьбы с немецкими захватчиками. Работники тыла не щадили своих сил и здоровья для того, чтобы оснастить армию самым современным оружием.

3. Организация и управление военной экономикой в России была более эффективной, чем в Германии. Такой результат обеспечили предельная централизация управления в сочетании с гибкостью, самостоятельностью и ответственностью наркоматов и предприятий; высокий уровень национальных конструкторских школ; отсутствие бюрократизма в деятельности государственных органов власти; инициатива, предприимчивость и государственный подход к решению всех вопросов со стороны организаторов производства.

4. Современное вооружение армий представляет собой сложный, быстро обновляющийся процесс, развивающийся циклично. На рубеже 30-х и 40-х годов произошла очередная качественная смена устаревшего поколения авиационной и бронетанковой техники, частично – артиллерийских систем и стрелкового оружия. В 1945–1950 годах появилось новое поколение вооружений: атомная и водородная бомбы, межконтинентальные ракеты, реактивные сверхзвуковые самолеты, атомные подводные лодки и др. СССР в то время был одним из лидеров гонки вооружений, что позволило ему поднять свой военный потенциал примерно до уровня США. В последние годы США заняты созданием еще одного поколения оружия массового поражения с использованием стратосферы и космического пространства. Россию не допускают к участию в этом состязании...

4. Чтобы обеспечить свой нейтралитет в вероятном экономическом и военном конфликте между США и Китаем, Россия вынуждена серьезно заняться восстановлением своего военного потенциала. Речь идет об уровне вооружений, достаточном для того, чтобы со стороны не лезли по любому поводу в ее внутренние дела, и гарантирующем, что в случае войны за новый передел мира ее «оставят в покое».

5. Один из негативных результатов войны – практически почти полный развал и обнищание сельского хозяйства. Его техническая, энергетическая, экономическая и кадровая основы до сих пор находятся в плачевном состоянии. В настоящее время 40 процентов продуктов питания приходиться импортировать, хотя считается, что превышение 20 процентов уже создает угрозу национальной безопасности. Поэтому решение аграрной проблемы относится к числу первоочередных задач возрождения России.

Глава 6. Восстановление хозяйства в начальный период холодной войны

Один из парадоксов современной истории состоит в том, что подписание в Берлине в мае 1945 года документов о безоговорочной капитуляции Германии не означало, что в Европе наконец-то наступил долгожданный мир. К сожалению, война продолжалась, но в иных формах и другими средствами. Изменились состав и позиции ее участников, формы и методы борьбы, но суть и главная причина войны остались прежней – острый конфликт интересов отдельных государств в борьбе за лидерство и господство на мировых рынках, а также в отдельных крупных регионах и странах.

Весьма характерно и откровенно описывает послевоенную ситуацию З. Бжезинский, который длительное время был советником президента США по вопросам национальной безопасности: «Если бы война закончилась явной победой нацистской Германии, единая европейская держава могла бы стать господствующей в глобальном масштабе. (Победа Японии на Тихом океане позволила бы ей играть ведущую роль на Дальнем Востоке, однако, по всей вероятности, Япония по-прежнему оставалась бы гегемоном регионального масштаба.) Вместо этого поражение Германии было завершено главным образом двумя внеевропейскими победителями – Соединенными Штатами и Советским Союзом, ставшими приемниками незавершенного в Европе спора за мировое господство» [6.01].

Бжезинский лукавит и «слегка» передергивает факты: во-первых, Советский Союз не претендовал на мировое господство и не мог этого делать, поскольку его экономический и военный потенциал в несколько раз уступал американскому. Из войны он вышел ослабленным, с полуразрушенным народным хозяйством. По данным Госплана только прямой экономический ущерб (уничтожение

имущества), причиненный России немецкой агрессией, составлял не менее 680 млрд. рублей в ценах 1940 года, то есть вдвое больше, чем было вложено в ее народное хозяйство за все довоенные пятилетки вместе взятые[6.02]. Поэтому в послевоенном мире Россия объективно могла занимать только *оборонительную позицию.* При этом она активно накапливала материальные, финансовые и интеллектуальные ресурсы для обновления и поступательного развития страны.

Защищая свои интересы, Советский Союз последовательно выступал за укрепление мира, разоружение и запрещение атомного оружия. Как альтернативу военному противостоянию советское руководство выдвинуло и обосновало положение о необходимости и возможности мирного сосуществования, а также взаимовыгодного сотрудничества двух мировых систем. Во-вторых, бывший советник президента умалчивает о том, что определенные круги США и Великобритании были напуганы живучестью и эффективностью новой социально-экономической системы, которая еще только формировалась в России. Тем не менее вопреки многочисленным пессимистическим прогнозам экспертов она обеспечила победу в схватке с сильным и опытным противником. Это резко повысило авторитет СССР и социалистических теорий на Западе, а также в странах Восточной Европы. Так, в американской и английской оккупационных зонах в 1945–1946 годах без какого-либо прямого воздействия Советов среди немецких социал-демократов возникло стихийное движение за национализацию крупных предприятий и формирование новых социальных отношений.

Все это вызывало шок у многих западных политиков, поскольку они не ожидали таких последствий второй мировой войны. Следует отдать должное У. Черчиллю, который заранее предупреждал «*об опасности появления после войны крайне левых правительств и распространения коммунизма*». «Они (американцы – Р.Б.) проявили признаки некоторой нервозности, когда я нарисовал Европу как арену столкновения идей, где советские и западные влияния, вероятно, будут враждебными и противодействующими друг другу»[6.03].

6.1. Советский Союз втягивают в новую войну – «холодную»

Хорошо известна циничная рекомендация Гарри Трумэна, которую он опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» на второй день после вторжения германских войск на территорию СССР: « Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помогать России. Если же будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии, чтобы таким образом они как можно больше поубивали друг друга»[6.04]. При этом он выражал позицию влиятельной группы американской элиты, о чем свидетельствует тот факт, что спустя несколько лет Трумэн стал президентом США. Такая установка предопределила сознательное затягивание создания второго фронта в Европе. И не случайно людские потери Советского Союза и Германии в ходе военных действий были во много раз больше числа погибших американцев и англичан на всех фронтах второй мировой войны.

В интересах западных союзников было помогать России вооружением, различными материалами, продовольствием. Упорное сопротивление Красной Армии в 1941–1942 годах спасло Англию от вторжения германских войск на Британские острова. Помощь России потребовалась и на заключительном этапе второй мировой войны, поскольку западные союзники опасались встретить отчаянное сопротивление самураев, когда военные действия переместятся непосредственно на территорию Японии. «Для того, чтобы подавить сопротивление японцев и завоевать их страну метр за метром, – признается Черчилль, – нужно было бы пожертвовать миллионом жизней американцев и половиной этого числа жизней англичан...». Но после успешного испытания в США атомной бомбы « эта кошмарная перспектива исчезла». И тут же он радостно добавляет: «Кроме того, нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия их многочисленных армий в окончательных и, возможно, затяжных боях. Нам не нужно было просить у них одолжений» [6.05].

Трумэн был более осторожным. Он обратился к начальнику штаба американской армии с вопросом: «Нужны ли нам теперь русские?». Ответ был утвердительным. Поскольку основной целью армии США и Великобритании оставалось вторжение на территорию Японии, вступление СССР в войну было по-прежнему необходимым.

Такая перспектива не вписывались в оптимизм Трумэна и Черчилля, вызванный появлением атомной бомбы. Но выводы

специалистов были подкреплены расчетами, и президент с премьер-министром вынуждены были согласиться с мнением своих военачальников.

О переменах в характере отношений между Советским Союзом и его западными союзниками еще на заключительной стадии второй мировой войны достаточно красноречиво свидетельствует история с засекречиванием работ по созданию атомного оружия. Первые бомбы, как известно, родились в США. Однако их конструкцию разработал большой интернациональный коллектив, научное ядро которого составляли крупнейшие ученые-физики, эмигрировавшие за океан из Германии, Дании, Италии, других европейских стран с появлением там нацистов. Когда до рождения первой атомной бомбы оставалось совсем немного времени, ее мудрые родители отчетливо поняли, что новое мощное оружие потенциально создает угрозу гибели всей человеческой цивилизации на земле. Как отвести эту угрозу? Ближайший выход состоял в том, чтобы установить действенный международный контроль над производством и использованием такого оружия. Первый шаг в этом направлении – проинформировать Россию о конкретной стороне проблемы и привлечь ее к сотрудничеству в меняющихся условиях жизнедеятельности людей.

Среди тех, кто выступил за сотрудничество с русскими, был один из руководителей английского атомного проекта сэр Андерсон. В меморандуме, который он направил Черчиллю, отмечалось, что усилия США и Англии, направленные на создание атомной бомбы, несомненно, увенчаются успехом, и у союзников бомба появится раньше, чем у Германии. Но было, по меньшей мере, глупо считать, что сразу же после окончания войны русские не приложат все силы для производства собственной атомной бомбы. Кроме того, по мере накопления знаний и упрощения технологических процессов ряд других государств получат возможность самостоятельно создать атомное оружие.

Единственной альтернативой порочной гонке вооружения является международное соглашение. Поэтому Андерсон предлагал «сообщить русским в ближайшем будущем факт, что к определенной дате мы ожидаем иметь это разрушительное оружие, и ... пригласить их к сотрудничеству с нами по подготовке системы международного контроля».

Черчилль внимательно прочитал меморандум, выделил слово «сотрудничество» и написал на полях: «Ни в коем случае» [6.06].

Позиция Рузвельта была иной. Он понимал, что последствия создания атомной бомбы могут быть весьма опасными. Это его беспокоило, и он нередко задумывался о том, как бы избежать нежелательных осложнений после рождения «малыша». Его тревога усилилась в результате полуторачасовой беседы с физиком Нильсом Бором – главным теоретиком создания нового оружия. Суть высказываний Бора состояла в следующем: «русские сами исследуют атомную проблему и к концу войны с Германией будут иметь свободные руки, чтобы полностью развить успех. Весьма вероятно, что в конце войны они станут также обладателями немецких секретов. Если США и Великобритания не расскажут ничего до того, как бомба будет использована, у русских возникнет справедливое подозрение, что создаст большой риск роковой гонки атомных вооружений. Тем самым США и Великобритания утратят счастливую возможность сближения с Советской Россией для восстановления взаимного доверия и превращения триумфа науки в непреходящее благо для всего мира...

Президент слушал Бора внимательно, не торопил его и не перебивал. Рузвельт признал, что атомная энергия открывает гигантские возможности как для блага человечества, так и для угрозы его существованию. По-видимому, Рузвельт соглашался с Бором, что «следовало бы установить с СССР контакт, чтобы предпринять попытку действий в направлениях, предложенных физиком».

Однако во время встречи с Рузвельтом в Квебеке, в сентябре 1944 года Черчиллю удалось убедить президента: «все, что так или иначе относится к атомной проблеме, должно по-прежнему оставаться засекреченным».

Весьма показателен и такой факт: когда заместитель наркома внешней торговли Сергеев во время переговоров в Вашингтоне о поставках для СССР товаров по ленд-лизу попросил включить заказ на 100 килограммов урана, американцы ему отказали. Никель, медь, алюминий давали, а урана – ни одного фунта[6.07] .

По существу американские правящие круги поддерживали позицию Черчилля, которую он кратко изложил в послании своему министру иностранных дел Идену: « Добиваясь, как я это делаю, прочной дружбы с русским народом, я вместе с тем уверен, что она может основываться только на *признании русскими англо-американской силы»* (выделено мною – Р. Б.)[6.08].

Такова была новая, ключевая установка, которая была положена в основу послевоенных отношений между Советским Союзом и его вчерашними англо-американскими союзниками.

«Уничтожение военной мощи Германии, – разъяснял британский премьер-министр, – повлекло за собой изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была единственным звеном, связывающим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству».

Из всего этого еще до окончания войны Черчилль сделал ряд далеко идущих выводов:

«во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток;

в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение...»[6.08].

Если вдуматься, такой крутой поворот в политике английского правительства не был неожиданностью. Новая установка Черчилля была лишь творческим развитием доктрины Трумэна применительно к условиям весны 1945 года: «Если же будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии»... Диалектика международных отношений все откровеннее проявлялась в том, что чем ближе союзники приближались к победе над Германией и Японией, тем больше расходились в разные стороны их стратегические интересы.

Складывающаяся в конце 1944 – начале 1945 года военная и политическая обстановка в Европе не соответствовала планам США и Великобритании о послевоенном устройстве мира. Больше всего их беспокоил тот факт, что Советский Союз не прогибается под давлением англо-американской силы и не признает опирающегося на эту силу «законного» права США на господство в мире. Больше того, страны Восточной Европы оказались в сфере влияния новой, чуждой западному либерализму идеологии. Еще в октябре 1944 года во время встречи в Москве Черчилль предложил Сталину компромисс: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши войска находятся в Румынии и Болгарии. У нас есть там интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за

пустяков. Что касается Англии и России, согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали такое же преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам – в Югославии?

Пока это переводилось, я взял пол-листа бумаги и написал:

Румыния:

Россия – 90 процентов,

другие –10 процентов.

Греция:

Великобритания (в согласии с США) – 90 процентов,

Россия – 10 процентов.

Югославия – 50:50 процентов.

Венгрия – 50:50 процентов.

Болгария:

Россия – 75 процентов,

другие – 25 процентов.

Я передал этот листок Сталину, который к этому времени уже выслушал перевод. Он взял синий карандаш и, поставив на листке большую птичку, вернул его мне. Затем наступило длительное молчание. Исписанный карандашом листок бумаги лежал в центре стола. Наконец я сказал: «Не покажется ли слишком циничным, что мы решили эти вопросы, имеющие жизненно важное значение для миллионов людей, как бы экспромтом? Давайте сожжем эту бумажку». «Нет, оставьте ее себе», – сказал Сталин» [6.09].

Черчилль, видимо, не знал, что «птичка», даже большая, в русском бюрократическом языке не означает еще согласия. Для этого нужна хотя бы подпись: «Не возражаю». Так что птичка осталась галочкой, а «циничный» листок с расчетами Черчилля, предопределявшими судьбу балканских стран, – только бумажкой.

Развитие стран Восточной Европы пошло по другому пути, чем тот, который начертил для них британский премьер, будучи в гостях у Сталина. Особенно острой и продолжительной между Лондоном и Москвой была борьба о составе, а значит, и о политике будущего правительства Польши...

До нацистской верхушки в Берлине доносились глухие отзвуки этой борьбы. Она очень рассчитывала на углубление противоречий между наступающими союзниками, когда для многих политиков, в том числе из окружения Гитлера, стало ясно: поражение Германии неизбежно. Это дело ближайших месяцев...

Чтобы спасти хотя бы что-нибудь и, прежде всего, себя, они стали искать контакты с представителями США и Англии. Может быть, удастся договориться о заключении сепаратного мира?

В марте 1945 года в Швейцарии (Берне) состоялись две тайные встречи немецкого генерала Карла Вольфа с Алленом Даллесом – одним из руководителей американской разведки. В переговорах участвовал также представитель английского командования. Наши западные союзники сначала отрицали, что такие переговоры имели место. Затем заявили, что они сразу отвергли предложения о сепаратном мире с немцами. Но факт остается фактом: начиная с конца марта, то есть вскоре после упомянутой встречи в Берне, немецкие войска на западном фронте стали в массовом порядке сдаваться армиям Эйзенхауэра и Монтгомери. Американцы, не встречая сопротивления, значительно ускорили продвижение на Восток. В это же время немцы отчаянно и упорно защищали Берлин от наступавших советских войск.

Показательно также, что сразу же после подписания акта о капитуляции Германии Черчилль разослал телеграммы о необходимости сохранения немецкого оружия и боевой мощи британской авиации:

Эйзенхауэру: «Я с беспокойством услышал о том, что немцы должны уничтожить все свои самолеты в местах их нахождения. Я надеюсь, что такая политика не будет принята в отношении вооружений и других видов снаряжения. Возможно, что они нам когда-нибудь остро потребуются...».

Комитету начальников штабов: «Всякое сокращение бомбардировочной авиации должно быть приостановлено...».

Министру авиации: «В настоящее время не должно быть допущено никакого ослабления военно-воздушных сил или демобилизации».

Начальнику штаба ВВС: «Никакие германские самолеты, находящиеся под английским контролем и пригодные для использования в боевых операциях, включая запасные части, не должны уничтожаться без предварительного разрешения кабинета».

Кратко все эти телеграммы можно прокомментировать следующим образом: «Война окончена, да здравствует новая война!». В этих телеграммах открытым оставался вопрос: против кого? Ответ на него Черчилль дал в своем выступлении в Фултоне весной 1946 года. Он не скупится на темные краски, чтобы нарисовать ужасную угрозу, которая надвигается с Востока: «Через весь континент, от Штеттина

на Балтийском море до Триеста на Адриатике опустился железный занавес, за которым остались столицы старых государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Бухарест и София. Эти известные города и население прилегающих территорий находятся в сфере советского влияния (какой ужас! – Р.Б), и все в большей степени контролируются Москвой...

В большом числе стран, далеко от русских границ, по всему миру распространена коммунистическая пятая колонна. Она полностью подчинена и абсолютно послушна указаниям, которые поступают из коммунистического центра...»[6.10].

Свою речь Черчилль закончил призывом к единению западных демократий перед угрозой новой катастрофы...

Эта речь считается официальным провозглашением холодной войны против СССР и его союзников. Ее идеи на Западе тиражировали дословно и в вольном изложении в миллионах экземпляров, с разными добавлениями и новыми фантастическими картинками.

Между тем реальная угроза новой войны возникла и быстро нарастала совсем в другой стороне.

Еще в ноябре 1945 года, то есть почти сразу же после окончания войны с Японией, Комитет начальников штабов США строго секретно разработал план атомного нападения на СССР. При этом его авторы цинично предупреждали, что значительный эффект от такого нападения может быть получен, если оно будет проведено в крупном масштабе. В качестве наиболее желательных целей были выбраны 20 городов, где сосредоточены исследовательские центры, оборонные предприятия, главные центры управления и промышленного производства. Среди них были названы Москва и Ленинград, волжские промышленные центры: Ярославль, Горький, Казань, Саратов. Куйбышев; индустриально развитые города Урала: Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск, Магнитогорск, Молотов; сибирские города: Омск, Новосибирск, Иркутск и др. Сын президента Ф. Рузвельта вспоминает, что в те времена «на вашингтонских приемах за коктейлем «осведомленные» люди говорили о войне с Советским Союзом «предпочтительно до 1948 г.», иными словами до того, как Советский Союз сможет усовершенствовать свой вариант атомного оружия»[6.11].

Планы атомного удара по СССР корректировались и дополнялись в последующие годы: росло число объектов нападения и увеличивалось количество атомных бомб, которые намечалось сбросить на русские города. Наиболее зловещую известность приобрел план

атомного удара по 200 городам СССР, утвержденный президентом США в декабре 1949 года. Его назвали «Дробшот» – короткий удар (термин теннисистов). В этом плане начало войны ориентировочно намечалось на 1 января 1957 года (день «Д»). Предполагалось, что в результате первого же атомного удара за «железном занавесом» погибнет или будет ранено не менее 7 млн. человек[6.12].

Трудно сказать, насколько реально американцы были готовы нанести удары атомными бомбами по территории России, но несколько раз они пытались использовать такую возможность как орудие для давления и шантажа против Советского Союза.

Стоит отметить, что и при Рузвельте, и при Трумэне стратегические цели США и их тактика не всегда совпадали с политикой правительства Великобритании. Они чувствовали себя новыми хозяевами на земном шаре, притом в полной безопасности, в том числе и со стороны России. У них были свои интересы в отдельных регионах мира, которые в ряде случаев вступали в конфликт с интересами Лондона. Прежде всего это касалось вопросов свободы торговли в бывших колониях британской империи.

Показательно в этом отношении выступление Гарри Трумэна в одном из университетов в марте 1946 года. «Мы, – заявил Трумэн, – гигант мирового хозяйства. Хотим мы этого или нет, будущая структура мировых экономических связей зависит от нас. Мир с напряжением ждет, что мы будем делать. У нас есть выбор. Мы можем привести нации к экономическому миру или к экономической войне...

Есть вещи, которые американцы ценят выше, чем мир. Это – свобода. Свобода вероисповедания, слова, предпринимательства и торговли...

Структура международной торговли, которая во многом предопределяет свободу предпринимательства, должна быть такой, чтобы наиболее значимые решения предпринимались не правительствами, а покупателями и торговцами в условиях конкуренции»[6.13].

Интересно отметить, что полтора века назад английская промышленность, первой освоившая паровую машину и ткацкий станок, имела самую высокую производительность труда в мире. Ее идеолог Адам Смит стал активным поборником свободной торговли, что длительное время служило теоретическим обоснованием господства английских товаропроизводителей на мировом рынке. В XX веке, особенно после окончания второй мировой войны, ситуация изменилась. Теперь уже многие американские товары стали наиболее качественными и относительно дешевыми. И теперь

уже американский президент становится проповедником свободной торговли в мире, в том числе в бывших английских колониях.

Крутой спад производства в США в связи с резким сокращением военных заказов, стремление закрепиться на рынках в Европе и интересы усиления политического воздействия США на европейские страны породили в 1947 году план Маршалла. Этот план предусматривал значительную экономическую помощь со стороны США 17 странам Западной Европы (включая Западную Германию). Тем самым была заложена первая ступенька к их объединению под эгидой Америки и созданию впоследствии военной организации НАТО, сориентированной против России и ее союзников.

В таких непростых условиях Советскому Союзу пришлось срочно принимать адекватные ответные меры – одновременно с восстановлением разрушенного хозяйства создавать прочный оборонительный щит из новейших образцов оружия. Средств для практического решения такой задачи опять не хватало. С помощью комбинированной системы обновленного планирования и управления, а также рынка пришлось вновь мобилизовать все имеющиеся материальные, финансовые и людские ресурсы и сосредоточить их на двух главных и двух, если так можно сказать, вспомогательных направлениях. К главным относились оборонная и тяжелая промышленность, к вспомогательным – производство товаров для населения и сельское хозяйство.

Параллельно происходила перестройка системы планирования, управления и товарно-денежных отношений. Ее замысел состоял в том, чтобы, сбалансировав торговлю, ввести твердую валюту (наподобие золотых червонцев в 1924 г.), прочно соединить план с хозрасчетом, заинтересовав людей в высокопроизводительном труде, обеспечить на этой основе значительное повышение эффективности производства и вместе с тем высокие темпы экономического роста.

Сразу же после войны главное внимание было уделено совершенствованию организационных структур. В сентябре 1945 г. был упразднен Государственный Комитет Обороны. Его функции по управлению народным хозяйством перешли к Совету Народных Комиссаров, который вскоре (март 1946 г.) был преобразован в Совет Министров. Союзные и республиканские наркоматы преобразовались в министерства. На базе наркоматов оборонной промышленности образовался ряд машиностроительных министерств, сориентированных на выпуск как военной, так и гражданской продукции. Вопрос этот не был простым. Освоение производства

предметов потребления и других видов гражданской продукции потребовало перехода к новым технологиям, замены оборудования, перестройки межхозяйственных связей по кооперации, переквалификации кадров массовых профессий.

В ряде случаев такая перестройка происходила быстро и эффективно. Следует иметь в виду, что на высшие должности в мирные отрасли народного хозяйства были направлены опытные руководители, прошедшие специфическую школу военной экономики. Они использовали опыт поточного и массового производства, накопленный при выпуске военной продукции. Однако так было не всегда. Сказывалось сохранившееся напряжение со снабжением топливом, энергией, некоторыми видами сырья и материалов. В целом объем выпуска промышленной продукции в 1946 г. был ниже, чем в 1945 г.

Исторический опыт показывает, что для решения крупных народнохозяйственных проблем часто создаются специализированные органы управления. С целью ослабить перегрузки в межхозяйственных связях был образован Государственный комитет по снабжению народного хозяйства (Госснаб СССР). Для ускорения научно-технического прогресса создан Государственный комитет по внедрению новой техники (Гостехника СССР).

Госснаб стал работать в непосредственном контакте с Госпланом, составляя подробную схему распределения продукции между министерствами. Последние, получив соответствующие фонды материально-технических ресурсов, осуществляли оперативное снабжение подведомственных предприятий. В дальнейшем функции Госснаба были расширены, и он стал общегосударственным центром материального снабжения народного хозяйства с подчиненными ему органами по отраслям и республикам.

Для характеристики функций комитета по новой технике можно привести следующий факт: в феврале 1949 года правительство обязало все министерства и ведомства рассмотреть с целью практического использования соответствующие разделы подготовленных Гостехникой сборников, включавших в себя 225 тысяч немецких и американских патентов, полученных в особом порядке.

Поскольку решено было вновь вернуться к пятилетке как основной форме планирования в рамках долгосрочной стратегической программы, расширились функции Госплана. Еще перед войной эта организация начала разработку Генерального хозяйственного плана, рассчитанного на 15 лет. Среди главных его проблем были:

расширение топливно-энергетической базы, в том числе строительство крупных гидроузлов на Волге и Ангаре; дальнейшее наращивание черной и цветной металлургии; прокладка Байкало-Амурской железнодорожной магистрали; ускоренное развитие отдельных экономических регионов.

Война прервала эту работу, но после ее окончания Госплан СССР вновь занялся разработкой стратегических направлений развития советской экономики на длительную перспективу. «План, к созданию которого мы приступаем, — говорил Вознесенский в кругу своих заместителей и ближайших помощников, — это не просто взгляд в будущее. Это реальный взгляд в реальное будущее, определенное не по гороскопу, а создаваемое собственными руками, творческой деятельностью миллионов советских людей. И для того, чтобы даже отдельные пункты Генерального плана не носили прожектерского духа, надо привлечь к разработке его максимум научных сил страны» [6.14].

О масштабе развернувшихся работ можно судить хотя бы по тому, что при Госплане для разработки отдельных проблем развития той или иной отрасли на перспективу и решения других вопросов было создано 80 подкомиссий, в состав которых вошли хозяйственные руководители и виднейшие ученые. Осенью 1947 года Институт экономики Академии Наук был организационно подчинен Госплану. План научно-исследовательских работ, структура института, деятельность ученого совета — все было перестроено для разработки актуальных проблем развития народного хозяйства на 15 лет вперед.

В то же время много внимания уделялось и вопросам совершенствования текущего планирования. С 1947 г. вновь стали разрабатываться годовые планы с разбивкой основных показателей по кварталам. На основе годового народнохозяйственного плана и балансов распределения материальных ресурсов Совет Министров СССР утверждал годовые планы по отдельным министерствам. Одновременно правительством утверждались квартальные планы распределения продовольственных товаров, план перевозок грузов и пассажиров, кредитный и кассовый планы.

Месячные планы устанавливались министерствами и союзными республиками. Это освобождало Госплан СССР от функций оперативного планирования, позволяло больше внимания уделять анализу и проверке выполнения государственных планов, своевременно принимать меры для предупреждения возникновения диспропорций

в народном хозяйстве. Вместе с тем расширились функции министерств и органов управления союзных республик, что позволяло им самим в оперативном порядке разрешать многие противоречивые вопросы на местах, маневрируя соответствующими ресурсами. Министерства сами рассматривали и утверждали штаты управленческого аппарата предприятий и строек, изменяли ставки отдельным работникам. В веденье республик из союзного подчинения были переданы предприятия, продукция которых реализовывалась в основном на местных рынках.

Большое значение для повышения уровня планомерности и упорядочения межхозяйственных связей имели мероприятия по укреплению ответственности директоров предприятий за своевременное заключение хозяйственных договоров и выполнение поставок по кооперации [6.15].

Одновременно восстанавливались и укреплялись различные формы участия масс в управлении экономикой, нарушенные в конце 30-х годов и в период Отечественной войны. Так, в 1947 г. на промышленных предприятиях была возобновлена прерванная в 1935—1936гг. практика заключения коллективных договоров между администрацией и фабрично-заводскими комитетами профсоюзов. В министерствах возобновили работу коллегии.

В это же время были приняты меры по укреплению финансовой дисциплины и хозяйственного расчета в промышленности. В целях совершенствования системы материального стимулирования рабочих и служащих был создан фонд директора промышленного предприятия, источником образования которого служила прибыль или экономия от снижения себестоимости. Все эти мероприятия были сориентированы на развитие России в условиях мира. Однако чтобы обеспечить сохранение таких условий, пришлось очень много внимания уделять укреплению обороноспособности страны. В сжатые сроки удалось создать свою атомную бомбу, а затем и средства ее доставки.

Однако огромные расходы, связанные с решением этих задач, не могли не замедлить структурные сдвиги в народном хозяйстве, необходимые для перехода от войны к мирным, более благоприятным условиям многомиллионного населения страны. Дефицит топлива, металла, строительных материалов, транспортных средств, а также продуктов питания продолжал упрямо сопровождать и хозяйственную, и личную жизнь россиян. В крайне запущенном состоянии находилось жилищное и коммунальное хозяйство.

Динамика и структура валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в 1940–1950 гг. [6.16]

в процентах

	Динамика роста			Доля в продукции промышленности		
	1940	1945	1950	1940	1945	1950
Вся промышленность	100	92	174	100	100	100
Группа «А»:	100	123	193	61	78	67
Военное производство	100	220	83	17	40	8
Гражданское производство	100	83	237	44	38	59
Группа «Б»:	100	54	144	39	22	33
Сельское хозяйство	100	60	96	-	-	-

Из таблицы видно, что валовая продукция всей промышленности в 1950 году более чем в 1,7 раза превысила довоенный уровень в значительной степени за счет крутого подъема отраслей группы «А», изготовлявших технологическое оборудование для восстановления разрушенного производства. Группа «Б» также быстро расширяла выпуск товаров для населения, однако главным образом из-за узкой сырьевой базы она так и не восстановила свою довоенную долю в общей структуре промышленного производства.

Выпуск военной техники упал по сравнению с 1945 годом более чем в 2 раза, что было связано с резким сокращением выпуска традиционной военной техники (танков, самолетов и других видов вооружений). В то время главный упор был сделан на том, чтобы до конца послевоенной пятилетки создать и испытать свою атомную бомбу.

6.2. Создание оборонительного щита из новейших видов вооружения

В книге 3 (см. стр. 365 и сл.) отмечалось, что уже к началу войны советские физики достигли относительно высокого уровня исследования проблем, связанных с использованием атомной энергии как в мирных, так и в военных целях. Однако первые, особенно тяжелые военные годы вынудили отложить начатые разработки до лучших времен.

Между тем советское руководство получало информацию из неофициальных источников о том, что американцы, англичане и немцы работают над созданием атомной бомбы. В этой связи, как

ни тяжело было с ресурсами и квалифицированными кадрами, в сентябре 1942 года ГКО принимает решение о возобновлении исследований по урану с ориентировкой на создание атомной бомбы.

Некоторые историки связывают появление этого решения с получением ведомством Берия обширной разведывательной информации о разработках атомной бомбы в США. На самом деле события в России развивались независимо от информации о начале работ над урановыми проектами в ряде зарубежных стран. Такие материалы действительно легли на стол Берия весной 1942 года. «Однако он, усомнившись в достоверности полученной информации, выжидал семь месяцев», до того момента, когда Сталин подписал 28 сентября секретное распоряжение «Об организации работ по урану». В нем предусматривалась организация при Академии наук специальной лаборатории атомного ядра, разработка и изготовление необходимого оборудования, выделение в распоряжение ученых одного грамма радия, 30 граммов платины, полтонны цветных металлов и 5 тонн стали разных марок. К 1 марта 1943 года Институт радиологии и Физико-технический институт должны были выделить уран-235 в количестве, необходимом для физических исследований, и уже через месяц, к 1 апреля лаборатория атомного ядра получила задание провести исследования практической осуществимости расщепления ядра урана-235 [6.17].

Из текста этого распоряжения видно, что даже специалисты, которые готовили его проект, имели весьма смутное представление о трудностях работы с ураном. Срок полгода для получения урана-235 и его начального исследования был явно не реальным. Однако важно другое – исследования начались. Берия со своими материалами опоздал. Направляя их Сталину, он все еще опасался осечки. Снимая с себя ответственность за их достоверность, Берия считал целесообразным лишь «обеспечить секретное ознакомление с материалами НКВД по урану видных специалистов с целью дачи оценки и соответствующего использования этих материалов» [6.18].

Знакомство с этими материалами было весьма полезным для наших физиков. Прежде всего, выяснилось, что при создании бомбы ошибочно ориентироваться на уран-235 в качестве исходного материала , поскольку доля этого изотопа составляет всего 0,7 % во всех запасах разведанных урановых месторождений. Остальные 99,3 % приходятся на долю урана-238. Однако чтобы получить заряд для атомной бомбы, уран-238 нужно в специальном реакторе подвергнуть воздействию нейтронами, в результате чего он

преобразуется в новый изотоп – плутоний-239, который, как и уран-235, можно использовать для изготовления бомбы.

Таким образом, наши ученые вовремя получили возможность скорректировать главное направление своей работы и одновременно реально оценить свое отставание от зарубежных исследователей. Курчатов был серьезно встревожен масштабами ошибки и, можно сказать, потребовал от правительства резко расширить фронт начатых работ. В июле 1943 года Игорь Васильевич обратился к В. Молотову как к члену Политбюро, курировавшему в то время работы, связанные с решением урановой проблемы. В своей записке он отмечал: «Мы сделали только первый шаг и находимся в начале большого и трудного пути. Как по числу и квалификации кадров, так и по материально-технической вооруженности исследований по проблеме урана наша страна остается далеко позади Америки, Англии и Германии. Проблемой урана у нас занято сейчас около 50, а в Америке – около 700 научных сотрудников...

На каждом шагу возникают громадные трудности. Так, для создания котла из металлического урана и смеси урана с графитом (позже такой котел стали называть атомным реактором – Р. Б.) необходимо накопить в ближайшие годы 100 т урана. Разведанные запасы этого элемента в СССР оцениваются в 100–120 тонн. В 1943 году намечено получить 2 тонны, в 1944 и последующих годах – по 10 тонн...» [6.19].

О сложности положения специалистов, занятых в советском атомном проекте в условиях крайне напряженной обстановки, можно судить по тому, что для создания своего атомного оружия предстояло решить в сжатые сроки ряд взаимосвязанных, казалось, непосильных науко– и капиталоемких проблем:

- прежде всего необходимо было обеспечить строящуюся атомную промышленность соответствующим сырьем. В то время было разведано несколько небольших месторождений урановой руды, запасов которой не хватало для решения поставленной задачи;
- расширить фундаментальные и прикладные научные исследования по выделению из сырой руды изотопа урана-239 (плутония);
- создать фактически заново достаточно мощную научную и производственную базу для освоения совершенно новых видов продукции и неизведанных технологий;
- разработать надежную конструкцию атомной бомбы и реализовать ее практически.

Решение всех этих проблем сразу же столкнулось с дефицитом времени, финансовых средств и подготовленных кадров. Как это часто случается в России, чтобы компенсировать недостаток ресурсов, создали многочисленные организации и структуры управления. Тем не менее дело сдвинулось с места и, преодолевая многочисленные трудности, стало с ускорением двигаться к финишу — созданию атомного оружия в СССР.

Успех объяснялся рядом факторов: во-первых, смелым, инициативным и результативным отношением к своим действиям во всех научных, конструкторских и производственных звеньях, участвовавших в родах очень емкого источника энергии будущего, крайне необходимого как для обороны страны, так и для расширения ее научно-технического потенциала, что способствовало решению сложных мирных задач создания основ новой цивилизации. При этом не удалось избежать ошибок, аварий и человеческих жертв. Но к ним относились, как к неизбежным издержкам. Во-вторых, растущая реальная угроза атомного нападения на СССР подстегивала людей, заставляла их напрягать все силы и использовать все возможности для быстрого достижения конечной цели. В-третьих, удачный выбор для руководства всей системой исследований и новых производств 40-летнего ученого-физика Игоря Васильевича Курчатова.

В-четвертых, советский урановый проект, особенно после того, как американцы сбросили атомные бомбы на Нагасаки и Хиросиму, пользовался поддержкой руководства страны, в том числе Сталина. А это много значило в то время. В-пятых, создатели советской атомной бомбы получали из разных источников информацию о разработках урановых проектов в других странах. Так, сразу после окончания войны в Германию была направлена группа советских физиков для поиска урана. В сорок пятом году там удалось найти 100 тонн уранового концентрата, который очень пригодился при создании экспериментального атомного реактора. Определенную ценность имели также исследовательские материалы и научная литература, лабораторное и специальное производственное оборудование, которое удалось обнаружить в нескольких местах, где раньше работали немецкие специалисты-физики. Часть из них (всего около 300 человек) некоторое время сотрудничала с советскими физическими лабораториями. Все это позволило избежать многих ошибок на первоначальных стадиях исследования и выиграть время в напряженном соревновании с американцами.

Характерно, что сам подход к решению весьма сложных, взаимосвязанных проблем по созданию бомбы осуществлялся не поочередно от решения одной задачи к другой, а параллельно, широким фронтом, так как приходилось спешить – угроза атомного удара по нашим городам была реальной.

Относительно быстро удалось во много раз расширить сырьевую базу уранового проекта. Поскольку до войны больших потребностей в урановой руде не было, ее разведкой занимались от случая к случаю. Среди геологов господствовало мнение, что крупных урановых месторождений в Союзе нет. Когда нужда заставила, пришлось всерьез заняться их поиском с использованием авиационной и автомобильной разведки по гамма-фону. В 1946 году с этой целью было организовано 270 поисковых партий, в которых было занято примерно 15 тысяч геологов. В результате на территории страны было разведано столько запасов урана, сколько их имелось в то время в остальном мире [6.20]. Кроме того, с участием советских специалистов при соответствующих капиталовложениях были созданы предприятия по добыче урана в ГДР, Чехословакии, Румынии и Болгарии. Практически все это позволило в короткие сроки решить непростую проблему добычи урановой руды в объемах, достаточных для удовлетворения возросших потребностей в ней.

Добыча урановой руды и переработка ее в концентрат [6.21]

добыча руды – тыс. тонн, добыча металла в руде и концентрате – тонн

	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Руды, всего	18,0	110,3	338,2	634,4	1267,3	2056,8
В том числе: СССР	18,0	50,0	129,3	182,5	278,6	416,9
ГДР, ЧССР, ПНР, БНР	-	60,3	208,9	451,9	988,7	1639,9
Металл в концентрате	14,6	50,0	129,3	182,5	278,7	416,9
В том числе: комбинат 6	7,0	20,0	65,8	103,3	170,3	236,9

Из данных таблицы видно, насколько динамично (ежегодный рост в два-три раза) расширялась сырьевая база советского уранового проекта в первой послевоенной пятилетке. Несколько медленнее росло производство металла в концентрате. В 1945 году в Средней Азии вошел в строй первый крупный комбинат (№ 6), который добывал урановую руду и осуществлял ее первичную обработку.

Готовая продукция – частично очищенная урановая руда и ее 40-процентный концентрат. Быстрый рост добычи урановой руды в последующие годы – результат создания новых горно-обогатительных комбинатов в разных регионах страны.

Руда и концентрат с таких комбинатов поступали на специализированный завод в городе Электросталь (позже таких заводов было несколько), где получали металлический уран в виде блоков, покрытых для защиты от коррозии тонкой пленкой из никеля.

Такие блоки помещали в атомный реактор, где при достижении определенной массы урана самопроизвольно начинался процесс трансформации (расщепления) атомных ядер с выделением огромной энергии. Скорость и форма такого процесса могли быть двоякими. Если его не контролировать – происходил атомный взрыв. Если число вырвавшихся на свободу нейтронов ограничить и замедлить их скорость, то открывается возможность регулировать процесс выделения энергии и его результаты. При этом в качестве инструментов, тормозящих скорость движения нейтронов, использовался чистый графит или тяжелая вода. Сначала во всем этом нужно было разобраться теоретически, теперь предстояло проверить накопленные знания опытным путем.

С этой целью в помещении лаборатории № 2 (будущего Курчатовского института) в самом конце 1946 года был пущен первый в Европе экспериментальный урано-графитовый реактор, с помощью которого осуществлялась самоподдерживающаяся цепная реакция получения плутония. Заметим, что это было сопряжено с немалым риском. Но пуск такого реактора позволил проверить многие теоретические разработки, измерить реальные характеристики ядерных реакций и заблаговременно внести некоторые коррективы в строящийся промышленный реактор на комбинате Челябинск-40. В его строительстве участвовало 45 тысяч рабочих, и любая ошибка в его конструкции сопровождалась бы большими потерями времени и денежных средств. Реактор вошел в строй в июне 1948 года, что во многом способствовало сокращению сроков испытаний первой советской атомной бомбы.

Из трансформированного под воздействием потока нейтронов урана на следующем этапе с помощью разных методов и сложного оборудования на специально построенных заводах выделяли оружейный плутоний.

Теперь предстояло освоить неизвестные ранее технологии и инструменты для изготовления из сплавов плутония отдельных

деталей и частей атомного заряда. Все это было не только новым, но и трудным делом, поскольку свойства плутония еще не были до конца поняты. И здесь на стадии сотворения необычного нового изделия потребовалась помощь ученых.

Начальников и руководителей, занятых в урановом проекте, было много. Но его мозговой центр, где приходилось быстро и творчески преодолевать непрерывно рождающиеся проблемы, составляли два-три десятка человек. Среди них особенно выделялись И. Курчатов и Ю. Харитон.

Курчатов хорошо понимал проблему, контролировал и направлял коллективный интеллект на быстрое решение сложнейшей стратегической задачи в целом и на каждом ключевом направлении в отдельности. «Счастье нашей страны в том, – вспоминал министр Е. Славский, – что в главные руководители попал Игорь Васильевич. Он был самым эрудированным специалистом в ядерной физике... Бороду отпустил во время болезни. Его так и прозвали: Борода. Природа наградила его изумительными качествами. Он был чрезвычайно обаятельный человек: веселый, жизнерадостный, лояльный к людям. Именно благодаря Курчатову шли к нам ученые, понимая, что идут в изоляцию. Они никому ничего не говорили. Вынуждены были молчать. Кто пойдет на такие дела? Курчатов притягивал!» [6.22].

Примерно такими же словами его характеризует и академик А. Александров: «Я считаю большой удачей, что во главе этой работы стал такой человек, как Игорь Васильевич. Были в то время талантливые ученые и, может быть, с большим опытом, но никто из них не смог бы так самоотверженно заниматься работой такого масштаба, так увлечь собственным интересом, так зажечь тот огромный коллектив людей, который был привлечен к этой работе. Игорь Васильевич умел наладить прекрасные связи и организовать четкую работу огромного коллектива ученых, инженеров, рабочих. Он умел от каждого получить то, что тот мог сделать. Меня всегда поражала его способность работать с людьми самых разнообразных качеств» [6.23].

Курчатов руководил и координировал все теоретические и экспериментальные разработки, связанные с созданием нового оружия. Харитон обеспечивал разработку взрывного заряда и конструкции всей бомбы. Начальником КБ-11 и одновременно военпредом в 1946 году был назначен генерал П. Зернов.

«Курчатов разглядел в Харитоне крупного руководителя. Считалось, что его стезя – научные исследования. Курчатов сумел увидеть,

что за мягкостью Харитона – железная воля, за неумением просить за себя – полная самоотдача общему делу, за добротой, интеллигентностью – глубокая принципиальность, неспособность идти на компромисс с совестью. Глубокие знания, аналитический ум, редкостная работоспособность стали видны всем. Курчатов предложил ему возглавить один из самых важных, ответственных участков работы и не ошибся в своем выборе. Вопросы, связанные с конструкцией и действием атомной бомбы, были поручены Ю.Б. Харитону. На протяжении первых 13 лет он был не только научным руководителем, но одновременно и главным конструктором...»

«Харитон – удивительный человек,– характеризовал его академик А. Шальников. – Он подвижен. Работает столько, сколько нормальные люди работать не могут. Никогда не отдыхает. Если ему надо что-то сделать, то пока не поставит точку, спать не ляжет. Харитон – фантастически аккуратный, педантичный человек. Всегда ровный, спокойный» [6.24].

Самое важное, что отличало этого удивительного человека от других участников атомного проекта, – он был генеральным конструктором в коллективе, который непосредственно разрабатывал и создавал саму атомную бомбу. В середине 1946 года сравнительно недалеко от Арзамаса, среди заповедных лесов, на территории Саровского монастыря и в его окрестностях было решено разместить сверхсекретное КБ-11 как филиал Курчатовского института. Часть прибывших специалистов разместили в кирпичном здании гостиницы, построенной почти полвека назад по случаю приезда государя Николая II в Саровскую пустынь. Некоторых поселили по 2-3 человека в комнате. Семейные устроились в финских домиках, вокруг которых летом появились огороды.

Сотрудники питались в хорошей столовой. Обеды по качеству были лучше, чем в Москве. Кроме того, все получали продовольственные карточки высшей категории, а также «летный паек», в который входила колбаса и деликатесы, редкие по тем временам. Зарплата начислялась по высшим ставкам, многие получали еще и надбавки.

В то же время на строительстве производственных зданий и специальных лабораторий трудились тысячи заключенных... Руководил всем этим «хозяйством» П. Зернов.

Три года ушло на конструирование, создание и испытание первого «изделия». Было известно, что взрывообразное выделение атомной энергии происходит тогда, когда количество урана достигает

критической массы. Критическую массу создавали путем соединения двух кусков урана соответствующего веса. Этот процесс требовалось максимально ускорить, чтобы выделение энергии заняло всего доли секунды. В качестве механизма сжатия урана использовалась сила взрыва известных химических веществ. Американцы использовали для этого взрывы продольного сжатия. Наши специалисты разработали более эффективную систему сферического сжатия урана для получения атомного взрыва. Однако в первой бомбе решили не рисковать и использовали уже проверенную на практике американскую схему. (На следующих этапах успешно «прошла» советская модель.)

В то время очень важно было выиграть время: год, месяц, даже день.

Наконец-то цель достигнута: 29 августа 1949 года на полигоне под Семипалатинском Советский Союз испытал свою первую атомную бомбу. В следующем году их было создано уже 5, еще через год — 25 [6.25].

За этими фактами и лаконичными фразами скрыты предельное напряжение сил, смелость и талант творческого коллектива, которым все это время руководил Ю. Харитон. «Уникальность Юлия Борисовича заключалась в том, что он был не только физиком-теоретиком, но и выдающимся экспериментатором, конструктором, технологом... При всей своей требовательности Харитон проявлял редкостное терпение. Его правилом было «не зажимать», даже если кого-то из сотрудников «заносило»... Он был единственным из руководителей, кто разбирался во всем и разбираться стремился, никогда не уповая на доверие... Некоторые видели в этом чрезмерную въедливость. А то и занудство. Ничего подобного! Он просто понимал, что в любом деле, если углубиться, не все ясно... Он сам говорил: «Я первую бомбу знал наизусть. Я все чертежи помнил так, будто они находились передо мной. Все размеры и допуска». А документация на атомную бомбу включает тысячи чертежей...» [6.26].

Оглядываясь назад, Ю. Харитон писал: «Я поражаюсь и преклоняюсь перед тем, что было сделано нашими людьми в 1946—1949 годах. Было нелегко и позже. Но этот период по напряжению, героизму, творческому взлету и самоотдаче не поддается описанию... Через четыре года после окончания смертельной схватки с фашизмом моя страна ликвидировала монополию США на обладание атомной бомбой...» [6.27].

В 1946 впервые в СССР в коллективном докладе Я. Зельдовича, И. Померанчука и Ю. Харитона «Использование ядерной энергии легких элементов» была сформулирована идея создания термоядерного оружия (водородной бомбы). Группа Зельдовича продолжала исследования в этом направлении параллельно с работой над конструкцией обычного ядерного заряда. В 1948 году аналогичные исследования в Физическом институте АН под руководством академика И. Тамма начала группа, куда вошли А. Сахаров, С. Беленький, В. Гинзбург и Ю. Романов. Вскоре Сахаров перешел в КБ Ю. Харитона.

12 августа 1953 года было произведено испытание первого советского термоядерного заряда, где взрыв небывалой мощности получали в результате синтеза (соединения) атомов легких элементов в условиях сверхвысоких температур и давления [6.28].

«Вероятно, – писал Ю. Харитон, – главный парадокс нашего времени в том и состоит, что самое изощренное оружие массового уничтожения до сих пор содействует сохранению мира на Земле, являясь мощным сдерживающим фактором».

С созданием атомной бомбы с такой же остротой встал вопрос о ее доставке на территорию вероятного противника.

Первой, кому предстояло выполнять эту роль, была **авиация.** Дальние бомбардировщики должны были доставить новое оружие до цели, истребители – охранять и защищать свою территорию от возможного нападения самолетов и ракет противника. Успешно пройдя через Отечественную войну, в изменившихся условиях советская авиация уже не могла выполнять такие функции, прежде всего, из-за относительно низких скорости и высоты полета. Поэтому речь шла о создании качественно нового поколения самолетов, моторов и вооружения, а также о соответствующей перестройке авиационной промышленности, исследовательских институтов и конструкторских бюро.

Еще в конце сороковых годов Сталин пригласил к себе ведущих авиаконструкторов С. Ильюшина. В.Мясищева и А.Туполева. После продолжительной беседы он поставил перед ними задачу: создать дальний бомбардировщик, способный развозить «подарки» по всему миру.

Каждый из них имел опыт проектирования дальнего бомбардировщика. Так, еще до войны на самолетах Туполева советские летчики совершили два беспосадочных перелета из Москвы в Америку. Ильюшин в 1936 годы создал бомбардировщик Ил-4, который

на протяжении всей Отечественной войны оставался основной машиной дальней авиации. Мясищев буквально накануне войны сконструировал и построил опытный образец дальнего высотного бомбардировщика ДВБ– 102.

Теперь в условиях «холодной войны» и появления в распоряжении вероятного агрессора атомной бомбы предстояло создать качественно новый самолет, основная функция которого заключалась в том, чтобы доставить «ценный» груз через океан и «живым» вернуться обратно. Конкретно от такой машины требовались предельная дальность полета, большая высота и высокая скорость, грузоподъемность, достаточная для того, чтобы поднять «на должную высоту» новое тяжелое оружие возмездия.

Наиболее «узким» местом в решении этих задач были ограниченные возможности поршневого мотора с винтовой тягой – увеличение оборотов и шага винта не сопровождались адекватной прибавкой тяги, особенно на больших высотах. Иными словами, такая двигательная установка при скорости 700 км/час на высоте 13 км достигла своего теоретического максимума. В качестве альтернативы выступал реактивный двигатель. Еще до войны в Германии, Италии и Англии были созданы опытные образцы реактивных двигателей и самолетов. Нередко они взрывались. Гибли испытатели, но дело постепенно двигалось к финишу. В конце войны немцы успешно использовали реактивный истребитель Ме-262 и бомбардировщик Ар-234 в боевых условиях. Однако и у наших, и у зарубежных конструкторов оставалось еще немалое число вопросов относительно надежности принципиально новых двигателей и необходимых изменений в структуре планера (например, использование стреловидного крыла), обусловленных как скачкообразным возрастанием скорости, так и новой компоновкой двигателей.

Туполев попытался в последний раз «выжать» из поршневого двигателя с винтом больше, чем реально обещали его возможности. После длительного перерыва в 1945 году под его руководством началось проектирование нового дальнего бомбардировщика с четырьмя двигателями, снабженными турбокомпрессорами. Однако наша авиационная промышленность не была готова к оснащению такого сложного самолета качественно новым оборудованием. К тому же помешал, как часто бывает, господин случай. «Летающие крепости» США (В-29) в конце войны начали воздушное наступление на Японские острова. Несколько самолетов, получивших повреждение во время бомбежек, выбросив в море сверхсекретные прицелы,

совершили вынужденные посадки на территории СССР. Одна из таких машин была доставлена в Москву, и Сталин поручил А. Туполеву сделать точную копию такого самолета для советской авиации. Руководитель крупнейшего конструкторского бюро выдвинул встречное предложение, поскольку он успел выявить несколько слабых мест у американской летающей крепости. По его мнению, сначала следовало бы внести ряд непринципиальных корректировок в ее конструкцию и только тогда наладить серийное производство улучшенных машин. Сталин не согласился с ним и потребовал оставить все как есть. Туполев знал, что спорить с ним не только бесполезно, но и опасно...

В июле 1947 года первый серийный самолет Ту-4, как две капли воды похожий на В-29, но с советскими моторами и оборудованием поднялся в воздух с заводского аэродрома в Казани. Работа над ним творческого коллектива Туполева стала хорошей школой изучения американских новинок в самолетостроении. После того, как поставленная «сверху» задача была решена, конструкторы вновь вернулись к своей задумке создать дальний стратегический бомбардировщик с мощным пушечным вооружением и большой грузоподъемностью. Такой самолет с дальностью полета 8 200 км (против 5 300 км у Ту-4), получивший обозначение Ту-80, вскоре был создан. Но и американцы не стояли на месте: фирма «Боинг» сконструировала новый В-50. Почти одновременно с ним появился шестимоторный «Конвэр» под номером В-36. Оба они имели примерно те же боевые параметры, что и бомбардировщик Туполева. Состязание продолжалось. В течение 1949–1950 гг. КБ Туполева выпустило еще один межконтинентальный бомбардировщик с четырьмя поршневыми двигателями. В 1951 году он пролетел по ломаному маршруту над территорией СССР более 12 тыс. км с бомбовой нагрузкой 5 100 кг. Его скорость на высоте 10 тыс. метров достигла 638 км/час. Ту-85 был последним бомбардировщиком с поршневым двигателем, построенным в нашей стране[6.29]. Ему на смену пришли реактивные машины со скоростями порядка 900 км/час, а затем – и сверхзвуковыми.

Понимая объективный характер наступающих перемен, КБ Туполева много и напряженно работало над созданием тяжелого реактивного бомбардировщика Ту-73. Как бы между делом, для накопления опыта, конструкторы поставили два реактивных двигателя на свой Ту-2. Получился первый в стране реактивный бомбардировщик, который стал для конструкторов своеобразной летающей

лабораторией. Дальность его полета на высоте 10 тыс. м перекрыла проектные расчеты, опровергнув ошибочное мнение, что турбореактивные двигатели непригодны для дальних бомбардировщиков. Часовой перерасход топлива перекрывался снижением его затрат на километр пути за счет резкого повышения скорости.

В самом конце 1947 года, буквально под Новый год, новый самолет Ту-73 первый раз поднялся в воздух. На нем были установлены три турбореактивных двигателя: два под крыльями, третий – в хвостовой части фюзеляжа. После успешного завершения всех летных испытаний этот самолет был запущен в серийное производство теперь уже под маркой Ту-14. После установки более мощных двигателей его максимальная скорость достигла 845 км/час, дальность полета – свыше 3 тыс. км[6.30].

В то же время КБ Ильюшина интенсивно работало над созданием своего реактивного фронтового бомбардировщика Ил-28, который после коротких испытаний летом 1949 года был принят на вооружение ВВС. Самолет отличался высокими летными и боевыми качествами, что определило его «многотиражность».

Одновременно этот же коллектив проводил испытания тяжелого бомбардировщика Ил-46 с дальностью полета до 5 тыс. км. Особенность схемы этой машины – велосипедное шасси, что позволило убирать их в особые люки в фюзеляже. В крыльях им места не хватало, поскольку переход на около звуковые скорости заставил резко уменьшить толщину крыльях. Эта схема была использована и при строительстве первого сверхзвукового бомбардировщика Ил-54.

Таким образом, четвертая пятилетка стала переходным периодом к массовому освоению дальних бомбардировщиков нового класса. Это позволило в начале пятидесятых годов передать на вооружение ВВС мощные и скоростные стратегические бомбардировщики дальнего действия со стреловидным крылом и турбореактивными двигателями, разработки которых отечественными специалистами начались в конце напряженных сороковых годов.

Одно из первых мест в этом ряду занимал красавец Ту-16, скорость которого вплотную приблизилась к отметке 1000 км/час при дальности полета 5 700 км. Его серийное производство началось в 1953 году в Казани, а затем и в Куйбышеве. Новые машины стали в массовом порядке поступать в строевые части. Вскоре на нем поставили устройство для подвески ядерного оружия, тяжелых ракет, а при надобности и торпед[6.31].

Вскоре почетное место в этом ряду занял четырехдвигательный межконтинентальный бомбардировщик ОКБ Мясищего. Скорость этого самолета приблизилась к 2000 км/час, дальность полета – 13 тыс. км [6.32].

Создание *советских реактивных истребителей* происходило быстрее и легче, чем бомбардировщиков. Узким местом в их развитии было запаздывание с созданием надежных реактивных двигателей, хотя А. Люлька сконструировал первый в СССР турбореактивный двигатель и начал готовить его производство на Кировском заводе еще в 1940 году. Война грубо оборвала этот процесс, и теперь пришлось все начинать с нуля. Авиационные конструкторы ждать у моря погоды не могли и, чтобы не терять время, начали конструировать истребители нового типа с использованием немецких трофейных реактивных ЮМО-004 (с тягой 850 кг) и БМВ-003 (с тягой 800 кг). Затем в Англии были закуплены более мощные реактивные двигатели с тягой 1 600 и 2 200 кг [6.33].

Это позволило меньше чем через год после окончания войны, 24 апреля 1946 года поднять в воздух МиГ-9 конструкции А. Микояна и М. Гуревича, за ним (на несколько часов позже) реактивный истребитель А. Яковлева (Як-15). Не заставил себя долго ждать и коллектив С. Лавочкина, на реактивном истребителе которого (Ла-160) впервые в СССР была использована схема стреловидного крыла. На этих самолетах были установлены либо трофейные немецкие, либо импортные английские турбореактивные двигатели.

Наши моторостроители не заставили себя ждать очень долго. В 1947 году начались летные испытания опытного истребителя Су-11 с первым советским ТРД с тягой 1 250 кг конструкции А. Люльки [6.34]. За 3-4 послевоенных года ОКБ А. Люльки, А. Микулина и В. Климова создали новые серийные образцы турбореактивных двигателей на уровне мировых стандартов с тягой 3 300, 5 100, 9 600, 11 200 кг.

Первые успехи не снизили интенсивность работы конструкторских бюро над развитием и совершенствованием истребителей нового поколения. Весной 1947 года появился МиГ-15, а затем и Миг-17, на котором в конце 1949 года впервые в горизонтальном полете была превышена скорость звука. Эти хорошо вооруженные истребители почти десять лет оставались в строевых частях ВВС СССР и его союзников.

Як-15 и его модификации также были приняты на вооружение. В 1952 году был выпущен самолет Як-25 – двуместный ночной

всепогодный истребитель-перехватчик с двумя реактивными двигателями Микулина. Впервые в нашей стране он был оснащен мощной радиолокационной аппаратурой. Имел на вооружении две пушки калибра 37 мм. Дальность полета достигла 3000 км. Он мог также около 2,5 часов барражировать в ночном небе [6.35].

Своеобразную проверку боем МиГи прошли в ноябре 1950 года в небе Кореи. Они относительно легко расправлялись с бомбардировщиками фирмы «Боинг» и продемонстрировали на деле свое превосходство над американскими истребителями. Это было первое серьезное предупреждение о том, что готовящееся атомное нападение на СССР не останется безнаказанным...

Еще летом 1946 года правительство утвердило трехлетний план развития нового поколения радиолокационной техники. Ответственным за его выполнение стал Комитет по радиолокации при Совмине СССР во главе с председателем Госплана М. Сабуровым. Академик А. Берг – первый советский кибернетик был назначен начальником головного НИИ по радиолокации. Удивительно, но всего за три года удалось создать принципиально новую систему радиолокационных станций и специальных установок для авиации, морского флота и противовоздушной обороны. Так, в 1947–1950 годах была разработана, освоена в производстве и передана войскам наземная РЛС П-8 метрового диапазона с круговым обзором и дальностью действия до 150 км. Впервые она была оборудована механизмом защиты от активных и пассивных помех. Дальнейшим ее развитием стала РЛС дальнего обнаружения самолетов и ракет П-10. Здесь уже были встроены системы опознавания «свой-чужой» и селекции движущихся целей, существенно повышена помехозащищенность, в том числе путем перестройки частоты приемопередатчика. Дальность действия станции увеличена до 200 км. [6.36]

Благодаря растущему количеству самых современных истребителей и разработке новой радиолокационной и другой электронной аппаратуры уже в начале 1950-х годов обороноспособность страны укрепилась настолько, что самые отъявленные ястребы вынуждены были отложить свои планы атомного нападения на Советский Союз. Более того, их самих стала пугать угроза ответного ракетного удара через район Северного полюса.

Разработка и освоение серийного производства межконтинентальных ракет с ядерными боеголовками – третьего вида вооружений нового поколения, осуществлены в СССР в сжатые сроки в условиях холодной войны. Решение этих задач было также нелегким

и дорогостоящим делом. И на этот раз учиться пришлось у немецких специалистов, поскольку Германия, опираясь на свой традиционно мощный научно-технический и конструкторский потенциал, на два-три шага обогнала СССР в этой, в то время мало исследованной сфере военной техники. У них был свой Циолковский – Г. Оберт, который еще в 1917 году обосновал проект боевой ракеты на жидком топливе (спирт и жидкий кислород), которая должна была нести боевой заряд несколько сот километров. В 1923 году он защитил диссертацию «Ракета в межпланетном пространстве». В тридцатые годы круг его коллег расширился: Р. Нобель, П. Шмидт, К. Ридель и другие конструкторы целеустремленно работали над созданием ракетных двигателей и баллистических ракет.

В России в это же время сложились коллективы, которые занимались проблемами ракетной техники и реактивного полета, возглавляемые Ф. Цандером, С. Королевым, В. Глушко, В. Ветчинкиным, Ю. Победоносцевым, М. Тихонравовым и др.

Весьма характерно также, что и в Германии, и в России этой проблематикой заинтересовались военные, которые начали финансировать подобные разработки и исследования. В 1936 году ракетную лабораторию в Кюммерсдорфе посетил главнокомандующий сухопутных войск генерал Фрич, который пообещал конструкторам полную поддержку «при условии, что они используют деньги для создания на основе реактивного двигателя пригодного оружия» [6.37]. По его указанию В. Дорнбергер и Вернер фон Браун приступили к разработке проекта баллистической ракеты с расчетной дальностью 275 км и боевым зарядом весом 1 тонна.

Вскоре на острове Узедом, что в Балтийском море близ рыбацкого поселка Пенемюнде, был создан крупный ракетный центр, где при содействии государства и военного ведомства развернулись разработки дальних баллистических ракет. Здесь под руководством В. Брауна и К. Риделя 120 специалистов и сотни квалифицированных рабочих еще накануне войны практически приступили к созданию управляемой ракеты дальнего действия, известной позже как Фау-2.

В России в 1937-1938 годах единственный Ракетный научно-исследовательский институт был разгромлен. Его два ведущих руководителя Н. Клейменов (начальник института) и Г. Лангемак (главный инженер – один из «отцов» будущей «Катюши») были расстреляны, а два талантливых конструктора С. Королев и В. Глушко на основе ложных показаний, полученных следователями

силовыми приемами, были посажены в тюрьму на длительный срок (Королев часть срока отбывал на Колыме). Практически творческое развитие стратегической ракетной техники затормозилось на несколько лет.

Поэтому не удивительно, что в Пенемюнде, где вначале большинство стартов новых ракет кончались авариями и взрывами (их слабым местом были камера сгорания и система управления), немцы ушли на несколько лет дальше, чем их соперники в России. В марте 1939 года этот центр посетил Гитлер. Ему показали действующую баллистическую ракету на испытательном стенде, рассказали о небывалых возможностях чудо-оружия. «Это устрашающе», – такими словами фюрер закончил свой визит. Однако вскоре после начала войны, когда военное командование Германии делало ставку на блицкриг и во Франции такая установка себя оправдала, а авторам плана Барбаросса до сорок второго года казалось, что в России он все же будет реализован, внимание к созданию новых ракет ослабло и резко сократилось финансирование.

После поражения под Сталинградом, а затем на Курской дуге гитлеровское руководство поняло, что оно безнадежно увязло в России. Выход для них виделся в том, чтобы вывести из войны Великобританию с помощью нового «устрашающего» оружия, каким должны стать ракеты ближнего и дальнего радиуса действия, а также реактивные самолеты. В этой связи министр вооружений Шпеер получил приказ всячески форсировать завершение испытаний новых ракет. В конце сорок второго – начале сорок третьего создатели нового оружия достигли устойчивых успехов. Ракеты научились не только летать, но и поражать цели. В январе 1943 года министерство вооружений создает систему, в которой серийным производством отдельных узлов ракет занималось большое число мелких, разбросанных по всей стране предприятий, а сборку ракет осуществляли несколько крупных заводов, спрятанных под землю. Кроме того, весь район размещения таких заводов находился под прикрытием мощных ПВО. Тем не менее в августе 1943 года английская авиация нанесла мощный бомбовый удар по ракетному центру Пенемюнде. Из 80 зданий, где размещались конструкторские бюро, исследовательские отделы и различные лаборатории, 50 были разрушены. Из строя удалось вывести электростанцию и завод по производству жидкого кислорода.

Однако главной цели налета английским летчикам достигнуть не удалось. Ракетосборочный завод не был разрушен. Потери среди

специалистов составили не более 6 % их общего состава. Из ведущих инженеров погибли двое [6.38]. Этот и другие налеты авиации союзников на объекты, участвующие в производстве ракет, затормозили, но не могли предотвратить массового ракетного наступления немцев на Лондон и другие английские города. Лето 1944 года на Британских островах было очень жарким. Но исход войны был предрешен.

В феврале 1945 года с площадки ракетного центра Пенемюнде взлетела последняя ракета вермахта. 5 мая войска маршала Рокоссовского заняли весь этот район. За месяц до этого 466 ракетных специалистов Германии во главе с Вернером фон Брауном и В. Дорнбергером были срочно эвакуированы в Баварию, где вскоре попали в плен к американцам. Их быстренько переправили в США, и они вновь занялись своим делом... В то же время американские части в Тюрингии захватили подземный завод, где собирали Фау-2. Этот район по соглашению отходил к русским. Американский историк ракетной техники Вилли Лей пишет: «Разумеется, переместить подземный завод было невозможно. Однако к тому времени, когда советские офицеры приступили к исполнению необходимых формальностей, связанных с передачей завода русским, около 300 товарных вагонов, груженных оборудованием и деталями ракет Фау-2, находились в пути в Западное полушарие» [6.39].

В СССР в период войны в РНИИ, преобразованном в НИИ-1 авиационной промышленности, занимались в основном совершенствованием системы реактивного миномета («Катюши») и авиационными реактивными снарядами. Руководил институтом генерал-майор авиации П. Федоров. Сюда весной 1944 года с ракетного полигона в Польше были доставлены фрагменты немецкой баллистической ракеты Фау-2, которая поразила советских специалистов, прежде всего, своими размерами. Федоров сразу же стал энтузиастом баллистических ракет и решил лично побывать на месте, где их испытывали и запускали. Однако при полете в Польшу самолет терпит аварию. Генерал Федоров и группа ведущих специалистов НИИ-1 погибают...

Для сбора материальных остатков, а также документов и другой информации о немецкой ракетной технике и технологии ее производства в советскую зону оккупации было направленно несколько других комиссий, чаще всего во главе с высшими офицерами гвардейских минометных частей. В их состав включили также некоторых исследователей из бывшего ракетного института.

Одну из таких групп возглавлял Андрей Соколов, который в годы войны был уполномоченным ГКО по организации массового производства «Катюш» на Урале. Теперь ему поручили обследовать ракетный центр в Пенемюнде. Он быстро оценил перспективы и стратегическое значение немецкого опыта, накопленного здесь при разработке и изготовлении ракет высшего класса. Нет надобности говорить о том, что генерал стал активным и влиятельным сторонником интенсивного развития нового направления в перевооружении Советской армии после войны. Позже он сыграл решающую роль в судьбе конструктора Янгеля и его КБ, когда в 1960 году при взрыве их ракеты погиб главком Ракетных войск стратегического назначения М. Неделин.

Еще одну аналогичную группу в Германии возглавлял член Военного совета гвардейских минометных частей генерал Лев Гайдуков. Используя свои связи «наверху», он попал на прием к Сталину, доложил ему о результатах обследования немецкой ракетной техники и предложил для более полного сбора информации направить в Германию специалистов из бывшего Ракетного института, в том числе Королева, Глушко, Севрука и еще два десятка человек.

Таким образом, довольно большая группа будущих ведущих специалистов советской космонавтики имела возможность значительно расширить свои знания и опыт за счет не просто ознакомления, а тщательного изучения в течение примерно двух лет достижений и ошибок передовой в то время немецкой школы ракетостроения. Причем с этой целью в Восточной Германии было создано несколько научно-исследовательских институтов, в которых работала часть сотрудников бывшего КБ Вернера фон Брауна.

Вместе с тем генералы-ракетчики убедились в том, что наладить серийное производство управляемых стратегических ракет без всесторонней помощи государства невозможно. Логично, что во время одного из докладов Сталину Гайдуков обратился к нему с просьбой возложить на одного из министров оборонных отраслей ответственность за дальнейшую разработку, освоение и производство новой ракетной техники. Сталин не готов был сразу принять решение по данному вопросу и поручил Гайдукову самому переговорить с министрами и подготовить проект соответствующего постановления. Оказалось, что получить согласие с их стороны было совсем не просто. Авиационная промышленность была занята перестройкой на выпуск реактивных самолетов. Ванников из последних сил «тянул» атомный проект. Артиллеристы считали, что пушки

были, есть и останутся «богом войны». Министр вооружений Устинов не торопился с ответом. Он поручил своему заместителю В. Рябикову еще и еще раз проверить и обдумать возможности решения проблемы. Рябиков высказался категорически «за». Министр отбросил свои сомнения и вместе с начальником ГАУ Н. Яковлевым в апреле 1946 года подготовил докладную записку Сталину об организации работ по ракетной технике в Советском Союзе. Ее подписали также Маленков, Булганин, Берия и Вознесенский.

Примерно через месяц Сталин подписал «историческое постановление Совета министров», которое заложило фундамент для создания и развития сложного ракетного комплекса в СССР, который включал в себя научно-исследовательские институты, десятки КБ различных министерств, опытное производство и крупные в прошлом артиллерийские, автомобильные и другие заводы, пусковые установки и испытательные полигоны[6.40].

Теперь создание мощных баллистических ракет стало одним из главных направлений стратегической политики государства наравне с урановым проектом. Для решения этой многогранной проблемы постепенно сформировалась целостная программа, охватывающая взаимосвязанную систему правительственных заданий, доведенных до конкретных исполнителей.

В рамках этой программы в Калининграде, недалеко от Москвы, на базе артиллерийского КБ и завода был создан мозговой центр ракетного комплекса – крупный НИИ-88, в распоряжении которого находился опытный завод. В третьем отделе института Главным конструктором назначили С. Королева. Его первая практическая задача состояла в том, чтобы собрать и испытать десяток-дюжину немецких Фау-2.

Большинство научных сотрудников и конструкторов пришло в институт из артиллерии или авиации, а творить нужно было новые ракеты. При этом «авиаторы» считали ракеты недоразвитыми самолетами, у которых еще не отросли крылья. «Пушкари» – перезрелыми снарядами, которые мечтали летать независимо от пушек. «Сознание того, что ракета – нечто совершенно новое, принципиально отличное и от самолета и от снаряда, приходило не сразу и не ко всем. Очевидно, что преимущество Королева перед его многочисленными коллегами заключалось в том, что он понял это раньше других...Благодаря такому пониманию, Королев, едва появился в НИИ-88, сразу стал лидером и никогда никому лидерства этого не уступал»[6.41].

«Первый период деятельности НИИ-88 (1946–1948 гг.) начался с создания проектно-теоретических основ ракетной техники и воссоздания немецких образцов ракет Фау-2, «Вассерфаль», «Шметерлинг». В 1947 году промышленностью и военными с участием АН СССР была разработана и утверждена правительством развернутая программа фундаментальных исследований по развитию новой ракетной техники, которая включала большое количество научно-исследовательских, проектно-поисковых и опытно-конструкторских работ, охватывающих все возможные направления развития ракет дальнего действия. Это были работы по аэродинамике, динамике, прочности, устойчивости, изысканию новых металлических и неметаллических материалов, технологии их изготовления и обработки. Исследовались также различные варианты топливных пар для ракет дальнего действия с точки зрения их энергетических характеристик, процессов горения и удобства эксплуатации. Рассматривались вопросы проектирования ракетных двигателей, аппаратуры системы управления. Исследовались алгоритмы управления полетом, обеспечивающие минимальные ошибки. В программе были предусмотрены работы по созданию различных испытательных стендов, в том числе двигательных, аэродинамических труб, прочностных установок, новых оптических и радиотехнических измерительных систем, создание большого количества новых типов датчиков для обеспечения стендовых и летных испытаний.

Выполнение указанной программы вместе с летными испытаниями различных образцов ракетной техники создало обстоятельный научный и конструкторский задел для быстрого и успешного продвижения вперед»[6.40]. Достигнуть поставленных целей можно было только на основе разделения труда и ответственности между целым рядом министерств и ведомств, а также четкой координации их деятельности во времени и пространстве. Так, разработка реактивных двигателей была поручена конструкторскому бюро В. Глушко (МАП), систем управления – НИИ Министерства средств связи (главный конструктор М. Рязанский), гироскопического оборудования – НИИ судостроительной промышленности (главный конструктор В. Кузнецов), наземного пускового оборудования – КБ В. Бармина (Министерство приборостроения). Кроме того, различные задания выполняли химики, металлурги, нефтяники и другие специалисты, в том числе из министерства обороны.

В своей работе они руководствовались исходным положением постановления правительства от 13 мая 1946 года: «Считать работы

по развитию реактивной техники важнейшей государственной задачей и обязать все министерства и организации выполнять задания по реактивной технике как первоочередные».

Головным, а значит, главным ответственным министерством за реализацию майского постановления Совета министров стало Министерство вооружений, которое в то трудное время возглавлял Дмитрий Устинов. Он вложил весомую часть своей души в успех общего дела.

Активную роль в управлении всем этим сложным комплексом играл также Специальный комитет по реактивной технике при Совмине СССР. Этот «комитет № 2» официально значился высшим государственным органам по ракетной технике.

Прежде чем взяться за создание нового, нужно было еще ни один раз умом и руками прощупать старое, в том числе трофейное. В октябре 1947 года на полигоне «Капустин Яр» были испытаны немецкие Фау-2, собранные под Москвой. Из 11 стартов 5 прошли успешно. На ошибках учились. Следующий шаг – создание советских копий немецкого двигателя и самой баллистической ракеты (Р-1). Результаты примерно такие же. Королев создает свои усовершенствованные модели: Р-2 (дальность стрельбы до 600 км) и Р-3 (дальность полета до 3000 км). Так, шаг за шагом, со сбоями и неудачами Россия к началу пятидесятых годов подходит к созданию баллистических ракет. Уже недалеко было время, когда новые межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками могли поразить цели в любой точки земного шарика.

Еще один вид оружия нового поколения, созданный в условиях холодной войны, – **атомные подводные лодки.** В их конструкции использованы два предыдущих достижения: атомный реактор и управляемые ракеты с жидкостным двигателем. Поэтому их рождение стало возможным только в середине пятидесятых годов. Первая российская АПЛ с атомным реактором на легкой воде была спущена на воду в Северодвинске в августе 1956 года. На испытаниях в подводном положении она достигла скорости 49,4 узла, установив тем самым мировой рекорд судов такого типа.

Использование атомной энергии в подводном флоте произвело подлинную революцию. До этого подводные лодки в погруженном состоянии могли передвигаться за счет аккумуляторов либо дизелей, использовавших для движения под водой сжатый воздух. С такими установками далеко уйти от своих баз они не могли. Ночью приходилось всплывать, чтобы подзарядить аккумуляторы.

Использование компактных атомных реакторов как очень емких источников энергии позволило подводным крейсерам месяцами незаметно передвигаться под водой, в том числе подо льдами. После создания управляемых со спутника баллистических ракет с ядерными боеголовками и размещения их на атомных подводных лодках было получено оружие, способное охладить любого зарвавшегося агрессора.

За период 1956–1995 гг. в России было спущены на воду 245 атомных подводных лодок (в США – 281). Большинство российских АПЛ имело два независимых реактора, в то время как американские субмарины строились чаще всего по однореакторной схеме. В течение четырех десятилетий в России сменилось пять поколений атомных подводных лодок, созданы специальные КБ, построено несколько заводов для строительства, ремонта и утилизации АПЛ, а также баз для их стоянок [6.43].

* * *

Подводя главные итоги мероприятий по укреплению обороноспособности страны в первый период холодной войны, следует отметить, что создание более эффективных видов вооружения нового поколения: реактивных истребителей; баллистических ракет, оснащения нескольких поясов ПВО современными радиолокационными станциями, новыми зенитными орудиями и ракетами; размещение мощного танкового клина в центре Европы, – все это опрокинуло планы массированного атомного удара США по нашим городам и промышленным центрам, намеченного на конец сороковых – середину пятидесятых годов (сроки несколько раз отодвигались на более поздний срок).

К этому времени равенство военных потенциалов Советского Союза и США еще не было достигнуто. В России создали только прочный щит, а ракетно-ядерный меч находился в конечной стадии производства. Его нужно было еще остудить и поточить. Но соотношение сил уже изменилось, и развязать горячую войну было крайне рискованно...

Однако за все приходилось платить высокие цены. Предпринятые в первой послевоенной пятилетке чрезвычайные мероприятия по укреплению обороноспособности СССР перегрузили его экономику военными расходами, что нарушило ее устойчивость. Многие социальные мероприятия пришлось отодвинуть на более поздние сроки.

В то же время освоение и рост выпуска новейшей военной техники потребовали расширения производства высококачественных материалов и энергоносителей. В этой связи среди предприятий тяжелой промышленности разместили большое число новых крупных заказов.

6.3. Подъем тяжелой промышленности остается ключевой задачей

Динамичный рост и обновление производства средств производства были объективно необходимы для быстрого восстановления всех отраслей народного хозяйства на качественно более высокой технической основе. Для того чтобы ввести в строй разрушенный завод, электростанцию или шахту, прежде всего требовались новое технологическое оборудование, металлоконструкции, строительные и другие материалы, а также топливо и энергия, причем в больших объемах.

В то же время народ-победитель, который в тяжелейшие годы войны сделал больше, чем было возможно, с полным основанием ожидал, что в мирных условиях он будет жить и работать в значительно лучших условиях...

Соединить эти два стратегических направления вместе в первой же послевоенной пятилетке представлялось нереальной задачей, тем более что на западном небосклоне появились темные, тяжелые тучи – угроза атомного нападения со стороны недавних союзников...

Руководители страны искали форму, как объяснить своему народу, что его обоснованные ожидания полностью реализовать в ближайшей перспективе не удастся.

И. Сталин, выступая 9 февраля 1946 года перед избирателями, отметил: «Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах... Особое внимание будет обращено на расширение производства предметов широкого потребления, на поднятие жизненного уровня трудящихся ... и на широкое строительство всякого рода научно-исследовательских институтов, могущих дать возможность науке развернуть свои силы. Я не сомневаюсь, – добавил он, – что, если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только

догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны (видимо, имелись в виду, прежде всего, советский урановый проект, а также работы в области реактивной авиации и баллистических ракет – Р. Б.).

Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем. Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей»[6.44].

Спустя месяц после встречи Сталина с избирателями, на сессии Верховного Совета СССР с докладом о первой послевоенной пятилетке выступил Н. Вознесенский. Он выделил пять основных задач, которые предстояло решить в предстоящий пятилетний период.

«Во-первых, увеличить по сравнению с довоенным уровнем производство промышленной продукции в 1,5 раза и обеспечить *первоочередное восстановление и развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта,* без которых невозможно быстрое и успешное восстановление и развитие всего народного хозяйства. Без быстрого восстановления тяжелой индустрии нельзя закрепить технико-экономическую независимость страны. Опоздать в этом деле – значит потерять те материальные предпосылки, которые обеспечили нам в период Отечественной войны военную, экономическую и политическую победу...

Во-вторых, добиться подъема сельского хозяйства и промышленности, производящей средства потребления, для обеспечения материального благополучия народов Советского Союза и *создания в стране обилия основных предметов потребления...*

В-третьих, обеспечить *дальнейший технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства СССР* как условия мощного подъема производства и повышения производительности труда. Для этого необходимо не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами СССР.

В-четвертых, обеспечить высокие темпы социалистического накопления, предусмотрев объем централизованных капиталовложений для восстановления и развития народного хозяйства на пятилетие в размере 250 млрд. рублей... Основные фонды в результате

выполнения плана капитальных работ будут не только восстановлены, но и превысят в 1950 году на 8 % довоенный уровень основных фондов на всей территории СССР. Для осуществления программы капитального строительства необходимо создать мощную строительную индустрию и обеспечить ежегодный прирост объема капитальных работ примерно на 12 %.

В-пятых, нашей задачей является дальнейшее повышение обороноспособности СССР и *оснащение Вооруженных сил Советского Союза новейшей военной техникой*...В этой связи нам необходимо обеспечить работы по развитию новых отраслей техники и производства. К ним относятся: ...производство современных приборов, в частности в области радиолокации; работы по развитию реактивной техники, применению нового типа двигателей, создающих новые скорости и мощности; работы по исследованию в интересах промышленности и транспорта вопросов внутриатомной энергии» [6.45].

В официальных выступлениях обоих лидеров много общего: и первый, и второй указывают на необходимость ускоренного развития тяжелой промышленности и восстановления сельского хозяйства. Оба озабочены проблемами расширения производства товаров для населения и повышения благосостояния трудящихся. И тот, и другой выдвигают перед учеными задачу: не только догнать, но и превзойти зарубежные достижения в области науки и техники.

В то же время нельзя не отметить существенного расхождения их позиций по вопросам долгосрочной стратегии: Сталин считал главной стратегической задачей на ближайшие три пятилетки добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно 50–60 миллионов тонн чугуна, стали и нефти, а также 500 миллионов тонн угля. «Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей». Видимо, Сталин не мог забыть хронический характер дефицита металла и топлива в стране на всем протяжении гражданской и Отечественной войны.

Вознесенский смотрел в будущее. Для него центральная стратегическая задача на перспективу заключалась в том, чтобы повысить темпы и расширить масштабы научно-технического прогресса и на его основе обеспечить ускорение роста производительности труда. Это, в свою очередь, требовало увеличения капитальных вложений в производственную сферу и инфраструктуры жизнеобеспечения населения. Таким образом, его концепция социально-экономического роста России представляла собой треугольник, острые

углы которого были направлены на повышение производительности труда, увеличение инвестиций в производственные фонды и улучшение качества жизни населения.

Концепция Н. Вознесенского была положена в основу первой по-своему довольно напряженной послевоенной пятилетки

По плану объем промышленного производства в 1950 году должен был превысить довоенный уровень на 48 %. Это задание было перевыполнено – фактический прирост выпуска валовой продукции к уровню 1940 года составил 73 %. Такой успех был получен в основном за счет динамичного расширения производства на предприятиях тяжелой промышленности. Выпуск средств производства увеличился по сравнению с довоенным уровнем больше чем в два раза, в то время как прирост объемов промышленных товаров для населения ставил всего 23 %, что, конечно, не могло «создать в стране обилия основных предметов потребления».

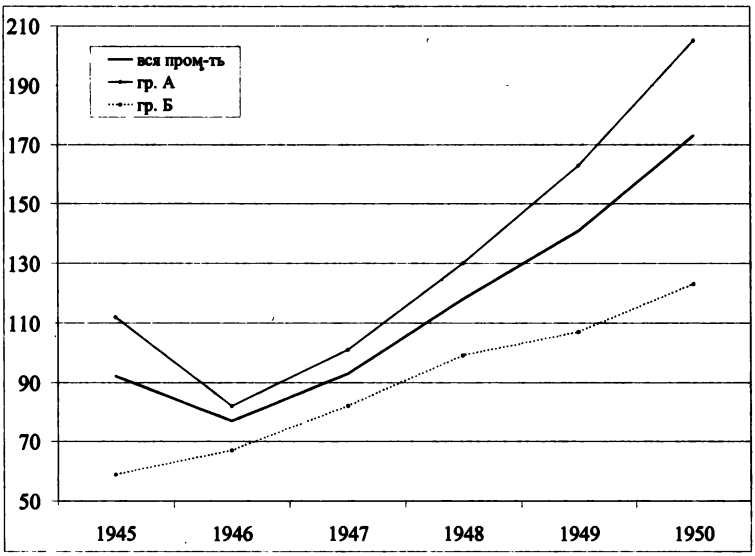
Темпы прироста (сокращения) валовой продукции промышленности [6.46]
в % к предыдущему году

	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Вся пром-ть	- 12	- 17	+ 22	+ 26	+ 20	+ 23
группа А	- 17	- 27	+ 22	+ 29	+ 25	+ 26
группа Б	+ 9	+ 13	+ 21	+ 21	+ 8	+ 15

Интересная таблица. В 1942 году выпуск валовой продукции в СССР упал до самого низкого уровня (77 %) по сравнению с мирным 1940 годом. Затем в течение двух лет за счет резкого расширения военного производства происходит заметный скачок вверх. Ценой огромного напряжения всех сил обусловленная вызовом противника высота взята – по выпуску всех основных видов вооружений Россия превзошла Германию. Общий объем промышленной продукции в 1944 году превысил довоенный уровень, достигнув отметки 104 %. Исход войны предрешен. Происходит перераспределение заказов и ресурсов в пользу производства товаров для населения. В результате объем выпуска в оборонных отраслях на протяжении двух лет резко падает, в то время как в группе Б начинается ускоренный рост производства продовольствия и других предметов широкого потребления. Однако по валовому объему такой рост не перекрывает снижения производства в группе А. Ситуация меняется в 1947 году, когда предприятия тяжелой промышленности

приступают в широких масштабах к выполнению заказов на выпуск средств производства мирного назначения (технологического оборудования и станков, локомотивов и железнодорожных вагонов, речных судов, тракторов и других изделий). Одновременно расширяется производство новых видов вооружений: реактивных самолетов, ракет и др. Пришлось также затормозить свертывание производства танков и артиллерийских орудий, поскольку надо было остужать пыл некоторых чрезмерно разгоряченных вояк из руководства армиями на Западе...

Развитие промышленности в первый послевоенный пятилетке [6.47]
уровень 1940 года = 100

Как видно на графике, объем производства в тяжелой промышленности в 1947–1950 годах вновь начал расти опережающими темпами, что было связано в первую очередь с резким увеличением выпуска вооружений нового поколения, так как раскручивание холодной войны против Советского Союза его бывшими союзниками можно было остановить только с помощью силы. Дипломатия, как показала практика, довольно быстро исчерпала свои возможности.

В те напряженные годы музыку для марша всей промышленности заказывали министерство обороны и отрасли-лидеры тяжелой промышленности, которые развивались опережающими темпами.

Динамика развития отдельных отраслей тяжелой промышленности [6.48]
в процентах к уровню 1940 г.

	1945	1950	1950:1945
Вся группа А	112	205	183
Топливные отрасли	74	144	195
Электроэнергетика	91	187	205
Черная металлургия	94	184	196
Цветная металлургия	111	208	187
Химическая отрасль	98	183	140
Машиностроение	131	234	179
Деревообрабатывающая пром-ть	55	132	236
Бумажная промышленность	56	192	343
Строительные материалы	46	205	446

В данной таблице итоги развития ведущих отраслей тяжелой промышленности сравниваются с двумя точками отсчета: показателями довоенного сорокового и последнего года Отечественной войны.

К 1950 году все отрасли тяжелой промышленности не только восстановили довоенные масштабы производства, но и удвоили или почти удвоили показатели 1940 года. При этом особенно выделялись машиностроение и цветная металлургия. Но эти отрасли, тесно связанные с выпуском военной техники, и в конце войны выпускали продукции значительно больше, чем в ее начале. Поэтому не меньшее значение имело удвоение в течение одной послевоенной пятилетки выпуска продукции топливными отраслями, черной металлургией и электроэнергетикой. Это позволило существенно повысить экономическую устойчивость всего народного хозяйства за счет расширения его сырьевой и энергетической базы. Особо следует отметить успехи в развитии промышленности строительных материалов, которая сменила положение «золушки» в период войны на роль принцессы в условиях крупномасштабного восстановления производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, серьезно пострадавшей от огня и взрывов в период военных действий. К сожалению, химическая отрасль оказалась в числе отстающих. Руководство явно недооценило ее растущего значения в тех качественных переменах, которые уже начались в середине XX века.

Развернутую характеристику развития отдельных отраслей тяжелой промышленности можно получить в результате анализа выпуска конкретных видов продукции. Логично начать его с топливных отраслей.

Структура добычи топлива в 1940, 1945 и 1950 годах [6.49]
в пересчете на условное топливо; вес – млн. тонн; доля – в %

	Уголь	Нефть	Газ	Торф	Сланцы	Дрова	Всего
1940 Вес	140,5	44,5	4,4	13,6	0,6	34,1	237,7
Доля	59,1	18,7	1,8	5,7	0,3	14,4	100
1945 Вес	115,0	27,8	4,2	9,2	0,4	28,4	185,0
Доля	62,2	15,0	2,3	5,0	0,2	15,3	100
1950 Вес	205,7	54,2	7,3	14,8	1,3	27,9	311,2
Доля	66,1	17,4	2,3	4,8	0,4	9,0	100

В 1945 году общие ресурсы топлива в стране были на 53 млн. тонн (в пересчете на условное топливо – 7000 калорий) ниже довоенного уровня, что серьезно тормозило весь процесс восстановления народного хозяйства. Поэтому пришлось срочно увеличивать добычу торфа и сланцев, однако основную роль в удовлетворении потребностей промышленности и транспорта в источниках энергии играли уголь и нефть, а в отоплении жилья – дрова и частично уголь.

Добыча угля в первый послевоенный период [6.50]
млн. тонн

1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
165,9	149,3	164,1	183,2	208,2	235,5	261,1

Две трети добычи угля приходилось на каменный уголь, в том числе антрацит. Причем почти весь уголь добывался под землей шахтным способом. В разрезах, например, в 1945 году было получено всего 17,8 млн. тонн и в 1950 году 27,1 млн. тонн бурого угля, главным образом, для электростанций.

О том, как не просто в те годы шло восстановление угольной промышленности, свидетельствует следующий исторический факт: один из офицеров армии, которой командовал генерал А. Горбатов, получил письмо от своего отца-шахтера из Донбасса. Проработавший сорок лет на шахте ветеран писал сыну: «Сейчас самая большая трудность в восстановлении шахт заключается в остром недостатке крепежного леса. Лес к нам прибывает, но очень мало...». Генерал случайно узнал о содержании письма и посоветовал офицеру:

«Напиши отцу, пусть приедет сам или пришлет кого-нибудь за лесом... Облегчим горе шахтеров». Его армия в то время находилась в Польше, сосновые леса вокруг стояли нетронутыми войной...

Вскоре прибыла делегация шахтеров из Донбасса. Их было трое. Горбатов вспоминает: «На мой вопрос: «Какой вам нужен лес?» — одновременно ответили все трое:

— Какой угодно, лишь был бы толщиной двадцать сантиметров и больше, пригодный для стойки.

Дело было для них такое важное, что мне показалось, будто делегация в три человека очень уж мала, и я спросил:

— Что же вы приехали втроем?

Но они поняли меня иначе: что их делегация слишком велика. Они переглянулись между собой, как бы спрашивая один другого, кто будет отвечать на этот вопрос. Самый старший из них ответил:

— Мы слезы уже выплакали. Думали, что у одного уже не хватит слез, чтобы упросить вас помочь нам. Вот мы и приехали не один, не два, а втроем.

— Да, неважного вы о нас мнения, — и, обращаясь уже к члену Военного совета, спросил: — Как вы думаете, Иван Прокофьевич, поможем шахтерам?

— Да, помочь бы надо. Но вот беда: категорично запрещено вывозить лес.

Об этом запрете я не знал и слышал в первый раз. Новость меня сильно озадачила. На лицах наших гостей было видно отчаяние. Какое-то время мы чувствовали себя, как на похоронах, и все молчали.

Я в это время думал: «Что же делать? Нарушить запрет — дело слишком плохое. Отказать шахтерам в их просьбе — тоже нехорошо». Я вспомнил, сколько вырублено у нас леса за войну, а здесь у меня перед глазами были большие массивы спелого леса.

Обращаясь к члену Военного совета, я сказал:

— Иван Прокофьевич! Дело это необычное. Давай решим так: будем считать, что ты мне ничего не говорил об этом постановлении, а я о нем не знаю. Лес мы срубим и отправим возвращающимся порожняком в Донбасс под видом, будто собираемся строить оборонительные рубежи в нашем тылу. А если уж что и случится, всю вину я возьму на себя.

Коннов ничего на это не сказал, но еле заметно кивнул головой.

В короткий срок мы свалили необходимый лес, что был ближе к железной дороге. Только успели отправить около пятидесяти тысяч кубометров, как наступил час расплаты.

Мне доложили о прибытии другой «делегации». Их было тоже трое. В штабе армии шепотом передавалась весть, что они прибыли по вопросу о лесе от самого Сталина...

Наша «интимная беседа» длилась четыре часа. Я рассказал все начистоту, как было, начиная с полученного офицером письма. Рассказал о прибытии делегации шахтеров. Сказал и о том, что генерал Коннов меня предупреждал, а я решил помочь шахтерам на свою ответственность.

Отвечая на вопросы, пришлось рассказать всю мою биографию с детства – и о пребывании на Колыме, и об обвинении меня во всех страшных грехах. В результате беседы у меня осталось хорошее впечатление от председателя, человека лет шестидесяти, и очень плохое – от двух остальных...

Ожидание решения (по «делу» – Р. Б.) было долгим и мучительным. Наконец, председатель тройки позвонил мне по ВЧ:

– Докладывал Сталину, он выслушал внимательно. Когда доложил, что вас предупреждал генерал Коннов, он спросил, от кого я это узнал. И когда я доложил, что от самого Горбатова, Сталин удивленно переспросил: «От самого Горбатова?» – а потом добавил: – «Да, это на него похоже. Горбатова только могила исправит». И в заключение сказал: «Преступление налицо, но поскольку, как вы говорите, он не преследовал личной выгоды, на деле надо поставить точку» [6.51].

Таким образом, с риском для себя действующая армия тоже принимала участие в восстановлении Донбасса. Добыча угля в этом бассейне до войны достигла 94,3 млн. тонн (57 % всей добычи угля в стране). В 1945 года она снизилась до 38,4 млн. тонн, но в 1950 году вновь возросла до 94,7 млн. тонн, то есть, несмотря на большие трудности, достигла довоенного уровня [6.52].

В **нефтяной промышленности** дело обстояло хуже.

Добыча нефти в восстановительный период [6.53]

млн. тонн

1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
31,1	19,4	21,7	26,0	29,2	33,4	37,9

Относительно медленные темпы восстановления добычи нефти объясняются тем, что нефтяная промышленность долго не могла оправиться от шока, который она пережила в годы войны. Об этом говорят следующие цифры: в 1945 году в Азербайджане удалось

добыть всего половину того объема нефти, которая была получена накануне войны – 11,5 млн. тонн. К 1950 году нефтяники республики увеличили этот показатель до 14,8 млн. тонн, что также было ниже уровня 1940 года. Российская Федерация в 1945 году тоже не смогла выйти на довоенный уровень добычи нефти, но на протяжении пятилетки она совершила большой скачок: от 5,7 млн. до 18,2 млн. тонн, увеличив добычу черного золота больше чем в три раза.

Читатель, привыкший за последнее время к тому, что объемы ежегодной добычи нефти в России стали измеряться сотнями миллионов тонн, возможно, не сумеет сразу разглядеть огромные масштабы работ, проделанных советскими нефтяниками в военный и восстановительный периоды. Дело в том, что в чрезвычайно трудных условиях они подготовили материальные предпосылки для крутого роста нефтедобычи в последующие пятилетки.

Во-первых, было разведано более ста новых крупных и средних нефтяных и газовых месторождений, в том числе в Татарской и Башкирской АССР, в Куйбышевской области, на Кавказе, в Средней Азии, Казахстане и в других регионах страны.

Во-вторых, нефтяная промышленность освоила качественно новую технику бурения – турбобуры, что в свою очередь, позволило перейти на новые технологии, резко повысить скорости проходки и увеличить глубину скважин, снизить издержки. Все шире стало применяться наклонное и кустовое бурение. Более 50 заводов приступили к производству бурового оборудования и инструментов. Например, хорошо известный в стране Уралмашзавод, который в военное время был одним из центров танкостроения, быстро освоил производство буровых станков – главного оружия нефтяников. При этом в качестве силовой установки использовался дизельный двигатель танка Т-34. Так успешные разработки конструкторов военной техники нашли эффективное применение и в мирных целях. Всего за четвертую (первую послевоенную) пятилетку нефтяникам было поставлено 2 тыс. комплектов буровых установок с Уралмаша, около 7 тыс. запасных дизелей, более 5 тыс. глубинных насосов, десятки тысяч долот новой конструкции [6.54].

В-третьих, были разработаны и практически освоены новые технологии добычи нефти с морского дна.

В-четвертых, в структурах нефтяной промышленности зародилась и стала быстро развиваться как важная самостоятельная отрасль *добыча газа*. Началом этого естественного процесса послужило открытие еще в годы войны Елшанского месторождения голубого

топлива, которое на первом этапе снабжало газом промышленные предприятия Саратова. В 1946 году вступил в эксплуатацию газопровод Саратов – Москва протяженностью 800 километров. Все это было непривычным, казалось сказочно нереальным. Газ стал очень удобным и дешевым топливом для потребителей. Его добыча и потребление за пятилетку почти удвоились...

Расширение ресурсов топлива способствовало быстрому восстановлению и развитию электроэнергетики.

Динамика увеличения мощности электростанций и производства электроэнергии в послевоенные годы [6.55]
мощность – млн. кВт, производство – млрд. кВт·час

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Мощность электростанций	11,2	11,1	12,3	13,7	15,2	17,1	19,6
Производство электроэнергии	48,3	43,3	48,8	56,5	66,3	78,3	91,2

Рост производства электроэнергии ненамного опережал динамику промышленности. Не имея сбоев в первые два года пятилетки, электроэнергетики уже в 1948 году превысили свои довоенные показатели. Это позволило устойчиво снабжать электроэнергией все отрасли народного хозяйства на протяжении всего восстановительного периода.

Электробаланс народного хозяйства [6.56]
объем и доля в производстве и потреблении электроэнергии

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Производство (потребление), %	100	100	100	100	100	100	100
млрд. кВт·час	48,3	43,3	48,6	56,5	66,3	78,3	94,2
в том числе *потребление*							
Промышленностью, %	66,4	65,6	62,1	61,9	63,9	65,8	66,4
млрд. кВт·час	32,1	28,4	30,2	35,0	42,4	51,5	60,6
Транспортом, %	3,4	3,0	3,2	3,2	3,1	2,8	2,8
млрд. кВт·час	1,6	1,3	1,5	1,8	2,0	2,2	2,6
Прочими отраслями, %	17,8	16,9	19,7	20,3	19,4	18,5	18,2
млрд. кВт·час	8,6	7,3	9,6	11,4	12,9	14,5	16,5
Электростанциями, %	5,3	6,1	6,3	6,2	6,0	5,7	5,7
млрд. кВт·час	2,6	2,7	3,1	3,5	4,0	4,5	5,2
Потери в сетях, %	7,1	8,4	8,7	8,4	7,6	7,2	6,9
млрд. кВт·час	3,4	3,6	4,2	4,8	5,0	5,6	6,3

Потребление электроэнергии в промышленности за годы послевоенной пятилетки возросло более чем в два раза. При этом ее доля в энергетическом балансе страны относительно стабильно оставалась на уровне двух третей общего объема потребления электроэнергии.

Транспорт в этот же период времени увеличил потребление электроэнергии в 2 раза. Его доля в балансе распределения электроэнергии снизилась всего на 0,2 процентных пункта. Заметно расширилось применение электроэнергии прочими потребителями, среди которых находились сельское хозяйство, строительство, торговля, а также домашние хозяйства населения.

Бросаются в глаза чрезмерно высокие объемы использования электроэнергии на собственные нужды электростанций и потери в сетях общего пользования. Видимо, за этими цифрами скрывались злоупотребления в практике ее распределения между отдельными потребителями.

Однако удвоение в течение пяти лет ресурсов электроэнергии в разрушенной стране послужило основной точкой опоры повышения эффективности производства во всех отраслях народного хозяйства и сокращению сроков их восстановления. В этом отношении весьма показательна структура распределения этого эликсира силы в промышленности.

Потребление электроэнергии в промышленности на двух основных направлениях [6.57]

абсолютное (млрд. кВт·ч) и относительное (в % к общему потреблению)

	1940	1945	1950
На двигательную силу, млрд. кВт·ч	22,0	17,7	39,6
%	68,8	62,2	65,4
На технологические нужды, млрд. кВт·ч	5,8	7,2	14,1
%	18,1	25,2	23,2

Как свидетельствуют данные таблицы, общая тенденция увеличения расходов на технологические нужды в промышленности сохранилась и в годы первой послевоенной пятилетки: потребление электроэнергии на эти цели удвоилось. Однако в этот не всегда логичный период количество нередко имело приоритет над качеством – нехватка рабочей силы заставляла искать выход в механизации ручного труда, поэтому затраты электроэнергии на двигательную силу приобрели в этот период приоритет при выборе технологий.

Хорошо известно, что рост производительности труда находится в прямой зависимости от степени его энерговооруженности. В этой связи стоит отметить, что численность рабочих и служащих в промышленности к концу пятилетки (1950 г.) по сравнению с 1940 годом увеличилась на 35,5 процентов, а расход электроэнергии на двигательную силу за это же время – в 1,8 раза. Это означало, что энерговооруженность труда промышленного персонала за этот период возросла в 1,33 раза. Закономерно, что и производительность труда рабочих в промышленности повысилась в 1,37 раза. По сравнению с довоенными пятилетками такой темп кажется не очень высоким, но нельзя забывать о том, что динамика этого показателя во многом предопределяется ростом энерговооруженности труда. Поэтому, чтобы максимально увеличить темпы его результативности, в первой послевоенной пятилетке пришлось направить дополнительные ресурсы на увеличение двигательной силы промышленности, пожертвовав чем-то в модернизации ее технологий.

После выступления И. Сталина в феврале 1946 года о решающем значении стали и чугуна для будущей судьбы России черная металлургия стала предметом особого внимания и заботы со стороны всех органов управления (и не только управления). Такое внимание проявилось прежде всего в том, что капитальные вложения в эту отрасль за пять лет после войны составили почти два миллиарда рублей (10,9 % всех инвестиций в промышленность СССР) [6.58].

Так, только на заводах Юга и Центра ежегодно вводили в эксплуатацию в среднем 4 доменных и 35 мартеновских печей, 16 прокатных станов. В рамках этого процесса осуществлялась модернизация основных узлов и агрегатов, увеличивалась их средняя мощность и улучшались другие качественные показатели металлургического оборудования [6.59].

Многочисленные благоприятные перемены не могли не сказаться на динамике этой, пожалуй, самой тяжелой отрасли промышленности.

Развитие комплекса черной металлургии в послевоенный период [6.44]
производство, млн. тонн

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Кокс	21,1	13,6	15,4	17,5	20,9	24,3	27,7
Марганцевая руда	2,6	1,5	1,7	2,0	2,3	2,9	3,4
Железная руда	29,9	15,9	19,3	23,3	28,0	32,6	39,7
Чугун	14,9	8,8	9,9	11,2	13,7	16,4	19,2
Сталь	18,3	12,3	13,3	14,5	18,6	23,3	27,3
Прокат	13,1	8,5	9,6	11,1	14,2	18,0	20,9
Трубы стальные	1,0	0,6	0,8	1,0	1,3	1,7	2,0

За цифрами в этой таблице слабо проглядывается картина разрушений и крайне трудного восстановления южной базы нашей металлургии. Разрушали ее дважды. Первый раз в конце сорок первого — это делали наши специалисты, отступая под мощным натиском захватчиков. Второй раз, не менее основательно, — немцы, в сорок третьем и сорок четвертом, быстро отступая под напором еще более мощных ударов окрепшей Красной Армии. Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что и те, и другие «поработали» результативно. Несмотря на то, что в годы войны мощности черной металлургии на Востоке страны значительно возросли, они не смогли перекрыть потери на Юге. Закономерно, что общее производство основных видов продукции этой отрасли в 1945 году было на 35–40 % ниже довоенных показателей.

Практика показала, что разрушать домны и мартены, прокатные станы и коксовые батареи намного легче и быстрее, чем их восстанавливать: не хватало средств, материалов, специального, как правило, громоздкого и тяжелого оборудования, людей и времени. Поэтому восстановление разрушенного происходило медленнее, чем хотелось бы и объективно требовалось. Тем не менее производство конечных продуктов отрасли (стали, проката и труб) превысило довоенный уровень в 1948 году, а еще через год к этой отметке подтянулись и тылы: добыча железной и марганцевой руды.

Этот процесс лучше всего наблюдать по данным, характеризующим скорость движения отдельных производств во взаимосвязанном комплексе изготовления черных металлов.

Динамика роста комплекса черной металлургии в послевоенный период [6.61]

1940 = 100

	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Кокс	65	73	83	99	115	131
Марганцевая руда	58	68	80	89	114	132
Железная руда	53	65	78	94	109	133
Чугун	59	66	75	92	110	129
Сталь	67	73	79	102	127	149
Прокат	65	73	84	108	137	159
Трубы стальные	59	82	98	137	179	207

Как видно из таблицы, энергетическая и сырьевая база черной металлургии в первый послевоенный период развивалась весьма равномерно. В сорок пятом производство кокса и руды, а также выплавка чугуна были примерно на треть ниже довоенного уровня.

В последующие годы эти производства ежегодно расширяли выпуск продукции на 10 процентных пунктов. В 1948 году они вплотную подошли к довоенным показателям, а в следующем году – превысили его. Выпуск стали, проката и труб опережал расширение сырьевой базы за счет, главным образом, широкого использования в мартенах высококачественного лома военной техники (разбитых танков, артиллерийских орудий, других «изделий», оставшихся в большом количестве на полях бывших боев). И все же определенные трудности в материальном обеспечении сырьем доменного и мартеновского производства наблюдались на протяжении всего пятилетия.

Народнохозяйственное значение **химической промышленности** руководством страны, как уже отмечалось, недооценивалось. Кроме военной химии в структуру химической промышленности входили: горная химия (производство минеральных удобрений), основная, лакокрасочная, производство химических волокон, синтетического каучука и резиновых изделий.

Объем ее валовой продукции, в основном за счет выпуска взрывчатых веществ и другой продукции военного назначения, в 1945 году удержался на довоенном уровне (98 %) – боеприпасов в то время уже не жалели. Однако удвоить этот показатель в период четвертой пятилетки не удалось, хотя объем капитальных вложений был весьма весомым – 633 млн. рублей. Это позволило развернуть широкий фронт восстановительных работ и завершить строительство Джамбульского и Кокандского суперфосфатных заводов, Тбилисского завода пластмасс, Тамбовской и Ташкентской лакокрасочных фабрик, крупного завода кальцинированной соды в Башкирии и других предприятий.

Расширилась и сырьевая база химической промышленности. Например, до 1947 года все суперфосфатные заводы страны снабжались сырьем с Кольского комбината «Апатит», что предопределяло дальние перевозки такого сырья через всю страну в Среднюю Азию. С вводом в действие горно-химического комбината «Каратау» в Казахстане, где быстро освоили массовое производство фосфорной муки, надобность в дальних перевозках сырья с Кольского полуострова для местных заводов по производству минеральных удобрений отпала. На базе местных ресурсов развивалась химическая индустрия Украины, Белоруссии, Закавказья и других регионов страны [6.62].

Однако в целом производство химической продукции гражданского назначения развивалось относительно медленно. Наиболее существенно отрасль отставала в освоении новых видов синтетического сырья и материалов.

Производство важнейших видов химической промышленности в СССР 6.63.

тыс. тонн

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1950:1940
Мин. удобрения	3 238	1 119	1 709	2 355	3 458	4 585	5 492	170 %
Сода каустическая	190	128	140	178	224	283	325	171 %
Сода кальцинированная	536	235	257	339	489	643	749	140 %
Красители	33 875	15 139	-	-	-	-	46 528	137 %
Серная кислота	1 587	781	725	996	1 479	1 845	2 125	134 %
Автопокрышки*	3,0	1,4	2,0	3,0	4,1	5,7	7,4	247 %
Обувь резиновая**	69,7	15,1	30,8	51,3	71,1	91,8	110,4	158 %

* Тыс. шт.
** Млн. пар.

Самым ходовым изделием химической промышленности стали автопокрышки для грузовиков, производство которых в годы войны сильно сократилось, возросла потребность в минеральных удобрениях – нужно было помогать тяжелораненому сельскому хозяйству. Выпуск дешевой резиновой обуви для населения за пять лет после войны возрос в 7,3 раза.

Машиностроение – один из лидеров среди промышленных отраслей в послевоенной пятилетке. Оно осталось ответственным за оснащение армии оружием нового поколения и главным поставщиком нового технологического оборудования для тяжелой промышленности. Ему предстояло возместить выбывшие и крайне изношенные производственные фонды в сельском хозяйстве, легкой и пищевой промышленности, а также в транспортной системе страны. Пришла пора подумать о массовом выпуске бытовой техники и легковых автомобилей. Кроме всего этого нужно было обновить и модернизировать собственный станочный парк и другое оборудование. Поэтому, как говорится, заказов было «выше головы».

Для расширения и развития собственной производственной базы в распоряжение машиностроителей было выделено 2,8 млрд. рублей или 16,4 % от общей суммы капитальных вложений в промышленность группы А – значительно больше, чем металлургам. О результативности этих инвестиций свидетельствует тот факт, что в 1950 году объем валовой продукции машиностроения составил 234 % к уровню 1940 года и 179 % к соответствующим показателям 1945 года. За годы четвертой пятилетки был освоен выпуск нескольких тысяч новых видов машин, оборудования и приборов. Количественный

рост производства продукции сопровождался качественным улучшением ее полезных параметров.

Конверсия военного производства в машиностроении, в том числе освобождение отдельных заводов от военных заказов и перевод их на выпуск гражданской продукции, началась еще в 1944 году. Это было напрямую связано с тем, что бюджетные расходы на военные нужды в течение трех лет сократились более чем в два раза: с 13,8 млрд. рублей в 1944 году до 6,7 миллиардов в 1947 году[6.64].

О том, как такой крутой финансовый маневр сказался на работе оборонных предприятий, можно судить на примере знакомого читателям артиллерийского завода в Сормово, где главным конструктором в годы войны был В. Грабин.

Во второй половине 1945 года завод резко сократил производство артиллерийских орудий: в декабре их было изготовлено только 975 штук против 2 175, выпущенных в январе. В 1946 году производство пушек ЗИС-3 было свернуто полностью. И в последующие годы выпуск боевой техники в валовой продукции завода занимал скромное место.

Спад хорошо налаженного технологического процесса сразу же ухудшил экономические показатели работы завода, в том числе его финансовый баланс. Порой приходилось задерживать выплату зарплаты. Поэтому руководители завода стали искать такую продукцию, которая, с одной стороны, позволила бы эффективно использовать интеллектуальный и производственный потенциал завода, а с другой – была бы полезной, а значит, и нужной для восстановления и развития мирных отраслей народного хозяйства. Такой продукцией, прежде всего, стало нефтяное оборудование, потребность в котором превышала предложение, поскольку освоение новых крупных месторождений нефти на Востоке страны осуществлялось высокими темпами.

После тщательного изучения основных тенденций развития народного хозяйства в обозримой перспективе и реальных возможностей бывшего крупнейшего артиллерийского завода весьма квалифицированный коллектив предприятия взялся за серийное производство следующих видов нефтяного оборудования:

для бурения скважин – трехшарошечных долот, грязевых насосов, элеваторов труб, бурильных ключей, утяжеленных труб и особых клиньев для их монтажа;

для эксплуатации скважин – глубинных насосов и фонтанной арматуры;

для нефтепереработки – ретурбендов.

Используя опыт массового производства пушек, на заводе начали тщательную подготовку выпуска принципиально новых изделий, причем коллектив стремился сделать их более качественными и экономичными, чем аналогичная продукция специализированных заводов. Как и при производстве военной техники, конструкторы, технологи и организаторы производства работали вместе, широко использовали новинки и «секреты», накопленные в трудные годы. К решению сложных вопросов привлекались также наиболее опытные рабочие и мастера.

Например, шарошка – главный рабочий инструмент бурильщиков имел сложную конфигурацию зубьев, на которые «одевали» своеобразные коронки из твердых сплавов, обработанные для прочности токами высокой частоты. На заводе начали с того, что стали получать заготовку шарошки с помощью штамповки с минимальными припусками. Ручную наплавку коронки из твердых сплавов заменили полуавтоматической, которая совмещалась во времени с закалкой ТВЧ. Все это позволило не только резко повысить производительность труда, но и, главное, значительно увеличить долговечность бурового инструмента и ускорить проходку скважин. Не случайно нефтяники дали самую высокую оценку этой новинке. Испытания показали, что долота с маркой ЗИС-1 по качеству не уступают буровому инструменту американских фирм, и в декабре 1945 года завод отправил нефтяникам первую тысячу новых долот. В следующем году их было выпущено уже более 14 тысяч, в 1948 году – 21 тысяча.

В короткие сроки был налажен также серийный выпуск грязевых насосов, элеваторов для бурильных труб, более долговечных глубинных нефтяных насосов с азотированными стальными втулками взамен применявшихся ранее чугунных, фонтанная аппаратура. Характерно также, что для производства ряда новых видов нефтяного оборудования были использованы технологии и станки, которые раньше применялись при изготовлении отдельных деталей пушек[6.65].

В годы четвертой пятилетки завод принял также активное участие в создании оборонительного щита России из вооружений нового поколения.

Для удобства анализа и оценки развития машиностроения в первый послевоенный период представляется целесообразным распределить его продукцию по следующим группам:

Станкостроение [6.66]

	1940	1945	1950
Металлорежущие станки, тыс. шт.	58,4	38,4	70,6
В том числе крупные и уникальные, шт.	212	42	1 537
Кузнечно-прессовые машины, тыс. шт.	4,7	2,9	9,0

Военное время отрицательно сказалось на производстве станков – пришлось обходиться старыми. Теперь время изменилось: возросли требования к качеству, точности и скорости обработки, надежности станков, а также их экономичности. Выпуск кузнечно-прессовых машин, на которых можно было обрабатывать детали давлением, без снятия стружки, увеличился более чем в три раза, крупных и уникальных станков – в десятки раз.

Оборудование для угольной, нефтяной и металлургической промышленности [6.67]

	1940	1945	1950
Металлургическое оборудование, тыс. т	23,7	26,5	111,2
Угольные комбайны, шт.	22	5	344
Нефтеаппаратура, тыс. т	1,4	47,9	48,8

Выпуск металлургического оборудования в связи с разрушением южных заводов и перемещением производства металла на Восток приходилось поддерживать на относительно высоком уровне на протяжении всей войны. В период послевоенного восстановления хозяйства его производство расширилось еще в четыре раза. Выпуск угольных комбайнов свернули еще накануне войны, но зато круто увеличили его, когда стали восстанавливать и строить новые шахты. В десятки раз увеличить изготовление нефтеаппаратуры заставила, прежде всего, острая нужда в авиационном и автомобильном бензине.

Оборудование для электроэнергетики [6.68]

тыс. кВт

	1940	1945	1950
Турбины паровые и газовые	972	189	2 381
Турбины гидравлические	208	41	315
Дизели, л.с.	249	19	3 225
Котлы паровые, тыс. $м^3$	276	90	359
Генераторы к паровым турбинам	334	186	677
Генераторы к гидротурбинам	155	80	258
Электродвигатели свыше 100 кВт, тыс. шт.	3,1	3,2	15,8
Электродвигатели до 100 кВт, тыс. шт.	260	111	792

На данных таблицы хорошо видно, что в период войны производство оборудования для тепловых и гидростанций сократилось по сравнению с уровнем 1940 года в два-три раза, а иногда и в пять, поскольку строительство новых электростанций почти полностью прекратилось: откладывали до «после победы». И действительно, после 1945 года в области электрификации произошел огромный скачок, и в этой связи потребовалось расширить производство турбин, генераторов, электромоторов и другого энергетического оборудования в 4-5, иногда в 10 раз, чтобы хотя бы на немного опережать быстро растущие потребности.

Аналогичный характер развития наблюдался и в транспортном машиностроении.

Производство транспортных средств [6.69]

шт.

	1940	1945	1950
Паровозы магистральные	914	8	985
Тепловозы магистральные	5	-	125
Электровозы магистральные	9	-	102
Вагоны грузовые, тыс. шт.	31	0,8	51
Автомобили грузовые, тыс. шт.	136	69	294

Выпуск магистральных тепловозов и электровозов перед войной ограничился опытными образцами. Основной «тягловой силой» на железных дорогах служили паровозы. В годы войны их производство свернули почти до нуля: большинство паровозостроительных заводов было разрушено, оставшиеся «в живых» перешли на выпуск танков и других видов оружия. Поэтому сохранившийся к концу войны парк паровозов был сильно изношен физически и морально. Он нуждался не столько в ремонте, сколько в замене, обновлении и увеличении численности. Но паровозостроительные заводы сами нуждались в помощи. Так, на Коломенском заводе, который стал головным в этой отрасли, в начале 1946 года станочный парк был в 2,5 раза меньше, чем до войны. Не лучше обстояло дело и с кадрами – в наличии имелось лишь 46 % производственных рабочих довоенного состава. Одно было хорошо – к началу 1946 года были построены два опытных паровоза, которых не без оснований нарекли «Победа» (П-0001). Их конструкция была одной из лучших в мире. Вскоре на заводе начался новый трудный этап изготовления быстрых и экономичных локомотивов. Одновременно наладили производство дизельных

двигателей. На завод пришли три тысячи новых рабочих. Учились, повышали свою квалификацию все. Поступило также новое оборудование. Многое сделали сами. В результате уже в 1946 году было изготовлено 76 паровозов, в 1947 году – 240.

Всего в четвертой пятилетке завод выпустил 1053 паровоза, что составило примерно третью часть всего производства железнодорожных локомотивов в стране [6.70]. За это же время удалось обновить также почти полностью парк грузовых магистральных вагонов.

Производство грузовых железнодорожных вагонов [6.71]

тыс. шт.

1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
30,9	0,8	17,3	23,8	30,5	43,6	50,8

Уже в 1948 году был достигнут довоенный уровень выпуска железнодорожных вагонов, а еще через два года он расширился еще в 1,7 раза. При этом почти все вагоны были большой грузоподъемности, четырехосные. Наращивание производства пассажирских вагонов происходило намного медленнее. В 1950 году их изготовили всего около тысячи штук, зато легковых автомобилей – 65 тысяч.

Строительное и дорожное машиностроение [6.72]

шт.

	1940	1945	1950
Экскаваторы	274	10	3 540
Краны автомобильные	130	17	4 152
Скреперы	2 104	34	2 089
Бульдозеры	118	1	3 788

Таблица четко зафиксировала, что начавшаяся перед войной механизация строительных и дорожных работ была грубо прервана нападением германских войск и с новой силой началась в четвертой пятилетке.

Поскольку восстановление и расширение мощностей народного хозяйства потребовало развертывания крупномасштабного строительства, начался бум и в **промышленности строительных материалов.** Объем ее валовой продукции возрос по сравнению с довоенным уровнем более чем в два раза и почти в пять раз к уровню 1945 года.

Рост производства основных строительных материалов [6.73]

млн. тонн

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Цемент	5,7	1,8	3,4	4,7	6,5	8,2	10,2
Кирпич, млрд. шт.	7,5	2,0	3,2	4,1	6,1	8,1	10,2
Оконное стекло, млн. $м^2$	44,7	23,3	39,9	47,8	50,0	71,5	76,9
Кровельные материалы*	127,1	71,2	125,8	166,3	199,7	237,7	285,5
Пиломатериалы, млн. $м^3$	34,8	14,7	19,8	24,2	32,7	42,8	49,5

* Мягкая кровля, млн. $м^2$

Таким образом, глубокий спад производства гражданской продукции в отраслях тяжелой промышленности, обусловленный особенностями военной экономики, в четвертой пятилетке был не только восполнен, но и значительно превышен. Это позволило расширить и ускорить восстановительный процесс во всех структурах народного хозяйства.

6.4. Сельскому хозяйству помогли, но не очень...

Пожалуй, никто так не ждал окончания войны, как женщины-крестьянки, которые не часто, но все же получали письма-треугольники с коротким обратным адресом: полевая почта № ... Значит жив, значит вернется. И те, кого с такой надеждой ждали, летом и осенью сорок пятого стали возвращаться домой. Многие шли через Восточную Европу пешком в вольном строю строевых частей – на всех победителей не хватало даже грузовых вагонов-теплушек... Всего по демобилизации первой очереди, завершившейся в сентябре 1945 года, в свои родные места вернулось примерно 3,3 млн. фронтовиков. Полностью этот процесс закончился через три года. Всего по стране домой возвратилось 8,5 млн. мужчин трудоспособного возраста. Из них две трети или 5-6 миллионов прибыли в деревню. Это повлекло за собой явления двоякого рода: с одной стороны, демобилизованные солдаты частично возместили убыль колхозного населения, которое сократилось за годы войны с 45,4 млн. до 37,1 млн. человек. С другой стороны, в сельской местности значительно улучшился баланс дееспособных мужчин и женщин. Так, в деревнях на каждого молодого мужчину в возрасте от 21–23 лет

(поколение, наиболее пострадавшее в военный период) в конце войны приходилось 5 девушек-ровестниц. Отсюда – сокращение числа браков, рождения детей, уменьшение общей численности сельского населения.

Прибывшие по демобилизации фронтовики способствовали улучшению общей демографической ситуации в деревне. Сразу увеличилось число молодых семей и рождений горластых представителей нового, послевоенного поколения. Однако тяжелое материальное положение крестьян, в том числе молодоженов, сдерживало создание многодетных семей.

Число детей в колхозных семьях Российской Федерации [6.75]
в расчете на 100 семей, на конец года

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
До 11 лет	146	116	104	103	97	91	91
От 12 до 15 лет	55	60	51	44	43	43	47
Всего	201	176	155	147	140	134	138

Таким образом, в прошлом многодетная крестьянская семья России, прижатая к земле тяжелыми условиями жизни (зачастую вдосталь не хватало простого хлеба), постепенно, но неуклонно превращалась в семью с одним ребенком, то есть **не воспроизводила себя**. Однако не следует забывать, что крестьянские семьи на протяжении веков служили основным источником роста численности населения России. И замены им не было...

К тому же не все мужья, отцы и сыновья вернулись домой без ран и увечий. Но все же бывшие фронтовики стали главной не только физической, но и духовной силой, которая помогала поднимать растоптанное и разрушенное войной и без того многострадальное сельское хозяйство страны.

Состав и структура колхозных семей в послевоенный период [6.76]
в среднем на одну семью, живущих в ней человек

	1940	1945	1947	1948	1949	1950
Вся семья	4,39	3,32	3,84	3,84	3,73	3,74
Женщины 16-55 лет	0,86	0,62	0,69	0,69	0,63	0,62
Мужчины 16-60 лет	1,21	1,2	1,27	1,27	1,23	1,25
Пенсионеры	0,31	0,3	0,46	0,48	0,53	0,49

Из приведенных данных видно, что молодые женщины, мобилизованные в военные годы на работу на военных предприятиях, возвращались в деревню, чтобы обзавестись семьей и воспитывать детей в отчем доме. Многие мужчины, демобилизованные из армии, наоборот, вынуждены были уезжать из деревни на заработки в город, так как размер «отоваривания» трудодней натуральными продуктами в колхозе не позволял нормально прокормить семью. Иными словами, демобилизация бывших колхозников из армии существенной добавки производительных сил в сельском хозяйстве не дала. Мужская рабочая сила не была заинтересована связывать свою судьбу с колхозным производством. Поэтому не случайно количество трудоспособных колхозников к концу 1945 года составляло менее s довоенного уровня.

Выход из весьма трудного положения виделся в том, чтобы повысить производительность труда оставшихся колхозников за счет механизации и электрификации отдельных производственных операций. Одновременно принимались меры, чтобы поднять плодородие земли. Руководство страны понимало, что крестьянству нужно помочь в первую очередь техникой, строительными материалами, топливом, а также ручными орудиями труда и промышленными товарами бытового потребления.

Стоит отметить, что в первой послевоенной пятилетке на долю сельского хозяйства было выделено 13 процентов от всего объема капитальных вложений в народное хозяйство. (Для сравнения: на восстановление и развитие группы Б промышленных отраслей пришлось всего 6 % от общего объема инвестиций в промышленность.) В 1950 году размер капитальных вложений в сельское хозяйство страны увеличился по сравнению с 1940 годом в 1,9 раза. Всего в течение четвертой пятилетки в отрасль было инвестировано 5,8 млрд. рублей, в том числе 46 % за счет государственного бюджета и 54 % за счет финансовых средств колхозов. Из них примерно четвертую часть денежных средств израсходовали на приобретение тракторов, транспортных средств и сельскохозяйственных машин [6.77].

Вступили в строй новые тракторные заводы на Алтае, во Владимире, в Липецке. К концу пятилетки сельскому хозяйству поставляли тракторы 7 заводов и комбайны – 10 заводов. Начиная с 1947 года производство машин для сельского хозяйства возрастало ежегодно почти в два раза. Таких темпов роста не знала никакая другая отрасль промышленности.

В результате предпринятых мер стоимость основных фондов в сельском хозяйстве к концу четвертой пятилетки увеличилась по сравнению с довоенным уровнем почти в два раза. Причем количественное расширение парка сельскохозяйственных машин, используемых в колхозах и совхозах, сопровождалось его существенными структурными переменами, которые в свою очередь опирались на большие изменения в машиностроении. Промышленность освоила выпуск более совершенных навесных машин, которые отличались рядом конструктивных новшеств: были более маневренны на поле; работой таких машин управлял сам тракторист, поэтому уже не требовался специальный рабочий-прицепщик. Повысилась единичная мощность тракторов, улучшились их технические и экономические характеристики. Тракторы с керосиновым двигателем заменили тракторами ДТ-54 с дизельным двигателем в 54 л. с. Увеличилось производство гусеничных тракторов средней мощности, а также пропашных тракторов. В технических парках МТС появились специальные комбайны для уборки свеклы, картофеля, льна. Начался выпуск широкозахватных сельскохозяйственных машин: пятикорпусных плугов, больших сенокосилок и других машин. Машиностроители организовали также производство машин для механизации работ по внесению удобрений (туковые сеялки, навозоразбрасыватели) [6.78].

Производство тракторов и сельскохозяйственных машин [6.79]

тыс. шт.

	1940	1945	1950
Тракторы	31,7	7,7	108,8
Плуги тракторные	38,4	8,5	121,9
Сеялки тракторные	21,4	1,6	118,4
Комбайны зерновые	12,8	0,3	46,3
Молотилки	2,2	0,8	15,5
Зерноочистительные машины	4,3	-	6,4

В годы войны производство тракторов и сельскохозяйственных машин было почти полностью свернуто. Но в первой же послевоенной пятилетке эти потери возместили полностью. Парк тракторов в сельском хозяйстве в 1950 году расширился до 595 тысяч (против 531 тыс. в 1940 г.), количество грузовых автомобилей возросло до 283 тысяч (против 228 тысяч в 1940 г.). Парк зерновых комбайнов в сельском хозяйстве страны в 1950 году насчитывал

211 тысяч машин, что на 16 % превышало уровень довоенного 1940 года. Все это позволило увеличить в 1950 году число МТС до 8,4 тысячи и повысить уровень механизации пахоты на полях колхозов до 92 %, сева зерновых культур – до 73 %, уборки зерна комбайнами – до 51 %. Эти цифры значительно превышали соответствующие показатели механизации основных сельскохозяйственных работ в довоенные годы. Кроме того, начали создаваться специализированные МТС – животноводческие, лугомелиоративные, лесопосадочные и лесозащитные.

В то же время сохранилось отставание в снабжении сельского хозяйства машинами по уборке хлопка, сахарной свеклы, льна, по кормодобыванию и механизации трудоемких работ на животноводческих фермах [6.80].

Электрификация сельской жизни – другое важное направление восстановления и модернизации сельского хозяйства в послевоенный период внесла существенные качественные изменения, прежде всего в бытовые удобства крестьянской избы. Так, электрические лампочки заменили керосиновые лампы, которые еще совсем недавно казались чудом для жителей деревушек, затерянных среди лесов и полей. А теперь в доме появился не только яркий и безопасный свет, но и радио с его возможностями доносить до людей через сотни и тысячи километров неслыханные ранее песни и музыку, развлекательные передачи, рассказы о событиях, происходящих в стране и во всем мире... Вместо колодцев, конструкция которых не менялась веками, появились первые водонапорные башни и системы водопроводных труб, по которым вода пришла прямо в крестьянский двор, что тоже казалось чудом, особенно зимой. А как оценить электрические моторы и рабочий инструмент? Происходившие в то время перемены хорошо видны из следующей таблицы:

Мощность сельских электростанций и производство электроэнергии [6.81]
соответственно: тыс. кВт и млн. кВт·ч

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Количество, тыс.	12,3	7,7	9,9	13,0	17,4	20,4	21,8
Мощность	265,4	199,5	247,5	331,3	477,2	606,9	793,8
Производство	303,4	188,3	244,8	332,8	467,0	675,5	911,9

Бесстрастные цифры говорят о том, что, несмотря на серьезные разрушения сельских электростанций в результате войны, уже к концу четвертой пятилетки их количество увеличилось почти в два раза,

а мощности и производство электроэнергии возросли за тот же период в три раза. Такие количественные изменения, как правило, сопровождаются структурными, качественными изменениями в жизни людей.

Но производительные силы села возрастали не только за счет техники и электрической энергии. Весомое значение имело и повышение плодородия земли за счет минеральных удобрений.

Производство минеральных удобрений в послевоенный период [6.82.]
в пересчете на активное вещество, тыс. тонн

	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Азотные	972	745	894	1124	1353	1686	1908
Фосфатные	1734	244	940	1204	1591	2306	2834
Калийные	532	131	204	351	466	594	375
Всего	3238*	1119	1701	2355	3458	4585	5492

Показательно, что, несмотря на дефицит кислот, используемых при обработке минеральных удобрений, их производство превысило довоенный уровень уже в 1947–1949 гг. В конце пятилетки общий объем выпуска эликсира плодородия земли превысил уровень 1940 года в 1,7 раза и уровень 1945 года – почти в 5 раз. Это было очень важно для повышения урожайности продовольственных и технических культур, поскольку за годы войны пахотные поля заметно истощились, а ресурсы органических удобрений уменьшились в связи с сокращением поголовья почти всех видов скота.

Все проведенные сразу же после войны мероприятия по технической и материальной поддержке сельского хозяйства имели ключевой и в то же время промежуточный характер – они создавали лишь благоприятные условия для восстановления и развития производства продуктов питания до объемов, позволяющих максимально полно удовлетворять растущие потребности населения. Конкретными показателями для оценки успехов и неудач сельского хозяйства в решении этой непростой задачи служили индикаторы динамики урожайности и валовых сборов зерна, других полезных продуктов земледелия и животноводства.

В законе о четвертом пятилетнем плане было записано: «Установить, что важнейшей задачей сельского хозяйства в 1946–1950 гг. является всемерное повышение *урожайности и увеличения валового сбора сельскохозяйственных продуктов* на основе значительного улучшения культуры земледелия и широкого использования

достижений передовой агрономической науки...»[6.75]. К сожалению, эта ключевая установка закона о пятилетнем плане осталась нереализованной – на конечной стадии функционирования агропромышленного комплекса, где решающую роль играл человеческий фактор, не все обстояло благополучно.

Посевные площади (а), урожайность (б) и валовые сборы (в) зерна, картофеля и овощей [6.84]

соответственно: млн. га, ц/га и млн. тонн

		1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Зерно:	а)	110,7	85,1					102,9
	б)	8,6	5,6	4,6	7,3	6,7	6,9	7,9
	в)	95,6	47,3	39,6	65,9	67,2	70,2	81,2
Картофель:	а)	7,7	8,3					8,6
	б)	99	70	73	99	109	100	104
	в)	76,1	58,3	55,6	74,5	95,0	89,6	88,6
Овощи:	а)	1,5	1,8					1,3
	б)	91	58	54	83	82	76	72
	в)	13,7	10,3	8,9	14,9	13,2	10,8	9,3

Зерно (хлеб), картофель и овощи (прежде всего, капуста, лук, морковь) – основные продукты питания коренных жителей России на протяжении многих столетий. Они обеспечивали и детей, и взрослых необходимым количеством энергии (калорий) и, если к тому же была возможность выпить по стакану молока в день, почти полным набором витаминов. Однако в годы войны и на протяжении всей четвертой пятилетки положение с обеспечением населения этими продуктами питания, необходимыми для сохранения здоровья людей и их трудоспособности, было крайне напряженным. Дело в том, что после окончания войны начался прирост численности населения. В 1946–1950 годах он составил более 8 миллионов человек (почти 5 %), в то время как валовой сбор зерна сократился более, чем на 14 млн. тонн (снижение на 15 %). Опять хлеба для всех не хватало, и снабжение населения основными продовольственными товарами не улучшилось.

Потребление муки, крупы и макаронных изделий в СССР [6.85].

в расчете на душу населения, кг в год

1923/24	1928	1940	1952
223	214	195	190

Недостаточное питание заметно сказалось на качестве жизни населения. Резко подскочило число заболеваний, увеличилась смертность среди детей и взрослых. Причем дело не ограничилось только отдельными случаями. В те годы, когда село было особенно слабым, многое зависело от погоды. И она по непонятным до сих пор причинам решила отметить окончание войны засухой в зерновых районах Черноземья, Поволжья, Молдавии и Украины. На поля Западной Сибири, напротив, обрушились проливные дожди. Валовой сбор зерна упал до самой низкой отметки за все послевоенные годы. Результат для этих районов был одинаковым – голодные конец 1946 и весна 1947 года. Вот несколько иллюстраций из писем жителей тех местностей:

«...Жить нам нечем: нет ни хлеба, ни картошки, мы начинаем отекать от голода и погибаем» (ноябрь 1946, Воронежская обл.).

«...Живу очень плохо, сижу целыми днями совершенно голодная, и уже нет моих сил так жить. Иногда даже хочется наложить на себя руки, но жаль оставить своих деток сиротами» (ноябрь 1946, город Воронеж).

«...Хлеба нет, и не знаем, как пережить голод. В нашем колхозе и в соседнем хлеба совсем не дали – дело плохо» (ноябрь 1946, Сталинградская область).

«... Мать от голода распухла, поддержать ее нечем. Два месяца не кушали хлеба, питаемся только свеклой, но она тоже кончается. Дети в школу не ходят, нет хлеба. Я кончу жизнь самоубийством, чтобы не видеть этих мук...» (ноябрь 1946, Сталинградская обл.) [6.86].

Зимой 1947 года мне самому пришлось побывать на Украине – опухших людей можно было встретить даже в Киеве. Один мой знакомый рассказывал, что пережил голодное время только благодаря тому, что ходил в лес, искал норы зимующих ежей и питался ими.

Голод 1946/47 гг. по масштабам был меньше, чем в 1932 году. Но дело было не только в количестве смертей, а в самом факте массового голода и его гнетущем воздействии на психику всего населения...

Хроническое недоедание, низкое качество пищи, да еще голод, – все сказалось на здоровье людей. Продолжительность жизни в среднем по стране вновь упала: у мужчин до 40 лет, у женщин – до 49,8 года. Только к концу пятилетки условия жизни стали налаживаться, что благоприятно сказалось на здоровье и настроении населения [6.87].

Весь послевоенный период людей часто выручали картофель и овощи, которые в основном выращивали на своих приусадебных

участках колхозники и на сохранившихся огородах – горожане. В феврале 1949 года Совмин СССР принял специальное постановление о коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих. Правительство обязало местные органы власти выявить и отвести до 1 апреля 1949 года под огороды рабочих и служащих свободные земли городов, поселков, госземфонда, а также свободные земли предприятий, учреждений и организаций. При этом доходы рабочих и служащих, полученные на таких участках, облагались сельскохозяйственным и подоходным налогами, а сами рабочие и служащие не освобождались также от выплаты земельной ренты [6.88].

Технические культуры в соотношении доходов оказались все же в лучшем положении , чем продовольственные: их производство для крестьян благодаря относительно высоким ценам всегда было экономически более выгодным, чем выращивание зерна.

Урожайность (а) и валовые сборы (б) хлопка, сахарной свеклы и подсолнечника [6.89]

урожайность – ц/га, валовой сбор – млн. тонн

		1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Хлопок	а)	10,8	9,6	12,6	11,6	13,6	14,4	15,3
	б)	2,2	1,2	1,6	1,7	2,2	2,5	3,5
Сахарная свекла	а)	146	66	46	129	101	121	159
	б)	18,0	5,5	4,3	14,0	12,9	15,7	20,8
Подсолнечник	а)	7,4	2,9	2,6	4,1	5,6	5,1	5,0
	б)	2,6	0,8	0,8	1,4	1,9	1,9	1,8

Хлопок выращивали главным образом в Средней Азии. Поэтому военные действия в Европейской части страны оказали на хлопководство небольшое влияние. Уже в 1946 году там превысили довоенный показатель урожайности с гектара, в 1948 году достигли довоенного уровня валового сбора хлопка. В последнем году пятилетки среднеазиатские республики в 1,5 раза превысили довоенные объемы выращивания этого ценного сырья для производства тканей, а значит, и одежды.

Возделывание сахарной свеклы и подсолнечника было сосредоточено в основном в южных областях Европейской части страны, то есть в районах активных боевых действий, что сопровождалось почти полным разрушением системы производства сырья для сахарной и маслобойной промышленности. Самый низкий урожай свеклы был собран в 1943 году (1,3 млн. т), подсолнечника – в 1942 году (0,28 млн. т). С тех пор началось медленное восстановление

разрушенного и потерянного. Довоенный уровень валового сбора сахарной свеклы удалось достигнуть только в 1950 году, а подсолнечника – в 1953.

Так же трудно шло *восстановление поголовья скота* и его продуктивности, особенно в колхозах и совхозах. Четвертый пятилетний план в области животноводства ставил задачу: «полностью восстановить общественное продуктивное животноводство и всемерно увеличить поголовье рабочего скота в колхозах районов, подвергавшихся немецкой оккупации. Обеспечить дальнейшее развитие общественного животноводства в колхозах всех районов. На этой основе превзойти за пятилетие довоенный уровень поголовья всего продуктивного скота в СССР».

В то же время план ставил задачу более конкретно: «увеличить поголовье лошадей за пятилетие на 46 %, крупного рогатого скота – на 39 %, овец и коз – на 75 %, свиней в 3 раза по сравнению с 1945 годом. Всемерно развивать скороспелое животноводство и особенно птицеводство на базе широкого строительства инкубаторно-птицеводческих станций...

Обеспечить быстрейшее восстановление свиноводства в колхозах и совхозах и в личном пользовании колхозников. Повысить удельный вес свинины в мясной продукции...

Организовать в каждом колхозе, имеющем зерновые посевы, птицеводческие фермы. Всемерно развивать птицеводство и кролиководство у колхозников, в единоличных крестьянских хозяйствах, у рабочих и служащих.

Оказать государственную помощь колхозникам в обзаведении скотом в соответствии с нормами Устава сельскохозяйственной артели» [6.90].

Как видно из этих выдержек, четвертый пятилетний план в области животноводства наметил две общие задачи: первая – восстановить довоенный уровень поголовья всего продуктивного скота в стране, и вторая – существенно пополнить стадо конкретных видов скота по сравнению с показателями 1945 года. При этом, чтобы выиграть время в наращивании ресурсов мяса и мясных продуктов, были обозначены два тактических направления: а) всемерное развитие скороспелого животноводства: опережающий рост поголовья свиней, овец, кроликов и, особенно, птицы; б) привлечение к решению этой задачи приусадебных хозяйств колхозников, единоличных крестьян, а также желающих из числа рабочих и служащих.

Поголовье скота в послевоенный период [6.91]
во всех категориях хозяйств на конец года, млн. голов

	1940	1945	1950, план	1950, факт
Крупный рогатый скот	54,5	47,4	65,9	57,1
В том числе:				
Коровы	27,8	22,7	-	24,3
Свиньи	27,5	10,5	31,5	24,4
Овцы и козы	91,6	69,9	122,3	99,0
Лошади	21,0	10,7	15,6	13,8

Относительно быстро, прежде всего за счет накапливания ремонтного стада, увеличивалось поголовье крупного рогатого скота – довоенные показатели были восстановлены к концу пятилетки. Количество свиней, сократившееся в годы войны почти в три раза, росло, в основном на приусадебных участках, очень быстро. Но оно так и не дотянуло в 1950 году до довоенного уровня. Овцы и козы давали крестьянской семье мясо, молоко и шерсть. Заниматься с ними было экономически особенно выгодно, и не удивительно, что их поголовье на крестьянских подворьях было восстановлено в самый короткий срок. Количество лошадей в колхозах и совхозах (в подсобных хозяйствах их, как правило, не разрешали держать) за четыре года войны сократилось в два раза и уже больше никогда не достигло довоенного уровня...

Трудности в восстановлении сельского хозяйства сказались как на производстве, так и на государственных заготовках продуктов питания.

Производство основных продуктов животноводства [6.92]
все категории хозяйства, млн. тонн

	1940	1945	1950
Мясо (убойный вес)	4,7	2,6	4,9
Молоко и молч. продукты	33,6	26,4	35,3
Шерсть, тыс. тонн	161	111	189
Яйца, млрд. шт.	12,2	4,9	11,7

Как видно из таблицы, к концу пятилетки довоенный уровень производства основных видов продукции животноводства удалось даже превысить (за исключением яиц). Причем этот успех был обеспечен, главным образом, силами подсобных хозяйств колхозников, на долю которых в 1950 году приходилось 67 % всего производства мяса, 75 % молока, 22 % шерсти и 89 %

производства яиц. И это несмотря на то, что в сентябре 1946 года было принято специальное постановление Совмина СССР и ЦК партии «О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах», где отмечались как главные четыре нарушения установленных норм: неправильное расходование трудодней, расхищение колхозных земель, растаскивание колхозного имущества и нарушение демократических основ управления колхозами[6.93].

Объемы производства продукции в колхозах, совхозах и на приусадебных участках предопределяли размеры государственных заготовок продовольствия и сельскохозяйственного сырья для промышленности..

Государственные закупки основных продуктов сельского хозяйства [6.94]
во всех категориях хозяйств, млн. тонн

Продукты	1940	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Зерно	36,4	20,0	17,5	27,5	30,2	32,1	32,3
Хлопок	2,2	1,2	1,6	1,7	2,2	2,5	3,5
Сахарная свекла	17,4	4,7	3,8	12,2	11,8	15,3	19,7
Мясо (убойный вес)	2,2	1,3	1,4	1,4	1,7	1,8	2,3
Молоко	6,5	2,9	4,9	5,3	6,7	7,5	8,5
Яйца, млрд. штук	2,7	1,1	1,2	0,7	1,1	1,4	1,9

Государственные закупки (заготовки) почти всех сельскохозяйственных продуктов к концу пятилетки на 5-30 процентов превысили довоенный уровень (за исключением зерна и яиц). Поскольку эти продукты предназначались для торговли в городах, население которых за десять лет увеличилось почти на 16 процентов, общая конъюнктура на продовольственных рынках, особенно в хлебной торговле, оставалась напряженной...

Немалые трудности из-за дефицита сельскохозяйственного сырья испытывала **пищевая промышленность.** Пятилетним планом предусматривалось восстановление и новое строительство 102 сахарных и 106 хлебозаводов, 77 мясокомбинатов, 70 молочных заводов, 107 холодильников, 1200 масло- и сыродельных заводов, десятков и сотен предприятий другого профиля по производству продуктов питания, полное восстановление рыболовного флота. При этом широко осуществлялась модернизация предприятия и внедрение новых технологий, в том числе производство растительного масла методом непрерывной экстракции, производство мыла с применением

равноценных заменителей пищевых жиров. Внедрялась автоматизация производственных процессов, осваивались скороморозильные аппараты и холодильные установки. Все это ускоряло процесс восстановления пищевой промышленности, что хорошо видно из следующих цифр:

Производство важнейших видов продукции пищевой промышленности [6.95]
без производства колхозами, тыс. тонн

	1940	1945	1950, план	1950, факт
Мясо	1 501	663	1300	1556
Улов рыбы	1 404	1 125	2 200	1 755
молочная продукция, млн. т	6,5	2,9	-	8,5
Масло животное	226	117	275	336
Масло растительное	798	292	880	819
Сахар-песок	2 165	465	2 400	2 523
Мука, млн. т	29	15	19,0	22
Мыло	700	229	870	816
Спирт, млн. дкл	92,5	44,3	100,8	62,8

В цифрах таблицы нашли свое отражение особенности динамики пищевой промышленности в годы войны и в период ее восстановления. В 1945 году выпуск основных продуктов питания в этой отрасли главным образом из-за дефицита сырья сократился в два-три раза. В отдельных производствах – еще в большей степени. В четвертой пятилетке большинство плановых заданий, хотя и с напряжением, выполнить все же удалось. Возникший в период войны глубокий провал был ликвидирован, чаще всего «с насыпом», как и принято возвращать долги. Притом расширился ассортимент и улучшилось качество пищевых продуктов. Например, в 1950 году выпуск высших сортов сливочного масла достиг 75 процентов в структуре его производства. Вновь был освоен массовый выпуск диетических продуктов, в 5,7 раза расширилось производство детского питания, в 10,4 раза – витаминов [6.96].

Как уже отмечалось, пищевая промышленность работает, в основном, для удовлетворения потребностей жителей городов, получая сырье из сельского хозяйства. К сожалению, питание сельского населения и в годы войны, и в послевоенный период было обеспечено хуже и ниже по качеству, чем в городах.

Потребление продуктов питания в семьях рабочих (а) и крестьян (б) [6.97]
в среднем на 1 члена семьи за год, кг

	1925*	1940	1952**
Мясо: а)	48	41	41
б)	12	17	17
Молоко: а)	46	42	70
б)	142	166	181
Жиры: а)	8,6	9,2	12,0
б)	1,9	2,9	3,6
Яйца, шт.: а)	96	86	99
б)	32	52	75
Сахар: а)	13,7	27,7	31,1
б)	0,9	3,2	6,8
Хлеб и хлебопрод.: а)	190	242	217
б)	298	257	250
Картофель: а)	101	85	114
б)	159	165	278
Овощи: а)	43	52	57
б)	49	63	68

* Для крестьян – показатели за 1923/24 г.
** Для крестьян – 1952/53 г.

Как видно из таблицы, в рационе питания рабочих семей значительно больший удельный вес занимало мясо и мясные продукты, жиры, сахар. В крестьянских семьях по сравнению с городом больше потребляли молока (своя корова!), хлеба и картофеля, что обеспечивало им преимущество в калорийности питания. Картофель, молоко, капуста, лук, морковь и ржаной хлеб служили основными источниками витаминов. По потреблению овощей большой разницы между городом и деревней не было ни до войны, ни после нее.

В целом набор продуктов, потребляемых в рабочих семьях, был более качественным, то есть более сбалансированным по калорийности, белкам, жирам и витаминам. И это было одним из главных факторов, который стимулировал миграцию наиболее трудоспособной части населения из сельской местности в города. Тем самым ослаблялась производительная сила аграрного сектора и обострялась продовольственная проблема в целом. Порочный круг замкнулся: кризисная ситуация в сельском хозяйстве и в пищевой промышленности приобрела хронический характер, то есть потенциальный взрыв продолжал накапливать свою разрушительную силу.

Легкая промышленность медленно восстанавливала производство тканей, трикотажа, одежды и обуви, хотя она имела более широкую сырьевую базу, чем пищевая отрасль. Закупки технических культур производились по ценам, выгодным для крестьянства. Поэтому они были заинтересованы расширять посевы и повышать урожайность этих культур. Слабые звенья легкой промышленности – большой износ технологического оборудования, недостаточное снабжение фабрик топливом и электроэнергией, а также низкая оплата труда занятых в этой отрасли работников.

Доля легкой промышленности в структуре основных фондов в 1950 году снизилась до 5 % против 7 % в довоенном 1940 году. На некоторых фабриках работали станки с дореволюционным «стажем». Отсюда – тяжелые условия труда: пыль, шум, частые аварии, особенно у текстильщиков. Работать в таких условиях соглашались только женщины, у которых не оставалось другого выбора...

В декабре 1946 года Совмин СССР принял специальное постановление о мерах по ускорению подъема легкой промышленности, в котором весьма критически характеризовал сложившуюся обстановку в этой отрасли. Правительство оценило работу министерств текстильной и легкой промышленности как «неудовлетворительную». Существующие темпы роста их предприятий были признаны «совершенно недостаточными». Они «не обеспечивали заданий пятилетнего плана» и «не удовлетворяли потребностей населения в тканях, обуви, трикотажных изделиях и других товарах широкого потребления».

Чтобы быть объективным, правительство указало также на то, что «уровень жилищного строительства для работников названных министерств недостаточен, а намеченный план не выполняется».

Предприятия не были полностью обеспечены топливом, электроэнергией и необходимыми материалами для производства, а также для восстановления и строительства предприятий и жилых домов...

Местные органы неправильно рассматривали эту отрасль как второстепенную и не уделяли достаточного внимания работе, восстановлению и строительству ее предприятий».

Чтобы поправить дело, Совмин наметил комплекс соответствующих мероприятий, в том числе расширил объем капитальных вложений для ускорения восстановления и развитий легкой промышленности.

При этом правительство обязало Госплан, начиная с 1947 года:

«а) полностью обеспечивать производственную программу министерств текстильной и легкой промышленности топливом, электроэнергией и сырьем, а также фондируемыми основными и вспомогательными материалами и оборудованием;

б) увеличить для строек этих министерств фонды на основные строительные материалы (лес, цемент, кровлю, металл, стекло), выделяемые на капитальное строительство, а также на строительные механизмы, оборудование и транспортные средства с расчетом полного обеспечения объема строительно-монтажных работ по установленным нормам» [6.98].

Плановые задания на оставшиеся годы пятилетки были пересмотрены в сторону повышения. Хотя эти напряженные задания и не были выполнены полностью (как и обязательства Госплана), но они все же ускорили восстановление и подъем легкой промышленности в четвертой пятилетке.

Производство важнейших изделий легкой промышленности [6.99]

млн. м

	1940	1945	1950	
Ткани:			задание	выполнение
хлопчатобумажные	3 954	1 617	4 786	3 899
шерстяные	120	54	168	155
льняные	286	107	339	282
шелковые	77	36	151	130
Трикотаж, млн. шт.:				
бельевой	124	27	нд	150
верхний	59	23	нд	47
Чулки и носки, млн. пар	485	91	630	473
Кожаная обувь, млн. пар	211	63	240	203

Кривая судьбы легкой промышленности в военные и первые послевоенные годы очень похожа на историю развития пищевой отрасли: сначала спад в два-три раза, затем крутой подъем, позволяющий ликвидировать образовавшийся провал. При этом был значительно расширен ассортимент тканей, швейных и трикотажных изделий, кожаной обуви. Хотя задания правительства не были выполнены полностью, однако большинство производств, входивших в состав легкой промышленности, превысило довоенный уровень выпуска продукции или вплотную подошло к нему. Несомненно, это был крупный успех развития мирной отрасли в условиях холодной войны.

В то время, как уже отмечалось, значительную часть накоплений, а также материальных и трудовых ресурсов вновь пришлось направить на создание и развитие вооружений для укрепления обороноспособности страны в достаточно напряженной международной обстановке. Люди понимали, что холодная война легко может трансформироваться в горячую. Поэтому стойко переносили трудности, но всякому терпению когда-нибудь приходит конец...

6.5. Денежная реформа, финансы, цены и благосостояние населения

Война порвала многие межхозяйственные связи, грубо нарушила опорные балансы в структуре экономики, в том числе между промышленностью и сельским хозяйством, спросом и предложением, а также между потреблением и накоплением. Были также деформированы денежное обращение и ценообразование. От некоторых денежных форм в народном хозяйстве вновь остались одни «лохмотья»...

Трудно взвесить и сопоставить социально-экономическую значимость всех отрицательных явлений и процессов, оставшихся в сфере обращения как наследство от разрушительных военных действий и вынужденных диспропорций военной экономики. Одно можно сказать: убытки от нарушений и перекосов в денежных формах товарообмена и распределении доходов, пожалуй, были соизмеримы с последствиями прямых материальных потерь в народном хозяйстве.

Поэтому возрождение экономики в послевоенный период включало в себя не только процессы восстановления и модернизации производственного аппарата различных отраслей реального сектора, но и создание во многом новой денежной системы и ее инструментария для регулирования и стимулирования конкретных экономических отношений, в том числе финансов и денег, цен, прибыли и доходов населения.

Прежде всего предстояло изъять из непомерно разбухшей денежной массы излишки денежных знаков, к вынужденной эмиссии которых министерство финансов прибегало довольно часто. Хочешь не хочешь, но ему нужно было платить миллиарды рублей за огромные объемы изготовленной военной техники и боеприпасов, оплачивать ратный труд и довольствие армии, услуги транспорта, финансировать массу других расходов, которые были необходимы

на долгом пути к Победе. Кроме того, крупные суммы советских денег оказались в распоряжении немецкого командования, которые остались в хранилищах отделений Госбанка в Минске, в прибалтийских и других городах, оккупированных в первые недели после нападения Германии на СССР. Эти деньги немецкие финансовые органы реализовали через своих агентов на советской территории, дезорганизуя торговлю и ускоряя инфляцию цен...

Характерно также, что с переходом к мирной экономике устанавливалось более тесное взаимодействие плана и товарно-денежных отношений. Важнейшую роль в решении этой задачи сыграли *проведение денежной реформы и отмена карточек* в конце 1947 года. Практически эту реформу начали готовить еще в самый разгар войны.

«Помню, как-то в конце 1943 года часов в пять утра, – вспоминает А. Зверев, – мне на дачу позвонил И. В. Сталин... Глава правительства извинился за поздний (правильнее было бы сказать – ранний) звонок и добавил, что речь идет о чрезвычайно важном деле. Вопроса, который последовал, я никак не ожидал. Сталин поинтересовался, что думает Наркомат финансов по поводу послевоенной денежной реформы.

Я ответил, что уже размышлял об этом, но пока своими мыслями ни с кем не делился.

— А со мною можете поделиться?

— Конечно, товарищ Сталин!

— Я вас слушаю.

Последовал 40-минутный телефонный разговор. Я высказал две основные идеи: неизбежную частичную тяжесть от реформы, возникающую при обмене денег, переложить преимущественно па плечи тех, кто создал запасы денег спекулятивным путем. Выпуская в обращение новые деньги, не торопиться и придержать определенную сумму, чтобы первоначально ощущался некоторый их недостаток, а у государства были созданы эмиссионные резервы. Сталин выслушал меня, а затем высказал свои соображения о социальных и хозяйственных основах будущего мероприятия. Мне стало ясно, что он не впервые думает о реформе. В конце разговора он предложил мне приехать на следующий день в ГКО.

На сей раз беседа была долгой...»[6.99].

Эта встреча послужила толчком для начала конкретной подготовки денежной реформы. В 1944 году вопрос о ней рассматривался на заседании Политбюро. Главная цель реформы состояла в том,

чтобы создать прочную финансовую и денежную систему, ввести в обращение твердую валюту и использовать все это как экономические инструменты в деле строгого контроля рублем за результатами хозяйственной деятельности и ужесточения режима экономии. Таким образом, это было не организационное мероприятие по обмену денег, а важный экономический маневр, направленный на восстановление сбалансированности товарно-денежных отношений в стране:

— выравнивание спроса и предложения в государственной розничной торговле предметами широкого потребления при некотором превышении предложения товаров;

— отмена карточек, ликвидация коммерческих магазинов и переход к свободной торговле всеми товарами по единым розничным ценам;

— повышение ставок и реальной заработной платы относительно малообеспеченным рабочим и служащим (это мероприятие было проведено в 1946 г.);

— пересмотр оптовых цен (в сторону повышения) на продукцию промышленности и транспортных тарифов;

— введение по существу новой валюты – «твердого» рубля, базирующегося не на долларе США, а на собственном золотом содержании: 0,222168 г чистого золота [6.100]. Сталин в условиях войны несколько лет проводил жесткую политику накапливания запасов золота. К сожалению, перейти к свободному обмену бумажных рублей на золотые, как это первоначально замышлялось, так и не удалось – слишком большими оказались диспропорции в несущем каркасе послевоенной экономики.

Но даже без создания механизма для такого обмена, чтобы провести реформу только системы бумажных денег, нужно было обеспечить сбалансированность доходов и расходов бюджета, накопить в распоряжении государственной торговли достаточно крупные запасы различных товаров, прежде всего продовольствия, одежды, обуви.

Сложнее всего обстояло дело с продовольствием. Первоначально денежную реформу намечалось осуществить в 1946 г., но из-за сильной засухи и неурожая этот срок выдержать не удалось. Хлеба, мяса и молочных продуктов в стране не хватало. Поэтому расширить предложение товаров на розничном рынке можно было только за счет промышленных товаров широкого потребления. С особой энергией министерства финансов и легкой промышленности

занялись изысканием дополнительных ресурсов тканей, одежды и обуви. Кроме того, правительство осуществило ряд специальных мероприятий по ускорению развития других отраслей промышленности группы «Б».

Например, в текстильной промышленности было в это время достаточно сырья и мощностей, но не хватало топлива и рабочей силы. Поэтому срочно расширили подготовку ткачей и других квалифицированных работников для текстильной промышленности. Вне очереди мобилизовали из армии всех военнослужащих, имевших к ней отношение. Перевели на шерстяные, хлопчатобумажные, трикотажные и шелкоткацкие комбинаты часть производственного персонала из других отраслей.

Вторая группа мероприятий касалась мобилизации топливных ресурсов для текстильных и других фабрик и заводов легкой промышленности. Все это довольно быстро отразилось на расширении выпуска товарной продукции. Если в 1945 г. текстильная промышленность выпустила 1813 млн. метров всех видов тканей, то в 1947 г. – уже 2843 млн. Это значит, что за два года их производство увеличилось почти в 1,6 раза. Выпуск кожаной обуви за тот же период возрос примерно в 2 раза.

Другое генеральное направление подготовки денежной реформы состояло в том, чтобы упорядочить и укрепить финансовые отношения в государственном секторе, увеличить поступающие отсюда средства в доходную часть бюджета. Правительство в мае 1946 года приняло специальное постановление «Об упорядочении финансового хозяйства предприятий и хозорганов промышленных министерств, укреплении платежной дисциплины в хозяйстве и ликвидации взаимной задолженности» [6.101].

Министерства усилили внимание к финансовым вопросам, к экономии ресурсов и снижению себестоимости, уменьшению брака. В короткий срок они полностью ликвидировали просроченную задолженность по ссудам банку, который со своей стороны ужесточил контроль за рациональным расходованием государственных средств и соблюдением финансовой дисциплины.

Все это позволило почти вдвое увеличить за первые два послевоенных года доходы от предприятий и организаций. Несмотря на существенное снижение денежных поступлений от населения в связи с отменой военного налога, сокращением подписки на займы, уменьшением суммы сельскохозяйственного налога, быстрый рост денежных поступлений от социалистического хозяйства позволил

увеличить в 1947 г, доходы государственного бюджета по сравнению с 1945 г. на 27,5 %[6.102].

Таким образом, после разносторонней экономической подготовки в декабре 1947 года было опубликовано Постановление правительства и ЦК партии «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» на основе следующих принципов:

«Во-первых, обмен ныне обращающихся и находящихся на руках наличных денег на новые деньги будет производиться с ограничением, а именно: десять рублей в старых рублях на один рубль в новых рублях. (Первоначальный проект реформы предусматривал, что коэффициент обмена будет 5:1. Находившиеся на руках у населения металлические монеты («мелочь») оставались в обращении по номиналу. – Р. Б.).

Во-вторых, денежные вклады в сберегательных кассах и Государственном банке будут переоцениваться на более льготных условиях, чем обмен наличных денег, причем вклады до 3 тыс. руб. будут переоцениваться рубль за рубль. (вклады в сумме от 3 тыс. до 10 тыс. руб. переоцениваются в соотношении 3 : 2, а свыше 10 тыс. руб. — в соотношении 2:1 – Р.Б.)

В-третьих, будет проведена конверсия всех ранее выпущенных займов (кроме займа, размещавшегося по подписке в 1947 г.), которые объединялись в единый заем, причем обмен производится по соотношению 3 руб. в облигациях прежних займов на 1 руб. в облигациях нового единого займа...

В-четвертых, при проведении денежной реформы заработная плата рабочих и служащих, а также доходы крестьян от государственных заготовок и другие трудовые доходы всех слоев населения не затрагиваются реформой, и будут выплачиваться в новых деньгах в прежних размерах...

Одновременно с проведением денежной реформы отменяется карточная система на продовольственные и промышленные товары, упраздняются высокие коммерческие цены. Свободная продажа товаров будет осуществляться по *единым* государственным ценам взамен существующих коммерческих и пайковых цен.

Единые цены на хлеб и крупу устанавливаются на более низком уровне, чем нынешние пайковые цены соответственно на 12 и 10 процентов. В сравнении с нынешними коммерческими ценами они снижаются более чем в два раза. Новые цены на другие продовольственные товары в основном сохраняются на уровне действующих пайковых цен.

Единые цены на промышленные товары устанавливаются по несколько повышенным ценам по сравнению с низкими пайковыми ценами...»[6.103].

Налоги, долги, финансовые обязательства физических и юридических лиц остались неизменными.

Перед реформой в денежном обращении находилось около 60 млрд. рублей. В процессе обмена старых денежных знаков на новые на руках у населения осталось менее 10 миллиардов рублей. Уменьшилась также номинальная сумма его вкладов в сберегательных кассах и стоимость облигаций по государственным займам. Всего, как считал министр финансов, общая сумма государственных обязательств в результате денежной реформы должна была сократиться на 70 млрд. рублей[6.104]. Фактически эта сумма возросла до объема годовой денежной заработной платы всех рабочих и служащих (75 млрд. рублей) [6.105].

16 декабря 1947 г. магазины государственной розничной торговли в городах и рабочих поселках открылись в обычное время. Но войдя в них, люди были изумлены и обрадованы: на прилавках — разнообразный ассортимент хлеба, колбас, сыра, других продуктов. В промтоварных магазинах — широкий выбор одежды, обуви, тканей. И все без карточек. Объем продажи товаров в первые дни был очень высокий. Особенно активно раскупались сахар, крупы, жиры, белый хлеб. Люди изголодались за годы войны, и им прежде всего хотелось вкусно и досыта покушать. Продажа хлеба в некоторых регионах увеличилась в 1,5-2 раза. Запасы быстро таяли. Пищевая промышленность, экспедиции оптовых баз работали с крайним напряжением. Завоз товаров в магазины производился и днем, и ночью. В первые месяцы существенных перебоев в торговле удалось избежать. Но, как говориться, цыплят по осени считают.

Денежная реформа и отмена карточек на продовольствие и промышленные товары широкого потребления несомненно способствовали нормализации товарно-денежных отношений в стране и ускорению ее экономического роста. Однако не все проходило гладко и без проблем. Дело в том, что, как уже отмечалось, послевоенный рост населения, особенно в городах, не обеспечивался соответствующим расширением производства зерна, мяса, молочных продуктов и многих других видов продовольствия. Образовавшийся народнохозяйственный дисбаланс не мог не сказаться на свободной торговле этими продуктами.

Продажа хлеба населению в 1947-1948 годах [6.106]

млн. тонн

октябрь 1947	июль 1948	сентябрь 1948
1,0	1,40	1,43

Скачок платежеспособного спроса на хлеб в свободной городской торговле ударил по ее самому слабому звену – ограниченным запасом муки на складах торговых организаций. Сохранить бесперебойную торговлю хлебом удалось только в Москве, Киеве, Ленинграде, некоторых других городах и промышленных центрах европейской части страны. В то же время в регионах Поволжья, Северного Кавказа, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Казахстана возникли серьезные перебои в торговле этим особым для России товаром. Возник дефицит в торговле и другими продуктами.

Так, в июне 1948 года председатель ВЦСПС В. Кузнецов обратился в ЦК с письмом, в котором сообщал, что «в снабжении рабочих шахт комбината «Карагандауголь» хлебом, продовольственными и промышленными товарами имеются серьезные недостатки. Торговля происходит с большими перебоями при наличии громадных очередей...

В магазинах нет трикотажного белья и рубашек, возникают перебои в торговле мылом, маслом, селедкой. Из бакалейных товаров в продаже имеются только лапша и пшено низкого качества» [6.107].

Из-за отсутствия достаточных товарных фондов многие местные власти вынуждены были вновь вводить нормированное снабжение населения продовольствием. Из Ханты-Мансийского национального округа писали: «После отмены карточек в связи с ограниченными лимитами в отдельных семьях резко сократилось потребление хлеба. Так, в поселках городского типа ежедневно выдается 450–460 грамм хлеба и 500 грамм сахара в месяц на едока, а в сельской местности – от 250 до 300 грамм хлеба».

В Калужской области и, особенно, в г. Калуге в течение 1948 года торговля хлебом происходит с большими перебоями. Дневных лимитов реализации хлеба хватает для нормальной торговли только на 3–4 часа. В результате у хлебных магазинов постоянно создаются большие очереди» [6.108].

«В связи с дефицитом хлеба и других продуктов после отмены карточек в Сахалинской области хлеб стали продавать по спискам, но с перебоями. Соблюдаются нормы, существовавшие до отмены карточек. Для «начальства» (партийных и советских работников)

имеются специальные ларьки и буфеты, где хлеб и другие продукты отпускаются без норм» [6.109].

Стоит отметить также, что денежная реформа и отмена карточек не обеспечили восстановления довоенного уровня реальной зарплаты рабочих и служащих, не говоря уже о крестьянах. Дело в том, что сложившийся после денежной реформы средний индекс государственных розничных цен на все товары составил 298 процентов к среднегодовым ценам 1940 года, в том числе на продовольственные товары – 362 процента [6.110]. Индекс повышения номинальной заработной платы рабочих и служащих за тот же период достиг отметки 144 процента, то есть ее рост больше чем в два раза отставал от динамики розничных цен. Это означало, что реальные доходы основной массы населения страны, а, следовательно, и условия их жизни в середине послевоенной пятилетки были значительно ниже довоенных показателей. Для радикального снижения цен не хватало товарных ресурсов. Если поднять зарплату – вырастет себестоимость, а значит и объем субсидий, с помощью которых государство поддерживало функционирование убыточных и малорентабельных предприятий различных отраслей.

Выход из этого весьма трудного положения виделся в том, чтобы, опираясь на стимулирующее воздействие свободной торговли и происходящую модернизацию производства, заинтересовать работников в увеличении производительности их труда и снижении себестоимости выпускаемой продукции.

Такая стратегия оказалась весьма результативной. Это отчетливо можно проследить на динамике производительности труда, заработной платы и себестоимости продукции в промышленности. Стоит напомнить, что производительность работников промышленности в 1945 и 1946 годах упала соответственно на 20 и 24 процента, а заработная плата повысилась. Это привело к росту себестоимости и убыткам. Начиная с 1947 года – года денежной реформы, динамика этих индикаторов экономического качества промышленного производства радикально меняется: заработная плата продолжает расти. В 1950 году она повысилась по сравнению с уровнем 1946 года на 44 процента, но скорость повышения производительности труда была еще выше – ее прирост за этот же период времени превысил 66 процентов. Это означало, что величина зарплаты в структуре издержек производства единицы продукции динамично снижалась. Плюс к этому – режим экономии сырья, топлива и энергии, к которому инженерно-технические работники, конструкторы и

рабочие привыкли в военные годы. Все это вместе обеспечивало снижение себестоимости небывалыми темпами.

Динамика производительности труда и себестоимости продукции в промышленности в 1946—1953 гг. [6.111]
(прирост или снижение в % к предыдущему году)

	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953
Производительность труда	-24	+13	+15	+13	+13	+11	+7	+6
Снижение себестоимости*	+0,7	-2,0	-8,6	-6,8	-5,4	-5,4	-4,4	-3,7

* В ценах, сопоставимых с предыдущим годом.

Как видно из приведенных данных, 1948 год – первый год после проведения денежной реформы и отмены карточек, с точки зрения качественных показателей развития промышленности, является самым лучшим за все послевоенные годы. Это, в свою очередь, позволило провести несколько массовых снижений оптовых и розничных цен.

Движение розничных цен на товары для населения после проведения денежной реформы [6.112]
среднегодовые цены 1940 = 100

	1947	1948	1949	1950
Государственные розничные цены				
Все товары	298	253	228	186
Из них: продукты питания	362	291	254	203
Непродовольственные товары	220	207	104	165
Цены колхозного рынка	372	134	103	104

Показательно, что после отмены карточек на продовольственные товары снижение цен на продукты питания на колхозных рынках происходило быстрее, чем в государственной торговле. Это свидетельствовало о том, что, несмотря на объективные трудности, удалось постепенно стабилизировать конъюнктуру розничного рынка, в основном, за счет промышленных товаров. При этом можно выделить три этапа снижения розничных цен: первый – с 16 декабря 1947 года, когда отмена карточек сопровождалось снижением цен на хлеб на 19 %, крупу – на 22 %, растительное масло – на 16 %, сахар – на 37 %, мясопродукты, в среднем – на 14 %, масло

животное – на 20 %, яйца – на 13 %. В результате спрос на эти продукты в государственной торговле увеличился от 20 до 60 %. Такой рост не перекрывался расширением товарных фондов, особенно продовольствия. Поэтому, как уже отмечалось, в ряде районов пришлось либо восстановить нормированное снабжение, либо примириться с хроническими очередями за хлебом. Продажа мясопродуктов, масла животного и растительного по линии государственной и кооперативной торговли в это же время не увеличилась, поскольку цены колхозного рынка на эти товары, производимые в значительной части на приусадебных участках, были ниже государственных и спрос населения на эти товары переместился туда, где они были дешевле..

На втором этапе, начавшемся с марта 1949 года, государственные цены на хлеб, макаронные изделия, крупу, мясные продукты и масло животное были снижены на 10 %, что вызвало новую волну повышения платежеспособного спроса населения. Экономисты до сих пор спорят относительно того, насколько была экономически оправдан такая политика цен в условиях нарушенной пропорциональности в ряде важных звеньев расширенного воспроизводства. Однако люди быстро привыкли к «весенним подаркам» со стороны властей и уже ждали их... В марте 1950 года последовало третье, и весной 1951-го – четвертое, еще через год – пятое, затем – шестое, подготовленное еще при жизни Сталина, снижение розничных цен на широкий круг товаров в государственной и кооперативной торговле.

В результате шестикратного повторения этого приятного, незабываемого мероприятия розничные цены весной 1953 года были значительно ниже уровня цен, действовавших до отмены карточной системы. Так, на хлеб, макаронные изделия и крупу, а также на мясные продукты они снизились почти на две трети, на картофель – в 2,2 раза, на овощи – на 58 %, на фрукты – на 62 %, на растительное и животное масло, а также на сахар и яйца – наполовину, молоко – на 38 %.

Чтобы удовлетворить возросший спрос населения, организованная торговля обеспечила расширение реализации этих товаров через свою сеть магазинов и ларьков в два-три раза, а белого хлеба – даже в шесть раз[6.113]. Люди осязаемо почувствовали, что их питание значительно улучшилось, хотя, конечно, не обошлось без новых сбоев в торговле и других неприятностей.

Розничные цены в государственной и кооперативной торговле на отдельные виды продовольственных товаров [6.114.]
по данным ЦСУ, 2 пояс, килограмм, в копейках,

	16.12.47	1.03.49	1.03.50	1.03.51	1.04.52	1.04.53
Мука пшеничная	1200	1080	755	640	540	485
Крупа овсяная	360	320	255	220	180	160
Рис	1710	1540	1350	1150	980	880
Макароны	1000	900	675	570	480	430
Хлеб ржаной	300	270	200	170	150	135
Хлеб пшеничный	440	400	280	240	200	180
Говядина	2614	2355	1788	1518	1290	1097
Свинина	3817	3627	2755	3238	1985	1686
Судак мороженный	1200	1080	970	870	870	830
Сельдь иваси	1650	1550	1390	1250	1250	1120
Сыр голландский	6000	4900	3920	3630	2820	2820
Масло животное	6600	5900	4130	3510	2980	2680
Масло растительное	2900	2900	2610	2610	2090	1880
Сахар	1350	1350	1150	1150	1040	940

В первые два года после войны розничные цены на продукты питания снижались медленнее, чем цены на промышленные товары для населения. После денежной реформы 1947 года тенденции изменились: розничные цены на продовольствие стали снижаться быстрее, чем на промышленные товары, причем на мясные и молочные продукты, то есть на продукцию приусадебных участков, с заметным опережением, несколько медленнее – на растительное масло, сахар и кондитерские изделия. В таких изменениях не малую роль сыграло возвращение в деревню мужчин, демобилизованных из армии. Даже в тех случаях, когда они вынуждены были уехать в город на заработки, весной и осенью мужчины, хотя бы на несколько дней, «вырывались» к своим семьям, чтобы помочь на сенокосе и в обработке посевов на своем приусадебном участке, а осенью – убрать урожай. Свой труд они оценивали невысоко, что и позволило снизить цены на колхозных рынках в 1953 году по сравнению с 1947 годом почти в 4 раза. Это заставило снижать государственные розничные цены на мясные продукты, овощи и картофель в большей степени, чем на продукты, которые не производились на приусадебных участках.

Оптовые цены на продукцию тяжелой промышленности были связаны с рыночными отношениями еще в меньшей степени, чем производство промышленных товаров для населения. Здесь объемы производства, их структура, порядок распределения и реализации определялись центральными органами в натуре: тоннах, штуках, метрах и т.п. Цены и деньги выполняли здесь подсобную роль, в основном, для учета и общего контроля. Когда они начинали мешать планированию, их воздействие на производителей и потребителей парализовали с помощью системы дотаций и других инструментов. В военные годы такая практика получила широкое распространение. И только после проведения денежной реформы и первичного упорядочения розничных цен наступило время разобраться и начать капитальный ремонт перекошенной и во многих местах деформированной системы оптовых цен на продукцию тяжелой промышленности и тарифов на грузовые перевозки.

Прежде всего надо отметить, что важнейшие сырьевые отрасли (подчеркиваю: отрасли, а не отдельные предприятия): металлургия, лесная, угольная и некоторые другие, в основном в связи с повышением зарплаты работникам этих отраслей, не подкрепленным соответствующим ростом производительности труда, оказались убыточными и им выплачивались дотации из бюджета. В 1944 г. дотации составили около 0,8 млрд. руб., в 1945 г. – 14 млрд., в 1946 г. – 26 млрд., в 1947 г. – 34 млрд., и в 1948 г. – 45 млрд. руб.

Это противоречило самому характеру вновь формируемого хозяйственного механизма, и правительство, хотя и крайне неохотно, согласилось для ликвидации убыточности и укрепления хозрасчета повысить оптовые цены на продукцию этих отраслей при условии, что, как только возрастет рентабельность их производства, они будут вновь снижены [6.115].

Впервые после войны с 1 января 1949 г. в промышленности были введены новые оптовые цены, которые в 1,6 раза превышали уровень 1948 г., в том числе на чугун – в 3 раза, на уголь – в 3,4, на электроэнергию – в 1,5, на продукцию машиностроения – в 1,3 раза. Но, как и было обещано, в 1952 г. оптовые цены в промышленности вновь были доведены до уровня 1948 г. Дальнейшее снижение этих цен произошло в 1955 г. Оптовые цены 1955 г. действовали с небольшими изменениями почти 12 лет.

Значительное укрепление рубля в результате проведения денежной реформы, упорядочение системы розничных и оптовых цен, повышение эффективности и рентабельности работы

промышленности – все это позволило сделать следующий важный шаг на пути восстановления и оздоровления хозяйственной системы в целом, а именно перейти к сбалансированному, устойчивому и вместе с тем весьма емкому государственному бюджету.

Перед ним были поставлены три чрезвычайно сложные задачи, причем решение ни одной из них нельзя было перенести на более поздние сроки: обеспечить финансирование восстановления и модернизации производственной, транспортной и социальной инфраструктур; создать мощный оборонный щит из оружия нового поколения и добиться коренного улучшения условий жизни народа-победителя.

Для решения этих задач нужны были огромные инвестиции, финансирование которых предстояло осуществить за счет государственного бюджета. Речь шла о расходах, измеряемых сотнями миллиардов рублей. Всего в течение четвертой пятилетки финансовая система России мобилизовала через государственный бюджет 1 982 млрд. рублей, то есть в два раза больше, чем за 13 предвоенных лет (с 1928 по 1940).

Расходы государственного бюджета СССР в четвертой пятилетке [6.116]
млрд. рублей

	1940	1946	1947	1948	1949	1950
Народное хозяйство	58,3	106,2	133,1	149,6	161,9	157,6
Культура, образование, здравоохранение	58,3	80,0	106,0	105,7	116,0	116,7
Оборона	56,8	73,6	66,3	66,3	79,2	82,8
Государственное управление	6,8	11,8	13,2	13,0	13,5	13,9
Всего	174,4	307,5	361,5	370,9	412,3	413,2

Прежде всего следует отметить устойчивый и быстрый рост расходов бюджета на всем протяжении четвертой пятилетки, в том числе на восстановление и развитие народного хозяйства и социально-культурного сектора.

Финансирование народного хозяйства за пятилетие составило 38 % к общей сумме расходной части бюджета и занимало в ней, как и до войны, первое место. Четвертый пятилетний план по капитальному строительству был значительно перевыполнен. Инвестиции государственных и кооперативных предприятий составили 34,9 млрд. рублей или в 1,6 раза больше, чем было вложено за первую и вторую пятилетки вместе взятые. Из них половина была вложена в промышленность, в том числе в тяжелую 15,1 млрд. рублей.

За пять лет было восстановлено и построено 6200 крупных заводов, фабрик и электростанций. Среди них: Закавказский металлургический завод, Канакерский алюминиевый, Усть-Каменогорский свинцово-цинковый, Калужский турбинный, Тамбовский анилино-красочный и др.

Одновременно восстанавливали и строили новые жилые дома, школы, другие учебные заведения, больницы, поликлиники, санатории, дома отдыха, детские учреждения, клубы и театры [6.117].

Государственный бюджет сыграл активную роль и в восстановлении производственной базы сельского хозяйства. Всего в течение пятилетки на эти цели (включая лесное хозяйство) было израсходовано 115,5 млрд. рублей или 16,3 % всех бюджетных расходов.

Расходы на социально-культурные мероприятия к концу пятилетки вышли на второе место. Проблемы укрепления здоровья населения, развитие массового спорта, профилактика, повышение иммунитета детей и взрослых против возможных заболеваний, а не лечение уже заболевших людей – отличительная черта советской системы здравоохранения в послевоенный период.

Предметом особого внимания и заботы была также система среднего и высшего образования и воспитания молодежи, поддержка науки и культуры, всесторонняя помощь многодетным семьям и одиноким матерям.

Расходы государственного бюджета на социально-культурные цели [6.118]

млн. рублей

	1946	1947	1948	1949	1950
Просвещение	37,7	51,5	55,0	57,7	56,9
Здравоохранение	13,6	18,4	19,9	21,1	21,4
Пособия нуждающимся матерям	3,6	4,5	2,5	3,2	3,7
Социальное обеспечение	25,1	31,6	28,2	33,9	34,8

Из приведенных данных хорошо видно, что в России понимали роль и значение здоровья и образования в формировании и развитии главной производительной силы страны. Поэтому даже в самые трудные годы восстановления хозяйства и изнурительной гонки вооружений в условиях холодной войны руководящие органы страны находили достаточно крупные финансовые ресурсы для вложений в человеческий капитал. В 1950 году в вузах страны обучалось 1 247 тысяч студентов, то есть в полтора раза больше, чем

в довоенном 1940 году. В техникумах соответственно 1 298 человек против 975 тысяч. Только за один 1950 год вузы и техникумы окончили полмиллиона молодых специалистов.

О подъеме культуры в послевоенный период свидетельствуют высокие темпы восстановления ее инфраструктуры. В 1950 году в стране функционировало клубов и библиотек на 15 % больше, чем до войны, кинотеатров – в 1,5 раза. Значительно возросло количество дворцов культуры. Однако сократилось число профессиональных театров. В то же время тираж книг увеличился на 84 %, тираж газет – почти в 4 раза [6.119].

Быстрое увеличение расходов государства, связанных с возрастающими масштабами выполнения его основных функций, требовало такого же энергичного расширения доходной части бюджета. Этому способствовали повышение эффективности расширенного воспроизводства практически почти всех отраслей народного хозяйства и снижение себестоимости основной массы выпускаемой продукции.

Увеличение денежных доходов населения сопровождалось соответствующим приростом налоговых поступлений в бюджет. Прямые и косвенные налоги с населения служили основными источниками наполнения доходной части государственного бюджет. Финансы предприятий и организаций реального сектора все еще не могли полностью оправиться от разрушительных последствий войны.

Главные источники доходной части государственного бюджета [6.120]
млрд. рублей

Источник дохода	1940	1946	1947	1948	1949	1950
Налог с оборота	105,9	190,9	239,9	247,3	245,5	236,1
Отчисления от прибылей	21,7	16,5	22,6	27,2	42,2	40,4
Налоги и сборы с населения	9,4	22,7	28,0	33,1	33,7	35,8
Государственные займы	11,5	24,7	25,7	23,9	27,6	31,0
Средства соцстраха		11,6	14,6	16,2	18,1	19,6
Всего доходов	180,2	325,4	386,2	419,5	437,0	422,8

Основную часть поступлений в бюджет государство получало прямо или косвенно от населения, которое никак нельзя было назвать не только богатым, но и зажиточным. Как уже отмечалось,

реальная зарплата рабочих и служащих к концу четвертой пятилетки совсем не намного превысила довоенный уровень.

Отчисления от прибыли государственных предприятий составляли менее десятой части всех доходов бюджета. Больше половины доходов поступало в форме налога с оборота.

Доля налога с оборота в доходной части бюджета [6.121]
в процентах

1940	1946	1947	1948	1949	1950
58,7	58,7	62,1	60,3	56,1	55,9

Еще в начале тридцатых годов налог с оборота стал основным источником денежных поступлений, взимаемых при продаже небольшой группы, главным образом, продовольственных товаров. Но уже перед войной круг таких товаров расширился, и налог с оборота взимался как разница между оптовыми ценами предприятий и промышленности, а на товары широкого потребления – как разница между розничными ценами и оптовыми ценами промышленности за вычетом торговой скидки (накидки). В военный период (ясное дело – не от хорошей жизни) налог с оборота включили в оптовые цены на некоторые машины, оборудование и металлы. После денежной реформы 1947 года в связи со снижением средних розничных цен на товары для населения доля налога в доходной части бюджета снизилась, хотя его общая сумма увеличилась за счет роста товарооборота. Последующие снижения розничных цен уменьшили не только долю, но и сумму поступлений налога с оборота в бюджет.

Сумма отчислений от прибыли за период 1946–1950 гг. увеличилась в 2,5 раза, и их доля среди других поступлений в бюджет возросла с 5,1 до 9,5 %, что было обусловлено как повышением оптовых цен в 1949 году, так и крутым снижением издержек промышленного производства.

Однако основным плательщиком денежных средств в государственный бюджет была и осталась работающая часть населения страны. Так, только в 1950 году прямые налоги на различные группы населения составили 35,8 млрд. рублей и выплаты по государственным займам – 31 млрд. рублей. Сумма этих двух платежей в 1,7 раза превышала объем отчислений от прибылей всех предприятий и организаций. Эти платежи служили источником финансирования бесплатного образования и здравоохранения, других социальных льгот многих категорий жителей. При этом

происходило перераспределение доходов в пользу многодетных и малообеспеченных семей.

Оздоровление денежной системы, укрепление рубля, увеличение платежеспособного спроса населения, значительное расширение производства промышленных изделий для населения – все это сопровождалось *динамичным расширением товарооборота, улучшением ассортимента и качества товаров.*

Товарооборот государственной и кооперативной торговли [6.122]
в процентах к 1940 году

	1945	1946	1950
Продукты питания	49	58	94
Непродовольственные товары	31	47	140
Все товары	45	56	110
Общественное питание	65	74	107

Из приведенных данных видно, что объем государственной и кооперативной торговли продуктами питания в 1945 году по сравнению с довоенными параметрами сократился в два раза при одинаковой численности населения. Преодолеть этот провал в течение четвертой пятилетки так и не удалось из-за еще более тяжелого положения, в котором оказалось сельское хозяйство к концу войны.

Товарооборот государственной и кооперативной торговли в сельской местности в 1950 году в расчете на душу населения по сравнению с 1940 годом составил 97 %, то есть так и не достиг довоенного уровня. В какой-то степени недостаток продовольственных товаров возмещался за счет колхозных рынков (читай: за счет приусадебных хозяйств колхозников – Р.Б.), на долю которых в 1950 году приходилось 28,7 % всей торговли продуктами питания в фактических ценах реализации по сопоставимому кругу товаров [6.123].

Горожанам существенно помогала система общественного питания. Умные руководители промышленных предприятий продолжали активно поддерживать свои подсобные хозяйства, а также огороды рабочих и служащих, созданные в голодные военные годы.

Потребление основных продуктов питания в СССР в 1950 году [6.124]
История социалистической экономики СССР, М. 1980, т.6, с.
на душу населения, кг

Мясо	Молоко	Рыба	Яйца	Хлеб	Сахар	Раст. масло	Картофель	Овощи
26	172	7	60 шт.	172	12	3	241	51

Из этих цифр следует, что к 1950 году в среднем потребление основных продуктов питания в СССР в расчете на душу населения повысилось до уровня довоенного 1940 года. Однако за прошедшее десятилетие углубилась дифференциация в качестве жизни, в том числе в потреблении продуктов питания между относительно богатыми и бедными слоями населения.

Вместо заключения

1. Экономика Советской России с большим напряжением и в сжатые сроки в начале сороковых годов создала исследовательскую и материально-техническую базу производства современных видов вооружения и боеприпасов. Примерно в середине Отечественной войны она превзошла промышленность Германии не только количественно, но во многих случаях и качественно. Однако сразу же после Победы страна оказалась в условиях не менее острой и драматичной так называемой холодной войны. Как говорится, из огня, да в полымя.

Когда и как началась холодная война, историки и политики спорят до сих пор. Точная дата в данном деле не так уж и важна. Для резкого поворота от политики сотрудничества к враждебному противостоянию США потребовалось всего несколько шагов. (Черчилль проделал это еще быстрее). Заметной вехой на этом коротком отрезке времени стала смерть Рузвельта. По свидетельству многих современников, он выступал за сохранение в послевоенный период политики сотрудничества с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Трумэне.

Другая веха – создание в США атомной бомбы [6.125]. В этом отношении весьма характерна секретная докладная записка военного министра президенту Трумэну: «...В международных отношениях, и без того исключительно чутко реагирующих на силу, создание атомного оружия глубоко повлияло на политическое мнение во всех районах земного шара.

Во многих кругах оно рассматривается как серьезное препятствие росту русского влияния на континенте. Мы можем быть уверены, что советскому правительству это известно и советские политические и военные руководители будут испытывать большое искушение как можно скорее приобрести это оружие... Следовательно, если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию в этом

деле на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англосаксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание бомбы, что фактически приведет к тайной гонке вооружений, которая примет отчаянный характер. По некоторым данным, такая гонка, возможно, уже началась»[6.126]...

Трумэна и Черчилля второй вариант вполне устраивал. И Советский Союз вынужден был начать интенсивную гонку в деле создания и производства оружия нового поколения: ядерной бомбы, реактивных самолетов, межконтинентальных ракет, атомных подводных крейсеров, более совершенных радарных систем...

С большой поспешностью соответствующие штабы США разработали планы атомного нападения на города и промышленные центры Советского Союза. В ответ в России лихорадочно, но, в целом, весьма успешно создали свою водородную бомбу, сконструировали и начали производство соответствующих средств доставки нового оружия до территории вероятного противника. Совершив вновь рекордный прыжок, Россия в области новейших видов вооружения к концу четвертой—началу пятой пятилетки *качественно* догнала, а на некоторых направлениях опередила США. Однако *количественно* превосходство оставалось за странами НАТО.

Так, в 1949 году СССР имел в своем распоряжении лишь 1 атомную бомбу, в 1950 г. – 5, в 1951 г. – 25, в 1952 г. – 50, в 1953 г. – 120. В то время запас ядерных бомб в США в десятки раз превышал советский арсенал. Например, в 1955 году американцы располагали запасом, насчитывавшем более 3 тыс. единиц атомного оружия. Положение изменилось только к началу 60-х годов, хотя и тогда американцы сохраняли количественное преимущество[6.127]. Но это уже не имело большого значения: обе стороны имели возможность многократно уничтожить друг друга и заодно – население всего земного шара.

В конце сороковых—начале пятидесятых годов, чтобы уравновесить соотношение военных сил, России пришлось сохранять огромный потенциал обычных вооружений, в том числе в форме крупных танковых и авиационных соединений в центре Европы.

Неожиданный сценарий развития послевоенной обстановки в мире заставил советское руководство скорректировать планы восстановления и развития мирных отраслей народного хозяйства, перераспределить и без того ограниченные финансовые ресурсы в пользу новых приоритетных целей.

2. Нередко возникает вопрос, каким образом и за счет каких факторов Советский Союз, обладавший большими, но все же ограниченными материально-техническими и финансовыми ресурсами, сумел обеспечить победу в крайне напряженной Отечественной войне и в не менее трудный первый период холодной войны.

В этой связи стоит напомнить, что быстрые и масштабные успехи германской армии на Западном фронте в 1939-1940 годах были достигнуты, прежде всего, за счет создания мощных и в то же время мобильных боевых соединений, насчитывавших сотни тысяч солдат, вооруженных современной боевой техникой.

Советский Союз такую стратегию и соответствующую организацию войск освоил только на втором году войн, к началу Курской битвы (вспомните создание в тылу целого резервного фронта). Но Советский Союз, опираясь на преимущества государственной собственности, еще в 30-е годы разработал свои методы и формы концентрации трудовых, материально-технических, финансовых, а также интеллектуальных ресурсов на ключевых направлениях индустриализации страны и перевооружения армии. Этот опыт, можно сказать, спас Советскую Россию от поражения в 1941 и 1942 годах. Помог выгнать оккупантов с нашей земли и выиграть начальный этап холодной войны.

При этом главную роль сыграл человеческий фактор – прежде всего «простые» люди, трудолюбивые, терпеливые, непритязательные к условиям жизни и работы. Из их среды выросли хорошо подготовленные кадры руководителей и организаторов производства, сформировался крупный и эффективный интеллектуальный потенциал страны, сосредоточенный в отраслевых НИИ и КБ, в вузах и Академии наук.

Обычно для создания нового поколения техники, в том числе боевой, требуется 8–12 лет. При этом необходимо на основе последних научных и технических разработок теоретически обосновать достоверный прогноз инноваций и качественных сдвигов в конкретных сферах развития не только моделей конкретных видов боевой техники, но и новых материалов, двигателей, а также источников их движения. Важно также своевременно выявить основные тенденции создания новых изделий и технологий у вероятных конкурентов и противников. Решить такие задачи можно только путем концентрации интеллектуальных, финансовых и производственных ресурсов на главных направлениях возможного прорыва в тех местах, где успешно прошли первыми теоретики и исследователи прикладного профиля... Именно по такому пути пошла Россия на очень трудном отрезке своей истории.

3. В период холодной войны вновь на передний план выдвинулись отрасли оборонной и тяжелой промышленности. Наряду со значительным расширением выпуска нового технологического оборудования и машин, крайне необходимых для восстановления и модернизации разрушенного производственного аппарата во всех отраслях народного хозяйства, машиностроение, энергетика и металлургия опять в первую очередь выполняли заказы, связанные с изготовлением вооружений нового поколения.

Ускоренному развитию и коренному обновлению ряда отраслей промышленности в условиях холодной войны, участвовавших во внеочередной гонке сложных вооружений, очень помогало централизованное распределение дефицитных ресурсов, наличие в структуре оборонных министерств собственного станкостроения, качественной металлургии, а также производства оснастки, крепежа и инструментов.

4. Успешное осуществление грандиозных проектов и планов перевооружения армии на базе новейших достижений науки и техники стало возможным благодаря тому, что к началу холодной войны в нашей стране уже сформировалось новое поколение исследователей, конструкторов, технологов и организаторов производства, а также квалифицированных рабочих массовых профессий. В их культурном и патриотическом воспитании активную роль сыграла творческая интеллигенция: писатели, артисты, художники, скульпторы, которые в своих произведениях не скрывали противоречий формирования во многом нового мышления и образа жизни людей, пропагандировали оптимистический взгляд в будущее, создавали образы, которые служили примерами для молодежи, да и для взрослых тоже...

Поскольку в системе централизованного административного управления постоянно возрождались элементы бюрократизма и ведомственности, с ними боролись с переменным успехом партийные и специальные органы государственного контроля. Первичные партийные и комсомольские организации в те трудные годы воспитывали чувство ответственности за выполнение новых задач и требовали соблюдения нравственных норм как от руководящих, так и рядовых работников.

5. Самым слабым звеном в хозяйственном механизме и общественной системе оставалось сельское хозяйство. Крупные капитальные вложения в механизацию полевых работ (пахота, уход за посевами, уборка урожая), увеличение ресурсов минеральных удобрений, а также электрификация сел и деревень – все это создавало толь-

ко предпосылки для подъема производства продуктов питания и сырья для легкой промышленности.

Однако оплата крестьянского труда в колхозах оставалась на крайне низком уровне. Она полностью не обеспечивала потребности колхозников даже в продуктах питания. Главная причина такой ситуации – заниженные закупочные цены на продукцию колхозов, которые не возмещали издержек производства и тем не менее не пересматривались на протяжении всей войны и первого послевоенного периода. Как пишет А. Микоян, Молотов вносил официальное предложение в Политбюро о резком повышении заготовительных цен на хлеб (Микоян помогал ему собрать для этого необходимые материалы и обосновать необходимость повышения закупочных цен), но Сталин не только отклонил их предложение, но и обвинил их в правом уклоне [6.128].

Основные доходы крестьянская семья получала за счет интенсивного труда на своем приусадебном участке, где обычно содержали корову, овец, реже свинью и козу, кур, а также уток и гусей, если вблизи был хоть какой-нибудь водоем. Часть молока, мяса и яиц, а также овощей продавали по свободным ценам на городских рынках. За вырученные деньги покупали одежду, обувь, сахар, соль, керосин, мелкий сельхозинвентарь, другие товары.

При такой схеме труда и его оплаты крестьянская семья была материально заинтересована интенсивно работать только на своем приусадебном участке и как можно меньше – на колхозных полях. Противоречие интересов государства и крестьянства в распределении и присвоении колхозной продукции – главное противоречие советской системы хозяйствования. При этом нельзя забывать, что крестьянские семьи составляли в то время примерно половину населения страны.

Низкая эффективность существовавшей тогда организации сельскохозяйственного производства достаточно четко проявлялась в низкой урожайности земли и продуктивности скота. Так, урожайность зерна в 1940 году составила 8,6 ц/га, а в 1950 – только 7,9 ц/га. Средний годовой удой молока от одной коровы во всех категориях хозяйств, включая подсобные, достиг в 1940 году 1 185 кг, в том числе в колхозах – 1 017 кг. Через десять лет соответственно 1 370 и 1 027. Иными словами, в колхозах за этот период он не изменился.

Низкая эффективность использования главной производительной силы в сельском хозяйстве – труда крестьян и плодородия земли обусловливали весьма невысокие конечные результаты, что было невыгодно и для крестьян, и для государства. Вместо того, чтобы

радикально исправить неудачную социально-экономическую модель организации труда и распределения доходов в системе коллективных и приусадебных хозяйств, власти активно боролись против высоких доходов от приусадебных хозяйств и все чаще вынуждены были посылать в ненастные осенние месяцы на уборку урожая студентов, школьников старших классов, воинские части, других всяких «шефов», которые также не были заинтересованы в повышении эффективности колхозных полей...

6. Весной 1953 года умер И. Сталин. Четверть века он был первым лицом в российском государстве и обществе. Почти все военачальники и крупные хозяйственные руководители отмечают, что он сыграл главную роль в Победе над гитлеровской Германией.

«Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны, – отмечал маршал авиации А. Голованов, – был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт» [6.129].

«Сталин, – вспоминает бывший начальник Генерального штаба А. Василевский, – требовал исчерпывающих сведений по любому обсуждавшемуся вопросу и, получив таковые, иногда спрашивал совета, а в первое время чаще решал сам... Тогда он был неоправданно самоуверен, самонадеян, переоценивал свои силы и знания в руководстве войной. Он мало опирался на Генеральный штаб, далеко не достаточно использовал знания и опыт его работы. Нередко без всяких причин поспешно менял кадры... Однако Сталин, как человек глубокого ума, естественно, не мог не сознавать своих просчетов и недостатков и не делать выводов для себя. И вот для всех нас постепенно становится заметным, как он стал все более глубоко мыслить категориями современной войны... Сталин уже не предполагал боевые действия без того, чтобы они не были решительными, маневренными, умело прибегал к массированию сил, проявлял стремление решать задачу разгрома той или иной группировки врага путем ее охвата. И.В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что далось ему легко, так как он был мастером политической стратегии, но и в оперативном искусстве...

В ходе Великой Отечественной войны проявилось в полной мере самое сильное качество Сталина: он был отличным организатором. А организаторские способности играли тогда, конечно, огромную роль...» [6.130].

Ему вторит В. Молотов: «Гениальным я Сталина не считаю, а считаю великим человеком... К гениальности он приближался

в тактике. Сталин – великий тактик. Глубоко не копал, но провести дело в жизнь умел... Потом – смелость, твердость» [6.131].

Хорошо знал Сталина авиаконструктор А. Яковлев: «Все маломальски важные авиационные вопросы решались с участием и под руководством Сталина. Он любил авиацию, лично знал ее ведущих деятелей и охотно занимался авиационными делами.

Как правило, повседневное обсуждение важнейших государственных дел велось у Сталина в узком кругу лиц, без каких-либо записей и стенограмм, сопровождалось свободным обменом мнений, и окончательное решение принималось после того, как сам Сталин, как говорится, подведет черту. Конечно, его личное мнение было всегда решающим, но формировалось оно под влиянием высказываний присутствующих.

Сталин был немного ниже среднего роста, сложен очень пропорционально, держался прямо, не сутулясь. Я никогда не видел у него румянца, цвет лица – серо-землистый. Лицо в мелких оспинах. Волосы гладко зачесаны назад, черные, с сильной сединой. Глаза серо-коричневые. Иногда, когда он хотел, – добрые, даже без улыбки, а с улыбкой – подкупающе ласковые. Когда раздражался, на лице появлялись мелкие красные пятна.

Сталин во всем, что касалось лично его, выглядел исключительно простым. Одет был обычно в серый шерстяной полувоенный китель. Брюки штатского образца, из той же ткани, заправлены с напуском в очень мягкие шевровые сапоги с тонкой подошвой, почти без каблуков. Иногда носил такие же навыпуск. В годы войны часто был в маршальской форме...

Между прочим, интересная черта была у Сталина: когда он сердился, то поднимался со стула и, стоя, кого-нибудь отчитывал, накаляясь все больше и больше. Наконец раскуривал свою трубку, начинал ходить вдоль кабинета, постепенно успокаиваясь. Все знали: начал ходить – верный признак того, что гроза миновала...

Я не помню, чтобы он когда-нибудь торопился. Вместе с тем по обсуждавшимся у него вопросам решения принимались немедленно, как говорится, не сходя с места, однако лишь после всестороннего обсуждения и обязательно с участием специалистов, мнение которых всегда выслушивалось внимательно и часто было решающим, даже если вначале и расходилось с точкой зрения самого Сталина. С ним можно было спорить. Изредка, если вопрос был сложный и требовал дополнительной подготовки, на доработку давалось не более двух-трех дней» [6.132].

Предоставим слово и его телохранителю: «...Сталин экономил во всем. Его с трудом уговаривали сшить что-то новое. Например, летнее пальто. Ботинки носил до последней возможности. Другие одевать отказывался якобы из-за больных ног. Своих детей тоже не баловал роскошью. Наверное, желая угодить, Власик дал Светлане отдельную дачу, пустующую тогда. Познав об этом, Сталин сказал: «Власик, не надо беззаконничать. Она кто? Член Политбюро? Член ЦК? Освободите дачу и дайте ей место, где живут все» [6.133].

Лион Фейхтвангер, посетивший Москву в 1937 году, вспоминает о встрече со Сталиным: «На портретах Сталин производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. В жизни он скорее небольшого роста, худощав. В просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен.

Говорил медленно, тихим, немного глухим голосом. Он не любил диалогов с короткими, взволнованными вопросами, ответами, отступлениями. Сталин предпочитал им медленные, обдуманные фразы. Говорит он очень отчетливо, иногда так, как если бы он диктовал... Сталин умеет даже сложные мысли выражать просто.

...Он чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты всегда правильно... Мы говорили о свободе печати, о демократии, об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблонам партийного лексикона. Позднее я перестал чувствовать в нем партийного руководителя. Не всегда соглашаясь со мной, он все время оставался глубоким, умным, вдумчивым...» [6.134].

Думается, что приведенные здесь отрывки из воспоминаний разных авторов позволяют создать общие контуры живого портрета И. Сталина как человека незаурядного, требовательного, разносторонне подготовленного и сильного. В годы Отечественной войны необходимо было мобилизовать все силы и умение народов страны на то, чтобы остановить, а затем – выгнать захватчиков. Опираясь на преимущества государственной собственности, приходилось быстро маневрировать огромными по своим масштабам человеческими, материальными и финансовыми ресурсами. Не просто было организовать и отладить достаточно четко функционирующую военную экономику, оснастить армию современным оружием и привести страну к трудной, но очень нужной для всех Победе. Чтобы успешно управлять всеми этими процессами, потребовался лидер умный, волевой, работоспособный. Таким лидером стал Сталин,

который, конечно, имел и свои недостатки и совершал ошибки. Но победителей, как известно, не судят, тем более, что он не только привел страну к Победе, но и подготовил ее к первому крупному конфликту в холодной войне – Карибскому кризису...

Однако есть и другая поговорка: у всякого правила имеются свои исключения. Дело в том, что некоторые ошибки – это не только неправильный шаг или неверное решение, которые встречаются у каждого. В данном случае речь идет об опасных капканах, в которые попадают не отдельные люди, а вся страна. Поэтому такие ошибки нельзя скрывать. На них нужно учиться, чтобы не повторять их снова и снова.

В книге 3 уже отмечалось, что в тридцатые годы Сталин нарушил установку Ленина на то, что отношения с крестьянством нужно строить на основах взаимной выгоды, заинтересованности и доверия. Вместо этого он вернулся к продразверстке в ее худших формах. Это была грубая стратегическая ошибка, плачевные последствия которой сохраняются до сих пор...

После войны появились новые ошибки-капканы многоразового использования. Первая – формирование Сталиным в послевоенный период особой, довольно широкой «элитной» группы людей, своеобразных «новых дворян», которые должны были служить ему социальной и политической точкой опоры в неустойчивой обстановке, которая по ряду причин начала понемногу проявляться после войны.

Сначала по его инициативе выделили крупные земельные участки для полковников и генералов, которые выходили в отставку. Затем дачи, премии, ордена и другие почести и привилегии стали получать люди талантливые и не очень из числа политиков, писателей, ученых, работников искусств, лично преданных ему. К сожалению, некоторые из них активно включились в процесс формирования другой опасной ошибки – создания культа личности, обратной стороной которого стали консервация творчества и мысли, догматизм, торможение всего нового, особенно в социальных науках. Все это способствовало распространению массовой лжи и двойственности, разрыву между словом и делом.

«Развитие науки, – подчеркивает известный физик С. Фриш, – это продвижение в новую, неизвестную область, прокладывание путей в страну, где дорог еще нет. Успех на этом пути немыслим, если придерживаться догматических положений, какими бы общими и очевидными они ни казались. Это признавал на словах и Сталин. Но вопреки его словам, в ряде научных направлений

воцарились предвзятые идеи, отказ от которых превращался в политическое преступление со всеми вытекающими отсюда последствиями... Я думаю, что в поисках нового между представителями гуманитарных и естественных наук нет принципиальной разницы. Догматизм повсюду страшен» [6.135].

В социальной системе, особенно в сфере руководства и управления на всех этажах власти, росло число и увеличивался удельный вес циников-карьеристов. Для них государственные интересы и проблемы национальной безопасности отодвинулись куда-то на задний план. Вперед выдвинулись личная выгода и привилегии, жажда власти над людьми, большой или хотя бы какой-нибудь. В таких условиях вся социально-экономическая система продолжала двигаться по инерции вперед, но все медленнее и медленнее. Нарастали внутренние напряжения и противоречия, что ослабляло и постепенно разрушало экономику и общество в целом.

7. Население России далеко не все знало и понимало, что происходило в стране и за ее пределами. Оно радовалось Победе над Германией, наступившей тишине мирной обстановки. Жизнь налаживалась. Каждый строил свои планы, многие создавали молодые семьи, хотя возраст новобрачных нередко превышал 30 лет.

Динамика рождаемости, смертности и прироста населения в СССР [6.136]
на тысячу человек населения

	1940	**1950**
Рождаемость	31,3	26,7
Смертность	18,1	9,7
Прирост населения	13,2	17,6

Несмотря на некоторое снижение рождаемости в 1950 году по сравнению с довоенными показателями, прирост населения в послевоенный период увеличился. Это, в свою очередь, связано с почти двукратным сокращением смертности: несколько улучшились условия жизни, расширилась и повысила свою эффективность система здравоохранения, хотя она не всегда могла справиться со слишком тяжелыми последствиями военного времени.

Национальный доход страны, объем которого по сравнению с довоенным уровнем снизился к концу войны до 83 %, в 1950 году превысил его на 64 %. Однако в фонд потребления из этого прироста попало немного. Во-первых, восстановление народного хозяйства и социальной инфраструктуры потребовало увеличить масштабы капитальных вложений в 2,1 раза, то есть увеличить

долю накоплений и, соответственно, сократить фонды потребления. Во-вторых, вызванная холодной войной напряженная гонка в создании нового поколения дорогостоящих видов вооружений также отрицательно сказалась на размерах фонда потребления. Дело в том, что объем национального дохода в расчете на душу населения СССР в то время был в 3–4 раза меньше, чем в США. В таких условиях догонять лидера по производству атомных бомб и других сложных видов вооружений было очень трудно. Прежде всего потребовались крупные финансовые затраты за счет того же относительно небольшого прироста национального дохода. Поэтому повышение материального благосостояния населения происходило относительно медленно даже по сравнению с довоенными параметрами.

Так, средняя номинальная заработная плата рабочих и служащих в течение десятилетнего периода (1941–1950) возросла с 33,1 до 64,2 рублей в месяц, то есть на 94 %[6.137]. За это же время розничные цены в государственной и кооперативной торговле увеличились на 86 %, на колхозных рынках – на 4 %[6.138]. Иными словами, реальная зарплата этой части населения повысилась лишь на 5–7 %, то есть в пределах точности определения таких параметров.

Заметно больший прирост за тот же период отмечен в фондах общественного потребления, прежде всего, в расходах на развитие системы образования и здравоохранения – руководство страны понимало, что квалификация работников и их здоровье непосредственно влияют на экономическую мощь и темпы роста страны. Напомню, что расходы на просвещение из государственного бюджета в 1950 году превышали расходы 1940 года по этой же статье в 2,5 раза, расходы на развитие здравоохранения – в 2,4 раза[6.139].

С помощью государственных финансов в течение пятилетки удалось восстановить контингент учащихся на уровне довоенного 1940/41 учебного года.

Численность учащихся по всем видам обучения [6.140]

млн. человек

	1940/41	1950/51
Общеобразовательные школы	35,5	34,8
Училища подготовки трудовых резервов	0,7	0,9
Техникумы	1,0	1,3
Вузы	0,8	1,2
Всего	38,0	38,2

В общеобразовательных школах отмечено некоторое сокращение количества учеников, связанное с сокращением рождаемости в годы войны. Однако этот небольшой спад перекрывался набором в техникумы и вузы, в том числе демобилизованных ребят, многие из которых уже выросли из студенческого возраста. Характерен также большой прирост в народном хозяйстве числа специалистов с высшим и средним специальным образованием: с 2, 4 млн. на начало 1941 года до 5,1 млн. человек к середине 1955 года.

Заметно расширила свой потенциал наука: число исследовательских учреждений возросло с 1,8 тыс. (конец 1940 г.) до 2,8 тыс. в конце 1950 года. При этом численность научных работников, занятых в НИИ и вузах, увеличилось в 1,6 раза [6.141]. Показательно также, что сразу же после войны резко повысилась зарплата ученых – кандидатов и докторов наук, занятых в различных областях народного хозяйства. Повысились значимость и авторитет исследователей как первопроходцев, открывающих неизведанные ранее пласты знаний в различных сферах жизнедеятельности людей.

В послевоенный период особое внимание уделялось улучшению *медицинского обслуживания населения*. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные:

Число врачей и больничных коек в СССР [6.142]
на конец года, в расчете на 10 тыс. населения

	1940	1950
Врачи	7	14
Больничные койки	40	56

По этим показателям Советский Союз превзошел развитые капиталистические страны, но и обстановка в стране была намного сложнее, чем у них, – сказывались последствия хронического недоедания миллионов людей, чрезмерно напряженного труда, ранений и увечий участников войны.

Одним из условий улучшения качества жизни населения в послевоенный период было *интенсивное жилищное строительство*. Всего в течение четвертой пятилетки удалось ввести в эксплуатацию 102,8 млн. кв. метров жилья, то есть на 22 процента больше, чем за вторую и три с половиной года третьей пятилетки вместе взятых. Стоит отметить, что 30,4 процента – почти одна треть нового жилья была построена городским населением за свой счет, иногда с помощью государственного кредита [6.143]. В 1950 году весь городской жилищный фонд расширился до 513 тыс. кв. метров против 421 тыс. в 1940 году.

О том, что жизнь в послевоенной России постепенно налаживалась, лучше всего свидетельствует повышение к концу четвертой пятилетки уровня ожидаемой продолжительности жизни до 51 года у мужчин и почти до 60 лет – у женщин (против соответственно 47 и 50 лет накануне войны).

Начался также заметный рост численности всего населения.

Численность населения СССР [6.144]

млн. человек

1946	1947	1948	1949	1950
170,6	172,1	173,7	176,0	178,5

Заметные колебания прироста численности населения страны в отдельные годы объясняются тем, что, несмотря на высокие коэффициенты рождаемости (в этот период они колебались от 26 до 31 %), сохранялся высокий уровень смертности, особенно среди тех, кто на пределе сил выдержал перегрузки и неурядицы военных лет. Они не прошли для них бесследно. В годы, когда, как казалось, все плохое уже позади, многие болезни, о которых люди даже не подозревали или не обращали на них внимания, вылезли наружу.

Анализ заболеваний среди взрослого населения СССР в 1946–1950 годах показал, что наиболее распространенными причинами смертности среди этой группы людей выступали: туберкулез легких, желудочно-кишечные расстройства, болезни сердца. Так, в 1949 году доля умерших от болезней сердца составила 13,5 %, от воспаления легких – 12,5 %, от туберкулеза – 14,5 %, от желудочных заболеваний – 9,5 %, онкологических болезней – 9,5 %. В 1950 году соответственно 13,5 %, 13,3 %, 12,3 %, 11,4 %, 10,1 % [6.145].

Думается, что эти цифры, как добавление ко всему сказанному выступают еще одним фактом, который объясняет, почему многие люди, пережившие войну, вспоминают те годы со слезами на глазах.

Примечания

Введение

1. Гальдер Ф. Военный дневник, 1939-1940. М., 2002. С. 45, 47.
2. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. 1999. С. 331.
3. Горьков Ю. Кремль, ставка, генштаб. Тверь, 1985. С. 18.

Глава 1

1.1 Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 20.
1.2. Горьков Ю. Кремль, ставка, генштаб. Тверь, 1995. С. 304.
1.3. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 38-51.
1.4. XVIII съезд ВКП(б): стенографический отчет. М., 1939. С. 204.
1.5. Тайны и уроки зимней войны 1939-1940. СПб., 2000.
1.6. Энциклопедия третьего рейха. М., 1996. С. 525.
1.7. C . Spree R. Geschichte der deutschen Wirtschaft in 20, Yahrhundert. Munchen, 2001. S. 148-149.
1.8. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 1. С. 105.
1.9. Auslandische Beteiligungen an westdeutschen Unternehmungen. Berlin, 1951. S. 5, 12.
1.10. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 1. С. 67.
1.11. Hans Ullmann. Interessenverbande in Deutschland. Frankfurt am Main, 1988. S. 182.
1.12. Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 283.
1.13. Bolcke W. Die Kosten von Hitlers Krieg. Paderborn, 1985. S. 7-8.
1.14. Промышленность СССР. М., 1957; Народное хозяйство СССР в 1941-1945 гг. М., 1990; Вознесенский Н. Избранные произведения. М., 1979. С 530; Stat. Yahrbuch 1939/1940. S. 115 und andere.
1.15. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 315.
1.16. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 22-28.
1.17. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 324.
1.18. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 29.
1.19. Урок дает история. М., 1989. С. 272-273.
1.20. Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 1. С. 140-141.
1.21. Там же. С. 104-105.

1.22. Канун и начало войны. Л., 1991. С. 146-147.
1.23. Gitta Sereny. Albert Speer. Munchen, 1995. S. 245.
1.24. Россия XX век: документы, 1941. М., 1998. Т. 1. С. 45.
1.25. Там же. С. 81.
1.26. Там же. Т. 1. С. 76-77.
1.27. Яковлев А. Цель жизни, записки авиаконструктора. М., 1987. С. 245.
1.28. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 359-361.
1.29. Там же. С. 352.
1.30. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 32.
1.31. Гальдер Ф. Военный дневник, 1938-1940. М., 2002. С. 611-612.
1.32. Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1999. С. 803.
1.33. История второй мировой войны 1939-1945. М., 1974. С. 231 и сл.
1.34. Совершенно секретно! Только для командования: документы и материалы. М., 1967. С. 140-150.
1.35. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1, С. 353-354.
1.36. Там же. С. 363-364.
1.37. Там же. С. 365.
1.38. Канун и начало войны. Документы и факты. М., 1991. С. 318-319.
1.39. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 346.
1.40. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 36-37.
1.41. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 366.
1.42. Там же. Т. 2. С. 8-10.
1.43. Россия XX век: документы. М., 1998. Т. 2. С. 496.
1.44. Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война. М., 1999. С. 183.
1.45. Россия XX век: документы. М., 1998. Т. 2. С. 497.
1.46. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 40.
1.47. Колотов В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976. С. 259-260.
1.48. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Кн. 1. С. 76.
1.49. Военно-исторический журнал. 1961. № 6. С. 66.
1.50. История государства и права СССР. М., 1986. Ч. 2. С. 351.
1.51. Устинов Д. Во имя победы. М., 1988. С. 127.
1.52. С. Гинзбург. О прошлом для будущего. М., 1983. С. 221-222.
1.53. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 42.
1.54. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 97-99.
1.55. Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 208.
1.56. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 14-16.

1.57. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 гг. М., 1998. С. 140, 147.
1.58. Там же. С. 142.
1.59. Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1994. С. 170-171.
1.60. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 20-22.
1.61. Там же. С. 23-24.
1.62. Там же. С. 227-228.
1.63. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 2. С. 169-172.
1.64. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 208.
1.65. Там же. С. 233-234.
1.66. Смеляков Н. Уроки жизни. М., 1988. С. 37 и 38.
1.67. Патоличев Н. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 130.
1.68. Макаров А. Полвека ярославскому каучуку. Ярославль, 1982. С. 82-83.
1.69. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 2. С. 147-148.
1.70. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 42.
1.71. С. Гинзбург. О прошлом для будущего. М., С. 253.
1.72. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 2. С. 161.
1.73. Там же. С. 43.

Глава 2

2.01. Смеляков Н. Уроки жизни. М., 1988. М., С: 52-53.
2.02. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: Статистический сборник. М., 1990. С. 53.
2.03. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 3. С. 151.
2.04. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: Статистический сборник. М., 1990. С. 5 и 53; История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 3. С. 189.
2.05. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 73-74.
2.06. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 53.
2.07. Там же. С. 64.
2.08. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 63.
2.09. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 3. С. 154.
2.10. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 59-60.

2.11. Там же. С. 62.
2.12. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 54.
2.13. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 287 и сл.
2.14. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 55.
2.15. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 289.
2.16. Московский завод «Борец». М., 1972. С. 18.
2. 17. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 64.
2.18. Там же. С. 34.
2.19. Там же. С. 32.
2.20. Гл. 3 данной книги.
2.21. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 49.
2.22. Там же. С. 49.
2.23. Там же. С. 50.
2.24. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 46 и 47.
2.25. Там же. С. 51 и 52.
2.26. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 301.
2.27. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 20.
2.28. Загорулько М., Юденков А. Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 150.
2.29. Там же. С. 224.
2.30. Промышленность СССР. М., 1957. С. 116; Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг. Пер. с нем. М., 1956. С. 243.
2.31. Загорулько М., Юденков А. Крах плана «Ольденбург». М., 1980. С. 227.
2.31. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой отечественной войны. М., 1985. С. 303 и сл.
2.32. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1990. С. 38, 45 и 51.
2.33 Statistisches Jahrbuch fur das Deusche Reich, 1941/42. Berlin. 1942. S. 67,* 68,* 79.*
2.34 Ломако П. Цветная металлургия в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 44 и 45.
2.35. Там же. С. 58.
2.36. Там же. С. 59.
2.37. Там же. С. 114.
2.38. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 3. С. 163.

Глава 3

3.01. Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг. Пер. с нем. М., 1956. С. 43.
3.02. Там же. С. 49 и 123.
3.03. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 37.
3.04. Там же. С. 37.
3.05. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 годы. М., 1996. С. 147.
3.06. Шахурин А. Крылья победы. М., 1983. С. 115 и 123.
3.07. Там же. С. 8.
3.08. Жуков Г. Воспоминания и размышления. М., 1978. С. 204 и 237.
3.09. Стефановский П. Триста неизвестных. М., 1968. С. 180 и 189.
3.10. Толивер Р.Ф., Констебль Т. Дж. Лучший ас второй мировой. М., 2000. С. 179 и 181.
3.11. Швабедиссен В. Сталинские соколы. Минск, 2001. С. 89.
3.12. Шахурин А. Крылья победы. М., 1983. С. 97-98.
3.13. Там же. С. 108.
3.14. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 15; Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг. Пер. с нем. М., 1956. С. 270.
3.15. Соболев Д. История самолетов 1919-1945. М., 1997. С. 218.
3.16. Виноградов Р. и Пономарев А. Развитие самолетов мира. М., 1991, С. 148.
3.17. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 15. С. 15.
3.18. Шавров В. История конструкций самолетов в СССР. М., 1988. С. 65.
3.19. Виноградов Р. и Пономарев А. Развитие самолетов мира. М., 1991. С. 153.
3.20. Шахурин А. Крылья победы. М., 1983. С. 53.
3.21. Шавров В. История конструкций самолетов в СССР. М., 1988. С. 53.
3.22. Яковлев А. Цель жизни. М., 1987. С. 166-167.
3.23. Там же. С. 167.
3.24. Шавров В. История конструкций самолетов в СССР. М., 1988. С. 66-67.
3.25. Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг. Пер. с нем. М., 1956. С 116.
3.26. Виноградов Р. и Пономарев А. Развитие самолетов мира. М., 1991. С. 151.
3.27. Соболев Д. История самолетов 1919-1945. М., 1997. С. 247.
3.28. Там же. С. 270.
3.29. Шавров В. История конструкций самолетов в СССР. М., 1988. С. 176-177.
3.30. Шахурин А. Крылья победы. М., 1983. С. 224-225.
3.31. Шавров В. История конструкций самолетов в СССР. М., 1988. С. 192-195.

3.32. Ригмант В. «ТБ-7, Бомбардировщик Пе-8». Авиация и Космонавтика. 2002, № 5-6.
3.33. Чутко И. Мост через время. М., 1989. С. 7-140.
3.34. Кузьмина Л. Конструктор Сухой. М., 1993. С. 48.
3.35. Там же. С. 59.
3.36. Там же. С. 69.
3.37. Чуев Ф. Ильюшин. М., 1998. С. 121.
3.38. Там же. С. 121.
3.39. Виноградов Р. и Пономарев А. Развитие самолетов мира. М., 1991. С. 161.
3.40. Оружие победы. М., 1987. С. 209.
3.41. Попель Н. В тяжкую пору. М., 2001. Приложение № 3. С. 471.
3.42. Россия и СССР в войнах XX века, потери вооруженных сил. М., 2001. С. 221.
3.43. Оружие победы. М., 1987. С. 209.
3.44. Попель Н. В тяжкую пору. М., 2001. С. 82-86.
3.45. Рокоссовский К. Солдатский долг. М., 1997. С. 44-45.
3.46. Россия и СССР в войнах XX века, потери вооруженных сил. М., 2001. С. 250.
3.47. Рокоссовский К. Солдатский долг. М., 1997. С. 45.
3.48. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 годы. М., 1996. С. 144.
3.49. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 115.
3.50. Оружие победы. М., 1987. С. 213.
3.51. Танки второй мировой войны. Минск, 1997. С. 41-43, 235-237.
3.52. Энциклопедия танков, Минск, 1998, с. 261.
3.53. Неизвестный Т-34. М., 2001. С. 30-31.
3.54. Мелентин Ф. Танковые сражения, М. 1998, с. 196.
3.55. Неизвестный Т-34. М., 2001. С. 38-40.
3.56. Чалмаев В. Малышев. М., 1978. С. 266.
3.57. Там же. С. 278.
3.58. Неизвестный Т-34. М., 2001. С. 61.
3.59. Патоличев Н. Испытание на зрелость. М., 1977. С. 251-252.
3.60. Неизвестный Т-34. М., 2001. С. 54.
3.61. Карпенко А. Обозрение отечественной бронетанковой техники. СПб., 1996. С. 243-251.
3.62. Энциклопедия танков. Минск, 1998. С. 275.
3.63. Желтов И., Сергеев А. Танки ИС. М., 2001. С. 14.
3.64. Там же. С. 13.
3.65. Меллентин Ф. Танковые сражения. М., 1998. С. 365.
3.66. Оружие победы. М., 1987. С. 75.
3.67. Бог войны. М., 1979. С. 38.
3.68. Устинов Д. Во имя Победы. М., 1988. С. 159-163.
3.69. Грабин В. Оружие Победы. М., 2000. С. 500.

3.70. Там же. С. 525.
3.71. Там же. С. 511-512.
3.72. Устинов Д. Во имя Победы. М., 1988. С. 104.
3.73. Энциклопедия Отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 475.
3.74. Грабин В. Оружие Победы. М., 2000. С. 519-520.
3.75. Там же. С. 530.
3.76. Товарищ завод. Нижний Новгород, 1992. С. 107.
3.77. Грабин В. Оружие Победы. М., 2000. С. 535-538.
3.78. Энциклопедия Отечественной артиллерии. Минск, 2000. С. 475.
3.79. Артиллерия и минометы XX века. Смоленск, 2001. С. 106.
3.80. Там же. С. 105.
3.81. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974. Т. 2. С. 126.
3.82. Промышленность Германии в период войны 1939-1945 гг. Пер. с нем. М., 1956. С. 270.
3.83. Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 268.
3.84. Оружие победы. М., 1987. С. 127.
3.85. Там же. С. 164-165.
3.86. Артиллерия и минометы XX века. Смоленск, 2001. С. 122-124.
3.87. Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 92.
3.88. Оружие победы. М., 1987. С. 252.
3.89. Там же. С. 278-279.
3.90. Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 273
3.91. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 годы. М.. 1996. С. 123.
3.92. Там же. С. 129.
3.93. Там же. С. 141-144.
3. 94. Оружие победы. М., 1987. С. 444.
3. 95. Вернидуб И. Боеприпасы Победы. М., 1998. С. 35.
3. 96. Там же. С. 37.
3.97. Там же. С. 41.
3.98. Там же. С. 41.
3.99. Оружие победы. М., 1987. С. 448.
3.100. Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 295.
3.101. Там же. С. 453.
3.102. Оружие победы. М., 1987. С. 476.

Глава 4

4.01. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. М., 1997. С. 29, 82, 96.
4.02. История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1961. Т. 3. С. 187.
4.03. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 386.
4.04. Меллентин Ф. Танковые сражения, 1939-1945. М., 1956. С. 205.
4.05. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С. 82.
4,06. Там же. Т. 2. С. 243.
4.07. Там же. Т. 2. С. 247.

4.08. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: Статистический сборник. М., 1990. С. 121.
4.09. Там же. С. 124.
4.10. Советский тыл в 1942-1943 гг. М., 1989. С. 120.
4,11. Там же. С. 115.
4.12. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 84 и 118, 93 и 95.
4.13. Там же. С. 122.
4.14. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 385.
4.15. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 94.
4.16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., Т. 3. С. 97-98.
4.17. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 83 и 95.
4.18. Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. М., 1977. С. 254.
4.19. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 401.
4.20. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 87.
4.21. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 390.
4.22. Там же. С. 398 и 401.
4.23. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 119 и 120.
4.24. Там же. С. 84.
4.25. Там же. С. 115.
4.26. Там же. С. 91.
4.27. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 291.
4.28. Там же. С. 292.
4.29. Зотов В. Пищевая промышленность Советского Союза. М., 1958. С. 85.
4.30. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 79.
4.31. Микоян А. Так было. М., 1959. С. 395.
4.32. Павлов Д. Стойкость. М., 1979. Часть первая: Хлеб и война. с. 36.
4.33. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 202-203.
4.34. Павлов Д. Стойкость. М., 1979. Часть первая: Хлеб и война. С. 33 и 58.
4.35. Там же. С. 62.
4.36. Там же. С. 90-91.
4.37. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 154.
4.38. Народное хозяйство СССР в 1956 г. М., 1957. С. 126; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 84.

4.39. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 91.
4.40. Там же. С. 79.
4.41. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 327.
4.42. Зотов В. Пищевая промышленность Советского Союза. М., 1958. С. 40.
4.43. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 294.
4.44. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 79, 91 и 93.
4.45. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 332.
4.46. Там же. С. 329.
4.47. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 79,91 и 93.
4.48. Там же. С. 108 и 175.
4.49. Павлов Д. Стойкость. М., 1979. Часть первая: Хлеб и война. С. 137.
4.50. Там же. С. 141-142.
4.51. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 289.
4.52. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 315-316.
4.53. Промышленность СССР. М., 1957. С. 36.
4.54. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 314-315.
4.55. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 75-77.
4.56. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 321.
4.57. Промышленность СССР. М., 1957. С. 343; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 77.
4.58. К 50-летию Победы в Великой отечественной войне: Статистический сборник. М., 1955. С. 28.
4.59. Локшин Э. Промышленность СССР, 1940-1963. М., 1964. С. 69.
4.60. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 78; Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 291.
4.61. Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1989. Т. 2. С. 294-295.
4.62. Там же. С. 296-299
4.63. Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 219, 236 и 245.
4.64. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С. 82.
4.65. Симонов К. 100 суток войны. М., 1999. С. 35-36.
4.66. Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 219, 236 и 245.
4.67. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 176.
4.68. Народное хозяйство СССР в 1956 году. М., 1957. С. 17; Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 229.

4.69. Труд в СССР. М., 1968. С. 137; Народное хозяйство СССР 1922-1982. М., 1982. С. 423; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 197.
4.70. Шахурин А. Крылья победы. М., 1983. С. 182.
4.71. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С. 108.

Глава 5

5.01. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 5.
5.02. Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 294.
5.03. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 29.
5.04. Там же. С. 215.
5.05 Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 306.
5.06. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 439.
5.07. Марьяхин Г. Налоги с населения СССР в период Великой Отечественной войны в кн. «Научные записки заочного финансово-экономического института». М., 1946. С. 77.
5.08. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 440.
5.09. Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 305.
5.10. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 435.
5.11. Там же. С. 436.
5.12. Финансы СССР за 30 лет. М., 1947. С. 310; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 215.
5.13. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 218.
5.14. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 434.
5.15. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 215.
5.16. В ознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 134.
5.17. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 37.
5.18. Зверев А. Записки министра. М., 1973. С. 203.
5.19. Козлов Г. Теория денег и обращения. М., 1946. С. 277 и 285.
5.20. Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 340.
5.21. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 446.

5.22. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 206.
5.23. Чадаев Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 436.
5.24. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 213.
5.25. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 460.
5.26. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 1995. С. 13.
5.27. Арутюнян Ю. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 353.
5.28. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 29; К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. М., 1970. С. 13.
5.29. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 126.
5.30. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 185.
5.31. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 388.
5.32. Там же. С. 390.
5.33. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 187.
5.34. Там же. С. 190.
5.35. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 42-43
5.36. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 392.
5.37. Арутюнян Ю. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 361.
5.38. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: Стат. сборник. М., 1995. С. 33 и 34.
5.39. Микоян А. Так было. М., 1999. С. 444, 443.
5.40. Арутюнян Ю. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 353.
5.41. К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: Стат. сборник. М., 1995. С. 36.
5.42. Там же. С. 34.
5.43. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 466.
5.44. Достижения советской власти за 40 лет в цифрах. М., 1957. С. 338.
5.45. Павлов Д. Стойкость. М., 1979. С. 194.
5.46. Столяров С. О ценах и ценообразовании в СССР. М., 1969. С. 119.
5.47. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 9-10.
5.48. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 193-194 и 198-199.

5.49. Там же. С. 195.
5.50. Павлов Д. Стойкость. М., 1979. С. 195.
5.51. Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 399.
5.52. Там же. С. 196.
5.53. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 73, Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 798.
5.54. История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 534.
5.55. Стеттинус Эд. Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 29.
5.56. Там же. С. 33.
5.57. Там же. С. 69.
5.58. Там же. С. 78.
5.59. Там же. С. 82.
5.60. Там же. С. 94.
5.61. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 169.
5.62. Фалин В. Второй фронт. М., 2000. С. 202.
5.63. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 171-172.
5.64. Там же. С. 175 и 176.
5.65. Советская внешняя политика в период Отечественной войны. М., 1947. С. 131-132.
5.66. Микоян А. Так было. М., 1990. С. 406.
5.67. Майский И. Воспоминания советского посла. М., 1973. С. 185-193.
5.68. Фалин В. Второй фронт. М., 2000. С. 252.

Глава 6

6.01. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 16.
6.02. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996. С. 192.
6.03. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 652.
6.04. The New York Times. 24. 06. 41.
6.05. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 664.
6.06. Иойрыш А. Бомба. М., 2002. С. 88-89.
6.07. Там же. С. 95, 97 и 241.
6.08. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 3. С. 589.
6.09. Там же. С. 574 и 449.
6.10. Greiner B, Steinhaus K. Auf dem Wege zum 3. Krieg. Koeln, 1981, S. 87.
6.11. Рузвельт Э. Его глазами. М., 2003. С. 268.
6.12. Greiner B., Steinhaus K. Auf dem Wege zum 3. Krieg. Koeln, 1981. S. 96-97.
6.13. Там же. С. 191 и сл.
6.14. Колотов В. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1976. С. 275.
6.15. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 380-381 и 560-571.

6.16. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е годы. М., 1996. С. 223.
6.17. История советского атомного проекта. М., 2002. С. 17 и 47.
6,18. Там же. С. 17.
6.19. Там же. С. 20 и 47.
6.20. Атомная отрасль России. М., 1998. С. 142.
6.21. Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 годы. М., 1996. С. 226.
6.22. Славский Е. Страницы жизни. М., 1998. С. 27.
6.23. Иойрыш А. Бомба. М., 2002. С. 127.
6.24. Там же. С. 223-226.
6.25. Быстрова И. ВПК в годы холодной войны. М., 2000. С. 72.
6.26. История советского атомного проекта. М., 2002. С. 37-40.
6.27. Там же. С. 140-141.
6.28. Стратегическое ядерное вооружение России. М., 1998. С. 63.
6.29. Виноградов Р. и Пономарев А. Развитие самолетов мира. М., 1991. С. 190-191.
6.30. Там же. С. 197-199.
6.31. Авиастроение России. М., 1995. С. 49-50
6.32. Реактивные самолеты. М., 2001. С. 215 и 216.
6.33. Советская военная мощь. М., 1999. С. 271.
6.34. Кузьмина Л. Конструктор Сухой. М., 1993. С. 82.
6.35. Авиастроение России. М., 1995. С. 45-46.
6.36. Советская военная мощь. М., 1999. С. 491.
6.37. Орлов А. Секретное оружие третьего райха. М., 1975. С. 16 и сл.
6.38. Там же. С. 80-81.
6.39. Голованов Г. Королев. М., 1994. С. 339.
6.40. Черток Б. Ракеты и люди, горячие дни холодной войны. М., 1997. С. 11 и др.
6.41. Голованов Г. Королев. М., 1994. С. 375-376.
6.42. Советская военная мощь. М., 1999. С. 213.
6.43. Атомная отрасль России. М., 1998. С. 192-193.
6. 44. Сталин И. Соч. М., 1997. Т. 16. С. 15-16.
6.45. Вознесенский Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 451-453 и 459.
6.46. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990. С. 5; Промышленность СССР. М., 1957. С. 34.
6,47. Промышленность СССР. М., 1957. С. 34.
6.48. Промышленность СССР. М., 1957. С. 35.
6.49. Там же. С. 133.
6.50. Там же. С. 140.
6.51. Горбатов А. Годы и войны. М., 1980. С. 296-299.
6.52. Промышленность СССР. М., 1957. С. 142.
6.53. Там же. С. 153.
6.54. Байбаков Н. Дело жизни. М., 1984. С. 130.

6.55. Промышленность СССР. М., 1957. С. 171.
6.56. Там же. С. 20-21.
6.57. Там же. С. 22.
6.58. Капитальное строительство в СССР. М., 1961. С. 67.
6.59. История социалистической экономики СССР. М., 1980. С. 83.
6.60. Промышленность СССР. М., 1957. С. 106.
6.61. Там же. С. 106.
6.62. История социалистической экономики СССР. М., 1980. С. 89-90.
6.63. Промышленность СССР. М., 1957. С. 192-199.
6.64. Советская военная мощь. М., 1999. С. 86.
6.65. Товарищ завод. Н. Новгород, 1992. С. 179-185.
6.66. Промышленность СССР. М., 1957. С. 40.
6.67. Там же. С. 41.
6.68. Там же. С. ?
6.69. Там же. С. 41-42.
6.70. История Коломенского завода. М., 1973. С. 224 и сл.
6.71. Промышленность СССР. М., 1957. С. 222.
6.72. Там же. С. 234.
6.73. Там же. С. 261, 278, 291, 312.
6.74. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С. 263.
6.75. Там же. С. 265.
6.76. Капитальное строительство в СССР. М., 1961. С. 152.
6.77. История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. С. 111-112.
6.78. Промышленность СССР. М., 1957. С. 228 и 230.
6.79. Плановое хозяйство. 1950. № 1. С. 54-55.
6.80. Об итогах выполнения четвертого пятилетнего плана СССР на 1946-1950 годы. М., 1951. С. 13.
6.81. Промышленность СССР. М., 1957. С. 183.
6.82. Там же. С. 192.
6.83. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 274.
6.84. Народное хозяйство за 60 лет. М., 1977. С. 272, 274.
6.85. Хрестоматия по отечественной истории. М., 1996. С.39. (Из служебной записки начальника ЦСУ А. Микояну)
6.86. Хрестоматия по отечественной истории. М., 1996. С. 11-14. (Материалы МГБ)
6.87. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С. 348.
6.88. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 561-562.
6.89. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 272, 274.
6.90. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 273, 276 и 277.
6.91. Народное хозяйство СССР 1922-1972. М., 1972. С. 256; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 273.

6.92. Народное хозяйство СССР 1922-1972. М., 1972. С. 258.
6.93. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 336-339.
6.94. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 286.
6.95. Промышленность СССР. М., 1957. С. 371-372.
6.96. Об итогах выполнения четвертого пятилетнего плана СССР. М., 1951. С. 10.
6.97. Хрестоматия по отечественной истории. М., 1996. С.40-41. (Из служебной записки начальника ЦСУ А. Микояну)
6.98. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 366.
6.99. Промышленность СССР. М., 1957. С. 323; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 363, 364.
6.100. Зверев А. Записки министра. М., 1973. С. 231-232.
6.101. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3. С. 327-328.
6.102. История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. С. 152.
6.103. История ценообразования в СССР, 1941-1955. М., 1975. С. 57-58.
6.104. Хрестоматия по отечественной истории. М., 1996. С. 15. (Из докладной записки А. Зверева правительству)
6.105. Труд в СССР: Стат. сборник. М., 1968. С. 81 и 137.
6.106. ЦПА, Ф. 17, оп. 135, ед. хр. 9, с. 22.
6.107. ЦПА, Ф. 17, оп. 135, ед. хр. 10, с.7.
6.108. Там же. С. 33.
6.109. Там же. С. 77.
6.110. История ценообразования в СССР, 1941-1955. М., 1975. С. 16.
6.111. Промышленность СССР. М., 1957. С. 25 и 29; История социалистической экономики СССР. М., 1980. Т. 6. С. 47-78.
6.112. История ценообразования в СССР, 1941-1955. М., 1975. С. 16.
6.113. Там же. С. 841-842.
6.114. Там же. С. 836-838.
6.115. Зверев А. Записки министра. М., 1973. С. 235.
6.116. Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 407, 433, 434.
6.117. Капитальное строительство в СССР: Стат. сборник. М., 1961. С. 17-18.
6.118. Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 425.
6.119. Народное хозяйство СССР, 1922-1972. М., 1972. С. 448-453.
6.120. Плотников К. Очерки истории бюджета советского государства. М., 1954. С. 377, 379.
6.121. Там же. С. 382.
6.122. Народное хозяйство СССР, 1922-1972. М., 1972. С. 389.
6.123. Там же. С. 391.
6.124. Иоффе Я. Мы и планета. М., 1985. С. 179-181.
6.125. Корниенко Г. Холодная война. М., 2001. С. 38-51.

6.126. Там же. С. 52.
6.127. Быстрова И. Военно-промышленный комплекс в годы холодной войны. М., 2000. С. 72.
6.128. Микоян А. Так было. М., 1999. С. 574.
6.129. Чуев Ф. Несписочный маршал. М., 1995. С. 24.
6.130. Василевский А. Дело всей жизни. М., 1974. с. 126-127.
6.131. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 242 и 297.
6.132. Яковлев А. Цель жизни. М., 1987. С. 397-399.
6.133. Рыбин А. Рядом со Сталиным. М., 1992. С. 8.
6.134. Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 1937. С. 84-86.
6.135. Фриш С. Сквозь призму времени. М., 1992. С. 405-406.
6.136 Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 32-34.
6.137. 60 победных лет, цифры и факты. М., 1977. С. 135.
6.138. История ценообразования в СССР, 1941-1945. М., 1975. С. 16.
6.139. Народное хозяйство СССР в 1958 году. М., 1959. С. 900.
6.140. Там же. С. 806-807.
6.141. Там же. С. 842-843.
6.142. Там же. С. 876.
6.143. Народное хозяйство СССР в 1960 году. М., 1961. С. 611.
6.144. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С.134; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 5.
6.145. Население России в XX веке. М., 2001. Т. 2. С. 347.

Научное издание

Белоусов Рэм Александрович

Экономическая история России: XX век

Книга IV

Экономика России в условиях «горячей» и «холодной» войн

Книга издается в авторской редакции

Подписано в печать 05.02.04. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26. Тираж 3000 экз.
Заказ № 9552

Издательство по Атомной науке и технике ИздАТ
Международной Ассоциации Союзов «Чернобыль-Атом»
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46: тел. 190 9097

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6